Vozrozhdenie Revoliutsionizma v Russii

Изданіе революц.-соціалистич. группы «Свобода».

ВОЗРОЖДЕНІЕ

РЕВОЛЮЦІОНИЗМА въ РОССІИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,

ДОПОЛНЕННОЕ ПРИМѢЧАНІЯМИ И СТАТЬЯМИ.

Если царство въ оковахъ уснетъ
И услышитъ свободы набатъ, —
Пусть меня тираннія клянетъ:
То мои ополченцы звонятъ,

. . . .

Не подамся я шага назадъ,
Закалилъ меня бой вѣковой!...
Умирать за свободу я радъ, —
Пролетарій, трибунъ и герой!...

(Борецъ за свободу, М. Д. Позднякова).

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе ко II-ому изданію I - VI
Возрожденіе революціонизма въ Россіи 1 - 91

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. О либерализмѣ вообще и о дебютахъ гг. Струве въ частности 1 - 44
2. Русское простофильство и европейское менторство 45 - 72
3. О террорѣ 73 - 112
4. Безъ адрессовъ и по адрессамъ 113 - 127

1903.

Типографія „Свободы".

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Послѣ выхода 1-го изданія „Возрожденія революціонизма въ Россіи“ насъ неоднократно спрашивали: въ чемъ же собственно авторы его видятъ это возрожденіе — не въ усиленіи ли террористическихъ тенденцій въ революціонной средѣ? На этотъ вопросъ намъ приходилось и теперь приходится отвѣчать отрицательно. „Революціонизмъ“ и „терроризмъ“ — вовсе не синонимы. Терроръ — одно изъ средствъ борьбы, абсолютно необходимое при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но ни признаніемъ его, ни отрицаніемъ нельзя измѣрять возрожденіе или упадокъ общественныхъ силъ. Террористическія стремленія могутъ развиваться и въ свѣтлые моменты подъема общественной энергіи, и въ мрачные дни всеобщаго разложенія. Примѣромъ съ одной стороны можетъ служить конецъ 70-ыхъ годовъ, а съ другой — конецъ 80-ыхъ. Въ первомъ случаѣ терроръ Народной Воли (1877-1883 г.г.) совпадаетъ съ возрожденіемъ революціонизма, временно загасшаго послѣ крушенія народничества, во второмъ случаѣ террористическія тенденціи развиваются въ подавленной и угнетенной атмосферѣ и черпаютъ для себя силу въ отчаяніи.

Такимъ образомъ было бы очень опрометчиво констатировать фактъ роста террористическихъ тенденцій и затѣмъ безъ дальнѣйшаго анализа выдвинуть его, какъ самый достовѣрный признакъ возрожденія революціонизма. Мы этого не дѣлали. Мы понимали это возрожденіе гораздо шире: по нашему мнѣнію оно заключалось, во первыхъ, въ коренныхъ измѣненіяхъ общественной среды, революціонизирующихъ всю жизнь, во вторыхъ, въ очень существенномъ измѣненіи типа революціонера изъ интеллигенціи.

Эпоха 70-ыхъ годовъ явила собой рѣдкій, чтобы не сказать исключительный, въ міровой исторіи примѣръ скопленія всей революціонной энергіи, сосредоточенія всей революціонной дѣятельности въ очень небольшой сферѣ идеалистической интеллигенціи. Широкіе народные слои жили совсѣмъ особой жизнью и по типу, и по характеру — жизнью, мало проникнутой революціонизмомъ. Нѣтъ словъ, что атмосфера, созданная и создаваемая царской властью, не удовлетворяла никого — ни крестьянъ, ни рабочихъ, ни мелкое городское мѣщанство, ни либерально-

буржуазную интеллигенцію; всѣ искали изъ нея выхода въ иныя формы быта, но это исканіе слишкомъ мало было проникнуто сознаніемъ необходимости коренной ломки вещей. Еще наканунѣ произошла такого рода ломка: паденіе крѣпостного права. Все народное самосознаніе до 60-хъ годовъ упорно и въ высшей степени революціонно работало надъ вопросомъ о разрушеніи рабскихъ цѣпей, народомъ была развита громадная энергія мысли, чувство возмущенія окружающимъ и жажда новаго были напряжены до послѣдней степени. Явилось это новое не въ томъ видѣ, въ какомъ его ждалъ народъ, и оно сразу же возбудило недовольство и силъ, сформировавшихся въ старомъ рабскомъ строѣ — рвавшихся изъ него на свободу, — и силъ, порожденныхъ и начавшихъ выростать на почвѣ измѣнившихся въ корнѣ условій русской жизни. Былъ одинъ моментъ — это первые нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія —, когда крестьяне рядомъ бунтовъ выразили свое недовольство дѣятельностью Александра II, но вскорѣ же ихъ втянулъ въ себя кругъ измѣнившихся пореформенныхъ условій такимъ образомъ, что всѣ ихъ мысли сосредоточились на томъ, какъ бы получше приладиться къ этимъ условіямъ, обмять въ нихъ для себя мало-мальски человѣческую берлогу. Съ одной стороны надо было, чтобы крестьянинъ оріентировался всесторонне въ новомъ строѣ жизни и проникся безповоротнымъ убѣжденіемъ, что этотъ строй ему такъ же мало даетъ, какъ и крѣпостническій; съ другой стороны, — чтобы онъ потерялъ вѣру въ дальнѣйшую реформаторскую дѣятельность царя и сталъ лицомъ къ лицу съ истинной сущностью самодержавія — только тогда въ немъ сталъ бы развиваться революціонизмъ. Втеченіе 70 — 90-ыхъ годовъ какъ разъ и шла такая работа самосознанія въ крестьянствѣ, ведя его съ логической необходимостью и какъ бы по наклонной плоскости къ революціонизму. Послѣдняго, говоримъ, еще не было, когда единоборствовала съ царемъ интеллигенція, онъ только развивался.

Что касается новой, рабочей среды, то она только что появилась на свѣтъ, не успѣла еще отдать себѣ хотя сколько нибудь полный отчетъ въ характерѣ своей жизни, не успѣла выработаться, какъ особый элементъ русской дѣйствительности, и встать въ полное противорѣчіе со всей царской политикой. Люди еще опредѣляли сами себя, знакомились сами съ собой, искали выходовъ въ разнаго рода частныхъ сферахъ и приспособленіяхъ къ новымъ обстоятельствамъ — при такихъ условіяхъ могъ лишь *зарождаться* революціонизмъ, но не выступать въ полной своей силѣ и значеніи.

Къ 90-ымъ годамъ новыя формы экономическаго быта успѣли пріобрѣсти устойчивость и постоянный характеръ, ясно отдѣлились другъ отъ друга рудименты крѣпостничества и институты современнаго положенія вещей, отчетливо опредѣлилось все то, что порождается царизмомъ, стали быстро изсякать надежды на него, еще быстрѣе стали происходить столкновенія съ нимъ — и въ результатѣ мы имѣемъ крайне рѣшительный ростъ революціонизма въ массахъ, и деревенскихъ, и городскихъ. И этотъ ростъ — конечно, беря его, какъ голый фактъ, и не анализируя качественнаго состава — можетъ быть поставленъ въ параллель лишь съ тѣмъ возбужденіемъ, которое переживалъ народъ наканунѣ 60-ыхъ годовъ, когда на горизонтѣ русской жизни ясно обрисовывался народъ-революціонеръ, которому должна была не въ той, такъ въ другой мѣрѣ уступить правительственная власть. Разсматривая народную жизнь съ этой точки зрѣнія, не въ правѣ ли мы сказать, что въ 90-ые годы произошло возрожденіе революціонизма въ Россіи?

Тотъ же самый вопросъ о возрожденіи по отношенію къ интеллигенціи, мы уже сказали, нами поставленъ въ зависимость отъ существенныхъ измѣненій въ типѣ революціонера.

Каковъ былъ этотъ типъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Прежде всего и больше всего это былъ школьникъ, учившійся или по книжкѣ, или по самой жизни, и послѣ всего и меньше всего строитель жизни, стремящійся вносить въ нее свое творчество. Къ нему были совсѣмъ непримѣнимы великія слова Бѣлинскаго: человѣкъ или живетъ въ настоящемъ, или не живетъ никогда. И если бы нашлось поле для приложенія этихъ словъ, то только въ изуродованномъ видѣ: къ оппортюнизму, къ жалкому преклоненію передъ сѣренькими фактами сѣренькой дѣйствительности...

А, между тѣмъ, „жить въ настоящемъ“ — это самая коренная черта революціонера, безъ которой немыслимо его существованіе. Нельзя сказать, чтобы мы жили внѣ времени и пространства: мы жили *около* настоящаго. Въ наши теоретическія построенія мы бирали матеріалъ изъ самой жизни, — въ этомъ и заключалась сила и правда нашего новаго міровоззрѣнія, но вотъ вопросъ: бирая *въ себя* для своихъ умозаключеній факты жизни, что мы давали *отъ себя* этой жизни? Пролетаріатъ, его міровая историческая миссія, его великое революціонное значеніе для Россіи — все это было для насъ магическими словами, „симъ побѣдиши“ въ борьбѣ съ народничествомъ. И поскольку дѣло касалось этой борьбы, въ нашихъ представленіяхъ и образахъ была полная ясность. Но стоило намъ сойти съ почвы борьбы съ народничествомъ, мы,

оставаясь сами съ собой и съ своими идеями, сейчасъ же теряли всю ихъ ясность. Пролетаріатъ являлся передъ нами уже въ образахъ, совершенно лишенныхъ живой плоти и крови, его историческая миссія и роль въ судьбахъ Россіи зіяла передъ нами пустой, мертвой формулой, которую мы никакъ не могли наполнить содержаніемъ изъ самой жизни. Всѣ наши построенія, въ высшей степени революціонныя въ теоріи, меньше всего были связаны съ вопросомъ о русской революціи. Прямо поставить себѣ такой вопросъ мы не рѣшались, боялись или, пожалуй, не боялись — это ощущеніе гораздо сложнѣе —, а не по насъ онъ былъ, не ко двору русской жизни. Малѣйшій намекъ на него, всякое рѣшительное „когда же и какъ" шокировало насъ, какъ неумѣстная фантазія. Мы можемъ и должны предвидѣть войну, но не въ состояніи предсказывать ея битвы и сраженія*) — вотъ какъ мы относились къ вопросу о русской революціи. Каковы элементы для ея совершенія — это мы могли достаточно точно развить, но сами мы были далеки отъ всякой революціи. Ростъ рабочей массы, входящей въ соприкосновеніе и столкновеніе съ такими то факторами русской жизни, приведетъ къ революціи — это намъ было доподлинно извѣстно, но слишкомъ слаба была наша собственная инидіатива, слишкомъ мало мы вносили въ жизнь революціонной творческой мысли. Да эта мысль и намъ самимъ была крайне неясна. Одни изъ насъ жили въ сферѣ отвлеченныхъ категорій, въ сферѣ представленій, никакъ не переходившихъ въ понятія, въ сферѣ идей, не пролагавшихъ себѣ дороги къ фактамъ. Сильные въ области абстракцій, мы совершенно пассовали передъ широтой практическихъ задачъ, вытекавшихъ изъ нашего міропониманія. Другіе изъ насъ денно и нощно поминали орла, которому приходится пониже куръ спускаться, и входя въ жизнь, дѣйствительно спускались, мало-по-малу совершенно забывая объ орлиной природѣ и засасываясь мелкими фактиками сѣренькой жизни... И тѣ, и другіе, повторяемъ, были лишены сильной вѣры въ творческую работу, не горѣли мыслью о революціи. И если одни ничего и не говорили о ней, а другіе говорили, то это не составляло между ними существенной разницы: резонерство есть только резонерство, и на почвѣ его никогда еще не выросталъ революціонизмъ.

Но вотъ года два-три тому назадъ положеніе вещей измѣнилось. Подъ напоромъ живой жизни проснулась революціонная мысль.

*) Заимствуемъ эту фразу у Каутскаго — написана она по совсѣмъ другому поводу.

Разгорѣвшаяся борьба пролетаріата конкретизировала всѣ отвлеченности, перевела представленія въ понятія, облекла идеи въ живую плоть и кровь фактовъ. То есть, точнѣе говоря, *начался* такой процессъ. Не фантазіей, не праздными мечтами стало уже думать о русской революціи и вносить широкій планъ въ дѣйствія, ведущія къ ней. Пробудилось страстное желаніе творить жизнь, а не учиться только. Появился типъ революціонера, „живущаго въ настоящемъ“ — ищущаго, по крайней мѣрѣ, всѣми фибрами души такую жизнь.

Наша брошюра была написана какъ разъ въ этотъ моментъ. Мы позволяемъ себѣ думать — на основаніи полученнаго нами ряда отзывовъ —, что она вѣрно отразила настроеніе того времени. Если бы намъ пришлось писать ее теперь, мы не написали бы ее такъ, какъ тогда. Вся она не столько разбираетъ вопросы, сколько передаетъ извѣстныя настроенія по поводу этихъ вопросовъ, набрасываетъ схемы новыхъ слагающихся мыслей. Именно такъ оно и происходило въ жизни. Ни одинъ изъ новыхъ очередныхъ вопросовъ не вставалъ въ то время въ ясныхъ очертаніяхъ, въ твердыхъ рѣшеніяхъ, въ детальномъ видѣ. На всемъ лежала печать тенденцій, тяготѣнія — но тяготѣнія страстнаго, мучительнаго, ведущаго къ постановкѣ этихъ вопросовъ ребромъ и уже къ дѣйствительному разрѣшенію ихъ.

Теперь — за эти послѣдніе два года — мы и вступили въ такую, такъ сказать, позитивную фазу. Окончился уже періодъ общихъ абрисовъ для очередныхъ вопросовъ, измѣнился и самый кругъ вопросовъ. Необходима ли работа „на политической почвѣ“, надо ли распространять нашу дѣятельность и на крестьянство, полезны ли демонстраціи, или надо погодить съ ними, по существу ли дѣла терроръ противорѣчитъ соціальдемократическому міровоззрѣнію — такіе вопросы не вращаются уже безрезультатно между „да“ и „нѣтъ“ и не удовлетворяются догматическими положеніями. До послѣдней степени ясно, что необходимо развитіе политической борьбы, распространеніе нашей дѣятельности на крестьянство, что терроръ по меньшей мѣрѣ не стоитъ въ противорѣчіи съ основами соціальдемократическаго міровоззрѣнія. Теперь все это важно и втеченіе самаго скораго времени нужно перевести въ область практики. Передъ нами стоятъ вопросы о *способахъ* политической агитаціи въ самой широкой массѣ, о приданіи демонстраціямъ дѣйствительно массового характера, о развитіи революціонной дѣятельности въ крестьянствѣ, о *характерѣ* террора, о серьезномъ и строгомъ размежеваніи нашей программы отъ программы либераловъ, которые, по выраженію ихъ идеолога, г. Стру-

ве, „не революціонеры", но хотятъ „великаго переворота русской жизни" (?!)* — и всѣ они, эти вопросы, стоятъ передъ нами въ самомъ конкретномъ видѣ и требуютъ конкретнаго и детальнаго разрѣшенія.

Попытки такого разрѣшенія нельзя найти въ этой брошюрѣ, написанной два года тому назадъ. Это мы прекрасно сознаемъ и хорошо знаемъ, что ее слѣдовало бы переработать основательно для 2-го изданія. Но эта переработка для авторовъ ея по нѣкоторымъ причинамъ сейчасъ невозможна, между тѣмъ къ намъ продолжаютъ поступать запросы о высылкѣ брошюры. Въ надеждѣ, что она и въ такомъ видѣ, какъ есть, поможетъ хоть немного нашимъ молодымъ товарищамъ, наталкивая ихъ мысль на рядъ вопросовъ, мы рѣшаемся выпустить ее безъ невозможной для насъ сейчасъ переработки, снабдивъ, во первыхъ, выше развитыми оговорками, во вторыхъ, нѣкоторыми примѣчаніями и, въ третьихъ, статьей товарища Надеждина о террорѣ. Попытку разобраться въ очередныхъ вопросахъ современности мы сдѣлаемъ въ подготовляющихся къ печати 2-омъ и 3-емъ №№ „Кануна революціи".

---

* Намъ эти *не* революціонеры, *но* хотящіе великаго переворота русской жизни столь же понятны, какъ сухая вода, умный глупецъ, дальняя близость и проч., и прочитавши эту премудрость, мы стали ждать, когда органомъ г. Струве будетъ сказано что нибудь болѣе опредѣленное. Ожидать пришлось недолго. Во 2-омъ № „Освобожденія" (стр. 30) земскіе гласные, провозглашая свою солидарность съ газетой г. Струве, пишутъ: „какъ раньше, такъ и теперь мы остаемся противниками всякаго насилія, *откуда бы оно ни исходило сверху или снизу*". Для начала это даже черезчуръ ясно и откровенно и уже теперь предвѣщаетъ кузькину мать... Пройдетъ еще немного времени, и мы не увѣрены, что какой нибудь почтенный врагъ насилія, заявляя свою солидарность съ ex-соціальдемократомъ г. Струве, не будетъ писать на страницахъ „Освобожденія" по поводу, напр., дѣйствій голодныхъ толпъ: „Ils n'ont pas du pain dans les ventres, nous y mettrons des baïonnettes!" — ибо (особенно если пообѣщаетъ царь или царскій холуй какія нибудь лохмотья) надо же усмирять столь нелюбимыя насилія снизу, а чѣмъ ихъ „вводить въ правопорядокъ", какъ не пулей?... Впрочемъ поживемъ, увидимъ... Пока очевидно одно: земцы не такъ двусмысленны, какъ г. Струве, балансирующій между *не* и *но*...

ВОЗРОЖДЕНІЕ

РЕВОЛЮЦІОНИЗМА ВЪ РОССІИ.

Даже и не особенно внимательный наблюдатель русской революціонной жизни въ состояніи замѣтить, какія громадныя перемѣны произошли въ ней за самое послѣднее время.

Рабочее движеніе, возникнувъ сначала въ очень скромныхъ размѣрахъ и какъ чисто стихійный отпоръ давимыхъ давящимъ, теперь уже успѣло далеко перешагнуть за свои первоначальныя рамки. Выросло и количественно, выросло и качественно, подмѣнивъ въ сильной мѣрѣ неясныя броженія сознательностью и планомѣрностью въ дѣйствіяхъ. Стачкамъ и всевозможнымъ волненіямъ, раньше сравнительно рѣдко колыхавшимъ рабочее море, въ настоящее время уже потерянъ и счетъ. Кажется, нынѣ нѣтъ такого уголка на Руси, гдѣ рабочій не поднимался бы на защиту своихъ человѣческихъ правъ. Искры отъ какой нибудь стачки, отъ одного мало-мальски крупнаго событія въ рабочей средѣ разлетаются по самымъ противоположнымъ концамъ Россіи то вмѣстѣ съ разбредающимися и высылаемыми рабочими, то съ сообщеніями нелегальной и даже легальной прессы. Разлетаются и будятъ рабочихъ къ самосознанію въ какихъ угодно берлогахъ россійскаго царства. Всюду для этого есть почва, ибо всюду притѣсняютъ человѣка и вывертываютъ его наизнанку; всюду, значитъ, рабочему приходится бороться и протестовать. (Мы говоримъ въ послѣдующемъ не только о фабрично-заводскомъ пролетаріатѣ, но и о ремесленникахъ, среди которыхъ успѣло уже возникнуть революціонное движеніе и рядъ профессіонально-боевыхъ организацій.)

Сначала борьба съ капиталистами носила какой-то партизанскій характеръ: она была рядомъ нервныхъ вспышекъ, очень мало объединенныхъ и слитыхъ другъ съ другомъ. Организаціи рабочихъ были случайны: онѣ кое какъ склепывались лишь для даннаго момента, чтобы завтра же разсыпаться въ дребезги. Теперь не то. Теперь организаціи стали планомѣрными, охватывающими большое число рабочихъ различныхъ профессій и порою различныхъ районовъ и связывающими ихъ такой могучей скрѣпой, какъ сознаніе своихъ классовыхъ и общечеловѣческихъ интересовъ.

Возникаютъ онѣ въ рабочей средѣ уже не затѣмъ, чтобы поставить какое нибудь практическое требованіе, довлѣющее злобѣ дня, и затѣмъ исчезнуть съ лица земли: нѣтъ, теперь онѣ растутъ и крѣпнутъ, какъ боевыя дружины, которымъ предстоитъ осуществить много задачъ, непосредственно слѣдующихъ одна за другой и находящихся въ причинной зависимости другъ отъ друга. Стачки объявляютъ рабочіе нынѣ уже не въ тѣ крайніе моменты, когда приходится „ложиться и помирать", а и вообще во всякое благопріятное время, когда только хоть чѣмъ нибудь можно улучшить свое матеріальное положеніе, на какой бы — относительной — высотѣ ни стояло послѣднее, то есть — иначе говоря — прежняя стачка, какъ рѣшительнѣйшая, *отчаянная* мѣра, смѣнилась стачкой *по принципу*.

Еще въ началѣ 90 годовъ, не впадая въ особенно грубую ошибку, можно было раздѣлить рабочихъ на двѣ части: интеллигенція — незначительный процентъ — и сѣрая масса то болѣе, то менѣе тусклыхъ оттѣнковъ — это громадное, подавляющее большинство. Теперь ни въ какомъ случаѣ такое дѣленіе не допустимо. Мы имѣемъ передъ собой *рабочую интеллигенцію* въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; не менѣе трехъ четвертей ея, — насколько мы можемъ себѣ позволить обобщеніе изъ нашихъ наблюденій, — являются въ полномъ смыслѣ этого слова революціонерами-соціалистами, а одна четверть — это развитые люди, относящіеся ко всему сознательно, интересующіеся міровою жизнью, не позволяющіе наступать себѣ на ногу, но активнаго, постояннаго участія въ борьбѣ не принимающіе. Почему воспиталась послѣдняго рода интеллигенція — причины этого главнымъ образомъ нужно искать въ томъ способѣ, какимъ велась дѣятельность среди рабочихъ — въ узкомъ экономизмѣ, въ политической пропагандѣ вмѣсто такой же агитаціи — о чемъ мы будемъ говорить дальше — а это, не давая простора силамъ, не стимулируя ихъ въ высокой степени, должно было однихъ рабочихъ интеллигентовъ воспитывать не борцами, а просто интересующимися всѣмъ людьми, а другихъ… приводить къ самоубійству, ибо они не въ состояніи были пережить страшныхъ мукъ отъ несоотвѣтствія идеаловъ съ дѣйствительностью. Тѣ три четверти, о которыхъ говоримъ мы, представляютъ намъ (конечно, нѣтъ правила безъ исключеній) замѣчательный образецъ духовной красоты человѣческой. Именно, красоты. Удивительная цѣльность натуры, полная гармонія между мотивами и дѣйствіями, отсутствіе всякаго нытья, а вмѣсто него бодрость, вѣра въ свои силы и силы трудящагося человѣчества, неуклонная по-

слѣдовательность въ проведеніи въ жизнь горячо любимыхъ идей, проникновеніе идеалами соціализма всѣмъ своимъ существомъ, глубокій интересъ ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ и интересъ не только теоретическій, а дѣйственный, динамическій. — Затѣмъ мы имѣемъ въ рабочей средѣ значительную часть такихъ элементовъ, которые можно, пожалуй, назвать — за неимѣніемъ подходящаго термина — *полуинтеллигентами*. Это люди, которые уже значительно переросли окружающую ихъ дѣйствительность, переросли не столько своимъ пониманьемъ, сколько чувствованіями. Это, такъ сказать, интуитивные интеллигенты. Они интересуются положительно всѣмъ, что творится и здѣсь, возлѣ нихъ, и въ общеміровой жизни. Они ко всему чутко прислушиваются и зорко приглядываются, они всѣми силами стараются схватить на лету разные жизненные факты, хотя бы даже обрывки этихъ фактовъ. Не находя объясненій для нихъ, сплошь и рядомъ подыскивая самыя фантастическія и невѣрныя причины, они тѣмъ не менѣе почти никогда не ошибаются въ оцѣнкѣ характера этихъ фактовъ. Именно какая то особая интуиція! Намъ никогда не приходилось наблюдать ничего подобнаго въ другихъ слояхъ общества. Въ этой полуинтеллигентной средѣ вы постоянно услышите: „я соціалистъ“, „я соціальдемократъ“, „я революціонеръ“, и это произносится если не съ яснымъ пониманіемъ полноцѣннаго содержанія этихъ словъ, то за то съ величайшей гордостью и прямо съ благоговѣніемъ. „Я уже давно *посвященъ* въ это дѣло!“ — говоритъ вамъ рабочій-полуинтеллигентъ, и въ тонѣ его голоса, въ блескѣ глазъ, во всей осанкѣ фигуры, во всѣхъ его движеніяхъ сказывается чистая дѣтская душа и въ то же время твердое убѣжденіе и непреклонная энергія борца, — и это, дѣйствительно, чистыя, нескладныя души, въ которыхъ нѣтъ и слѣда затхлой мелкобуржуазности торгашей, и это дѣйствительно борцы! И борцы, уже понимающіе силу организаціи и постоянно ищущіе подъ брошюрками, листками, прокламаціями, газетами подписи издавшей ихъ группы или партіи. Одно уже имя организаціи вселяетъ въ нихъ довѣріе къ прочитанному и побуждаетъ на активныя дѣйствія. А активныя дѣйствія — это насущная необходимость, такая же, какъ и разныя примитивныя потребности. Во время демонстрацій они всегда составляютъ главную массу участниковъ. Такъ было, бываетъ (и будетъ, конечно) и при проводахъ арестованныхъ товарищей, и при похоронахъ сгибшихъ подъ ударами правительственнаго произвола, и при празднованіи 1-го Мая, и во время студенческихъ волненій, такъ горячо и энергично поддержанныхъ рабочими. Можетъ быть, нигдѣ такъ

ясно, какъ при этихъ студенческихъ волненіяхъ, не сказалась отчасти инстинктивная, отчасти выработанная сознаніемъ потребность полуинтеллигентовъ-рабочихъ откликаться на всякіе протесты притѣсняемыхъ, на всякіе симптомы борьбы съ различнаго рода произволомъ. Въ этихъ протестахъ рабочіе стремятся найти родственныя черты своей собственной жаждѣ скинуть съ себя давящее ихъ ярмо*). — Наконецъ, мы имѣемъ передъ собой рабочую *массу*, численность которой превосходитъ рабочихъ полуинтеллигентовъ. Она выросла и все дальше растетъ *экономически*, то есть, мы хотимъ сказать, по сравненію съ прошлымъ значительно подвинулось впередъ пониманіе ею своего экономическаго положенія, необходимости постоянно вести борьбу за улучшеніе собственнаго экономическаго быта, но что касается роста политическаго самосознанія этой массы — пока онъ еще, какъ кажется намъ, слабъ и понятія массы о „политикѣ" стоятъ на очень невысокомъ уровнѣ. Мы не сомнѣваемся, что застоя тутъ быть не можетъ, но мы констатируемъ только то, что есть теперь. А теперь есть лишь страшно-жгучій, все обостряющійся интересъ къ вопросамъ экономическаго быта и не только своего собственнаго — на данной фабрикѣ или въ данной округѣ, — но и вообще въ цѣлой Россіи, въ цѣломъ мірѣ. Фактъ тотъ, что рабочій, какъ бы онъ ни былъ некультуренъ, уже не представляетъ изъ себя ягненка, готоваго идти на убой по первому приказу власть имѣющихъ на фабрикахъ или въ другихъ какихъ мѣстахъ, онъ — по меньшей мѣрѣ — профессіональный борецъ.

Эта общая картина настроеній въ рабочей средѣ, очерченная бѣглыми штрихами, говорятъ о томъ, что отчасти самъ рабочій слишкомъ уже выросъ для того, чтобы довольствоваться только одной борьбой съ сосущими его живоглотами, а отчасти, — что образовалась уже богатая почва среди массовыхъ рабочихъ для перехода отъ борьбы за мелочныя улучшенія въ домашнемъ быту къ борьбѣ подъ знаменемъ широкихъ политическихъ требованій, за демократическій status государства**).

---

*) *Прим. ко 2-му изд.* Въ № 1 „Канунa Революціи" (стр.41-53) мы останавливаемся подробнѣе на типѣ рабочаго-середняка, названнаго нами здѣсь интуитивнымъ интеллигентомъ. Въ будущемъ мы надѣемся посвятить особую работу этому типу.

**) *Прим. ко 2-му изд.* А. За послѣдніе два года сознаніе рабочей *массы* сдѣлало громадные успѣхи — можетъ быть, больше, чѣмъ за цѣлое десятилѣтіе. Этому прежде всего способствовала атмосфера ужаснаго промышленнаго кризиса, переживаемаго Россіей; въ такой атмосферѣ зарождается тысяча вопросовъ, всякій хо-

Само собою разумѣется, рабочій будетъ бороться, да и долженъ бороться, за каждый лишній пятакъ къ своей заработной платѣ, за всякіе полчаса отдыха; будетъ бороться и завтра; и

тя бы самый скромный отвѣтъ на нихъ влечетъ мысль рабочаго далеко за предѣлы фабричнаго міра; а за этими предѣлами на поверхности русской жизни втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ ярко проявляла себя борьба передовыхъ слоевъ рабочаго класса и революціонно-соціалистической интеллигенціи съ правительсвтомъ. Обращая свои взоры сюда или неминуемо входя въ соприкосновеніе съ отголосками этого міра (не говоря уже о разросшейся теперь агитаціи въ массахъ) — рабочія массы очень быстро и достаточно раціонально воспитывали свое политическое мышленіе. То, что раньше давалось годами, то сейчасъ при благопріятныхъ условіяхъ успѣвало и успѣваетъ рости въ теченіи какого нибудь момента. И по этому мы можемъ теперь выражаться гораздо опредѣленнѣе, полнѣе и иначе, чѣмъ раньше: массы въ отношеніи политики становятся на достаточно высокій уровень, и онѣ на немъ и совсѣмъ быстро укрѣпятся при соотвѣтственно широкомъ и энергичномъ развитіи у насъ политической литературы *для массъ*.

б. По поводу сдѣланной нами общей характеристики рабочихъ слоевъ, мы отъ нѣсколькихъ товарищей слышали такое замѣчаніе: по этой характеристикѣ оказывается, что русскій рабочій стоитъ, пожалуй, выше европейскаго, ибо у послѣдняго ко многимъ вопросамъ нѣтъ такого жгучаго интереса, который отмѣченъ авторами „Возрожденія" у русскихъ рабочихъ. Что жъ, намъ остается на это отвѣтить: ты глаголеши! Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ русскій рабочій стоитъ выше европейскаго. Это не шовинизмъ, а простое констатированіе извѣстнаго преходящаго момента. Европейскій рабочій не живетъ въ такой жгучей обстановкѣ, какъ русскій; имъ уже отчасти пережиты періоды полнаго возбужденія всѣхъ своихъ силъ, отчасти онъ находится только наканунѣ новаго Sturm und Drang. Самый характеръ стоящихъ передъ нимъ *сейчасъ* непосредственныхъ задачъ, какъ онѣ представляются европейскому рабочему, не проникнутъ тѣмъ революціонизмомъ, который заставляетъ — по выраженію нѣмецкаго философа — срывать всю дѣйствительность съ ея ржавыхъ петель, заставляетъ всѣ и малые, и большіе вопросы разсматривать сквозь призму этого революціонизма. Такъ оно должно быть только таковая призма является надежной для рабочаго класса! — это въ Европѣ составляетъ необходимое основаніе энергичной партійной дѣятельности, но сама дѣйствительность слишкомъ часто влечетъ самосознаніе рабочихъ по многимъ обманнымъ путямъ. У насъ же въ настоящій моментъ воспитывается революціонизмъ *самой жизнью* въ несравненно большей степени, чѣмъ въ Европѣ,—той самой жизнью, въ которой со стороны внѣшней культуры имѣется одна только миргородская лужа, а со стороны внутренней — полиція, тюрьма и правительственный запретъ... И какъ лучшія ли-

послѣзавтра по примѣру вчерашняго и сегодняшняго дня. Это у него происходило и будетъ происходить съ такой же естественностью, какъ перемѣна грязнаго бѣлья на чистое, какъ субботняя баня. Это — просто его физіологическая потребность, но ею и не можетъ, и не должна исчерпываться сумма стремленій рабочаго. Съ одной стороны его русское правительство знакомило со всѣми свойствами казацкой плети и солдатскаго ружья: освѣдомляло на счетъ прелестей житья въ тюрьмахъ и мѣстахъ столь и не столь отдаленныхъ; на каждомъ шагу давало ему понять, какіе серьезные ущербы оно можетъ наносить возникающимъ организаціямъ своими шпіонскими, жандармскими и полицейскими силами: съ другой стороны, книги, голоса пропагандистовъ и агитаторовъ и просто сама капиталистическая жизнь, значительно раздвигающая горизонты мужика-сѣряка — и мимовольно, и сознательно, т. е. въ силу потребностей крупной промышленности — вводили его въ кругъ пониманія правъ на человѣческое существованіе. Свистъ плетей и лязгъ оружія, какъ и мощное слово призыва къ сознанію своего положенія, заставили рабочихъ, въ лицѣ наиболѣе осмысленныхъ элементовъ, прійти къ убѣжде-

---

тературныя произведенія выходили въ эпоху самой варварской цензуры, такъ и лучшій типъ рабочаго нарождается въ эпохи самой гнусной жизни, которую надо измѣнить во что бы то ни стало. Ибсенъ когда то писалъ: единственно, что я цѣню въ свободѣ — это борьбу за нее. Мы далеко не единственно это цѣнимъ, но глубоко убѣждены, что моментъ самой отчаянной борьбы за свободу — это и наиболѣе великій моментъ для воспитанія человѣка. А русскій рабочій воспитывается теперь именно въ атмосферѣ безпощадной борьбы: безпощадной, ибо въ ней крайне напряженная работа самосознанія рушитъ всѣ основы русской жизни, всѣ древніе киты съ чревовѣщающими изъ нихъ Іонами и ставитъ рабочаго въ непримиримое противорѣчіе положительно со всѣми русскими порядками. Нѣтъ мѣста компромиссу, нѣтъ выбора, ибо приходится выбирать между скотскимъ существованіемъ и борьбою за человѣческую жизнь... И вотъ въ рабочемъ развиваются сейчасъ самыя лучшія его стороны, каждый теперь лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Что изъ развивающагося сейчасъ закрѣпится и для дальнѣйшаго, войдетъ постояннымъ элементомъ въ міровоззрѣніе слѣдующихъ поколѣній, насколько сузится теперешняя широта запросовъ — это покажетъ будущее, а теперь мы смѣло можемъ сказать: да, въ своихъ юношескихъ порывахъ, стремящихся обхватить всю картину міра, какъ можно шире и полнѣе создать для себя внутреннюю жизнь и перелить ее во всей цѣлостности во внѣшнюю среду нашъ рабочій въ данный моментъ стоитъ выше европейскаго!..

ніе, что необходима серьезная борьба съ правительствомъ, этимъ врагомъ рабочаго дѣла, чтобы отстоять себѣ право на безпрепятственую экономическую борьбу — во 1-хъ, и на участіе рабочаго въ политической жизни страны во 2-хъ, ибо онъ не пѣшка, которой можно распоряжаться, какъ угодно, а человѣкъ, долженствующій — на ряду съ другими способами борьбы — посредствомъ государственнаго механизма проводить въ жизнь свои трудовые идеалы. Этотъ политическій строй съ его рабствомъ и кнутомъ вмѣсто свободы и депутатскихъ голосованій, съ его игрой въ молчанки тамъ, гдѣ требуется живое и гнѣвное человѣческое слово. — онъ долженъ быть измѣненъ въ корнѣ!

А для этого борьба рабочихъ должна развернуться на два фланга: не уступая ни одной пяди капиталистамъ, выступая противъ нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, — въ то же время рабочіе не должны давать пощады правительству, пуская въ ходъ всевозможныя средства. Борьба этого послѣдняго рода меньше всего можетъ быть случайной; она должна вестись систематически, планомѣрно и глубоко осмысливать поставленныя себѣ цѣли.

Все говоритъ за своевременность этой борьбы*). Пусть не всѣ рабочіе, не подавляющее ихъ большинство сознало необходимость политической борьбы и необходимость свободнаго политическаго строя; пусть глубоко осмыслили это только отдѣльныя группы наиболѣе сознательныхъ рабочихъ; пусть въ массахъ существуетъ только общее недовольство, накопившееся отъ злокачественности русской жизни, но не вылившееся еще въ тѣ или иныя формы критическаго отношенія къ окружающему, въ тотъ или иной лозунгъ борьбы съ рѣзко и ясно намѣченнымъ врагомъ. Но глухое недовольство, покуда почти безцѣльно рокочущее, не можетъ застыть въ этой формѣ. Въ силу естественной необходимости оно должно выкристаллизоваться въ болѣе опредѣленныя формы, должно дать себѣ отчетъ въ причинахъ существующаго зла и въ

---

*) *Прим. ко 2-му изд.* Послѣдующія нѣсколько страницъ (13-18) посвящены доказательствамъ своевременности политической борьбы. Въ настоящее время онѣ потеряли добрую долю своего значенія: жизнь сама уже широко открыла двери этой борьбѣ, и своими дѣлами привела аргументы болѣе сильные и убѣдительные, чѣмъ человѣческое слово. Теперь уже никого не приходится убѣждать въ своевременности и необходимости политической борьбы — это безспорный вопросъ для всѣхъ. Мы не исключаемъ этихъ страницъ просто потому, что, разъ мы не передѣлываемъ брошюры основательно, намъ не хотѣлось бы и стирать съ нея характера того момента, въ который она писалась.

средствахъ его искорененія. Разъ существуютъ полуинтеллигенты рабочіе, близко принимающіе къ сердцу политическіе вопросы, и существуютъ кружки рабочихъ, проникнутыхъ политической идеей, и разъ агитаторы въ рабочей массѣ всѣ свои силы приложатъ къ тому, чтобы эти кружки не замыкались въ самихъ себѣ, не дѣлались сектами, а работали въ массахъ, — если это такъ, то близокъ тотъ день, когда массы сознаютъ свои политическіе интересы, и энергично встанутъ на защиту ихъ. Вѣдь, не надо забывать, что борьба за самые примитивные матеріальные интересы въ первое время находила въ рабочихъ массахъ не очень то большой откликъ, а порой даже бывало и враждебное отношеніе къ иниціаторамъ борьбы. А теперь и самые забитые и задавленные рабочіе, охая и крестясь, уже объявляютъ войну своимъ нанимателямъ.

То же самое и здѣсь. Проникновеніе отдѣльныхъ сильныхъ личностей въ рабочей средѣ и отдѣльныхъ кружковъ политической идеей есть солидная гарантія, въ своевременности политической борьбы. Если пропаганда экономической борьбы нашла для себя благопріятную почву въ экономическихъ интересахъ рабочаго то въ тѣхъ же интересахъ найдетъ себѣ основаніе и политическая борьба, ибо гнетъ правительства, отдающаго себя на прокатъ капиталистамъ, — тотъ же самый экономическій гнетъ, лишь обрядившійся въ другую оболочку. И рабочіе, хоть смутно, начинаютъ понимать это. Даже и теперь, когда идея политической борьбы находится въ зачаточномъ состояніи, рабочія массы собираются, или во всякомъ случаѣ имѣютъ большую наклонность собираться — публично праздновать 1-е мая (а это одна изъ формъ политической борьбы съ правительствомъ). При празднованіяхъ 1-го мая и вообще при всѣхъ манифестаціяхъ рабочихъ, все учащающихся и растущихъ по числу участниковъ, теперь уже чуть ли не повсюду начинаютъ выставлять политическія требованія.

Правительство подольетъ масла въ огонь и значительно посодѣйствуетъ росту политической борьбы. Дѣйствія царской власти — самая твердая гарантія того, что призывы къ политической борьбѣ не будутъ гремѣть въ пустой аудиторіи. Первое время на верху относились къ рабочему движенію, если и не спустя рукава, то и не во всеоружіи того арсенала шишекъ, которыми правительство привыкло осыпать мятежныя головы. Оно не представляло себѣ достаточно рельефно всѣхъ результатовъ броженія въ массахъ. Броженіе это рисовалось ему какъ рядъ недовольствъ различными нестроеніями у домашняго очага рабочихъ, недовольствъ старательно раздуваемыхъ разнаго рода злонамѣренными людьми. Ути-

хомирить это движеніе очень легко. Надо лишь выслать или удалить коноводовъ, хорошенько пригрозить ежевыми рукавицами массамъ, швырнуть рабочимъ кое-какіе фабричные законы, благо нѣкоторые изъ нихъ считаются нужными и полезными и самими представителями крупной промышленности: при этомъ швырнувши правой рукой кое-какія статьи, завтра же можно пообщипать ихъ лѣвой и все ввести въ норму. И пойдутъ всѣ дѣла прекрасно.

Такъ помышляли всѣ — отъ царей съ министрами до Зубатовыхъ съ Треповыми. Но шагъ за шагомъ движеніе росло. Нота широкихъ политическихъ требованій, или по крайней мѣрѣ тяготѣній къ нимъ, на столько громко стала звучать въ немъ, что она донеслась и до обыкновенно тугого слуха правительства и оно — уже даже не вѣря въ то, что говоритъ, — не то себя, не то окружающихъ начинаетъ успокаивать полусерьезной, полупотѣшной болтовней о томъ, что въ рабочемъ движеніи нѣтъ ровно ничего политическаго (какъ недавно зачѣмъ-то очень усиленно подчеркивала это екатеринославская прокуратура въ брянскомъ процессѣ).

Эти успокоенія — старая давно извѣстная метода правительства. Такъ въ 70 годахъ передъ началомъ террора и въ эпоху его оно трактовало о жалкой кучкѣ злоумышленниковъ, будучи увѣрено что имя этимъ злоумышленникамъ — легіонъ. Такъ и теперь оно считаетъ зачѣмъ-то нужнымъ пускаться въ разсужденія о мелководьи рабочаго движенія. Отсюда — по обычаю русскаго правительства — одинъ шагъ до крутыхъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся мѣръ. Теперь оно вводитъ разрядъ людей „порочнаго поведенія", куда оно заноситъ непокорные ему элементы рабочихъ, смѣшивая ихъ съ грязью и обрекая на болѣе чѣмъ голодное существованіе въ ссылкѣ; скоро оно прекратитъ судебныя разбирательства стачекъ (намековъ на это и теперь имѣется сколько угодно; въ большинствѣ случаевъ дѣло не доходитъ до суда, а просто административнымъ порядкомъ расшвыриваютъ рабочихъ по разнымъ еле жилымъ мѣстамъ). Потомъ вмѣсто бичей введетъ скорпіоны, вмѣсто простыхъ устрашеній — смерчи вселенскіе. Пообъявитъ всюду военныя положенія съ произволомъ, изумительнымъ даже и для русскихъ порядковъ. Повыситъ всѣ степени наказанія. Начнетъ буквально гноить людей по тюрьмамъ за всякое подстрекательство рабочихъ массъ къ политическимъ волненіямъ. Будетъ карать смертной казнью (на этотъ путь оно уже вступило въ Польшѣ). Словомъ разгуляется его рука и раззудится его плечо во всю! Пусть такъ! Это не только не оста-

новитъ рабочаго движенія, но придастъ ему еще новую силу и бодрость. Если теперь для многихъ рабочихъ правительство не представляется въ самомъ настоящемъ своемъ свѣтѣ, тогда уже у нихъ не будетъ сомнѣнія на счетъ доподлинной его природы.

Полицейско-жандармская вакханалія не за горами*). Предвѣстники ея — и поразительно огромные аресты послѣднихъ лѣтъ, и то слишкомъ уже безцеремонное нахальство, съ которымъ правительство держится по отношенію къ финляндскимъ дѣламъ, студенческимъ волненіямъ, культурнымъ начинаніямъ нашихъ либераловъ — нахальство, хорошо свидѣтельствующее, что такой точки, гдѣ остановилось-бы правительство нѣтъ: что оно, считая свой тронъ крѣпче гранита, готово топтать ногами протесты цѣлой страны (Финляндія), и готово, само не зная зачѣмъ, замуровывать тѣ щелочки, въ которыя поглядываетъ „однимъ очкомъ" либералъ на свѣтъ божій.

Все жать, все крушить и гнуть въ бараній рогъ, чего бы это ни стоило, и чѣмъ бы ни грозило! При такой своей тактикѣ, русское правительство неминуемо должно ополчиться всѣми своими силами и самыми возмутительными средствами противъ рабочаго движенія, прокладывающаго себѣ дорогу. Пусть куетъ мечъ на свою голову! Условія нашего россійскаго существованія таковы, что передъ ними совершенно теряетъ свою силу аргументъ о недостаточной сплоченности рабочихъ, недостаточной численности трудовой арміи для того, чтобы ей выступить сейчасъ-же на политическую борьбу. Говорятъ, со словъ нѣкоего не въ мѣру расхрабрившагося полицейскаго генерала, что правительство даже радо было-бы мятежнымъ дѣйствіямъ рабочихъ, ибо это дало бы ему поводъ къ такой кровавой расправѣ, которая на долго водворила бы всюду мерзость запустѣнія, развѣявъ по вѣтру всѣ существующія организаціи. Да, это было бы такъ, если бы дѣйствительность складывалась иначе, чѣмъ она складывается теперь. Изъ пушекъ въ рабочаго не палятъ въ наши дни, но значитъ ли это, что пушечные лафеты пустуютъ, что они не заняты ору-

*) *Прим. ко 2-му изд.* Теперь правительственная реакція уже вступаетъ въ апогей своего развитія. Обуховская и батумская бойни, виленская, минская, екатеринославская, вятская и кременчугская порки, либавскіе желтые билеты работницамъ, радомское освидѣтельствованіе женщинъ, работающихъ на винномъ складѣ — вотъ кровавыя и позорныя вѣхи на пути правительственной политики. Дождемся еще и худшаго отъ царизма — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо... „онъ подростетъ, онъ подростетъ — на то онъ и испанецъ молодой!..."

діями, болѣе благопристойными по виду для „мирнаго времени“? Несомнѣнно, лафеты чѣмъ-то заняты, ибо и безъ пушекъ сильныя бреши пробиваются въ рабочихъ организаціяхъ, вырываются изъ среды пролетаріата лучшія силы, пресѣкается порою на нѣкоторое время всякая возможность работы. И безъ пушечной пальбы находятъ чѣмъ палить въ рабочихъ въ особо острые моменты борьбы.

Но что же изъ этого?

Одно дѣло — пользоваться успѣхомъ при избіеніи рабочихъ во Владимірской губ. или въ Ригѣ, Маріуполѣ или Ярославлѣ и иное дѣло устроить всероссійскую рабочую бойню. Въ Виѳлеемѣ Иродъ могъ избить четырнадцать тысячъ младенцевъ, но онъ, хотя бы въ немъ сидѣли всѣ ироды со всего свѣта, не въ состояніи былъ бы уничтожить младенцевъ всей Палестины. Въ тотъ моментъ, когда правительство начнетъ на всѣхъ пунктахъ разить „внутренняго врага“, оно во очію убѣдится, что не всегда можно пользоваться солдатами, какъ палачами, что дѣти народа могутъ усмирять только единичныя вспышки, не будучи въ состояніи очистить свою мысль отъ муштры и дисциплины, но штыки ихъ или опустятся внизъ, или обратятся противъ самого правительства, когда *весь* фабрично-заводской пролетаріатъ — сѣверъ за югомъ, востокъ за западомъ пойдетъ по одной и той же дорогѣ.

Весьма вѣроятно, что правительство не пойметъ этого на первыхъ порахъ и по своей безпримѣрной безнардонности провозгласитъ всеобщую „сѣкимъ башку“. Но какъ бы оно ни было слѣпо, и ему въ концѣ концовъ придется процитировать въ примѣненіи къ себѣ слова стараго швейцарскаго революціонера Генци: „все въ этомъ государствѣ испорчено — даже палачъ!“

Россійская дѣйствительность такова, что намъ нельзя повторять гордаго и самоувѣреннаго замѣчанія одного изъ главъ нѣмецкой соціальдемократіи о соціальной революціи: „Мы устроимъ ее тогда, когда намъ это будетъ выгодно.“ И черезъ два года и черезъ пять лѣтъ, и сегодня, и завтра на нашей сторонѣ — въ политической борьбѣ — все однѣ и тѣ же трудности положенія: правительство не даетъ какъ слѣдуетъ сорганизоваться рабочимъ, оно все усиливаетъ палочные комплименты, и черезъ пять лѣтъ дѣло организаціи рабочихъ, — если бы все шло такъ, какъ идетъ теперь, — въ сущности мало подвинется впередъ.

Намъ нечего сидѣть у моря и ждать погоды; сколько бы мы ни сидѣли, намъ придется ѣхать все на тѣхъ же корабляхъ и въ тотъ же страшный штормъ. Наоборотъ, не выступая на путь по-

литической борьбы, мы, революціонеры, можемъ остаться совершенно за флагомъ, очутиться въ роли пятаго колеса въ рабочемъ движеніи, ибо здѣсь уже достаточно явственно сквозятъ тяготѣнія къ политической борьбѣ. Разъ есть эти тяготѣнія, они будутъ проявляться въ жизни соотвѣтствующими фактами, а эти послѣдніе будутъ вызывать противъ себя правительственную расправу. Что-же медлить? Зачѣмъ открывать дорогу правительству къ частичнымъ избіеніямъ, не доводя дѣла до генеральныхъ битвъ, гдѣ шансы рабочихъ въ тысячу разъ сильнѣе, нежели въ отдѣльныхъ безслѣдно проходящихъ схваткахъ?

Политическое самосознаніе рабочихъ можетъ развиться только въ періодъ самой интенсивной, горячей борьбы. Мы живемъ не на Западѣ: пропаганда словомъ даетъ у насъ сравнительно незначительные результаты, область ея воздѣйствія не столько массы, сколько отдѣльные кружки, — все у насъ зиждется на пропагандѣ дѣйствіями. И потому да здравствуетъ тотъ усиленный темпъ рабочаго движенія, который будетъ отвѣтомъ на правительственныя репрессаліи! Да здравствуютъ тѣ пропагандисты и агитаторы, которые будутъ усиленно работать на почвѣ общаго возбужденія пролетаріата при потугахъ правительства истребить „очаги заразы“!

* *

*

Въ срединѣ 80-хъ годовъ русскимъ революціонерамъ былъ нанесенъ слишкомъ тяжелый ударъ паденіемъ „Народной Воли“ — революціонно-соціалистической партіи, сосредоточившей всѣ свои силы на борьбѣ за политическіе идеалы, которые бы послужили мостомъ къ соціалистическому строю. Подкосили „Народную Волю“ и отсутствіе точекъ опоры въ трудовыхъ слояхъ населенія — это главное —, и правительственный „бѣлый терроръ“, и слишкомъ слабая поддержка революціонной дѣятельности либеральнымъ обществомъ, и потеря вѣры у самихъ народовольцевъ въ нѣкоторые устои ихъ программы, и, наконецъ, страшное перенапряженіе нервной энергіи, заставлявшее, такъ сказать, жить одно поколѣніе за счетъ послѣдующихъ и отрѣзывавшее возможность выставлять все новыя и новыя силы на смѣну борцамъ, расплющеннымъ правительственнымъ молотомъ.

Стали наслѣдники „Народной Воли“ разбираться въ окружающей ихъ дѣйствительности, стали всматриваться въ прошлое, въ его положительныя и отрицательныя стороны. И вотъ каковы были ихъ думы.

Коренная*) ошибка „Нар. Воли“ — это то, что ею слишкомъ мало вниманія удѣлялось трудящимся массамъ. Въ своей литературѣ народовольцы говорили о массахъ, какъ о коллективномъ дѣятелѣ въ послѣднемъ актѣ той драмы, которая разыгрывалась между террористами и правительствомъ: это, конечно, предполагало широкую пропаганду въ массахъ, но, охваченный весь единоборствомъ съ царемъ и его присными, народоволецъ не могъ посвящать много силъ рабочему дѣлу и въ концѣ концовъ дѣятельность его въ массахъ фактически свелась чуть ли не къ одному выхватыванію отсюда наиболѣе сильныхъ и энергичныхъ единицъ для террористической борьбы. Если бы „Нар. Воля“ имѣла за собой трудящіяся массы, она не погибла бы. Слѣдовательно, всѣ силы нужно направить на пропаганду и агитацію среди рабочаго населенія страны. Это должно быть тѣмъ болѣе такъ, что — какъ говоритъ наблюденіе дѣйствительности, — Россія становится капиталистической страной, въ ней растетъ фабрично-заводской пролетаріатъ, а этотъ слой рабочей массы, какъ свидѣтельствуетъ западная жизнь, является наиболѣе культурнымъ и воспріимчивымъ къ революціонной борьбѣ и соціалистическимъ идеаламъ, составляющихъ у него — у пролетаріата — логическій выводъ въ положительную сторону изъ отрицательныхъ чертъ современности.

Признаніе того, что рабочее движеніе должно стать центральнымъ пунктомъ революціонной программы, сдѣлалось общимъ у

---

*) *Прим. ко 2-му изд.* Само собой разумѣется, дальнѣйшая набрасываемая нами картина меньше всего можетъ претендовать на какую либо детальность. Въ періодъ времени отъ конца 80 до конца 90 годовъ революціонная мысль пережила цѣлую, пожалуй, даже и очень разностороннюю эволюцію. Мы не имѣли возможности прослѣдить ее здѣсь — мы лишь отмѣтили почву, на которой происходила она, тонъ, который звучалъ въ ней, но даже колебанія въ почвѣ и тонѣ не могли нами быть отмѣчены въ сколько нибудь детальномъ и хронологическомъ видѣ. Говоримъ это во избѣжаніе недоразумѣній: рецензировавшій нашу книжку товарищъ В. З. („Заря“, № 2-3, стр. 350) приписываетъ намъ то, чего у насъ не было и въ мысляхъ — будто уже съ 80 годовъ произошло раздѣленіе наслѣдниковъ Народной Воли на два лагеря — экономическій и политическій. Въ 80 годахъ этого не было, но уже и тогда зачинался, подготавливался соотвѣтственный строй мысли, который неминуемо долженъ былъ привести къ такому раздѣленію въ дальнѣйшемъ. Это и случилось. (Болѣе детально объ этомъ вопросѣ намъ приходилось говорить въ № 1 „Кануна революціи“ и еще придется говорить въ слѣдующихъ изданіяхъ).

подавляющаго числа революціонеровъ. Небольшое меньшинство, отрицавшее этотъ пунктъ, частью совсѣмъ сошло съ революціонной сцены, такъ какъ у него не было своей собственной программы, диктующей, какова должна быть современная революціонная дѣятельность, а прежняя программа — за ней осталось одно бумажное, а отнюдь не жизненное значеніе, ибо она никого не вдохновляла на практическое дѣло. Такого рода, дѣйствительно „бывшимъ" людямъ или *бывшимъ*, еще не успѣвшим пожить оставалось только все и вся осыпать сарказмами и ѣдкой ироніей ждать новыхъ пророковъ и инниціаторовъ, и, не дождавшись ихъ въ теченіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, сходить въ могилы. Частью же представители этого меньшинства, съигнорировавшаго рабочій вопросъ какъ основной базисъ программы, — принялись за революціонную работу въ раздробь, безъ общей связующей программной нити: организація типографскаго дѣла, передача литературы изъ города въ городъ въ среду интеллигентнаго пролетаріата, оказаніе помощи измятымъ русскимъ правительствомъ и т. д., т. е. отдались въ высшей степени почтеннымъ и необходимымъ подсобнымъ революціоннымъ занятіямъ, не слитымъ только въ одно всероссійское революціонное дѣло съ ясно намѣченными цѣлями и хорошо опредѣленными результатами для ближайшаго будущаго, какъ это было въ моментъ работы „Нар. Воли".

Мы не можемъ остановиться на этого рода меньшинствѣ, такъ какъ такая остановка для насъ — въ виду цѣлей нашего очерка — была бы безрезультатной. Духъ народовольчества отлетѣлъ отъ этого меньшинства, осталась лишь *буква* его да святыя воспоминанія о прошломъ. Грандіозная машина 70 годовъ силой обстоятельствъ распалась на отдѣльныя свои составныя части: нѣкоторыя изъ нихъ были — и есть — совершенно новыя, сейчасъ-же годныя въ дѣло, другія — нуждались въ серьезной реставраціи, третьи же — въ замѣнѣ чѣмъ либо совершенно противоположнымъ. Но вновь составить машину и пустить ее въ такой полный быстрый ходъ, какъ это было въ 70-ые годы — такая задача была бы по силамъ лишь той замѣчательной способности оріентироваться въ окружающемъ, какою обладала „Народная Воля" по отношенію къ своему времени, и той поразительной энергіи, которая составляетъ неотъемлемый ингредіентъ въ характеристикѣ славной партіи 70 годовъ. У продолжателей ея, выступившихъ подъ разными названіями, уже этого не было.

Если чѣмъ либо и отразились въ жизни подмалевыванія прошлаго словами и кое-какими дѣйствіями, то развѣ чисто отрицательными результатами: довотонность аргументаціи, упорное отри

цавшей массу коренныхъ измѣненій въ дѣйствительности и знавшей одинъ лишь шаблонъ, заимствованный изъ живой работы прошлаго на все и про все, маскарадный характеръ нѣкоторыхъ продолжательскихъ дѣйствій — все это оказало плохую услугу революціонному движенію: во первыхъ, какъ въ дурномъ зеркалѣ исказился образъ прошлой дѣятельности съ ея здоровыми зернами, ибо молодое поколѣніе стало судить обо всемъ прежнемъ по его реставрированію въ настоящемъ, а во вторыхъ эти склейки и подклейки — былъ своего рода квіетизмъ революціонной мысли, мѣшавшій ей активно работать при измѣнившихся условіяхъ жизни. Можно ли было ждать отсюда возрожденія живого революціонизма въ Россіи? — Поэтому то мы и переходимъ прямо къ большинству, точнѣе, къ отношенію этого большинства къ рабочему дѣлу, ставшему, какъ мы уже упоминали, центральнымъ пунктомъ программъ.

Но предварительно намъ, для уясненія послѣдующаго, необходимо сосредоточить свое вниманіе хоть самымъ бѣглымъ образомъ на той атмосферѣ, въ которой происходила ликвидація прошлыхъ ошибокъ и выработка новыхъ взглядовъ.

Надо быть художникомъ, чтобы воспроизвести тотъ страшный психическій переломъ, который пришлось пережить новому поколѣнію революціонеровъ вслѣдъ за паденіемъ „Нар. Воли" — переломъ, явившійся необходимымъ слѣдствіемъ этого геройскаго въ неравной борьбѣ паденія. Еще вчера кипѣла неутомимая, ожесточенная борьба; на смѣну павшимъ ратникамъ вставали все новые и новые борцы; попытки одна грандіознѣе другой не переставали чередоваться другъ съ другомъ передъ ошеломленнымъ обществомъ и правительствомъ, которое не могло отрѣшиться отъ страха внезапной смерти даже и въ стѣнахъ Зимняго Дворца. Ни на одинъ моментъ не ослабѣвала энергія борцовъ, ни на одну минуту не опускались ихъ руки, не падали ихъ надежды; напротивъ, съ каждымъ мигомъ желанный берегъ казался все ближе и ближе, еще одинъ взмахъ, одинъ напоръ — и борцы у цѣли... И вдругъ сегодня — гдѣ столъ былъ яствъ тамъ... гробъ стоитъ! Ничего кромѣ жалкихъ обломковъ... Гдѣ-же та мощь революціонера, которая отъ лица партіи диктовала правительству рядъ первично необходимыхъ реформъ? Неужели вся эта партія — лишь сплошной миѳъ? Гдѣ то правительство, которое вчера ежилось въ паническомъ страхѣ и, забывая о своемъ драгоцѣнномъ абсолютизмѣ, писало слезницы обществу, выдѣлывало реверансы прессѣ, предварительно лягнувъ ее копытомъ? Гдѣ всѣ эти „диктатуры сердца", кокетливыя лорисъ-меликовскія конституціи,

акробатическія упражненія всякаго рода „Кохановскихъ“ коммиссій, гдѣ все это — выражаясь языкомъ Гейне — воркованье ехидны о любви, пѣсни волка и осла о свободѣ? Увы, всего этого сегодня нѣтъ! Никто не прислушивается къ требованіямъ революціонной партіи: ни одинъ шакалъ не любезничаетъ со свободой, а прямо и безхитростно исполняетъ свои функціи, не считая нужнымъ называть свои когти бархатными лапками и не искривляя своего обличія въ предупредительную улыбку. Правительство открыло свои карты, и онѣ оказались еще болѣе выигрышными для русскаго деспотизма, чѣмъ это было прежде. Всюду то же безправіе, еще даже въ большей степени, чѣмъ наканунѣ: всюду та же непокрытая нищета и невѣжество; всюду то же разбитое россійское корыто, изъ котораго обыватели лакаютъ помои со свиньями!, а подъемъ духа либеральнаго общества, — да это живой сколокъ съ того древняго раба, который бѣжалъ помимо своей воли за колесницей тріумфатора и осыпалъ его ad majorem gloriam площадной бранью, а затѣмъ — если требовалось — былъ нещадно поротъ за свои грѣхи и за грѣхи отцовъ... У революціоннаго колосса оказались глиняныя ноги и онъ рухнулъ подъ правительственную пяту Александра III, а орелъ восточнаго самодержавія царя-міроморца взвился такъ высоко, какъ не вздымались еще орлята его батюшки... Подавленный такимъ арѣлищемъ, нѣкоторыя черты котораго явились продуктомъ аберраціи зрѣнія самого воспринимавшаго, — наслѣдникъ „Нар. Воли“ потерялъ вѣру въ мощь человѣческой личности вообще. Начался процессъ развѣнчанія этой личности, потопленія здоровой индивидуальности съ ея иниціативой и почином въ различныхъ псевдо-революціонныхъ теоріяхъ. Въ глазахъ многихъ революціонеровъ народоволецъ сталъ вырисовываться не просто на просто человѣкомъ, живое чувство котораго не въ состояніи было дольше терпѣть правительственный произволъ и толкнуло его на единоборство съ царизмомъ *въ то время, какъ не было еще серьезной заручки въ массахъ* и нельзя было, какъ слѣдуетъ положиться на „либеральныя броженія“, — словомъ человѣкомъ, котораго обстоятельства вынудили вести не пунктуально-математическій, а *форсированно-героическій счетъ* своимъ силамъ, если будетъ такъ понятно: нѣтъ, народоволецъ сталъ представляться чѣмъ то, мнившимъ себя титаномъ, полнымъ властелиномъ колеса исторіи, полагавшимъ, что нѣсколькими щелчками онъ въ состояніи пересоздать всю Россію, повести ее самолично по тому пути развитія, который онъ самъ намѣтилъ ей, и проч. Народовольцамъ стали приписывать гораздо больше крайностей, чѣмъ было ихъ у любого самаго рьянаго мечтателя это

энергичной и въ основахъ своихъ трезво мыслившей революціонной партіи.

Надо избѣжать этихъ народовольческихъ крайностей! — такая задача стала передъ новымъ революціоннымъ поколѣніемъ. И многіе изъ его представителей избѣжали такъ напугавшихъ ихъ крайностей по гегелевскому рецепту: ударились въ полнѣйшую противуположность прошлому. Въ противовѣсъ титану, не хотѣвшему знать предѣла своимъ историческимъ силамъ, появился образъ quantité negligeable, образъ — простите — сверчка, знающаго свой революціонный шестокъ. Массы — законами своеобразнаго діалектическаго мышленія на больной почвѣ — были выдвинуты, какъ живая антитеза революціонной личности. Надо лишь прислушиваться къ тому, что дѣлается въ массахъ — въ рабочей средѣ, — какія намѣчаются тамъ теченія и сообразно этому и выдвигать такія задачи, которыя сейчасъ, въ данный моментъ, совпадаютъ съ хорошо уже опредѣлившимися тяготѣніями въ рабочей средѣ. Надо истолковывать эти тяготѣнія тѣмъ рабочимъ или цѣлымъ промышленнымъ районамъ, гдѣ еще слишкомъ слабы они. Своей какой нибудь задачи, которая бы служила благу рабочаго люда, но далеко опережала бы думы его въ текущій моментъ, агитаторы и пропагандисты не могутъ вносить въ рабочую среду, ибо совершенно безцѣльно погружаться въ море безбрежной фантастики, а лучше дѣлать „практическое дѣло“, которое изъ малаго, все расширяясь, постепенно выростаетъ въ великое. Притянута была на прокустово ложе постепеновщины и злосчастная теорія экономическаго матеріализма, которая въ вульгаризированномъ пониманіи стала не менѣе эластичной, чѣмъ іезуитская этика. Твореніемъ величайшаго изъ человѣческихъ геніевъ стали штопать всякія прорѣхи, сдабривать проповѣдь черепашьяго шага, ничуть не справляясь съ глубоко-революціоннымъ духомъ этого творенія... Какъ въ легальной литературѣ выросла теорія малыхъ дѣлишекъ, такъ и въ революціонной средѣ появилась та же теорія малыхъ революціонныхъ поступковъ. Духъ широкой иниціативы уступилъ рабскому слѣдованію за злободневными запросами рабочихъ, адресуемыми къ фабрикантамъ; преклоненіе передъ фактами начало вытѣснять собой руководительство идей. Собственная роль агитаторовъ и пропагандистовъ въ рабочей средѣ чуть ли не на каждомъ перекресткѣ начала подвергаться всевозможнымъ высмѣиваніямъ. Революціонеру доставляло какое-то злорадное удовольствіе уничтожить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. „Интеллигенція *) въ рабочемъ движеніи!“ — это ничего больше

*) Мы употребляемъ это до невозможности замаранное слово

не заслуживало, кромѣ гомерическаго хохота. Тотъ день, когда пролетаріатъ сможетъ обойтись собственными силами безъ всякой революціонной „интеллигенціи", признавался самымъ желаннымъ днемъ. Сдѣлать самое себя совершенно ненужной въ рабочемъ движеніи — такова святая, провиденціальная роль „интеллигенціи". Точь въ точь та толпа, которая вела Лавуазье на казнь и кричала у эшафота: „nous n'avons pas besoin des savants!" („мы не нуждаемся въ ученыхъ")... И если бы еще эти разсужденія покоились на томъ, что рабочее движеніе только тогда сильно и могуче, когда оно имѣетъ свою, изъ собственной же среды выдѣлившуюся интеллигенцію — въ этомъ было бы, конечно, раціональное основаніе. Но сплошь да рядомъ руководились не этой точкой зрѣнія, а просто самымъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ своей собственной интеллигентной персонѣ... Стоило только сказать „интеллигенція" (революціонная интеллигенція — еще разъ повторяемъ), какъ сейчасъ же на лицахъ появлялись ироническія улыбки, и слышался рядъ колкостей на тему знаменитаго „мы"... „Намъ самимъ ничего не нужно!" (замѣчательная формулировка Гл. Ив. Успенскаго) — сдѣлалось лейтмотивомъ большей части разговоровъ... Не будетъ даже гиперболой сказать, что къ рабочимъ чуть ли не обращались съ просьбой: „плюйте на насъ, плюйте, братцы!" Это было въ своемъ родѣ повтореніе „кающагося дворянина", только подъ другимъ заглавіемъ и съ другого рода содержаніемъ: „кающійся революціонеръ", бичующій себя и за дѣйствительные, и за призрачные грѣхи отцовъ. Нѣтъ, даже нельзя сказать „революціонеръ" — ибо находилось не мало и такихъ представителей молодого поколѣнія, которые поносили самое слово революціонеръ, считая революціонера чѣмъ то вродѣ фейерверкера, пускающаго блестящія ракеты, отъ которыхъ остаются въ результатѣ лишь никому не нужныя трубки изъ картона... Идеи политической свободы, политической борьбы, какъ неотложной задачи сегодняшняго дня, — были, конечно, забыты. Это — раздраженіе плѣнной революціонной мысли всевозможныхъ quantités negligeables. Какъ же этимъ утопіямъ появляться въ жизни среди бѣлаго дня?! Не мало находилось революціонеровъ, которые готовы были исшпелить эти идеи. Сколько сарказмовъ выпадало на долю политической борьбы, этого основного тона, дѣлавшаго музыку прошлаго и не принес-

---

просто для краткости; мы не имѣемъ сейчасъ въ виду ни адвокатовъ, ни врачей, ни другихъ профессій съ свободомыслящей кокардой, — мы подразумѣваемъ лишь *революціонеровъ соціалистовъ*.

наго будто бы никакихъ осязательныхъ благъ настоящему. Нахо-
дились — и еще чуть ли не на дняхъ — органы революціонной
прессы, которые ничтоже сумняшеся, не долго раздумывали надъ
тѣмъ, чтобы плюнуть въ тотъ колодезь, изъ котораго въ буду-
щемъ придется воду пить. У самихъ quantités negligeables успѣ-
ло вымереть дѣйствительное тяготѣніе къ политическимъ идеа-
ламъ... Оно и не могло не вымереть: все то, что не находитъ
себѣ примѣненія въ жизни, — атрофируется.

Мы слишкомъ далеки отъ мысли приписывать огульно всѣмъ революціонерамъ только что очерченные нами взгляды на вещи. Мы прекрасно знаемъ, что существовали и существуютъ группы, которыя дѣятельно боролись и борятся съ этими взглядами. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣнію отдѣльныхъ группъ мы сочли нужнымъ предпослать именно такую, а не иную обрисовку момента, наступившаго вслѣдъ за паденіемъ „Нар. Воли" и отчасти сохранившаго свою власть и надъ настоящимъ. Дѣло въ томъ, что эти крайніе взгляды, эти выбрасыванія и дитяти изъ ванны вмѣстѣ съ грязной водой при критикѣ прошлаго — не только говорятъ сами за себя, но и въ своей крикливо-уродливой формѣ свидѣтельствуютъ о болѣзни, все время гнѣздившейся въ революціонерахъ 80-90 г.г.; было не мало революціонеровъ, отдававшихъ вполнѣ должное роли революціонной личности въ исторіи, но *фактически*, отсутствіемъ собственной иниціативы подтверждавшихъ, что эта роль сводится къ нулю; было не мало революціонеровъ, отстаивавшихъ необходимость политической борьбы, но *фактически* — опять отсутствіемъ собственнаго почина — краснорѣчиво безъ словъ доказывавшихъ, что не все то „необходимо", что фигурируетъ подъ такимъ ярлыкомъ. Это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Не думая обобщать для всего революціоннаго движенія конца 80 и 90 г.г. указанныя нами крайности, мы тѣмъ не менѣе находимъ сущность ихъ даже въ рядахъ тѣхъ революціонеровъ, которые усиленно боролись съ этими крайностями. И это понятно: наше недавнее прошлое — не водевильное горе, а тяжкая драма, — и она не могла не изломать слѣдующаго поколѣнія...

Начнемъ съ революціонеровъ экономическаго направленія.

Здѣсь царила полная увѣренность въ томъ, что борьба экономическая *есть въ то же самое время* и борьба политическая, и изъ этого афоризма, обладающаго всѣми достоинствами и страдающаго всѣми недостатками хорошихъ афоризмовъ, дѣлался выводъ, что теперь нѣтъ нужды ни въ какой особой политической программѣ. Зачѣмъ она, разъ мы живемъ въ Россіи, гдѣ агита-

ція за мелкіе злободневные вопросы принимаетъ политическій характеръ благодаря особенностямъ нашего государственнаго устройства?! Борьба за пятакъ замыкала весь кругозоръ въ этомъ лагерѣ. И Боже сохрани было возражать, что это не есть революціонное дѣло! Со скрежетомъ зубовнымъ сыпали упреки въ отвѣтъ возражающимъ въ томъ, что они, возражающіе, никакъ не въ состояніи понять, какой плюсъ приноситъ пятакъ для благосостоянія рабочаго. Жалкихъ словъ по этому поводу тратилось море разливанное. „Не революціонное дѣло!“ А по вашему — уничтожали они своихъ противниковъ, — революціонно лишь то, что забрызгано кровью, баррикады, бряцаніе оружіемъ, пламенныя воззванія о мести огнемъ и мечемъ — вотъ что революціонно?! Мелко-буржуазныя воззрѣнія старыхъ кумушекъ — вотъ что вы считаете революціей, а не ростъ рабочаго движенія, тихо и медленно, но зато вѣрно сносящій съ дороги всѣ препоны и размывающій всѣ плотины! И согласно съ этимъ не мелко-буржуазные представители экономической фракціи называли революціоннымъ каждый отпоръ рабочаго своему десятнику, каждое требованіе измѣненія расцѣнокъ. Революціонный духъ отлетѣлъ отъ нихъ, и они превратились въ культуртрегеровъ, только высшаго полета, нежели обыкновенные культурники. Въ концѣ концовъ многіе изъ нихъ выкинули на своемъ шатрѣ флагъ съ письменами изъ Бернштейна, и „новаторъ“ нѣмецкой соціальдемократіи явился для нихъ нотаріусомъ, который засвидѣтельствовалъ съ приложеніемъ собственнаго подписа и печати ихнюю постепеновщину.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эта фракція питала своими соками мысль о революціонерѣ-интеллигентѣ, какъ о quantité negligeable. Этотъ фактъ какъ разъ соотвѣтствовалъ логикѣ вещей: вѣдь, люди этой фракціи не вносили совершенно новыхъ идей въ рабочую среду en masse — они только развивали уже успѣвшее назрѣть, придавали ему болѣе глубокую форму, переносили въ другіе рабочіе районы. А если такъ, то велика ли дѣйствительно роль интеллигента-революціонера въ рабочей средѣ? Это не акушеръ, а простая повитуха съ очень немногосложными функціями.

Отдавая вполнѣ должное людямъ экономическаго направленія революціонной мысли, признавая всю пользу, которую они оказали на первыхъ стадіяхъ развитія рабочаго движенія: понимая поскольку въ такомъ міровоззрѣніи виновата русская исторія, отбросившая революціонную мысль на совершенно противоположный полюсъ, а также поскольку такіе способы работы обусловливались

самимъ фактомъ эмбріональности рабочаго движенія въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и, наконецъ, поскольку виновата общая всѣмъ людямъ слабость, заставляющая спеціализировавшихся въ какой нибудь одного рода работѣ — считать его всѣмъ и вся: — зная все это и принимая въ разсчетъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ относиться терпимо къ узкому экономизму и къ теперешней его формѣ — бернштейніанству. Въ тысячу разъ легче перенести ударъ правительственной плети, нежели пропаганду бернштейніанства, культурничающаго тамъ, гдѣ мѣсто революціонной борьбѣ! Нагайка ничего не душитъ на долгое время — наоборотъ, она вызываетъ отпоръ; бернштейніанская пропаганда экономической борьбы толкаетъ революціонера въ болотную тину, а эта тина засасываетъ человѣка.

Переходя къ политическому направленію революціонной мысли, мы не можемъ не отмѣтить на первый взглядъ страннаго обстоятельства: поскольку экономическій лагерь являлъ собой хоть узкую, но все же цѣльность по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду, постольку здѣсь, въ политическомъ лагерѣ, все время существовала какая-то удивительная половинчатость.

Возьмемъ литературу. Самыми ясными словами въ ней говорилось, жирнѣйшимъ шрифтомъ печаталось о необходимости политической борьбы и при томъ *массовой* политической борьбы. Но переберите вы „Библіотеку Современнаго Соціализма“, „Рабочую Библіотеку“, и т. д., и окажется, что здѣсь меньше всего книжекъ *для рабочаго* и больше всего *о рабочемъ*. Если революціонеръ проникнется вполнѣ взглядами „Библіотекъ“ и вознамѣрится приложить ихъ къ массовой политической борьбѣ, т. е. содѣйствовать ея развитію, — онъ при первомъ же своемъ жизненномъ шагѣ долженъ почувствовать себя безоружнымъ. Онъ съ отчаяніемъ долженъ констатировать, что ему не съ чѣмъ двинуться въ рабочую среду en masse. Скудость литературы *для рабочаго* была все время крайне поразительна. Въ то время, какъ экономическія идеи обставлялись, если не съ достодолжнымъ комфортомъ, то все же мало мальски прилично, не декретировались, а аргументировались съ разныхъ сторонъ, — въ то самое время идеи политическія были на положеніи бездомнаго пролетарія. То онѣ приткнутся въ какую нибудь брошюру чисто экономическаго характера и выглядываютъ оттуда нѣсколькими десятками фразъ, то онѣ обрѣтутъ себѣ покой въ брошюрахъ *о рабочихъ*, въ программахъ разныхъ и отсюда должны свѣтить массамъ. Въ концѣ концовъ въ качествѣ орудія для политической пропаганды и агитаціи оказывается нѣсколько тезисовъ: „правительство —

врагъ рабочаго дѣла!", „рабочему прежде всего нужна политическая свобода!" и т. д. Получаются какія то нотабене, которыя надо принять къ свѣдѣнію, и отдѣльные рабочіе ихъ и принимаютъ, а массы отъ этого ровно ничего еще не выигрываютъ. И въ результатѣ мы оставались при программахъ съ разными desiderata, цѣльными и стройными на четвертушкѣ бумаги, но совершенно безжизненными за отсутствіемъ литературы и за отсутствіемъ указанія путей, какъ *сейчасъ* реализовать эти desiderata, какова должна быть *въ настоящее время* планомѣрная политическая *массовая* борьба. Чѣмъ это объяснить? Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что мы имѣли не политическую литературу для рабочихъ, а лишь сентенціи и политическую моралистику для интеллигентовъ-революціонеровъ? Тѣмъ, что революціонный писатель получаетъ императивный мандатъ отъ самой жизни. Народовольцы имѣли довольно богатую литературу: не для рабочихъ, правда, но въ силу обстоятельствъ центромъ ихъ дѣятельности были не массы, а другія сферы, и вотъ для этихъ-то другихъ сферъ, для выработки изъ нихъ практиковъ-народовольцевъ и сочувствующихъ, они и имѣли довольно богатую литературу. Таковъ былъ mandat impératif жизни, и литература подчинялась ему. Мы, наслѣдники „Народной Воли", открыли безконечные турниры объ „экономикѣ" и „политикѣ" — получивъ на этотъ счетъ соотвѣтствующій мандатъ, литература добросовѣстно отнеслась къ нему; мы дни и ночи вели безконечные споры о рабочемъ — литература и здѣсь откликнулась всей наличностью своихъ силъ; мы фактически не стояли на почвѣ массовой политической агитаціи и такой же пропаганды, мы проводили политическіе взгляды среди интеллигентныхъ или довольно интеллигентныхъ рабочихъ, въ кружкахъ — просмотрите „Библіотеки", вы найдете тамъ хорошій матеріалъ для занятій „политикой" въ кружкахъ. Но массы — на этотъ счетъ жизнь не давала mandat impératif и литература въ этомъ отношеніи, значитъ, могла проявить только самую слабую иниціативу. Какова жизнь, такова и литература.

Мы оставляемъ въ сторонѣ какія нибудь отдѣльныя кружковыя занятія, при которыхъ единицамъ и десяткамъ рабочихъ развивались политическія идеи. Развѣ это важно? Важна политическая агитація въ массахъ; при ней — и только при ней — получаетъ крупное значеніе пропаганда въ кружкахъ (кружковая работа — это бродъ, черезъ который революція переходитъ въ массы), а безъ нея — это фактически или формированье мелкой буржуазіи изъ рабочихъ, или учеба политической грамотѣ съ 90

шансами на рецидивъ политической безграмотности, ибо разъ нѣтъ политической работы въ массахъ, у единицъ политическія стремленія превращаются въ усохшую смоковницу, не дающую плодовъ. А такой то именно работы въ массахъ и не было. Если бы это было не такъ, то рабочимъ преподносились бы не различнаго рода абстракціи, а указывались бы конкретныя цѣли съ опредѣленными средствами, которыми массы бы стали *сейчасъ* въ рядѣ выставляемыхъ требованій, въ рядѣ организованныхъ массовыхъ протестовъ добиваться политической свободы. Эти годы русская реакція неслась впередъ бѣшенымъ галопомъ, растаптывая въ порошокъ все мало-мальски человѣческое въ Россіи, ознаменовывая себя такими гнусными фактами, что, можетъ быть, каждый изъ нихъ способенъ былъ бы вызвать взрывъ возмущенія трудящихся слоевъ народа, если бы велась агитація на почвѣ этихъ фактовъ. При такой агитаціи давно уже стало бы ясно, что notre pauvre boutique du Tzar est pourrie (сгнила наша царская лавченка). Но объ огромномъ большинствѣ правительственныхъ гнусностей рабочіе не имѣютъ даже и понятія. Мы, революціонеры, настолько успѣли придышаться къ гнилому воздуху отчизны, что все усердіе правительства еще болѣе заслякостить окружающее, вызываетъ у насъ только ироническія улыбки и пожиманіе плечами, а не гнѣвное страстное чувство отравить правительство имъ же самимъ испускаемыми міазмами. „Политическая свобода!“ — осталось въ насъ больше какъ рудиментъ прежняго развитія; живой политическій вопросъ у многихъ и многихъ залегъ на ту полочку, гдѣ покоятся различныя крайне интересныя проблемы для человѣческаго ума, не руководящія, однако, всѣми актами человѣческой жизни. Не будучи цѣликомъ проникнуты политической идеей, мы и не могли одухотворить ею каждый нашъ шагъ въ рабочей средѣ. У насъ политическое понятіе замѣнилось политическимъ словомъ, политическое дѣло — подъ этимъ именемъ стали фигурировать возведенные мышленіемъ въ кубъ маленькіе фактики съ блѣднымъ политическимъ колоритомъ.

Такое положеніе вещей — повторимъ еще и еще разъ — явилось продуктомъ того ряда условій, который раздавилъ Народную Волю и затормозилъ на нѣкоторое время революціонную дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ и въ ускоренномъ темпѣ. Усиленная пропаганда политическихъ идей и агитація за политическую борьбу въ массахъ требовали большой иниціативы мысли, самостоятельной оріентировки въ едва намѣчающихся жизненныхъ теченіяхъ, творческаго отношенія къ жизни. Не находить въ подспорье себѣ хоть бы даже еле-еле опредѣлившіеся взгляды

массъ, а привлекать симпатіи ихъ къ совершенно невѣдомому имъ, но настоятельно необходимому для нихъ, искать точекъ опоры и тяжелой вооруженной руки для идеи, еще не колыхавшей пока массы, какъ колыхалъ ее гнетъ капиталистовъ: трудная это задача! Она оказалась непосильной для революціонера 80 и начала 90 г.г. — его слишкомъ обезсилило недавнее нервное перенапряженіе и страшное кровопусканіе. Въ борьбѣ экономической требовалось неизмѣримо меньше собственной инициативы, собственнаго творчества, чѣмъ въ борьбѣ политической. Здѣсь сама жизнь прокладывала дороги стихійной силой, здѣсь опытъ Запада давалъ не мало руководящихъ указаній. Поэтому революціонеры и сосредоточились на экономической борьбѣ. Одна фракція ихъ возвела свою дѣятельность въ принципъ, не оставляющій „пока что" желать чего либо лучшаго; а другая, признавая необходимость и политической борьбы, тѣмъ не менѣе работала фактически лишь на почвѣ экономической. Поэтому, не смотря на всѣ печатныя заявленія группъ, признававшихъ необходимость политической борьбы и выставлявшихъ политическія программы, мы при всемъ нашемъ почтеніи къ этимъ группамъ и при всемъ признаніи заслугъ за ихъ заявленіями имѣемъ полное основаніе сказать, что все же въ 80-ые и въ первую половину 90-хъ г.г. въ рабочей средѣ ея массе не велось политической агитаціи и пропаганды. Не согласиться съ этимъ — это значитъ влагать въ слова и анонсы группъ гораздо больше содержанія, чѣмъ имѣетъ его сама жизнь.

ПРИМѢЧАНІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Товарищъ В. З. (Заря, № 2-3, стр. 349-354) несогласенъ съ нашими мыслями. Его критическія замѣчанія настолько характерны, настолько типичны для цѣлаго направленія революціонной мысли, раньше представлявшагося „Группой Освобожденія Труда", теперь „Искрой" и „Зарей", что мы рѣшаемся выписать ихъ цѣликомъ:

> „.... Что же однако должны были бы дѣлать въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ социальдемократы „политическаго лагеря"? Что бы они сдѣлали, если бы не были половинчатыми? „Рабочимъ преподносились бы, говоритъ авторъ, не различнаго рода абстракціи, а указывались бы

конкретныя цѣли съ опредѣленными средствами, которыми массы бы стали *сейчасъ* въ рядѣ выставляемыхъ требованій, въ рядѣ организованныхъ массовыхъ протестовъ добиваться политической свободы. Эти годы русская реакція неслась впередъ бѣшенымъ галопомъ, растаптывая въ порошокъ все мало-мальски человѣческое въ Россіи, ознаменовывая себя такими гнусными фактами, что, можетъ быть, каждый изъ нихъ способенъ былъ бы вызвать взрывъ возмущенія трудящихся слоевъ народа, если бы велась агитація на почвѣ этихъ фактовъ. При такой агитаціи давно уже стало бы ясно, что notre pauvre boutique du Tzar est pourrie (сгнила наша царская лавченка)". Вотъ что нужно было дѣлать вмѣсто того, чтобы возиться съ библіотеками.

Авторъ, повидимому, не знаетъ, что вторая часть его ретроспективной программы исполнялась въ печати того времени самымъ роскошнымъ образомъ. То и дѣло появлялись изданія, посвященныя доказательствамъ того несомнѣннаго факта, что notre pauvre boutique du Tzar est pourrie, и ни малѣйшихъ абстракцій, никакихъ разговоровъ ни „о рабочихъ", ни объ „экономіи" къ доказательствамъ не примѣшивалось. Однѣ безчисленныя брошюры г. Алисова, по числу печатныхъ листовъ вѣроятно превосходятъ всѣ „Библіотеки", а по тону, по манерѣ писать и даже по содержанію (Побѣдоносцевъ — одинъ изъ любимыхъ героевъ г. Алисова) близко подходятъ къ образцамъ политической литературы, данной самой группой „Свобода" въ ея „Журналѣ для рабочихъ". Правда г. Алисовъ не предназначалъ своихъ брошюръ спеціально для рабочихъ, а писалъ для всѣхъ желающихъ, но не все ли равно, обращается или нѣтъ авторъ какихъ нибудь смѣхотворныхъ діалоговъ между министрами или монологовъ Побѣдоносцева спеціально къ рабочимъ? Ни глупѣе, ни тривіальнѣе эти монологи и діалоги отъ этого обращенія не дѣлаются. Совѣтуемъ автору просмотрѣть брошюры г. Алисова о Побѣдоносцевѣ — онъ самъ увидитъ, что дальше въ этомъ направленіи идти некуда. Никакого зла вся эта агитаціонная литература царской лавочкѣ тогда не сдѣлала, и едва ли потому, что къ брошюрамъ не было приложено рецептовъ устройства „сейчасъ" же „массовыхъ протестовъ". Во всѣхъ выпускахъ „Библіотеки современнаго соціализма" дѣйствительно говорилось о рабочихъ и почти во всѣхъ вмѣстѣ съ этимъ имѣлось на лицо экономическое и политическое содержаніе, т. е. всѣ они, какъ переводы Маркса и Энгельса, такъ и оригинальныя вещи отвлеченно и въ примѣненіи къ русской дѣйствительности и выясняли все тѣ же идеи научнаго соціализма.

Но уже народовольцы признали, что въ борьбѣ съ само-державіемъ городской пролетаріатъ можетъ представит значительную силу и вели пропаганду лишь въ его средѣ оставляя въ сторонѣ крестьянство. Для чего было цѣлые го-ды все толковать „о рабочихъ" вмѣсто того, чтобы объяс-нить имъ que notre pauvre boutique du Tzar est pourrie и указать какимъ образомъ ее сейчасъ низвергнуть? Авто объясняетъ себѣ это лишь болѣзнью, гнѣздившейся въ ре-волюціонерахъ 1880-90 г. г., вслѣдствіе общей деморали-заціи, вызванной паденіемъ Народ. Воли. Съ своей чист практической точки зрѣнія онъ даже не замѣчаетъ значе-нія того обстоятельства, что, ведя пропаганду только сре-ди пролетаріата, народовольцы считали носителемъ русска-го соціализма только крестьянина съ его общиннымъ зем-левладѣніемъ; что, борясь съ самодержавіемъ, они считал единственную немедленно осуществимую форму политиче-ской свободы — парламентаризмъ — вреднымъ для русскаг народа съ его самобытнымъ соціализмомъ и были вынуж-дены придумывать невѣроятные резоны, по которымъ па-деніе самодержавія приведетъ не къ „буржуазной" свободѣ а къ немедленному осуществленію соціализма. Съ точк зрѣнія автора не видно, что именно это несоотвѣтстві между общественной теоріей народовольцевъ и той прак-тической борьбой, которую они вели, хотя и не ослабил энергію втянувшагося въ борьбу революціоннаго центр но помѣшало возрожденію Народ. Воли, не допуская по-полненія ея рядовъ такими людьми, для которыхъ теоре-тическое основаніе ихъ практической борьбы необходимо Смѣемъ однако увѣрить автора, что такіе чудаки дѣйстви-тельно бываютъ и замираетъ то движеніе, къ которому он не могутъ присоединяться, такъ какъ ихъ участіе въ нем необходимо и для практиковъ. *(Надѣемся, В. З. не хочет сказать этимъ, что народовольческое движеніе замерло потому что къ нему не могло присоединиться нѣсколько основа-телей „Гр. Освобожд. Тр."?)* Какъ ни безполезны кажут ся автору „абстракціи" „Библіотекъ", а нѣкоторое вліяні онѣ имѣли и на него. Мы не думаемъ заподазривать авто-ра въ чтеніи этихъ изданій. Боже сохрани! Онъ ихъ н читалъ, но тѣмъ не менѣе отголосокъ развиваемыхъ в „Библіотекахъ" идей забрался и въ его голову."

Изъ всего сказаннаго нами о пережитомъ фазисѣ развитія рус-ской соціальдемократіи наиболѣе интересными для В. З. оказалис наши замѣчанія о „Библіотекахъ", издававшихся „Гр. Осв. Тр.". В З. беретъ ихъ подъ свою защиту и парируетъ наши замѣчані въ такомъ тонѣ, какъ будто мы относимся съ презрительным

енебреженіемъ къ содержанію „Библіотекъ“ и самой „возиѣ“ съ ми. Авторъ рецензіи „не заподазриваетъ“ насъ въ чтеніи изній „Гр. Осв. Тр.“, но не можетъ удержаться отъ замѣчанія, о даже и въ наши головы попали рикошетомъ кое какія мысизъ „Библіотекъ“ и имѣли „нѣкоторое вліяніе“ и на насъ.

Не нѣкоторое, товарищъ В. З., а даже и очень не малое. „Заподазриваете“ Вы насъ или нѣтъ, но „Библіотеки“ мы читали и изучали внимательно, съ большимъ интересомъ и съ большой пользой для себя. Мы не только не относились къ нимъ пренебрежительно, но всегда ихъ считали и теперь считаемъ дѣломъ очень жнымъ и хорошимъ. Откуда Вы взяли, что для насъ вопросы оріи — самое послѣднее и бросовое дѣло? Не менѣе Васъ мы нимъ великое значеніе теоріи для развитія рабочаго движея; можетъ быть, мы не сказали бы, что „замираетъ то движее, къ которому не могутъ присоединиться“ „чудаки“, нуждаюеся въ теоретическомъ обоснованіи практической борьбы; не азали бы потому, что движеніе рабочихъ массъ, вытекая изъ примиримаго антагонизма рабочаго класса всѣмъ лживымъ инципамъ капиталистической культуры, никогда не можетъ заереть, пристанутъ ли къ нему теоретики или нѣтъ — для этооно слишкомъ почвенно, слишкомъ глубоко залегло своими рнями въ основныхъ потребностяхъ рабочаго класса. Но это нить не умаляетъ значенія, придаваемаго нами теоріи, и, докаывая намъ это значеніе, Вы будете ломиться въ открытую дверь. е менѣе Васъ мы понимаемъ и то, какъ важно было работать надъ звитіемъ и пропагандой соціальдемократической доктрины въ нцѣ 80-ыхъ и началѣ 90-ыхъ годовъ, когда надо было дать мордому революціонному поколѣнію новые теоретическіе устои взаѣнъ изжитыхъ старыхъ. Мы не стали бы только аргументироть это Вашими словами, но лишь потому, что они полны исрической неправды. Развѣ это правда, что „ведя пропаганду олько среди пролетаріата, народовольцы считали носителемъ усскаго соціализма только крестьянина съ его общиннымъ землеадѣленіемъ“? Развѣ это правда, что „борясь съ самодержавіемъ, они итали единственную немедленно осуществимую форму политиеской свободы — парламентаризмъ — вреднымъ для русскаго нада съ его самобытнымъ соціализмомъ и были вынуждены примывать невѣроятные резоны, по которымъ паденіе самодержавія оиведетъ насъ не къ „буржуазной“ свободѣ, а къ немедленному уществленію соціализма“? Зачѣмъ Вамъ понадобилось такъ изращать исторію, списывать свои аргументы отчасти изъ эпохи

начала 70-ыхъ годовъ, отчасти изъ споровъ между народовольцами и чернопередѣльцами, при чемъ Вы первыхъ одѣляете тѣмъ, отъ чего они уже отстали, и что главнымъ образомъ продолжало существовать у вторыхъ? Прокламація по поводу 1-го марта, письмо Исполнит. Комитета къ Александру III, письма Якубовича, читавшіяся во время процесса 21, да и масса другихъ документовъ свидѣтельствуютъ о совершенно иномъ отношеніи народовольцевъ къ „буржуазной“ свободѣ, чѣмъ это было въ началѣ и серединѣ 70-ыхъ годовъ, а принадлежавшіе къ рабочимъ группамъ Народ. Воли, изъ которыхъ очень многіе потомъ перешли въ соціальдемократизмъ и дѣйствуютъ и теперь, — они уже совсѣмъ иначе смотрѣли на рабочій классъ и отнюдь не считали носителемъ русскаго соціализма крестьянина съ его общиной...

Но не въ этомъ дѣло. Это мы лишь отмѣчаемъ попутно: слишкомъ грустно видѣть, когда молодежи, совершенно незнакомой съ нашей революціонной исторіей, даютъ ложныя представленія о ней. Мысль же о крайней важности теоретической работы, повторяемъ, мы вполнѣ раздѣляемъ съ Вами, и у насъ не существуетъ того „dégoût des abstractions“ (отвращеніе къ абстракціямъ), который былъ у Борка и заставилъ его сказать: „Je hais jusqu'au son des mots qui les expriment“ (мнѣ ненавистенъ самый звукъ словъ, которыми выражаются абстракціи). И если Вы обрушиваете на насъ такое обвиненіе то только потому, что у Васъ существуетъ качество, противоположное навязываемому намъ dégoût des abstractions — качество, которое такъ откровенно и искренно призналъ за собой Руайе-Колларъ, и котораго не признаете Вы: „je méprise un fait“ (я презираю факты).

Да, именно: Вы презираете факты жизни. Мы говоримъ о томъ что въ концѣ 80 и началѣ 90 годовъ не было политической агитаціи въ массахъ, происходило лишь ознакомленіе интеллигенціи съ рабочимъ вопросомъ и соціализмомъ. Это отсутствіе широкой политической агитаціи въ массахъ мы считали и считаемъ нужнымъ отмѣтить, не въ качествѣ камня въ огородъ „Гр. Осв. Тр.“, а какъ историческій фактъ, а Вы въ отвѣтъ на это, энергично взявъ подъ свою защиту „Библіотеки“, на которыя никто и не думаетъ нападать, обличаете насъ въ незнаніи того, что вторая часть нашей ретроспективной программы „исполнялась въ печати того времени самымъ роскошнымъ образомъ“. И блестяще иллюстрируте это — чѣмъ же? Литературными упражненіями психопата (несомнѣнно страдающаго moral insanity) г. Алисова. Если бы это

былъ только полемическій пріемъ, направленный противъ издаваемаго нами журнала „Свобода“,—намъ бы даже и не приходилось отвѣчать на это. Не намъ судить, правы Вы или нѣтъ, можетъ быть, нашъ журналъ и никуда не годенъ, „глупъ“, „смѣхотворенъ“, „тривіаленъ“ и быть ему на одной доскѣ съ произведеніями г. Алисова. Но неужели же на этой доскѣ мѣсто и поставленному нами вопросу о томъ, что разъ бы въ указанный нами періодъ велась широкая политическая агитація въ массахъ, давно бы сгнила царская лавченка? Развѣ это вопросъ для глумленія? Съ очень великолѣпнымъ презрѣніемъ говорите Вы, что „никакого зла вся эта агитаціонная — алисовская! — литература царской лавочкѣ не сдѣлала, и едва ли потому, что къ брошюрамъ не было приложено рецептовъ устройства «сейчасъ же массовыхъ протестовъ»“.., Но неужели это великолѣпное презрѣніе должно быть распространено и на соціальдемократическую литературу и дѣятельность въ массахъ, если бы таковая существовала и велась въ концѣ 80 и началѣ 90 годовъ? а если нѣтъ, то зачѣмъ же Вамъ понадобились алисовщина и рецепты?

Мы вполнѣ понимаемъ, что если бы „Группа Осв. Тр.“ занялась составленіемъ такого рода рецептовъ (а по своей оторванности отъ жизни она другого и не могла бы дѣлать) — изъ этого бы ровно ничего не вышло для notre pauvre boutique du Tzar; мы прекрасно видимъ, что рецепты, помѣщаемые теперь на страницахъ „Искры“ и „Зари“, ни къ чему не ведутъ; но совсѣмъ иное дѣло мучительныя думы дѣйствующихъ революціонеровъ и ихъ живая революціонная мысль. Если бы она не была такой обезсиленной и дряблой на протяженіи цѣлаго десятилѣтія!...

Но теперь это уже дѣло прошлое. Мысль русскихъ революціонеровъ уже значительно окрѣпла и упорно ищетъ путей для самой широкой агитаціи въ массахъ и никогда съ такой силой не ощущалась потребность въ популярной литературѣ для массъ. Если бы эта потребность являлась руководящей для нашихъ литературныхъ организацій, давно бы мы уже имѣли такъ нужную политическую литературу для рабочихъ. Мы издаемъ журналъ „Свободу“; само собой разумѣется, мы его не считаемъ совсѣмъ никуда не годнымъ — иначе мы давно уже отказались бы отъ ненужной работы; но мы знаемъ лучше, чѣмъ кто нибудь, его недостатки и больше, чѣмъ кто нибудь, страдаемъ отъ того, что за самое насущное дѣло приходится браться ничтожной и во всѣхъ отношеніяхъ малосильной группѣ лицъ, когда это дѣло солидной организаціи. Но отъ солидныхъ организацій, видимо, далека мысль

о необходимости популярной литературы. Вы глумитесь надъ тѣмъ что у насъ въ подзаголовкѣ сказано „Журналъ для рабочихъ." Вы эти слова заключаете въ презрительныя кавычки, съ священнымъ ужасомъ восклицаете (все въ той же рецензіи): развѣ можно и должно рабочимъ писать и говорить другое, чѣмъ интеллигенціи, и наставительно поучаете насъ, что нынче рабочій прочтетъ не только то, на чемъ значится „для рабочихъ"... Вотъ что называется съ больной головы на здоровую! Развѣ это неуваженіе къ рабочему спеціально для него создавать журналъ? Неуваженіе — это издавать литературу, въ которой рабочій понимаетъ одну десятую часть! Неуваженіе не считаться съ его нуждами — съ нуждами широкой массы, которая одна только является силой, творящей жизнь, несмотря на то, что она не въ состояніи читать изданій Группы Освобожденія Труда, Зари и Искры... Ей нужны свои газеты, свои журналы, свои книжки... Можетъ быть, нашъ журналъ и никуда не годный, но тѣмъ хуже для васъ. Вы должны создать другой, хорошій журналъ, другую не „глупую" литературу. Но даже попытокъ въ данномъ направленіи нѣтъ... Изданы только пѣсни съ нотами организаціей „Искра" да неизвѣстно зачѣмъ маленькія книжечки о французской революціи „по Блоссу", ровно ничего не дающія массѣ, а болѣе развитымъ рабочимъ... да они сами прочтутъ Блосса въ изданіи Стасюлевича. . Когда же, наконецъ, будетъ поставленъ на очередь вопросъ о литературѣ для массовыхъ рабочихъ? Никогда онъ не увидитъ свѣта, если его будутъ брать въ презрительныя кавычки! На словахъ всегда будутъ говорить, что „мы развѣ противъ популярной литературы?", а на дѣлѣ ея все нѣтъ, нѣтъ и не будетъ... И такимъ образомъ, вопросъ о широкой политической агитаціи въ массахъ фактически все время остается съ подрѣзанными крыльями... Объ органѣ для „руководителей" Н. Ленинъ напишетъ очень краснорѣчивый трактатъ, и десятки Ленинныхъ примутся за его созданіе (чему мы, конечно, желаемъ всяческаго успѣха), а объ органѣ для рабочей массы при такъ разросшемся массовомъ движеніи — ни слуху, ни духу... Какъ будто это не является самой насущной потребностью момента! Пѣсни съ нотами, ноты съ пѣснями...

Къ сожалѣнію, недостатокъ времени и мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться на затронутыхъ здѣсь вопросахъ. Это мы сдѣлаемъ подробно въ „Канунѣ Революціи".

Теперь, за самое послѣднее время, теоретичность политической борьбы начинаетъ уступать мѣсто жизненнымъ политическимъ актамъ. Это происходитъ главнымъ образомъ подъ бодрящимъ воздѣйствіемъ рабочаго движенія, все раскидывающагося по сторонамъ и углубляющаго свое русло; отчасти правительственныя репрессаліи, съ каждымъ годомъ все больше и больше вытравливающія возможность создавать солидныя организаціи, должны были до неимовѣрности обострить вопросы политической борьбы; затѣмъ, за пятнадцатилѣтній періодъ, когда политическая борьба пребывала in spe, „мы славно выспались, отдохнули, можно со свѣжими силами и за работу". И, наконецъ, — это уже продуктъ самыхъ послѣднихъ дней — на революціонера должно было оказать сильное воздѣйствіе возбужденіе въ „обществѣ".

Какъ бы мрачно ни смотрѣть на дѣйствительность, необходимо признать, что первые шаги въ направленіи политической борьбы уже дѣлаются. Теперь уже *фактически* ведется политическая агитація и пропаганда въ массахъ. И литература сразу-же явилась вѣрной выразительницей жизни. Возьмите вы періодическія изданія („Рабочее Знамя", „Рабочее Дѣло", „Искру"), возьмите вы рядъ выходящихъ брошюръ и листковъ. И по своему количеству они превосходятъ все то, что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и по своему содержанію — они уже не то, что было раньше. Теперь неизмѣримо меньше мы имѣемъ *о рабочемъ* и не въ примѣръ больше *для рабочаго*. Мы можемъ находить тѣ или иные недостатки въ „Рабочемъ Дѣлѣ", „Искрѣ", „Рабочемъ Знамени", но это уже или недостатки переходнаго времени, неуспѣвшаго еще какъ слѣдуетъ очиститься отъ вчерашняго доктринерства, отъ туманной и расплывчатой постановки политическихъ вопросовъ и т. д., или же это просто недостатки выполненія. Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ исчезнуть, понятно, въ самомъ ближайшемъ будущемъ, лишь только литература приспособится какъ слѣдуетъ къ mandat impératif жизни. За это говорятъ нѣкоторыя замѣчательныя изданія „Союза", какъ напр. „Рабочее дѣло въ Россіи".

Мы хотимъ остановиться сейчасъ еще на одномъ характерномъ показателѣ наступленія новыхъ временъ. За самые послѣдніе дни экономическое направленіе революціонной мысли сформулировало свои взгляды гораздо рѣзче и выразительнѣе, чѣмъ это было еще наканунѣ. Вчера оно было своего рода безпоповщиной, т. е. эко-

номическія задачи не имѣли одного опредѣленнаго толкованія и понимались то уже, то шире; въ виду этого къ экономическому лагерю — именно благодаря расплывчатости аргументаціи, позволявшей въ термины вкладывать больше содержанія, чѣмъ они его имѣли — примыкали люди по существу своему вовсе не сторонники узкаго экономическаго культуртрегерства.

Теперь мы имѣемъ дѣло съ бернштейніанствомъ. А категорическая, прямая постановка вопросовъ бернштейніанства безъ всякой возможности уширеннаго пониманія вещей должна была повлечь за собой и болѣе ясную и опредѣленную формулировку вопросовъ у представителей другихъ фракцій. Экономическому крохоборчеству надо было съ большей силой, чѣмъ раньше, противопоставить значеніе и необходимость политической борьбы пролетаріата.

Политическіе вопросы въ кружкахъ революціонеровъ поэтому теперь дебатируются съ большей живостью, чѣмъ года два назадъ: взаимныя бесѣды революціонеровъ теперь гораздо чаще ведутся на политическія темы, чѣмъ раньше. Афористичность въ постановкѣ вопросовъ замѣняется ихъ дѣйствительной разработкой. А это ведетъ къ тому, что сглаживаются многія взаимныя недоразумѣнія между истиннымъ соціальдемократизмомъ, по самому существу своему стоящимъ за политическую борьбу, и другими соціально-политическими фракціями Россіи. Прежде дебаты о политической борьбѣ носили какой-то сумбурный характеръ, — соціаль-демократы скользили по политическимъ вопросамъ, боясь особенно рѣзко подчеркнуть политическія идеи, не видя надобности распространяться на политическія темы, ограничиваясь лишь „признаніемъ въ принципѣ“ политической борьбы: съ своей стороны, другія политическія фракціи принимали недоговоренность рѣчей, схематичность положеній за полное отсутствіе въ соціальдемократіи политическихъ стремленій.

А между тѣмъ, если бы не было столпотворенія вавилонскаго когда люди говорятъ на разныхъ языкахъ, давно бы уже было возможно соединеніе соціальдемократіи съ другими соціалистическими фракціями, настоятельно выдвигавшими и выдвигающими политическую борьбу. Теперь этому *можетъ* значительно посодѣйствовать бернштейніанство, требующее солиднаго себѣ отпора и, значитъ, рѣшительной постановки вопросовъ. Мы говоримъ такъ осторожно: „можетъ“ — потому, что, къ сожалѣнію, допустима и другая возможность.

Именно, мы боимся, что и бернштейніанская теорія и бернштей-

ніанская практика окажутъ слишкомъ плохую услугу русской революціонной мысли. Мы боимся — и нашъ страхъ не безоснователенъ: уже есть разные признаки въ легальной прессѣ и въ разныхъ нелегальныхъ разговорахъ, — что бернштейніанскими теоріями у насъ воспользуются, чтобы совершить покушеніе на Маркса съ негодными средствами, какъ въ 70 г. г., въ моментъ перехода отъ „экономики“ къ „политикѣ“, покушались на того же Маркса оружіемъ, позаимствованнымъ у разныхъ Дюринговъ... Такое ужъ несчастье русской жизни: чтобы отстоять какую нибудь вѣрную мысль, русскій революціонеръ готовъ черпать для нея откуда угодно аргументы — и у Вольтмана, и у Мазарика, и у Бернштейна, лишь-бы набрать „embarras des richesses“ доказательствъ... Словно рѣчь идетъ о мельницѣ какой, на которую надо лишь возможно больше воды — хоть чистой, хоть мутной — все равно...

Мы готовы защищать вѣрныя и правильныя идеи, критиковать заблужденія и ошибки, но поищемъ для этого аргументовъ отнюдь не у Бернштейновъ, и не въ буржуазной философіи, которую призвалъ къ себѣ на помощь для идейной обосновки своего status quo разрушающійся капиталистическій строй. Мы найдемъ для нашей критики и для созданія органическихъ теорій аргументы и помимо бернштейнскихъ, и намъ слишкомъ больно видѣть, какъ прокладываетъ себѣ дорогу въ революціонные умы теоретическій сумбуръ западной литературы настоящаго времени, намъ слишкомъ тяжело даже представить себѣ, что у насъ можетъ образоваться еще новая идейная почва для разъединенія революціонеровъ, которые уже очень долго вмѣсто дружной семьи живутъ какими то друзьями-врагами...

Резюмируя все сказанное нами, мы приходимъ къ выводу, что:

Задача интеллигента-революціонера, глубоко осмысливающаго нужды настоящаго момента, опредѣляется теперь уже болѣе чѣмъ ясно: *нести идею политической борьбы въ среду пролетаріата, пропагандировать ее, развивая политическое самосознаніе рабочихъ, и агитировать за нее, ставя передъ рабочими рядъ политическихъ требованій, осуществленія которыхъ нужно добиваться теперь же во всемъ ихъ полномъ объемѣ.*

Это, конечно, только формулировка задачи, формулировка въ самыхъ общихъ чертахъ, не дающая еще отвѣта, какъ должна воплощаться въ жизнь эта задача.

Выполненіе ея должно пойти по нѣсколькимъ, чтобы не сказать по многимъ путямъ, *имѣя лишь исходнымъ и конечнымъ пунктомъ одинъ центръ — рабочее движеніе* — одинъ Римъ, куда должны вести всѣ дороги.

1) Масса революціонныхъ силъ сосредотачивается теперь ВЪ РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ. Тутъ онѣ, понятно, и должны оставаться, чтобы работать непосредственно въ рабочемъ дѣлѣ. То есть, создавать политическіе органы для рабочихъ, выпускать брошюры, трактующія о политическихъ вопросахъ, прокламаціи, использывающія всѣ движенія русской жизни въ рабочей средѣ и внѣ ея — въ политическихъ цѣляхъ, при каждой изъ забастовокъ стараться, чтобы рабочими были выставлены и политическія требованія. Стараться устраивать *демонстраціи* рабочихъ не только 1-го мая, *но и при всякомъ удобномъ случаѣ*, прилагая всѣ свои силы къ тому, чтобы эти демонстраціи были отвѣтомъ на тѣ или иныя проявленія правительственнаго гнета, обрушивающагося прямо ли на рабочихъ, или вообще на всякіе проблески свободы въ россійскихъ потемкахъ.

Наконецъ, самой важной задачей революціонеровъ-соціалистовъ является созданіе *Центральнаго Рабочаго Комитета Всероссійской Революціонно-Соціалистической Партіи*. Мы говоримъ — и не мы даже, а сама жизнь говоритъ это — о необходимости созданія того, что у Народной Воли носило названіе Исполнительнаго Комитета. Само собой разумѣется, согласно измѣнившимся условіямъ дѣйствительности, роль и функціи Центральнаго Рабочаго Комитета и могутъ, и должны быть крупнѣе и разностороннѣе, чѣмъ то было у Исп. Ком. въ моментъ дѣйствія Народной Воли. Въ рукахъ Центр. Рабочаго Комитета должно быть — *все*, руководство *всѣмъ* политическимъ движеніемъ въ Россіи, основывающемся на соціализмѣ или на демократизмѣ — безразлично. Соединеніе мѣстныхъ рабочихъ организацій всевозможными средствами, начиная отъ созыва съѣздовъ и кончая созданіемъ единаго оффиціальнаго органа печати для всей соціалистической Партіи, начиная отъ общаго руководства кружковыми занятіями и кончая руководствомъ въ устройствѣ и веденіи демонстрацій — это, конечно, главная, коренная цѣль Центральнаго Рабочаго Комитета. Но этимъ не могутъ исчерпываться его функціи, иначе Комитетъ не будетъ стоять на высотѣ своего революціоннаго положенія. Все то, что дѣлается въ средѣ крестьянства и въ разныхъ общественныхъ слояхъ, выступающихъ на борьбу за демо-

кратическій идеалъ, террористическіе факты, необходимость которыхъ выдвигается жизнью (все это нами будетъ развиваться дальше), пропаганду въ войскахъ — Центральный Рабочій Комитетъ долженъ взять въ свое вѣдѣніе. Ничего дезорганизованнаго не должно твориться въ Россіи: у насъ слишкомъ мало силъ, нашъ успѣхъ — въ могучей центральной организаціи. Надо создать ее и похоронить всѣ брызги старыхъ и новыхъ теченій, всѣ частныя разногласія: намъ необходима одна единая соціалистическая партія съ Рабочимъ Центральнымъ Комитетомъ и съ единымъ оффиціальнымъ органомъ печати! Намъ пора бросить клички и дѣйствовать въ единой соціалистической партіи противъ царскаго режима за демократическій идеалъ, какъ переходную ступень къ коллективистическому строю. *Въ самомъ худшемъ случаѣ мы должны объединиться хоть въ качествѣ Коалиціоннаго Союза русскихъ соціалистовъ и создать Центральный Комитетъ этого Союза.*

Отъ имени партіи, какъ это было въ славную пору Народной Воли, диктовались бы правительству требованія Россіи, отъ имени партіи приглашались бы революціонеры къ строго планомѣрной дѣятельности въ разныхъ мѣстахъ нашей родины, отъ имени партіи призывались бы рабочіе на политическую борьбу, отъ имени партіи шли бы запросы къ обществу на счетъ денегъ или вообще всевозможной помощи, отъ имени партіи шли бы воззванія къ лучшимъ элементамъ Россіи о протестахъ противъ царскаго произвола, партіей же карались бы враги рабочаго дѣла и демократическихъ основъ жизни*).

---

*) *Прим. ко 2-му изд.* Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, вопросъ объ объединеніи дѣйствующихъ революціонныхъ силъ успѣлъ стать еще болѣе жгучимъ и насущнымъ... Могучій стихійный ростъ рабочаго движенія, пробужденіе крестьянства, подъемъ демократическихъ элементовъ общества — съ одной стороны, а съ другой — усиливпаяся правительственная забота объ уничтоженіи всякой мысли и всякаго живого дѣла въ Россіи: все это требуетъ объединенной работы всѣхъ соціалистическихъ фракцій. Только при такой работѣ мыслимо овладѣть тѣми задачами, которыя ставитъ жизнь передъ русскимъ революціоннымъ соціализмомъ. Кажется, это объединеніе уже и начинается; соціальдемократическія группы уже пережили всю остроту раскола, уже настолько опредѣлили свои позиціи по существу, что является возможность найти *предѣлы* совмѣстной работы *разныхъ* теченій въ соціальдемократизмѣ; фракціи соціалистовъ-революціонеровъ на-

Если вкратцѣ сказать, что дѣлать въ рабочей средѣ революціонеру, то это будетъ такъ: *всѣми средствами* и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше — проводить активно политическія идеи въ рабочія массы. Проводить и самымъ мирнымъ путемъ, и путемъ террористическимъ, если бы въ томъ явилась надобность, а за нею, кажется, не будетъ остановки, когда правительственная реакція выступитъ въ полномъ блескѣ. Напр., *въ иныхъ случаяхъ* избіеніе шпіонскихъ отрядовъ и вообще правительственныхъ агентовъ, есть дѣло насущной важности. И его долженъ взять на себя Центральный Рабочій Комитетъ и его мѣстныя организаціи. Слишкомъ печально, когда такіе факты совершаются личной инициативой глубоко возмущенныхъ героическихъ единицъ. А они повторяются все чаще и чаще. Ихъ можно прекратить только дѣломъ, взявъ на себя, на организацію, казнь тѣхъ лицъ, которыхъ она *сочтетъ необходимымъ казнить*.

Въ борьбѣ съ царскимъ правительствомъ намъ не приходится смущаться жестокостью крайнихъ средствъ:

Wir sind die Wandallen der Milde,
Wir sind die Barbaren des Rechts;
Wir führen die Freiheit im Schilde,
Die Freiheit des Menschengeschlechts.

(Мы вандалы во имя человѣчности, мы варвары во имя права, мы несемъ на щитѣ свободу — свободу рода человѣческаго.)

столько успѣли высказаться и обозначить сущность своего направленія, что опять нетрудно намѣтить полосу совмѣстной работы съ соціальдемократами. Удачная совмѣстная дѣятельность соціалистовъ-революціонеровъ съ соціальдемократами въ Саратовѣ и на Уралѣ служитъ хорошимъ прецедентомъ для болѣе широкаго объединенія. Чтобы дѣло двинулось возможно скорѣе необходимо, чтобы соціальдемократія напрягла сейчасъ всѣ свои силы для образованія фактической Партіи, для укрѣпленія дѣломъ, фактомъ тѣхъ основъ, которыя были заложены на первомъ партійномъ съѣздѣ въ 1898 г. Когда второй съѣздъ Партіи, необходимость въ которомъ такъ сильно ощущается, придастъ единообразіе теперешнимъ теоретическимъ построеніямъ и упрочитъ единую тактику, — очереднымъ вопросомъ для соціальдемократіи явится вопросъ объ условіяхъ соглашенія съ другими соціалистическими фракціями (съ соціалистами-революціонерами), стоящими на иной теоретической почвѣ, но очень сходными съ соціальдемократами въ постановкѣ многихъ практическихъ вопросовъ.

2) ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Здѣсь необходима прежде всего организація массовыхъ протестовъ въ родѣ недавнихъ студенческихъ волненій. Мало того, что это приноситъ серьезныя непріятности правительству, разбиваетъ его силы, внося смуту въ ряды его представителей, ибо въ университетахъ обучается не мало дѣтей бюрократіи, но и кромѣ этого волненія студентовъ продуктивно служатъ рабочему дѣлу. Въ виду того, что рабочій выросъ, какъ человѣкъ вообще, всякія активныя броженія среди учащейся молодежи не проходятъ безслѣдно для рабочихъ — они повышаютъ ихъ политическое самосознаніе. Этого доказывать не приходится: событія текущаго года говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Кромѣ организаціи массовыхъ протестовъ въ студенческой средѣ и использованія въ политическихъ цѣляхъ всѣхъ возникающихъ здѣсь волненій, передъ революціонеромъ-интеллигентомъ стоитъ и еще одна задача въ этой студенческой средѣ: привлеченіе къ революціонно-соціалистическому дѣлу лучшихъ элементовъ студенчества. О блестящей роли молодежи въ нашемъ революціонномъ движеніи, о большомъ количествѣ цѣнныхъ работниковъ, вышедшихъ отсюда — извѣстно всякому мало-мальски свѣдущему человѣку.

Теперь, послѣ звѣрской расправы со студентами создана правительствомъ благопріятная почва для возбужденія революціоннаго духа среди студенчества, и отсюда еще больше будетъ выходить борцовъ, чѣмъ прежде.

Не только, само собою разумѣется, среди студентовъ и студентокъ необходимо работать революціонеру-соціалисту, но и вообще среди всей учащейся молодежи — въ семинаріяхъ, въ земледѣльческихъ училищахъ и проч. Но здѣсь уже, конечно, не можетъ быть рѣчи о прямой революціонной работѣ; занятія съ юной учащейся молодежью должны носить подготовительный характеръ.

3) СРЕДИ ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫХЪ СЛОЕВЪ, изъ которыхъ складывается *общество и общественное мнѣніе*, должны вестись усиленно пропаганда и агитація.

Всякіе протесты этого общества тогда ли, когда уничтожаютъ и самоуправляющуюся полуду земскихъ рукомойниковъ, когда суживаютъ до нельзя составъ избирателей и избираемыхъ въ земствахъ и въ городскихъ „самоуправленіяхъ“, когда грозно

топаютъ сановными ножками и на шопотъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, когда предаютъ анафемѣ и азбучную грамоту, оставляя въ библіотекахъ и читальняхъ корешки вмѣсто книгъ, когда гнетутъ вѣроисповѣдыванія, жмутъ и давятъ національности, когда избиваютъ на площадяхъ казацкими нагайками россійскихъ обывателей и т. д. — всякіе протесты въ этихъ случаяхъ, заявляя лишній разъ правительству, что люди еще не изгибли въ конецъ, а кое какъ влачатъ свое бренное существованіе, въ то же время поддерживаютъ огонекъ въ самомъ обществѣ и, что очень важно, даютъ прекрасный матеріалъ для пропаганды и агитаціи среди рабочихъ.

Эти протесты въ связи съ вызвавшими ихъ фактами, рельефно могутъ обрисовать нашъ царизмъ. И, поэтому, необходимо поддерживать ихъ и, гдѣ можно, возбуждать соотвѣтствующей литературой и устной агитаціей. Рабочій не меньше, чѣмъ либеральные элементы общества заинтересованъ въ томъ, чтобы мысли не вычеркивались изъ обихода русской жизни, самодѣятельность населенія не заковывалась въ инквизиціонныя колодки, чтобы государственныя дѣла вершились не полицейскими сводницами, а самими гражданами, — и если общество протестуетъ противъ правительственныхъ мѣръ, внѣдряющихъ всюду азіатчину, рабочій всегда поддержатъ эти протесты, если только пропаганда и агитація среди нихъ введутъ ихъ въ курсъ дѣла.

За послѣдніе полтора десятка лѣтъ либеральная часть общества не выступала ни съ какими протестами. Сама по себѣ она не настолько сильна, а главное не настолько энергична, чтобы протестовать самолично за свой собственный счетъ безъ сильныхъ подкрѣпленій извнѣ этого протеста и безъ стимуловъ къ нему опять таки со стороны. Въ 70-ые годы, когда существовали движенія и протесты въ обществѣ, спайкой для нихъ служила наличность революціонной партіи, которая выставляла тѣ самыя политическія задачи, которыя *назрѣвали* и въ средѣ либераловъ. Большая часть либераловъ могла ополчаться и ополчалась противъ революціонеровъ и способа ихъ дѣйствій, но идеи партіи ей, поскольку она вникала въ нихъ, *не добираясь до соціалистической сердцевины* — были дороги и близки, и она, вопія о „внутреннихъ врагахъ“ въ унисонъ съ правительствомъ, въ то же время вопіяла и о политическихъ реформахъ, лелѣя при этомъ въ тайникѣ своей души мысль о томъ, что Александръ II именно потому и расщедрится на реформы, что революціонеры вносятъ „смуту“ въ жизнь,

Въ 90-ые годы между революціоннымъ движеніемъ и либералами порвалась чуть-ли не всякая связь, не считая, конечно, той, какая существуетъ, благодаря работѣ нѣкоторой части либераловъ въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для рабочей массы, и не считая личныхъ дружескихъ связей между отдѣльными революціонерами и отдѣльными либералами. Но мы говоримъ не о частностяхъ, а объ общемъ.

Рабочее движеніе, которое не выставляло политическихъ требованій, а здѣсь былъ сосредоточенъ весь центръ революціонныхъ силъ — было совершенно чуждымъ либераламъ. Они не могли провозить свой товаръ подъ рабочимъ флагомъ, ибо весь корабль, цѣликомъ, былъ переполненъ предметами, либераламъ совсѣмъ не нужными и не находящими отклика въ ихъ собственныхъ стремленіяхъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ размѣрахъ. И поэтому они предпочитали лучше притихнуть и примолкнуть, питаться какими нибудь грезами и надеждами, чѣмъ примкнуть къ чужому для нихъ движенію.

Революціонеры дѣлали попытки закрѣпить связи съ либералами; самой громкой и крупной попыткой этого рода является созданіе группы „Народнаго Права“. Съ одной стороны эта группа явилась какъ-бы протестомъ противъ анемичнаго состоянія политической борьбы въ Россіи, съ другой стороны, raison d'être ея покоился на стремленіяхъ сплотить либеральные слои общества во имя борьбы съ россійскимъ безправіемъ.

Попытки „Народнаго Права“ не могли увѣнчаться никакимъ существеннымъ успѣхомъ, ибо онѣ имѣли подъ собою зыбкую почву: сама по себѣ либеральная часть общества слишкомъ ничтожна, чтобы протесты ея могли пользоваться вѣсомъ въ глазахъ современнаго, разжирѣвшаго на реакціонныхъ хлѣбахъ правительства, да и къ тому же организація этихъ протестовъ — задача съ очень проблематическими результатами, — либеральнаго буржуа можно вызвать на отпоры правительственнымъ дѣяніямъ лишь въ особо горячіе моменты, когда и „человѣко-домы“ превращаются въ людей, въ обыденное же время — онъ можетъ только ворчать и болѣе или менѣе громко всхлипывать, а съ этимъ далеко не уѣдешь...

Революціонный либерализмъ въ Россіи, вѣками приспособлявшейся къ холопскимъ формамъ существованія, — явленіе крайне рѣдкое и можетъ выступать на сцену лишь въ тотъ моментъ, когда уже объявлена война правительству или со стороны плеяды могучихъ личностей, — какъ это было въ 70-ые годы, — или

со стороны трудящихся массъ. Ни того, ни другого не было въ моментъ возникновенія „Нар. Права“.

Теперь перемѣнилось взаимоотношеніе революціонныхъ группъ и либеральныхъ элементовъ общества. Теперь рабочее движеніе выступаетъ съ рядомъ политическихъ задачъ. Значитъ, есть почва для совмѣстной работы.

Проглядывая опытъ прошлаго, мы замѣчаемъ, что либеральная часть общества выдвигаетъ изъ себя три категоріи силъ, входящихъ въ соприкосновеніе съ русскими общественно-политическими дѣлами.

Это — во первыхъ — люди, беззавѣтно преданные политической идеѣ, готовые для нея на все. За свободу печати, — только даже за нее! — они положатъ голову на плаху и будутъ жалѣть лишь о томъ, что висѣлица отнимаетъ у нихъ возможность дальше бороться съ русскимъ правительствомъ. Въ террористическомъ движеніи 70-хъ годовъ, такъ рѣзко подчеркнувшемъ политическія задачи, участвовали даже и въ качествѣ активныхъ дѣятелей не только соціалисты, но и въ полномъ, благородномъ смыслѣ этого слова — либералы. Вѣроятно, покойный Кравчинскій (Степнякъ) ихъ и имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что у насъ въ Россіи часто не бываетъ существенной разницы между „либералами“ и „радикалами“.

Конечно, категорія такихъ бойцовъ, передъ памятью которыхъ почтительно склонится и голова всякаго революціонера-соціалиста, не такъ уже велика. Вѣрнѣе, она даже незначительна. Гораздо многочисленнѣе вторая категорія либеральнаго общества: именно, людей сочувствующихъ, оказывающихъ денежную или иную какую поддержку революціонерамъ, людей, безусловно честныхъ, но слишкомъ мало активныхъ, не настолько проникнутыхъ политической идеей, чтобы ради ея поступиться своимъ хозяйственнымъ благополучіемъ Марфы. Они по мѣрѣ своихъ силъ протестуютъ и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, и въ земствѣ, и на дому, и на улицѣ, усиленно доказывая всякими дозволенными пріемами, что ежевыя рукавицы — срамъ, позоръ и мерзость, что кнутобойству должно ужъ отойти лѣто красное, и надо поставить свободу во главу угла русской жизни. Это средніе люди, нули безъ революціонныхъ единицъ, и извѣстная сила когда поднято революціонерами знамя борьбы.

Наконецъ, третья самая многочисленная категорія либерально-буржуазнаго общества — это люди, которые вовсе не прочь получить свободныя учрежденія и вообще свободу всякихъ видовъ, но

въ то же время настолько увязшіе въ буржуазной грязи, что они не могутъ не швырять комьями ея въ революціонное дѣло отстаивая каждый волосокъ на собственной шкурѣ. Тоненькимъ дискантомъ они выкрикиваютъ „свобода!“, и тутъ же раскатистымъ басомъ произносится ихнее „бей враговъ!“ (революціонеровъ). Съ каждой правительственной репрессаліей они басятъ все зычнѣе, но и жужжаніе о свободѣ становится все настоятельнѣе, и въ концѣ концовъ получается такое смѣшеніе языковъ, что даже высокочиновные Дыбы и Удавы начинаютъ между своими полицейскими окриками что-то буркать о свободѣ, и у правительства уже опускаются руки, оно не знаетъ, гдѣ и кого надо бить, и въ безпамятствѣ стегаетъ самого себя и отдавливаетъ собственныя ноги...

Вотъ три категоріи либераловъ 70-хъ годовъ. На такія ли группы они подѣлятся и въ настоящее время или же на какія либо иныя? Думается намъ, что теперь будетъ нѣкоторая разница сравнительно съ 70 годами. Первая категорія — она останется во всей своей неприкосновенности. Во второй же произойдутъ, надо полагать, нѣкоторыя измѣненія къ лучшему. Въ прошлую революціонную эпоху либералы метались по сторонамъ, чая движенія воды и всяческихъ политическихъ реформъ, въ томъ числѣ и конституціи, отъ гуманства Александра II-го. Имъ рисовался въ ореолѣ образъ „Освободителя“, и вся его реакціонная политика казалась имъ дѣломъ временнымъ, за которымъ наступитъ царство политической благодати. Теперь уже никакой надежды въ этомъ родѣ быть не можетъ: либералы пережили кошмаръ царствованія Александра III, никогда не разстававшагося съ дубиной на страхъ врагамъ и человѣческому разуму, схоронили свои надежды на Николая II, прослушавши его рѣчь о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“, а главное ознакомившись съ свойствами его внутренней политики, вплоть до „временныхъ правилъ“ и избіеній на площадяхъ и т. д., не фантазируютъ больше о благородствѣ и широкихъ замыслахъ матушки-царицы, „дочери свободнаго народа“, про которую досужіе языки Бобчинскихъ распустили массу всякихъ сплетенъ и „возвышающихъ обмановъ“, не чаютъ уже — какъ это было нѣкоторое время — получить политическую свободу на золотомъ блюдѣ въ презентъ отъ министра финансовъ Витте; они уже знаютъ, а не знаютъ, такъ убѣдятся въ томъ въ скорыя сатурналіи русской реакціи, что отъ правительства кромѣ батожья и египетской тьмы нечего ждать... Если оно пустится на какіе нибудь посулы журавля въ небѣ, то на этотъ разъ его положеніе уже не таково, какъ въ 70 г.г.: съ политическими требованія-

ми передъ нимъ будетъ стоять уже не революціонная партія съ гадательной поддержкой извнѣ, въ массахъ, а партія, дѣйствительно опирающаяся на сильное рабочее движеніе. Посулами нельзя будетъ ограничиться, подачками всякихъ фальсификацій и суррогатовъ свободы — тоже, и придется въ корнѣ измѣнить всѣ свои аппетиты и всю свою дѣятельность, а это, понятно, невозможно для русскаго правительства: волкъ всегда останется волкомъ, ибо его природа такова. Поэтому, правительство и будетъ бороться съ революціонными элементами и со всякими зачатками свободнаго мышленія въ русскомъ обществѣ всѣми своими силами и до послѣдней возможности. А отсюда слѣдуетъ, что и степень возбужденія либеральнаго обществa будетъ сильнѣе, чѣмъ въ 70 г.г., ибо ему ждать и надѣяться уже будетъ не на что и придется прямо примкнуть къ революціонной борьбѣ и итти на проломъ. — Сообразно этому измѣнится и третья категорія буржуа-либераловъ: холопы, пока они увѣрены, что правительство сильно и можетъ, не отказываясь отъ всего, надѣлить общество уицемъ свободы, — они, когда увидятъ категорическое положеніе вещей, лавиной двигающееся на правительство, перемѣнятъ фронтъ и заявятъ, что они не хотятъ быть холопами даже и у Господа Бога, а не только что у всероссійской деспотіи...

Можетъ быть, мы и ошибаемся въ своихъ представленіяхъ о ближайшемъ будущемъ, но тотъ фактъ, что теперь насталъ моментъ и возможность заключить временный союзъ съ либералами — этотъ фактъ безспоренъ. Союзъ долженъ быть именно временный, ибо ни съ одной изъ либеральныхъ группъ революціонеры-соціалисты не могутъ слиться такъ, чтобы у нихъ было одно общее дѣло во всѣхъ его коренныхъ чертахъ. Политическая свобода — вотъ что должно единить собой людей, различныхъ по своимъ основнымъ задачамъ.

Но работая вмѣстѣ съ либералами, мы будемъ постоянно помнить, что ихъ даетъ намъ въ союзники само правительство, лишая русское общество и тѣни свободы, а поэтому мы и отнесемся къ нимъ, *какъ къ товарищамъ, даннымъ намъ, но не выбраннымъ нами самими.* Мы будемъ стоять на стражѣ, чтобы трудовой людъ не наградили такой конституціей, которая почти совсѣмъ оттѣсняла бы трудящіеся слои населенія отъ представительныхъ учрежденій, а для собственниковъ, для буржуазіи свивала бы жгутъ на расправу съ свободными стремленіями рабочихъ, мы выставимъ свою собственную политическую программу съ наибольшими выгодами для трудящихся массъ, у насъ будетъ своя дек-

ларація правъ человѣка и гражданина, гдѣ не будетъ гимновъ и carte blanche частной собственности на полную власть въ государствѣ, мы будемъ стремиться къ завоеванію наилучшаго политическаго строя, какой только возможенъ при современномъ, ненавистномъ намъ капиталистическомъ порядкѣ вещей, и за этотъ наилучшій строй мы и будемъ агитировать среди рабочихъ.

Если либералы, цѣня „права" и выгоды собственности, не пойдутъ рука объ руку съ нашей программой, будутъ отстаивать наиболѣе удобную для нихъ съ фантомами жалкой свободы, игнорирующей рабочаго и преклоняющейся лишь передъ однимъ тельцомъ — имущественнымъ цензомъ, они этимъ самымъ станутъ въ ряды враговъ рабочаго революціоннаго дѣла, и мы будемъ съ ними считаться, какъ съ врагами. Но это можетъ случиться отнюдь не сегодня и не завтра, не при первыхъ призывахъ къ политической борьбѣ, и не при первыхъ ея шагахъ, а уже наканунѣ достиженія намѣченныхъ цѣлей. Пока же они непремѣнно будутъ заодно съ нами*).

4) ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ. Здѣсь нѣтъ той прямолинейности и простоты въ постановкѣ, какъ въ вопросѣ о фабрично-заводскихъ рабочихъ. Тамъ революціонная работа развертывается въ двухъ направленіяхъ: 1) пропаганда и агитація служатъ задачамъ настоящаго, стремясь подрыть существующій политическій строй и, поскольку это возможно при капиталистическомъ status'ѣ улучшить сейчасъ же экономическое положеніе массъ, 2) онѣ — пропаганда и агитація — служатъ интересамъ ближайшаго и отдаленнаго будущаго, создавая среди рабочихъ такія организаціи и воззрѣнія, которыя шагъ за шагомъ ведутъ къ соціалистическому строю. Оба эти теченія революціонной дѣятельности одинаково необходимы, и, слѣдуя имъ, рабочій не дѣлаетъ ни одного шага въ сторону: его организаціи — не лѣса на постройкахъ, которые снимаются, когда зданіе окончено, а фундаментъ будущаго зданія.

Иначе обстоитъ дѣло въ крестьянской средѣ. Извѣстное изре-

---

*) *Прим. ко 2-му изд.* Дѣйствительность оказалась нѣсколько иной. Изъ помѣщаемой при этой брошюрѣ статьи „Первый дебютъ либеральной буржуазіи" видно, что буржуазія и теперь уже выступаетъ со своей собственной программой, противорѣчащей интересамъ рабочихъ. Часъ борьбы съ нею, какъ съ политическимъ противникомъ, пробилъ раньше, чѣмъ мы думали.

ченіе нѣмецкаго экономиста: „Arbeiterfrage ist Kulturfrage“ (рабочій вопросъ есть вопросъ всей культуры), оставаясь въ полной силѣ и для Россіи, — тѣмъ не менѣе только одна сторона медали, а другая — это Bauerfrage (крестьянскій вопросъ) равнымъ же образомъ Kulturfrage. Только чуть ли не вся созидающая, положительная дѣятельность по крестьянскому вопросу переносится обстоятельствами русской жизни въ будущее. Приступить теперь къ осуществленію въ крестьянской средѣ какой бы то ни было положительной аграрной программы — это нѣчто детонирующее со всѣми условіями русскаго существованія. Нашъ современный политическій бытъ съ его полицейскими западнями — что еще важнѣе — финансовыми системами господъ Витте будетъ обращать въ прахъ всякія экономическія организаціи крестьянъ, и значитъ, заботиться о созиданіи ихъ въ данный моментъ есть то же, что цѣдить воду сквозь дырявое рѣшето. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ уголкахъ и уцѣлѣетъ нѣсколько артелей, товариществъ и проч. Но что отъ этого выиграетъ общее положеніе всей крестьянской трудящейся массы? Приходится ли говорить объ этомъ, когда нѣтъ надежды, что отдѣльные рѣденькіе ручейки сольются въ одинъ общій потокъ? Такихъ надеждъ не можетъ быть, ибо Россія велика, полицейскими и фискалами обильна, а революціонными силами, которыя бы еще размѣнивались и на культуртрегерство, — слишкомъ бѣдна.

Не приходится говорить и объ организаціи *систематическихъ* стачекъ въ крестьянской средѣ со стороны пролетаріевъ. Не такъ ужъ много ихъ занято въ крупныхъ хозяйствахъ; масса рабочихъ силъ раскидана по хозяйствамъ среднимъ и мелкимъ, что кореннымъ образомъ препятствуетъ единенію между сельско-хозяйственными батраками, да и самое единеніе неизмѣримо труднѣе, чѣмъ въ быту фабричныхъ рабочихъ, хотя бы уже въ зависимости отъ такихъ факторовъ, какъ территорія имѣній и общія условія сельскаго хозяйства, къ своей невыгодѣ весьма разнящіяся отъ общихъ условій промышленности. Конечно, здѣсь стачки возникаютъ и могутъ возникать, и революціонеры при случаѣ должны имъ содѣйствовать, но внести ихъ въ революціонную программу врядъ ли было бы особенно продуктивно. Усиленно и планомѣрно заниматься стачками въ крестьянской средѣ можно лишь въ свободномъ политическомъ строѣ, заботясь о воспитаніи классового самосознанія батраковъ и восприятіи ими соціалистическихъ идеаловъ. Теперь же, когда передъ Россіей стоитъ первой задачей завоеваніе политической свободы, — не приходится гово-

рить о стачкахъ среди крестьянскаго населенія, какъ о серьезномъ программномъ вопросѣ.

Будущее — и будущее ближайшее: другой день русской политической революціи — не только не оттолкнетъ отъ себя аграрныхъ вопросовъ, но, наоборотъ, его программы отведутъ въ себѣ очень видное мѣсто имъ, разъ эти программы будутъ стремиться къ практическому значенію въ жизни. Для сегодняшняго же дня у насъ должно выработаться отношеніе къ крестьянству не какъ къ силѣ, которой нужно способствовать въ созданіи экономическихъ формъ, ведущихъ къ соціализму, или какъ силѣ, могущей теперь отстаивать свои классовые интересы въ систематической борьбѣ съ нанимателями — нѣтъ, мы должны смотрѣть на дѣятельность среди крестьянъ совершенно иначе. И, думается намъ, вотъ какъ.

Масса русскихъ фабрикъ, въ противоположность Западу, раскидана у насъ не въ городахъ, а въ кольцѣ крестьянскихъ деревень. Ближайшее къ нимъ населеніе волей не волей находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ фабриками и работающими на нихъ. До сихъ поръ крестьяне лишь мимоходомъ, лишь изрѣдка успѣвали воспринимать кое что изъ прогрессивныхъ теченій рабочаго быта. Эти теченія, замыкавшіяся въ рамкахъ специфическихъ интересовъ промышленныхъ рабочихъ данной округи или даже данной фабрики, были не совсѣмъ ясны крестьянамъ, а если и ясны, то во всякомъ случаѣ слишкомъ мало говорили крестьянству о томъ, что же дѣлать ему самому, чтобы въ параллель съ рабочими улучшать и собственный бытъ.

Въ настоящее время, когда рабочее движеніе выходитъ на болѣе широкую дорогу, иначе оно должно отразиться и на пониманіи крестьянства, облегающаго собою фабрики и заводы. Объяснить брошюрой или книжкой, рѣчью или прокламаціей весь гнетъ существующаго политическаго строя, не обмолвившись ни однимъ словомъ о томъ, что все трудовое населеніе страны отъ мала до велика находится въ ужасныхъ тискахъ и нищетѣ, ограничиться лишь указаніями на то, что политическая свобода необходима потому, что наше безправіе мѣшаетъ устраивать стачки, ассоціаціи и пр., караетъ ихъ нещадно, словомъ заслоняетъ дорогу рабочимъ къ великой работѣ — ограничиться только этимъ было бы вещью совершенно немыслимой. Для этого надо совсѣмъ изолироваться отъ жизни, смотрѣть сквозь пальцы на всю ея тяготу и не пользоваться самыми богатыми матеріалами для пропаганды. Непремѣнно будетъ подчеркиваться всякій разъ рабочимъ и бѣдствен-

ное положеніе крестьянства, его хроническія голодовки, процвѣтающій въ деревнѣ грабежъ среди бѣла дня, позорная порка, земскій начальникъ, обряженный въ перья Бога и царя, и т. д. Э будетъ подчеркиваться уже въ силу того, что выросшее самосозн ніе рабочаго-человѣка постоянно предъявляетъ запросы объ общем положеніи вещей въ Россіи. И такимъ образомъ въ рабочей лит ратурѣ, въ пропагандѣ и агитаціи, въ рабочихъ манифестаціях и требованіяхъ прозвучитъ такая нота, которая не можетъ не о кликнуться эхомъ и въ крестьянской средѣ. Рабочій явится не н минальнымъ, а фактическимъ носителемъ идеи трудового благ состоянія Россіи, и чѣмъ больше въ рабочей массѣ будетъ гов риться о каторжномъ существованіи мужика, тѣмъ больше ша совъ на поддержку фабричныхъ рабочихъ окрестными крестьян ми, тѣмъ больше шансовъ, что въ деревняхъ возникнетъ сильн броженіе, подкрѣпляющее собою проявленія рабочей борьбы. Вѣщ слово пропаганды о крестьянскихъ дѣлахъ разнесутъ по дере нямъ и рабочіе, отправляющіеся туда на побывку, и рабочіе-кр стьяне, лишь временно занятые на фабрикахъ, и рабочіе, разсыл емые въ наказаніе на мѣста своей родины — въ деревню. Разн сетъ это слово и литература, которая, трактуя о крестьянском вопросѣ для рабочаго, сдѣлается хоть время отъ времени гостем и въ крестьянской избѣ.

Пропагандой этого рода не исчерпывается, конечно, все, то, ч можетъ и должно быть сдѣлано въ революціонномъ отношеніи дл крестьянства. Не мало живетъ въ деревнѣ революціонно-настрое ныхъ и желающихъ работать по мѣрѣ силъ своихъ интеллиге товъ — врачей, учителей, ветеринаровъ и пр. Ихъ загналъ сю „кусокъ хлѣба" и большинство изъ нихъ связано условіями жи ни съ деревней на долгое время. Приниматься за революціонну дѣятельность въ деревнѣ они до сихъ поръ не могли, ибо что б они ни дѣлали — все это были бы разрозненныя, ничѣмъ не св занныя попытки Все это было бы, если не безполезной работо то культуртрегерствомъ, полезнымъ лишь съ той точки зрѣні что въ общей экономіи природы ничто безъ остатка не пропад етъ. Теперь же, разъ въ рабочей средѣ, этой наиболѣе окрѣпше твердынѣ нашего революціонизма, раздадутся слова о крестья ствѣ, будутъ сдѣланы попытки слить, гдѣ это будетъ можно, крест янство въ одинъ голосъ съ бастующими и протестующими раб чими; теперь, когда рабочее движеніе выдвигаетъ политическ запросы, когда крестьянство значительно выросло по сравненію с прошлымъ — о чемъ мы будемъ говорить дальше. — теперь

пропаганда въ деревнѣ не явится той мишурной дѣятельностью, какою она была бы два-три года назадъ.

Мы говоримъ не о томъ, чтобы кликнуть кличъ: „въ деревню!“ — мы говоримъ всего лишь *объ использованіи тѣхъ силъ*, которыя привязаны обстоятельствами личной жизни къ деревнѣ, или тѣхъ силъ, которымъ почему либо особенно симпатична дѣятельность въ деревнѣ.

Что же можно дѣлать въ крестьянской средѣ? На этотъ вопросъ въ данный моментъ отвѣтить гораздо труднѣе, нежели на вопросъ, что дѣлать въ средѣ промышленныхъ рабочихъ. За послѣднее десятилѣтіе революціонная мысль почти что отвыкла отъ аграрныхъ вопросовъ. Революціонеры говорили и повторяли о крестьянахъ лишь то, о чемъ трактовала наша легальная пресса; трактовала же она объ артеляхъ и запашкахъ, натуральномъ и капиталистическомъ строѣ деревни и т. д., или — не оставляя отъ всего этого камня на камнѣ, или же любовно расхваливая. Въ огромной своей части это было споромъ журнальныхъ славянъ между собой безъ всякаго плюса для революціоннаго дѣла. Революціонная же мысль не ставила предъ собой вопроса, можетъ ли она какимъ нибудь способомъ сослужить службу въ крестьянской средѣ сейчасъ, въ данный моментъ. Всякая пропаганда среди крестьянъ безцѣльна, и благодаря мелко-буржуазности сельскаго населенія, его полной некультурности, приверженности къ „устоямъ“, и благодаря политическимъ условіямъ Россіи. Такъ было рѣшено съ самаго начала на основаніи журнальныхъ выкладокъ и якобы неумолимаго опыта прошлаго, поставлена мертвая точка, и за нее не переступали. Голодный 91-ый годъ былъ послѣдней данью думѣ 60-хъ и начала 70-хъ годовъ о революціонной дѣятельности среди крестьянъ.

Въ этомъ была своя доля истины, когда указывалось на дѣятельность русскихъ полицейскихъ фараоновъ, когда говорилось о слишкомъ низкомъ культурномъ уровнѣ крестьянъ и невозможности съ малыми активно-дѣйствующими силами включать въ свою программу и деревню.

Но была въ этомъ и ошибка, съ каждымъ годомъ принимавшая все болѣе и болѣе крупные размѣры: революціонная мысль должна была поработать надъ тѣмъ, чтобы использовать въ революціонномъ отношеніи силы, волею судебъ попавшія въ деревню. Имъ — этимъ постоянно прибывавшимъ и прибывающимъ силамъ — надо было найти работу среди крестьянъ, такую работу, которая входила бы ингредіентомъ въ общую программу револю-

ціонной дѣятельности среди трудящихся массъ. Объ этомъ мы раньше не подумали. Стали думать теперь, когда аграрный вопросъ выдвинулся острымъ ребромъ, благодаря теоретической и отчасти практической постановкамъ на Западѣ и настоятельнымъ запросамъ русской дѣйствительности.

Впрочемъ, здѣсь необходима оговорка, — не вся нелегальная литература ставила крестъ надъ работой среди крестьянства. Иногда объ использованіи дѣятелей, попавшихъ въ деревню, говорилось въ высшей степени ясно и краснорѣчиво, но эти постановки вопроса, волей россійскихъ судебъ, походили на старинные законы, совершенно безцѣльно обременяющіе какой нибудь кодексъ, хотя давно уже никто не думаетъ приводить ихъ въ исполненіе. Таковыми ихъ дѣлало полное равнодушіе — чтобы не сказать болѣе — революціонеровъ къ практическимъ проблеммамъ революціоннаго аграрнаго вопроса. Не находя стимуловъ и поддержки въ жизни, признающіе необходимость работы въ деревнѣ дальше этого признанія и не пошли, оставивъ совершенно не разработаннымъ вопросъ о наилучшихъ способахъ борьбы, благопріятствующихъ ей обстоятельствахъ и т. д.

Кажется, только теперь наступаетъ подходящій моментъ для того, чтобы скелетъ общихъ положеній обросъ живою плотью.

Что дѣлать въ настоящее время въ крестьянской средѣ — нѣкоторый отвѣтъ на это даютъ сами крестьяне. Пока они находились внѣ поля революціоннаго зрѣнія, они успѣли создать въ своей средѣ, подъ давленіемъ экономическихъ условій, нѣкоторыя движенія, весьма благопріятныя для революціоннаго воздѣйствія. Если въ однихъ мѣстахъ они разучились какъ бы то ни было протестовать, превзойдя въ выносливости даже китайскаго кули — взять хоть бы знаменитую псковскую „голодную лежку“ — то за то въ другихъ мѣстахъ они не разъ протестовали и боролись, ложились костьми за свои клочки земли, за угнетающее ихъ земельное хищничество и создавали порой такія грандіозныя дѣла, какъ ставропольское (Самарской губ.), гдѣ тысячи стояли грудью „за землю“, „за разобраніе“ ея изъ рукъ графа Орлова Давыдова.

Эта крестьянская борьба за землю была и есть чисто стихійной, протестомъ голоднаго, у котораго рвутъ изъ горла послѣдній ломоть хлѣба. Но если бы, напримѣръ, въ такое крупное дѣло, какъ ставропольское, были заронены со стороны лучи сознанія не прохожимцами, а революціонными работниками, — кто знаетъ, во что бы оно выросло?! Если бы во время аграрныхъ безпорядковъ

составляющихъ не малую цифру и по сообщеніямъ нашей подневольной прессы, — крестьяне получали соотвѣтствующую литературу, имѣли бы въ своей средѣ сознательныхъ соціально-революціонныхъ агитаторовъ — неизвѣстно: порками и прикладами заканчивались бы крестьянскія движенія, а затѣмъ затихали бы и замирали пришибленные рабы, или же, наоборотъ, не затишье вершило бы собой мужицкія волненія, а сѣть послѣднихъ все разросталась бы и разросталась!...

Надо, вѣдь, принять во вниманіе и то обстоятельство, что теперешнее крестьянство по сравненію съ крестьянствомъ 60-70-хъ годовъ значительно выросло, стало болѣе воспріимчивымъ къ пропагандѣ и агитаціи.

Таковымъ его сдѣлало, во первыхъ, капиталистическое хозяйство, силой ворвавшееся въ патріархально-натуральный строй жизни, во вторыхъ, стоящіе въ органической связи съ новымъ типомъ хозяйства отхожіе промыслы въ громадныхъ размѣрахъ, въ третьихъ, воздѣйствіе — то болѣе, то менѣе интенсивное — города и фабрики на міровоззрѣніе крестьянской молодежи; въ четвертыхъ, какъ ни какъ, а по сравненію съ прошлымъ, значительные успѣхи школьной грамоты и внѣшкольнаго образованія; наконецъ, прогрессивно и неуклонно обострявшаяся и обостряющаяся тягота жизни, сводящая чуть ли не къ нулю земельное обезпеченіе массы крестьянства и все увеличивающая денежные расходы крестьянской мошны на различныя подати и повинности, — тягота, дѣлающая порой положеніе крестьянина совершенно безвыходнымъ. Въ чаду этой тяготы и образъ „царя-батюшки“ успѣлъ значительно закоптиться и потускнѣть, тѣмъ болѣе, что молодое поколѣніе крестьянъ не бросаетъ уже на него безсчетнаго количества свѣтлыхъ тѣней, ибо оно гораздо сознательнѣе и культурнѣе стариковъ.

Но если бы даже это было и не такъ, если бы царь представлялся поголовно всей деревнѣ „краснымъ солнышкомъ“, — то это еще не значитъ, что на призывы агитаторовъ къ борьбѣ за землю, крестьянинъ кинетъ въ отвѣтъ имъ: мы погрѣемся въ теплыхъ лучахъ „краснаго солнышка“! Поднимаясь и теперь на борьбу съ земельнымъ хищничествомъ, крестьянинъ, въ концѣ концовъ, уповаетъ на собственный кулакъ, истощивъ безплодно всѣ слезницы передъ лакеями престола. Какъ бы хорошо ни былъ припаянъ образъ царя къ міровоззрѣнію крестьянина, но призывъ „за землю“! отъ этого не потерпитъ никакого фіаско, и крестьянинъ не остановится въ благоговѣніи передъ штыками, хотя бы

каждый изъ нихъ былъ изукрашенъ портретами всей царской фамиліи. Онъ пойдетъ со своими вилами и рогатинами „за землю“, если только не будутъ удовлетворены его справедливыя аграрныя требованія, пойдетъ, очень мало думая о „царяхъ-солнышкахъ“, а сосредоточивъ всѣ свои думы на собственной земельной скудости и жизненной тяготѣ.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что революціонная работа въ крестьянской средѣ способна привести сейчасъ же ко всеобщему крестьянскому возстанію. Относительно этого пункта мы находимся въ такомъ же невѣдѣніи, какъ вѣрующіе относительно страшнаго суда. Можетъ быть, даже безъ всякой пропаганды и агитаціи завтра же вспыхнетъ страшное крестьянское возстаніе такъ же неожиданно, какъ возникали холерные и чумные бунты, — почвы и матеріаловъ для этого достаточно накопилось, и какой нибудь одинъ фактъ, одно крылатое слово — хотя бы самаго глупаго и нелѣпаго характера — способны вдругъ сгрудить всю крестьянскую Россію, освѣтить ее пожарами, залить кровью и потрясти стонами и воплями съ подножья и до верховъ...

Но, можетъ быть, и никакая пропаганда и агитація не въ состояніи сейчасъ сплотить крестьянскую массу для совмѣстныхъ дѣйствій съ промышленными рабочими и требованія ими — крестьянами — раціональнаго рѣшенія аграрныхъ вопросовъ. Можетъ быть, еще на долгіе годы суждено крестьянской Россіи влачить такое же жалкое существованіе, какъ сейчасъ, проявляющееся по периферіямъ кое гдѣ вспышками, а кое гдѣ и исковскими лежками...

Какъ бы тамъ ни было, но теперь настало время, благодаря измѣнившейся обстановкѣ жизни съ эпохи 60-70 годовъ, несравненно болѣе благопріятное для пропаганды, чѣмъ это было, напр., въ моментъ дѣйствія землевольцевъ и черноперѣдѣльцевъ.

И потому необходимо, чтобы заброшенные въ крестьянскую среду революціонеры разсѣивали здѣсь революціонныя идеи *безъ всякихъ указаній*, какъ поступать въ такихъ то и такихъ то конкретныхъ случаяхъ, *если* силы крестьянъ въ данной мѣстности слишкомъ недостаточны для открытой борьбы. Необходимо, чтобы революціонеры *давали такія конкретныя указанія* при всякихъ аграрныхъ стычкахъ, — *если* силы крестьянъ представляютъ собою солидную величину (какъ это было, напр., въ ставропольскомъ дѣлѣ). Необходимо, чтобы революціонеры при малѣйшей возможности старались раздувать возникающія аграрныя дѣла и даже по собственной иниціативѣ искусственно создавать ихъ, если для этого нахо-

ится почва. Необходимо, чтобы наряду съ земскими лѣчебно-родовольственными пунктами въ мѣстахъ скопленія пришлыхъ эльско-хозяйственныхъ рабочихъ создавались революціонно-прооовольственные пункты, снабжающіе рабочихъ революціонной лиературой. Необходимо привлекать и организовывать сельскихъ чителей и вообще сельскую интеллигенцію, поддающуюся воздѣйтвію, чтобы они изъ крестьянской молодежи, отправляющейся на абрики и заводы вырабатывали борцовъ за трудовое дѣло, котоые, придя въ промышленные центры, сразу же принимались бы революціонную работу. Необходимо, чтобы по всей странѣ пронеслось слово о землѣ, *какъ общественной собственности*, собственности всей трудящейся мужицкой громады, обо всѣхъ рабовладѣльахъ-дворянахъ, промышленникахъ, фабрикантахъ, бюрократахъ проч., — на которыхъ русская исторія подрядила работать серяжныя массы — работать и голодать...

Наше отношеніе къ крестьянской средѣ мы резюмируемъ таимъ образомъ: не нужно звать въ деревню спеціальныхъ революціонныхъ силъ, но использовать все, что тамъ есть; выдвинуть рестьянскій вопросъ среди фабричнаго населенія; не создавать ичего положительнаго въ крестьянской средѣ въ смыслѣ какихибудь экономическихъ организацій, но будить, будоражить мужицое царство, революціонизировать всѣ возникающія движенія среи крестьянъ противъ помѣщиковъ, кулаковъ, земскихъ начальиковъ и т. д. Если можно всѣми силами способствовать проявленію акихъ движеній, не впадая при этомъ въ излишній страхъ передъ непремѣннымъ слѣдствіемъ ихъ — усмиреніемъ ихъ вооруенной силою, ибо всѣ народныя волненія влекутъ за собой и равительственную реакцію.

При теперешнихъ голодовкахъ и гнетѣ правительства крестьянкой крови сочится по каплямъ въ милліонъ разъ больше, нежеи ея прольется во время буйныхъ вспышекъ; только эта сочащаяя кровь упитываетъ собою землю, превращая ее въ кладбища, отни тысячъ человѣческихъ жизней обрываются по серединѣ соершенно безцѣльно, безъ всякой пользы для будущаго, безъ изы сознанія для живущихъ поколѣній, а во время подавленія вооруженными силами крестьянскихъ возстаній, багровыя пятна будутъ вопіять о мщеніи, каждая пролитая капля крови будетъ иаплей сознанія своего положенія окрестными, а можетъ быть, даже и не окрестными крестьянами! Ни одна кровинка не пропаетъ для будущаго! Пусть правительство пускаетъ въ ходъ шты-

ки — неровенъ часъ: оно само наткнется на штыкъ, забрызганный крестьянской кровью.

Если кто нибудь захочетъ такого рода дѣятельность окрестить названіемъ „бунтарской“ и на основаніи одной только клички признать ее совершенно безцѣльной, потому, что де бывали Стефановичи и разнаго рода „бунтари“ безъ „золотыхъ грамотъ“ никакого прока изъ этого не вышло и т. д. — мы на это отвѣтимъ такимъ образомъ: пожалуй, что бунтарство — терминъ достаточно подходящій и выразительный, но опытъ прошлаго тутъ ни при чемъ, ибо гораздо цѣлесообразнѣе опираться на настоящее, представляющее всѣ данныя для указываемой нами дѣятельности, и, если „бунтарство“ и безъ всякаго участія агитаторовъ все сильнѣе и сильнѣе прорывается въ жизни, то неужели революціонеръ долженъ обойти мимо это жизненное теченіе, и осмыслить его революціонной идеей и не связать его съ движеніемъ въ фабричной средѣ?

Мы ничего такъ горячо не желали бы, какъ того, чтобы крестьянское движеніе стало тяжелой артиллеріей движенія промышленныхъ рабочихъ. Осуществятся ли наши желанія и надежды — это можетъ сказать только будущее, въ настоящемъ же надо работать и работать въ крестьянской средѣ, связывая аграрный вопросъ съ тѣмъ, что есть уже среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

ПРИМѢЧАНІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Въ одномъ изъ полученныхъ нами писемъ по поводу „Возрожденія“ были чрезвычайно любопытныя строки относительно нашего взгляда на крестьянство. Къ крайнему сожалѣнію, у насъ нѣтъ сейчасъ подъ руками письма, и мы должны передать его смыслъ своими словами.

Корреспондирующій товарищъ говоритъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ онъ живетъ за границей и за русской жизнью слѣдитъ только по литературѣ и по разсказамъ пріѣзжающихъ изъ Россіи. Слѣдитъ онъ внимательно, старается всѣ мелочи обсудить съ точки зрѣнія наростанія революціонизма въ Россіи, и для всѣхъ слоевъ кромѣ крестьянства фактическій матеріалъ позволяетъ ска

зать въ той или иной мѣрѣ: „ясно, въ какую сторону двинется накопившійся запасъ революціонныхъ порывовъ, настроеній и мыслей“. Но относительно крестьянства положительно приходится забиваться своей мыслью въ тупой уголъ. Во первыхъ, сколько ни собираешь фактовъ и наблюденій объ ужасѣ крестьянскаго положенія и ростѣ недовольства въ крестьянской средѣ, все краснорѣчіе этихъ фактовъ и наблюденій теряетъ свою силу передъ вопросомъ, встающимъ еще изъ глубины 60-70 годовъ: и тогда очень убѣдительно доказывалось фактами убійственное положеніе крестьянства, приводились несомнѣнныя доказательства его возбужденія, годъ за годомъ все это наростало, слѣдовательно, еще больше подкрѣпляло мысли, которыя и безъ того уже вчера считались мыслями абсолютной достовѣрности, но

У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная —
Гнѣвна, грозна — и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,

а на самомъ дѣлѣ нѣтъ того, чему „надо быть бы“, не наступаетъ того „случая,“ про который тотъ же некрасовскій крестьянинъ говоритъ:

Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!...

Только все „вымахиваются косточки“ и „выматывается душенька“, а всѣ приводимые факты ни мало не говорятъ, когда же будетъ край-конецъ...

Это разъ. Во вторыхъ — продолжаетъ нашъ корреспондентъ — факты эти и наблюденія еще меньше говорятъ о пути, по которому двинется развитіе революціоннаго возбужденія... Вотъ именно онъ стоитъ подъ знакомъ какого то „случая“!...

Это все дѣйствуетъ чрезвычайно угнетающе и болѣзненно на наблюдателя русской жизни.

Съ такого рода мыслями приступилъ корреспондирующій намъ товарищъ къ чтенію отдѣла о крестьянахъ въ „Возрожденіи“. Не знаю, почему — онъ говоритъ —, но первыя страницы этого отдѣла создали во мнѣ такое настроеніе, какъ будто я вижу и чувствую, что крестьянство дѣйствительно пробуждается, становится рево-

люціонной силой, и пропаганда и агитація только дадутъ толчокъ тому, что несомнѣнно уже есть, опредѣлило самого себя, и бьетъ изо всѣхъ норъ мужицкой жизни... Но вотъ я читаю конецъ отдѣла о крестьянахъ и узнаю изъ него, что относительно крестьянскаго возстанія „мы находимся въ такомъ же невѣдѣніи, какъ вѣрующіе относительно страшнаго суда". Можетъ быть, завтра же оно вспыхнетъ со страшной силой: („почвы и матеріаловъ для этого достаточно накопилось"), а, можетъ быть, „еще на долгіе годы суждено крестьянской Россіи влачить такое же жалкое существованіе, какъ сейчасъ". Это „можетъ быть" — говоритъ корреспондентъ — произвело на меня такое впечатлѣніе, какъ будто меня подняли высоко - высоко на воздушномъ шарѣ и потомъ вдругъ брякнули внизъ безъ всякихъ парашютовъ и даже безъ всякого соображенія съ мѣстомъ, куда меня бросаютъ: не въ море, не на скалы, а на землю... „*вообще на землю*" — это ясно бросающимъ, а больше ничего не ясно... Упалъ то я (будемъ говорить о такомъ чудѣ) достаточно хорошо, не ушибся, но на шаръ я согласился сѣсть вовсе не затѣмъ, чтобы мнѣ потомъ упасть безъ ушиба и членовредительства... У меня, очевидно, были какія то другія цѣли, и онѣ то какъ разъ остались неосуществленными... Иначе сказать, я хорошо знаю, что работа моя „*не пропадетъ*" въ крестьянствѣ, но мнѣ не это важно знать, а *какіе плоды* она принесетъ *сейчасъ для революціоннаго момента*, переживаемаго Россіей... И въ этомъ смыслѣ для меня не могутъ быть руководящими никакіе „можетъ быть", мнѣ надо нѣчто очень и очень категорическое...

Вотъ передача нашими словами этого глубоко интереснаго письма корреспондировавшаго намъ товарища. Мы слишкомъ хорошо чувствуемъ всю правоту и правильность его. Но могли ли мы писать иначе? Наши „можетъ быть" не подсказывались ли намъ самой жизнью, какова она есть? Конечно, есть возможность констатировать несомнѣнно вѣрные факты пробужденія недовольства, сдѣлать изъ нихъ опять же несомнѣнно вѣрный выводъ о томъ, что работа теперь продуктивнѣе будетъ среди крестьянства, чѣмъ прежде, и поставить здѣсь точку, не стараясь думать ни о какомъ, такъ сказать, количественномъ подсчетѣ результатовъ пробужденія, ограничиться одной „сравнительной степенью": „продуктивнѣе!" Но цѣнна только та революціонная мысль, которая доходитъ до конца, будутъ ли написаны на послѣднемъ столбѣ дороги утѣшительныя надежды или вопросительный знакъ. А если не взвинчиватъ себя и не лавировать между сравнительными

степенями, то поневолѣ приходилось зарегистрировать тотъ вопросительный знакъ, который являла собою вся дѣйствительность. Одно только можно было сдѣлать, и это мы сдѣлали: отмѣтить, что въ вопросительномъ знакѣ достаточно накопилось *намековъ* на положительные результаты.

Теперь этихъ намековъ прибавилось несравненно больше. Крестьянскія волненія послѣдняго года имѣютъ всѣ шансы быть только зародышемъ гораздо болѣе сильнаго движенія, перекидывающагося изъ конца въ конецъ Россіи.

Каждое изъ этихъ движеній, *взятое въ отдѣльности*, полно мрака и ужаса, и, узнавая о немъ во всѣхъ подробностяхъ, больше терзаешься душой, чѣмъ радуешься и восхищаешься. Мракъ состоитъ не въ томъ, что крестьяне „не понимаютъ элементарныхъ основъ гражданскаго права", какъ скорбно и по своему великолѣпно выражаются земцы на страницахъ „Освобожденія", — въ этомъ мы не видимъ ничего мрачнаго и даже не предполагаемъ, чтобы крестьянскіе мятежи могли итти съ „пониманіемъ" элементарныхъ основъ гражданскаго права, слѣдовательно, не по этому поводу болитъ душа. Мы разберемъ на примѣрѣ то, что намъ хочется сказать. Въ № 8 „Революціонной Россіи" есть очень интересная корреспонденція изъ Воронежской губерніи. Начинается она такъ:

> „Опричина русскаго царя, забывая слова Софьи Бардиной, что „идеи на штыки не улавливаются", — все же пытается путемъ этихъ штыковъ, пуль и розогъ заставить мужика думать по старому; но „не течетъ рѣка обратно"... Вѣками сложившаяся увѣренность, что „енъ все вынесетъ", отошла въ область преданія и близокъ уже тотъ часъ, когда русскій мужикъ „въ родимыхъ лѣсахъ подберетъ здоровѣе да крѣпче дубину " и расправится съ опричиной по своему. Что все сказанное не плодъ досужей фантазіи подтверждается фактами".

Какими же? Излагаются крупныя аграрныя волненія въ Распасѣевой Валуйскаго уѣзда и въ Старомъ Курлакѣ Бобровскаго. Начальство порѣшило и тамъ, и тамъ усмирять поркой. Распасѣевскіе крестьяне встрѣтили губернатора, явившагося для экзекуціи, „*стоя на колѣняхъ, съ хлѣбомъ-солью и, плача, просили простить ихъ и не приводить въ исполненіе наказанія*". Губернаторъ оказался твердъ и выпоролъ 56 человѣкъ. „Били такъ сильно, что собранные для назиданія изъ сосѣднихъ селъ крестьяне и присутствовавшіе солдаты, по ихъ заявленію, *ужасались и удивлялись* такому звѣрству". А въ Бобровскомъ уѣздѣ „настроеніе народа наканунѣ

экзекуціи было *крайне угнетенное*, хотя, какъ передаютъ, *нѣкоторые* крестьяне, *бодрясь*, говорили, что, *дескать* „сѣчь не дадимъ самого вице-губернатора высѣчемъ". Во время порки — выпороли 23 человѣка — одинъ унтеръ-офицеръ, по словамъ крестьянъ, *нѣсколько разъ* говорилъ окружающимъ, что солдаты *не* станутъ стрѣлять въ народъ, *но толпа была такъ парализована звѣрствомъ, совершившимся на ея глазахъ, что никакого протеста не выказала*". Сообщивъ факты, корреспондентъ дѣлаетъ свое заключніе:

„Къ сожалѣнію, крестьяне, насколько извѣстно, *нигдѣ еще не дали активнаго отпора* дикому произволу царскихъ опричниковъ. *Однако въ недалекомъ будущемъ можно* ожидать, что *и* крестьяне, подобно фабричнымъ рабочимъ, *дадутъ* отпоръ подобнымъ расправамъ."

Сопоставимъ данныя этой корреспонденціи другъ съ другомъ. И Софья Бардина, и рѣка, не текущая обратно, и крѣпкая лѣсная дубина, и „однако въ недалекомъ будущемъ.... отпоръ" — все это свѣтлыми красками разрисованные ободки, а въ самыхъ ободкахъ, въ самой рамкѣ — картина, изображенная очень мрачными тонами: крестьяне, слезно просящіе, чтобы ихъ не пороли, крестьяне, лишь ужасающіеся и удивляющіеся звѣрству, крестьяне, парализованные звѣрствомъ, крестьяне угнетенные, крестьяне, въ лучшемъ случаѣ и только въ малой своей части бодрящіеся и при томъ бодрящіеся на манеръ мальчика, который вотъ ужо выраститъ и тогда самое тетку выпоретъ... Эту мрачную картину нарисовала сама жизнь, а въ золотой багетъ ее вдѣлалъ ужъ корреспондентъ — очень нетрудно замѣтить, что золото этого багета ярко горитъ и блещетъ лишь въ верхней части рамки, когда корреспондентъ *еще* не сталъ рисовать картины и говоритъ, что онъ и рѣку, не поворачивающуюся назадъ, и лѣсную дубину подтвердитъ фактами, но, изобразивъ факты во всей ихъ наличной правдѣ, онъ *уже* не можетъ для нижней части картины найти столь же весело-блестящаго и чарующаго багетнаго золота и въ своихъ заключительныхъ словахъ больше бодрится, чѣмъ непреклонно предрекаетъ, что теперь уже выламывается въ лѣсахъ дубина.

И таковы же, какъ этотъ фактъ, большинство всѣхъ остальныхъ. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности говоритъ, что изъ „тучи черной" (крестьянской души) льются „кровавые дожди", но громъ еще не гремитъ. И вотъ почему каждый изъ этихъ фактовъ порознь производитъ такое тяжелое, угнетающее впечатлѣніе. Въ немъ видно невыносимое страданіе, видна мука, истерзавшая ве-

ушу и вылившаяся наружу невыносимо тяжкимъ стономъ„ дож-
емъ кровавымъ"...

Но всѣ эти факты волненій, *взятые вмѣстѣ*, заставляютъ смо-
рѣть на себя иначе. Всѣ они свидѣтельствуютъ, что наступилъ
случай", правда, еще не успѣвшій стать такимъ, про который
казано:

А удаль молодецкую
Про случай сберегли! —

о *могущій* стать именно такимъ. Для этого необходимо поддерж-
а крестьянскихъ волненій со стороны. Почему крестьянинъ,
айдя въ себѣ энергію — хотя бы и энергію отчаянія —
одняться на мятежъ, потомъ вдругъ при появленіи властей па-
аетъ на колѣни, валяется въ губернаторскихъ ногахъ и раб-
ки затихаетъ послѣ экзекуціи? Потому, что онъ рабъ и трусъ?
ѣтъ, ему просто некуда „податься впередъ". Вотъ онъ забе-
етъ курлакскую или карловскую землю, отберетъ хлѣбъ и скотъ
герцога Мекленбургскаго, но его положеніе развѣ такое, какъ по-
оженіе какого нибудь средневѣковаго Фомы Мюнцера? Анабап-
истъ крестьянскихъ войнъ имѣлъ передъ собой еще не сло-
ившееся государство, раздробленныя силы отдѣльныхъ вла-
ѣтелей, и если какой нибудь маркгафъ или ландграфъ могъ
ыть силой и давать отпоръ императору, то почему и онъ,
ома Мюнцеръ, не можетъ создать крѣпкой крестьянской коммуны?
сли для этого требуются силы, то силы, равныя ландграфской
ощи, и еще вопросъ, не найдутся ли онѣ вотъ у этой достаточно
ольшой возставшей громады! Во всякомъ случаѣ можно очень и
нень долго сопротивляться, можно на что то надѣяться. Со-
ременный русскій крестьянинъ стоитъ передъ сильнымъ, сло-
ившимся государствомъ — у него, знающаго эту силу, не
олько думы, но и мечты Фомы Мюнцера не можетъ быть.
копаться, огородиться отъ всего окружающаго, создать свой
atus in statu — такая фантазія не взбредетъ никому на
мъ. Противъ государства можно устроить какой нибудь вре-
енный фортъ-Шаброль (какъ это дѣлали отдѣльныя семьи
ь Самарской губерніи), но временность его всегда будетъ чув-
твоваться и ощущаться. А если такъ, что же дѣлать, отобравши
емлю и скотъ у герцога Мекленбургскаго, когда явятся потомъ
ойска и административныя власти? Или покоряться или идти на
мерть. Какъ бы ни былъ великъ возставшій хуторъ, или пусть
то даже будетъ цѣлый раіонъ деревень, — несомнѣнно, силы
нсургентовъ окажутся слабѣе правительственной силы; слѣдо-

вательно, итти на проломъ значитъ итти на смерть. Но въ
комъ случаѣ человѣкъ придетъ неминуемо къ такому исход
Для этого необходима или глубокая вѣра въ какую нибудь оч
сильную поддержку со стороны или дошедшее до самыхъ посл
нихъ степеней отчаяніе. Откуда могла явиться надежда на си
ную поддержку извнѣ? Она пришла лишь въ качествѣ леген
о царскомъ благорасположеніи къ мужикамъ, о думахъ насл
ника какъ помочь крестьянамъ, о такого же рода замысла
царицы и т. д. Всѣ эти легенды усиленно бродили и бродятъ
крестьянской средѣ, но поскольку намъ приходилось пригля
ваться къ крестьянству, эти легенды въ его жизни играютъ
же роль, какъ собственные вымыслы ребенка въ его поступкахъ.
Ребенокъ никогда не считаетъ своихъ вымысловъ за вымыс
но онъ и не считаетъ ихъ за правду — у него существуе
„перемежаемость утвержденія и отрицанія"... Крестьянинъ
лу вѣритъ, полу не вѣритъ легендамъ, онъ всегда готовъ схвати
ся за самую нелѣпѣйшую изъ нихъ даже и признавая пал
ность нелѣпости. Это происходитъ потому, что важна не са
легенда, какъ легенда, а важна она, какъ форма, воплощаю
въ себѣ завѣтную мысль. Ante factum и post factum значе
бродящихъ идей бываетъ громадно, но въ періодъ самихъ фа
товъ — крайняго обостренія борьбы — легенды обнаруживаю
что за ними нѣтъ животворной силы, что онѣ сами по себѣ
настолько сильны, чтобы заставить крестьянина итти на смер
ный бой. Слѣдовательно, его можетъ толкнуть на этотъ страш
неравный бой только чувство безысходнаго отчаянія.

Если и дальше все пойдетъ такъ же, какъ оно идетъ теперь, то
веденные до полнаго отчаянія, крестьяне полѣзутъ на штыки, ка
лѣзли они сотнями подъ поѣздъ въ Херсонской губерніи: дави, б
намъ нечѣмъ и не зачѣмъ жить! Такой ужъ самой послѣдней и сам
убійственно-ужасной степени отчаянія не было здѣсь, а значитъ
А значитъ, и вовсе не трусъ и рабъ, а воспитанный только
подлой, рабской атмосферѣ, дошедшій теперь до тупого угла,
даетъ на колѣни, рыдаетъ и парализуется во всѣхъ своихъ ч
нахъ далеко и далеко не столько страхомъ, сколько безвыход
стью своего положенія...

„...Въ одномъ уѣздѣ, сосѣднемъ съ Валковскимъ (Ха
ковской губ.) — читаемъ мы въ томъ же 8 № „Револ. Р
сіи" — земскій начальникъ разспрашивалъ крестьянъ
томъ, почему они не принимали участія въ движеніи: кр
стьяне отвѣтили краткимъ и вразумительнымъ: „якъ
по всей имперіи"..."

Якъ бы по всей импэріи... Это и объясненіе курлакскихъ событій, и указаніе на возможность и необходимость другого будущаго для крестьянскихъ волненій. По всѣмъ уголкамъ „импэріи“ идутъ смутныя броженія и волненія — прежняя жизнь выбита изъ колеи... Если всѣмъ этимъ броженіямъ будетъ поставлена определенная, сознательная цѣль, появится связующее звено между ними — тогда окажется, что воронежскій мужикъ вовсе не трусъ и рабъ; онъ будетъ знать, куда онъ идетъ, какая рать ополчилась на враговъ мужицкаго дѣла, и онъ не станетъ валяться въ губернаторскихъ ногахъ...

Передъ соціалистической партіей стоитъ задача дать такое связующее звено, выставить свою программу и во имя ея поддерживать крестьянскія волненія и руководить ими. Волненія эти прекратиться не могутъ, ибо это пароксизмы, спазмы страшнаго отчаянія, голода физическаго и духовнаго; сознательности въ нихъ неизмѣримо меньше, чѣмъ этого голода и отчаянія, и потому и безъ помощи со стороны они будутъ итти такъ же естественно и неизбѣжно, какъ цѣлая громадная вереница дореформенныхъ бунтовъ, будутъ такъ же жестоко подавляться, будутъ такимъ же рыдающимъ стономъ нестись по всей Россіи и будутъ такъ же безрезультатны, какъ и дореформенные, результатъ которыхъ обнаружился лишь въ видѣ одного слагаемаго въ общей суммѣ причинъ, побудившихъ государство придти къ необходимости реформъ... Но иное дѣло, когда соціалистическая партія внесетъ смыслъ, цѣль, дорогу въ эти волненія. Мало того, что они увеличатся во всѣхъ отношеніяхъ, они принесутъ громадный, едва поддающійся подсчету плюсъ революціонной работѣ, всему комплексу нашихъ революціонныхъ силъ и усилій...

Партія должна взяться за самую серьезную работу. Она должна литературой и съ помощью агитаторовъ руководить крестьянскими волненіями. Она должна будить въ городахъ демонстраціями отзвуки этимъ волненіямъ въ деревняхъ. Она должна все осмыслить выясненіемъ роли царизма въ русской жизни, направленіемъ на борьбу съ нимъ, сліяніемъ клича „за землю!“ съ трезвымъ пониманіемъ содержимаго въ этомъ кличѣ. И такая работа не только мыслима, нужна и возможна, но она даже при рядѣ вздымающихся изъ почвы волненій легка и урожайна въ настоящее время.

Мы должны проникнуться этой мыслью всѣмъ существомъ, зачислить ее не въ разрядъ желательностей, а понимать ее, какъ насущную необходимость, какъ очередной, свыше всякой мѣры

спѣшный шагъ. И этотъ шагъ во всѣхъ отношеніяхъ долже[н] быть самымъ серьезнымъ. Страшно поднять руку на человѣк[а], убить его, хотя бы это былъ всего лишь человѣкообразный гад[ъ], какой нибудь Сипягинъ. Но еще неизмѣримо страшнѣе звать лю[]дей на позоръ, на безчестье. Страшно убить человѣка-гада, пото[]му что и въ его жилахъ течетъ человѣческая жизнь. Но страш[]нѣе звать на позоръ и безчестье, потому что вся наша работ[а], все наше сознаніе, весь соціализмъ и все будущее человѣчеств[а] основаны на чести. Отнимите ее у человѣка, отнимите ее у род[а] людского — и вы отнимете все, вы станете лицомъ къ лицу толь[]ко съ Плеве... Поэтому каждый нашъ шагъ, влекущій за собо[й] страшную отвѣтственность, долженъ быть строго обдуманъ и пере[]житъ всей душой. Мы должны положить массу усилій, чтобы посл[ѣ] призыва къ дѣйствіямъ, послѣ фактовъ волненій народъ не падал[ъ] къ губернаторскимъ ногамъ, не молилъ о пощадѣ, не бил[]с[я] безсильно подъ розгой, не застывалъ въ столбъ ужаса и уди[]вленія... Мы не можемъ, значитъ, ограничиваться тѣмъ, что бро[]симъ подъ придорожный камень или въ возъ спящаго мужик[а] листовку, прокламацію или брошюрку, которая еще богъ вѣст[ь] какъ будетъ истолкована; мы должны внимательно слѣдить з[а] бродящей мыслью въ деревняхъ, должны и литературу давать, [и] умѣть во время подбодрить, и сдѣлать такъ, чтобы мужикъ ви[]дѣлъ ростъ движенія во всей Россіи, и откликъ въ городахъ, [и] существованіе дѣйствительной, не бумажной, не призрачной соціа[]листической партіи...Мы должны заронить въ него, нѣтъ, не за[]ронить, а яркимъ пламенемъ зажечь глубокую вѣру въ благопрі[]ятный исходъ всероссійскаго революціоннаго дѣла, должны вс[ѣ] вспышки поставить въ зависимость отъ этого дѣла — не можем[ъ] мы, значитъ, „между прочимъ" заниматься такимъ и лично, и об[]щественно отвѣтственнымъ дѣломъ, надо, чтобы оно вошло в[ъ] кругъ очередныхъ важнѣйшихъ обязанностей нашей соціалисти[]ческой партіи...

Не сможемъ мы справиться съ этой задачей, — мы будемъ си[]дѣть полумертвецами въ нашемъ склепѣ-кабинетѣ и оттуда чре[]вовѣщать распорядительныя рѣчи о русской революціи безъ вся[]каго воздѣйствія на мятущуюся, волнующуюся, рыдающую и про[]тестующую жизнь! Нѣтъ, конечно, нѣтъ не таковъ долженъ быт[ь] и будетъ удѣлъ русской революціонно-соціалистической партіи[.]

Настаивая на необходимости обратить самымъ серьезнымъ обра[]зомъ наше вниманіе на развитіе революціонной дѣятельности в[ъ] деревнѣ, — мы этимъ самымъ, конечно, еще, отнюдь, не гово[]

римъ о тождественности рабочаго и крестьянскаго движенія. Эти движенія существенно разнятся другъ отъ друга. Движеніе пролетаріата исходитъ изъ классовыхъ началъ и рѣзко и ясно развиваетъ ихъ въ положительную сторону, если и подвергаясь какой либо порчѣ, вбирая въ себя какую либо муть, то это въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ осложняющихъ все условій русской дѣйствительности. Современное же движеніе крестьянства — это амальгама разнаго рода теченій, перекрещивающихся своими противоположностями для того, чтобы потомъ сойтись своими крайностями. Говоря это, мы имѣемъ въ виду, что крестьянскій девизъ: „За землю!“ сливаетъ въ себѣ и тяготѣніе нищаго мужика къ „трудовому участку“ земли — т. е. такому. который былъ бы какъ разъ впору лишь рабочимъ силамъ семьи, — и стремленіе болѣе или менѣе зажиточнаго мужика пріобрѣсти какъ можно больше земли, чтобы потомъ обработывать ее наемной рабочей силой, на которую уже сколоченъ капиталецъ. Желанія этихъ разныхъ общественныхъ группъ деревни подъ однимъ и тѣмъ же девизомъ: „За землю!“ порождаютъ сильную и страстную критику дворянскаго землевладѣнія и землепользованія. Въ критикѣ барской собственности совпадаютъ взгляды крестьянской голытьбы и крестьянской мелкой буржуазіи. И слово этой критики звучитъ властно и громко въ крестьянскомъ мірѣ, часто заглушая собой у пролетарскихъ силъ деревни критику новыхъ (буржуазныхъ) поземельныхъ отношеній. „Людска кровь“ — этотъ старый терминъ, выстраданный еще въ дореформенной Россіи, по прежнему прилагается къ барскому хозяйству, и за этимъ хозяйствомъ, какъ за паразитомъ, не признается никакихъ правъ на существованіе. „Людска кровь“ — этотъ терминъ далеко и далеко не всегда прилагается къ хозяйству какого нибудь хитроумнаго кулака (ба-ашка!) изъ мужиковъ, хотя бы онъ и эксплуатировалъ десятки и сотни людей *).

Развивающееся крестьянское движеніе меньше всего можетъ питать народническія иллюзіи. Мы должны отнестись къ нему здраво и просто и оцѣнить его сквозь призму новыхъ слагающихся хозяйственныхъ формъ. Нѣтъ у насъ такой задачи, какъ

*) Прежній уравнительный принципъ дѣлежа всей земли на все мужицкое царство осѣкся, иступился, пройдя сквозь строй покупокъ и продажъ со стороны зажиточныхъ семей деревни: „людска кровь“ въ массѣ случаевъ перешла въ неосуждаемое никѣмъ „пріобрѣтеніе на кровныя денежки“, и принципъ уравнительнаго дѣлежа земли превратился, главнымъ образомъ, въ методъ критики спеціально дворянскаго, барскаго землевладѣнія. Это „батьковщина“, и она должна быть раздѣлена между всѣми—таково мнѣніе всей деревни—и не имѣющихъ ни кола, ни двора, ни куринаго пера, и владѣльцевъ собственности, пріобрѣтенной на „кровныя денежки“...

консервированіе въ соціалистическихъ видахъ разлагающейся общины, нѣтъ у насъ такой задачи, какъ созданіе специфическаго „народнаго производства". Намъ не приходится являться донъкихотами какой то странной самобытности, не приходится думать, что защитой и поощреніемъ артелей и общинъ мы оградимъ крестьянство отъ вторженія въ него мелко-буржуазнаго духа. Этотъ духъ уже вторгся давно въ деревню, уже свилъ себѣ въ ней прочное гнѣздо и, если не проявляется во всей своей полнотѣ, то благодаря лишь крайне низкому уровню нашей культуры, превращающей мужика въ нищаго sans phrases. Поднятіе культурнаго уровня будетъ и торжествомъ мелко-буржуазнаго духа въ деревнѣ. Это неотвратимый процессъ, противъ него мы можемъ бороться, лишь содѣйствуя развитію классовыхъ антагонизмовъ въ деревнѣ и вводя, такимъ образомъ, въ кругъ соціалистическаго пониманія тотъ слой крестьянъ, который всѣ условія его жизни толкаютъ на путь соціалистической борьбы.

Въ нашей аграрной программѣ мы должны исходить не изъ народническихъ тенденцій о „русскомъ соціализмѣ", давно уже сложившемъ свои кости въ борьбѣ съ наукою, а должны руководиться тѣми указаніями, которыя подсказываетъ намъ борьба классовъ въ новыхъ слагающихся поземельныхъ отношеніяхъ. Эти поземельныя отношенія — плоть отъ плоти капиталистическаго строя, и всячески содѣйствовать и способствовать развитію классовыхъ антагонизмовъ въ деревнѣ, вооружать соціализмомъ сельскій пролетаріатъ и ту часть крестьянства, которая стоитъ на межѣ пролетарскаго существованія, — это наша самая существенная задача. Въ ближайшемъ будущемъ намъ прійдется положить на нее очень много силъ. Мы не можемъ затушевывать классовыя противорѣчія въ крестьянствѣ или легко считаться съ ними, какъ это дѣлаютъ соціалисты-революціонеры. Мы должны прислушиваться къ крестьянскому кличу „За землю!", но въ этотъ кличъ намъ не приходится вкладывать никакихъ наивныхъ думъ о соціализмѣ, объ имѣющихся для него „ячейкахъ" въ крестьянствѣ...

Намъ приходится разсуждать такъ: крестьяне требуютъ земли, потому что имъ некуда сунуться со своими руками, и нѣтъ никакой возможности прокормить себя на имѣющихся у нихъ карликовыхъ участкахъ; крестьянское движеніе направляется на помѣщиковъ, потому что самыя условія освобожденія de facto сохранили за помѣщикомъ положеніе крѣпостника и поставили въ зависимость отъ него всю крестьянскую округу; страшное безземелье и мѣстами иногда полная кабала у помѣщика могутъ вести только къ вырожденію народа, но отнюдь не способствовать развитію хозяйственныхъ отношеній и вообще всей жизни въ новый болѣе прогрессивный типъ. Нашей обязанностью является, понявши это, содѣйствовать расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія и уничтоженію барина-помѣщика, какъ типа, завѣ-

даннаго намъ прошлымъ крѣпостническимъ строемъ. Вторая задача, впрочемъ, нѣсколько даже шире и можетъ быть формулирована, какъ ликвидація послѣднихъ остатковъ московскаго уклада, формовавшаго людское существованіе сообразно правительственнымъ выгодамъ, и послѣднихъ остатковъ крѣпостного права въ ихъ юридическихъ и экономическихъ проявленіяхъ. Необходимо уничтоженіе всякихъ путъ на крестьянинѣ, будутъ ли то выкупные платежи, круговая порука, насильственная привязь къ общинѣ, затрудненіе переселеній или же связанная еще со старымъ крѣпостническимъ укладомъ система отработокъ за снимаемую землю у помѣщика.

Совершенно вѣрно указывая на необходимость ликвидаціи остатковъ крѣпостного быта, программный проектъ „Искры" и „Зари" самымъ фантастическимъ образомъ представляетъ себѣ способъ этой ликвидаціи. Центральное мѣсто въ немъ занимаютъ „отрѣзки" — тѣ земли, которыя были отрѣзаны во время надѣленія въ 60 годахъ отъ крестьянскаго землепользованія въ собственность помѣщику; эти „отрѣзки", какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ служатъ орудіемъ для закрѣпощенія крестьянъ, для созданія арендныхъ кабальныхъ отношеній. Проектъ „Искры" и „Зари" предлагаетъ экспропріировать отрѣзанныя земли у помѣщиковъ или, разъ онѣ переходили изъ рукъ въ руки, выкупить ихъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія. Фантастическимъ здѣсь является не предложеніе разрубить Гордіевъ узелъ вмѣсто того, чтобы безполезно развязывать его, а то, что всѣ усилія мысли направлены на рубку такого узла, который, если бы и спалъ прочь съ колесницы, колесница все же окажется никуда негодной, ибо послѣ 60-хъ годовъ на нее навязали и еще рядъ такихъ же Гордіевыхъ узловъ. Разберемъ эти „отрѣзки". Если идетъ рѣчь о нихъ, какъ объ опредѣленныхъ угодьяхъ, которыми были обдѣлены крестьяне, и недостатокъ въ которыхъ ихъ гонитъ въ помѣщичьи сѣти, въ наемку къ помѣщику на самыхъ азіатскихъ условіяхъ, или же если о нихъ идетъ рѣчь, какъ о земляхъ такъ оригинально размежеванныхъ, что и простой проходъ и проѣздъ мужика на свою пашню поставленъ въ зависимость отъ условій съ помѣщичьей экономіей, и всякія льготы въ этомъ отношеніи покупаются тѣмъ же кабальнымъ трудомъ, — если „отрѣзки" разсматривать въ этихъ смыслахъ, то, конечно, можетъ существовать вопросъ о пользѣ, приносимой ихъ возвращеніемъ. Новгородскій мужикъ, обдѣленный лѣсомъ, московскій, лишенный сѣнокоса, костромской, не имѣющій выгоновъ — всѣ они получатъ теперь эти угодья. Мы,

правда, не представляемъ себѣ, какъ будутъ сопоставляться уст
ныя грамоты съ отсутствіемъ возможности опредѣлить теперь
многихъ мѣстахъ размѣры крестьянскаго землепользованія до
реформеннаго надѣленія, но пусть такъ или иначе этотъ земе
ный учетъ явится вполнѣ возможнымъ, и крестьяне получатъ
рѣзочныя земли. Но во имя чего же все это должно быть сдѣл
но? Не во имя же, конечно, принципа исторической справедл
вости: прокорректировать реформу 60-хъ годовъ, додать то, ч
было не додано тогда. Говоря простымъ языкомъ, что съ во
упало, то пропало. Въ 1861 году была реформа сверху, а не р
волюція снизу, и революціи начала XX ст. не приходится ходи
съ кисточкой въ рукахъ, чтобы подмалевывать живопись рефо
мы сверху, исправлять ея „несправедливости". Революція исх
дитъ изъ своихъ оснований: отрѣзочныя земли являются катор
нымъ ядромъ для мужика — значитъ, онѣ должны быть взяты
помѣщика и отданы крестьянамъ. Вотъ то единственное основа
возвращенія отрѣзковъ, которое мы представляемъ себѣ, ибо др
гое — устраненіе такимъ путемъ остатковъ феодальнаго быта
кажется намъ прежде всего верхомъ ненаучности: что за извлеч
ніе искусственнымъ способомъ застрявшихъ осколковъ прошла
экономическаго уклада! Они сами уничтожаются и вытѣсняют
новымъ строемъ хозяйственныхъ отношеній, это просто смѣш
говорить о такихъ операціяхъ, какъ выскабливаніе, это въ су
ности та же фантазія, что у соціалистовъ-революціонеровъ,
развившаяся на другомъ полюсѣ и сообразно съ этимъ наполне
ная не вытягиваніемъ за уши соціалистическихъ задатковъ, а в
шелушиваніемъ изъ буржуазнаго строя феодальныхъ кусочковъ

Итакъ, говоримъ, единственное здравое основаніе отрѣзковъ
здравое хоть по видимости — это то, что они просто-на-прос
каторжное ядро для мужика.

Но въ качествѣ чего онѣ каторжное ядро — только ли въ к
чествѣ присутствія въ нихъ тѣхъ угодій, какихъ нѣтъ у мужи
въ качествѣ своеобразныхъ межевыхъ отношеній, или же еще
потому, что мужикъ малоземеленъ? А мужикъ малоземеленъ искл
чительно ли вслѣдствіе того, что нѣтъ у него этихъ отрѣзочны
земель или же, можетъ быть, еще и въ силу какихъ-нибудь други
условій? Несомнѣнно, на это приходится отвѣтить, что у малоземел
наго мужика играетъ первенствующую роль не то обстоятельст
что 40 лѣтъ тому назадъ у него была отрѣзана часть земель. Во
вратите тверскому мужику его „отрѣзки", и они не покроютъ е
земельной нужды. А на югѣ Россіи, въ какомъ нибудь густо нас

енномъ Хотинскомъ уѣздѣ, гдѣ вы и „отрѣзковъ“ въ прошломъ никакихъ не сыщете, — что вамъ приходится выдвинуть здѣсь? А въ степяхъ Новороссіи, гдѣ въ дореформенную эпоху быстрымъ темпомъ развивались арендныя отношенія, гдѣ рушился самъ собой крѣпостническій укладъ, что значатъ теперь эти „отрѣзки“? Разъ только мы эти отрѣзки начинаемъ понимать не какъ узкія земельныя полоски или цѣлыя земельныя площади, въ томъ или иномъ отношеніи привязывающія хозяйственный бытъ мужика къ помѣщичьей экономіи, — они являются передъ нами въ видѣ нѣкоего плюса къ мужицкому наличному фонду, и логическимъ образомъ возникаетъ вопросъ: почему же этотъ фондъ долженъ быть приращенъ именно этими „отрѣзками“? Если бы дѣло было въ 1861 г., можетъ быть, тогда это и было бы самое здравое рѣшеніе вопроса: крестьянское населеніе получаетъ всю ту землю, которую оно обрабатываетъ для своихъ нуждъ. Но почему внуки должны получить ту норму, которая причиталась на пай ихъ дѣдовъ? Что это за повтореніе на bis реформы надѣленія землею? Мало у крестьянъ земли, и малоземелье слишкомъ вредно отражается на ростѣ культуры страны — надо увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія; но думая объ этомъ увеличеніи, намъ незачѣмъ прибѣгать къ фантастическимъ методамъ народниковъ, свободно обращающихся съ „колесомъ исторіи“, и брать исходнымъ пунктомъ своего мышленія реформу 1861 г. И фактически это приводитъ къ слишкомъ малымъ результатамъ, чтобы ставить отрѣзочныя земли въ центрѣ аграрной программы, и логически на „отрѣзкахъ“ мысль не можетъ сдѣлать этапа, а идетъ дальше, ибо существуетъ не только одна сторона вопроса — уничтоженіе обрывковъ цѣпей, а и другая — помощь малоземелью. Обѣ эти задачи не одного и того же порядка и прежде всего не могутъ для себя найти разрѣшенія въ однихъ и тѣхъ же „отрѣзкахъ“.

Ходъ нашихъ мыслей долженъ быть таковъ. Революція, въ которой, вѣроятно, крестьянство будетъ играть очень видную роль, и закрѣпленіе результатовъ которой немыслимо безъ энергическаго сочувствія деревни, — эта революція должна передать крестьянству возможный максимумъ земли. Можетъ ли революція взять на себя провозглашеніе всей земли народной собственностью? Нѣтъ. Націонализація земли входитъ, какъ составная часть, въ соціалистическій идеалъ; осуществленіе ея требуетъ извѣстнаго высокаго уровня экономическихъ силъ страны, чего теперь нѣтъ; переданная въ руки государства земля все равно поступитъ въ частнохозяйственный

оборотъ, и государство — собственникъ земель будетъ представлять изъ себя такой же соціалистическій зародышъ, какъ современная община — зародышъ соціалистической организаціи. Это такой соціализмъ, который не особенно далеко отстоитъ и отъ аракчеевщины... Слѣдовательно, провозглашеніе принципа народной собственности на всю землю не дало бы сейчасъ намъ ничего въ соціалистическомъ отношеніи. Да и помимо этого, подобная вещь является немыслимой при современномъ буржуазномъ порядкѣ вещей: этотъ порядокъ настолько силенъ, что ополчившись всѣми силами противъ подрыва своихъ корней, онъ сумѣетъ себя отстоять, онъ не отдастъ себя на уничтоженіе теперь. Было бы пустымъ романтизмомъ думать, что грядущая политическая революція подорветъ базисъ буржуазнаго строя. И въ соотвѣтствіи съ аксіомами экономической науки мы не можемъ выдвинуть такихъ требованій, которыя стремились бы тщетно и безсильно подрѣзать корни буржуазнаго строя.

Но если немыслима теперь національзація всей земли, то съ какой угодно точки зрѣнія является вполнѣ возможной секуляризація удѣльныхъ, церковныхъ, монастырскихъ земель и дворянскихъ земель, заложенныхъ въ ипотечныхъ учрежденіяхъ государства. Относительно перваго рода земель не нужно даже доказывать всю справедливость и возможность отобранія ихъ. Относительно заложенныхъ дворянскихъ земель даже буржуазная логика, если мысль будетъ продумана съ честной послѣдовательностью до конца, — сможетъ возразить очень мало. Всѣ эти земли давно ужъ въ сущности по величинѣ выданныхъ ссудъ, по количеству накопившихся недоимокъ представляютъ собственность государства. И при царскомъ режимѣ — конечно, какъ водится, съ пользой для дворянъ — подъ одной крышей съ дворянскимъ банкомъ оперировалъ крестьянскій, черезъ который дворянскія земли переходили въ мужицкія руки. Взять эти земли, ничего не уплачивая ихъ владѣльцамъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напр., имѣніе заложено не по специальной, а по низкой нормальной оцѣнкѣ, уплачивая извѣстную добавочную сумму, — это мѣра справедливая даже и съ точки зрѣнія логически честно мыслящаго буржуа. Не значитъ это, конечно, что сами владѣльцы земель и ихъ присные отнесутся съ одобреніемъ къ такой мѣрѣ, ибо они продолжаютъ считать своей собственностью то, что ужъ выкуплено у нихъ и принадлежитъ имъ лишь милостями царскаго режима. Но съ ихъ протестами народная революція всегда сможетъ справиться, ибо тутъ не посягательство на корни буржу-

азнаго строя, а лишь отобраніе гнѣздъ, витыхъ при помощи романовскаго дома.

Всѣ эти секуляризованныя земли*) вмѣстѣ съ государственными должны составить народный земельный фондъ для раздачи въ долгосрочную аренду (на 99 лѣтъ) крестьянству. Это должно быть центральнымъ пунктомъ нашей аграрной программы. Переходъ всей этой земли въ общественную собственность долженъ сопровождаться передачей этого фонда въ распоряженіе общественныхъ силъ, онъ никоимъ образомъ не долженъ находиться въ распоряженіи будущей бюрократіи, а долженъ состоять въ завѣдываніи и подъ контролемъ тѣхъ или другихъ единицъ мѣстнаго общественнаго самоуправленія. Всѣ усилія должны быть положены на то, чтобы государственная сила не разросталась на счетъ этого фонда, чтобы онъ служилъ, наоборотъ, оплотомъ общественнаго самоуправленія. Громадная масса земель, поступающихъ въ очень льготное пользованіе крестьянства, явится въ возможныхъ для насъ предѣлахъ отвѣтомъ на крестьянскій кличъ: „За землю!"

У крестьянина, несмотря на его вѣковѣчную думу о землѣ, нѣтъ опредѣленныхъ устойчивыхъ представленій о томъ, въ какихъ формахъ онъ возьмется за хозяйствованіе на грезящемся ему земельномъ привольѣ, и въ періодъ слагающихся новыхъ типовъ въ деревнѣ и разлагающихся старыхъ устоевъ и не можетъ быть единаго и отчетливаго представленія. Поэтому, мы не сочли бы серьезнымъ то возраженіе, что крестьянинъ не удовлетворится тѣмъ земельнымъ фондомъ, о которомъ говоримъ мы — ему-де отдай всю землю. Крестьянство не можетъ успокоиться на „отрѣзкахъ", возвращеніе которыхъ окажетъ помощь лишь нѣкоторой части пестро разбросанной между другими частями, ничего не выгадывающими отъ этого возвращенія, а здѣсь будетъ такой крупный земельный фондъ, получаемый на льготныхъ условіяхъ, что крестьянство во имя его грудью встанетъ за соціально-революціонную партію, пробивающую себѣ дорогу къ руководству народной революціей.

Вторымъ важнымъ пунктомъ аграрной программы должно явиться регулированіе государствомъ арендныхъ отношеній: во первыхъ, должны быть уничтожены закономъ всѣ кабальныя фор-

*) Мы не вдаемся въ детальное перечисленіе тѣхъ земель, которыя еще должны войти сюда, такъ напримѣръ, „жалуемыя" теперь сибирскія земли, конечно, должны быть отобраны назадъ и поступить въ этотъ фондъ.

мы аренды — испольщина, десятинщики, отработки и т. д.; во вторыхъ, всѣ остальные существующіе виды аренды должны быть поставлены подъ контроль судовъ, которые на основаніи твердо установленныхъ положеній могли бы опредѣлять, гдѣ кончается аренда и начинается беззазорная эксплуатація человѣка. Должна быть введена сельско-хозяйственная инспекція, одной изъ главныхъ функцій которой было бы вмѣшательство во всѣ сдѣлки, носящія кабальный характеръ.

Третьимъ основнымъ пунктомъ аграрной программы является законодательство, ограждающее интересы сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Эти три пункта составляютъ, такъ сказать, остовъ программы, и весь рядъ ея практическихъ требованій уже такъ или иначе связанъ съ ними: связана съ ними и отмѣна выкупныхъ платежей, продовольственнаго долга и всѣхъ накопившихся на крестьянахъ недоимокъ, и созданіе особаго суда изъ народныхъ представителей для разбора крестьянскихъ жалобъ и заявленій относительно всѣхъ тѣхъ операцій, которыя сопровождали „освобожденіе“, и реформа крестьянскаго самоуправленія, и уничтоженіе административной опеки надъ крестьянами въ видѣ земскихъ начальниковъ, общинъ и т. д., и передача вмѣстѣ съ земельнымъ фондомъ въ вѣдѣніе общественныхъ учрежденій страны всѣхъ капиталовъ принадлежащихъ Удѣльному Вѣдомству, Дворянскому Банку и прочее.

Мы здѣсь, конечно, не набрасываемъ точной программы, а уясняемъ лишь общій характеръ ея. Думается намъ, что II-ой съѣздъ Россійской Соціальдемократической Партіи придетъ, примѣрно, къ такимъ же результатамъ, къ которымъ приходимъ и мы, ибо трудно намѣтить что нибудь болѣе реально осуществимое, удовлетворяющее потребности крестьянъ въ землѣ и не стоящее въ противорѣчіи съ основными положеніями нашей теоріи.

Все время трактуя обо всѣхъ слояхъ населенія, мы исходили изъ рабочаго движенія и его нуждъ. Мы, какъ это упоминали не разъ, считаемъ его самымъ могучимъ оплотомъ будущаго Россіи и самой крупной революціонной силой настоящаго. Поэтому то мы и располагали и броженія среди либерально-буржуазныхъ слоевъ, и студенческія волненія, и работу среди крестьянъ вокругъ движе-

нія промышленныхъ рабочихъ, какъ вокругъ общаго центра. Сюда же придется еще присовокупить и тотъ способъ революціонной борьбы, который именуется *терроризмомъ*.

5) ТЕРРОРЪ. Эта подсобная форма борьбы нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызывала по отношенію къ себѣ у многихъ революціонеровъ полное отвращеніе, всевозможныя насмѣшки, и даже, пожалуй, у иныхъ изъ дѣятелей и презрѣніе. Къ ней относились зачастую, какъ къ бреду не въ мѣру зазнавшихся единицъ, не вѣдающихъ и границъ своей „интеллигентной" силѣ, или какъ къ скороспѣлому выводу буйныхъ темпераментовъ.

Теперь, кажется, революціонеры переменяютъ свое отношеніе къ этому способу борьбы и мало-по-малу признаютъ, что терроръ вовсе не исключительная привеллегія партіи, не желающей якобы опираться на трудящіяся массы, а именно всего лишь *способъ* дѣйствія, которымъ въ крайніе моменты жизнь заставляетъ пользоваться *всѣ* партіи *безотносительно* къ научной подкладкѣ ихъ міровоззрѣнія.

Во избѣжаніе какихъ либо нареканій считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь, что група „Освобожденія Труда въ Россіи" въ свою программу вносила принципіально и терроръ, *если въ немъ случится надобность*.

За терроромъ нельзя признать, конечно, никакой созидающей роли — творчества политическихъ формъ. Было бы наивно думать, что горсть людей, каковъ бы ни былъ ихъ самоотверженный героизмъ, въ состояніи вырвать у правительства рядъ серьезныхъ уступокъ лишь своими собственными усиліями, безъ всякихъ твердыхъ точекъ опоры во внѣ — въ массахъ. Это немыслимо уже потому, — минуя всякія соціологическія объясненія — что правительство нашихъ дней не впадетъ въ такую панику отъ выстрѣловъ террористовъ, какъ правительство Александра II. Теперь оно знаетъ многое изъ того, что было для него мучительной неизвѣстностью въ 70-ые годы; знаетъ, что террористы не представляютъ изъ себя несмѣтной рати, что счетъ имъ надо вести всего лишь десятками или сотнями, что силы этихъ десятковъ не безмѣрны, и черезъ какихъ нибудь нѣсколько лѣтъ естественно должны оскудѣть; знаетъ, что на защиту террористовъ не встанетъ все общество, „какъ одинъ человѣкъ", чего оно опасалось въ былыя времена.

Кромѣ того, правительство Николая II лучше обставлено теперь полицейскими гвардіями, такъ хорошо ощетинило себя со всѣхъ

сторонъ шпіонскими отрядами и всякими послѣдними словами техники, что текущій моментъ и 70-ые годы трудно даже и сравнивать въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, теперешнее правительство давнымъ давно отвыкло отъ колеблющейся и нерѣшительной политики Александра II. Оно потеряло послѣдніе остатки и прежде не особенно то сильнаго стыда передъ „Европами“ и такъ понаторѣло въ орудованіи ежевыми рукавицами, такъ увѣровало въ ихъ святую и непререкаемую мощь, что при террористическихъ дѣйствіяхъ оно не только не измѣнитъ этому своему принципу, но, наоборотъ, доведетъ его до геркулесовыхъ столбовъ.

Нѣтъ, въ наши дни нельзя нагнать на правительство терроромъ такую панику, какъ 20 лѣтъ назадъ.

Многіе изъ сторонниковъ террора разсчитываютъ именно на его устрашающую силу. Въ царскомъ дворцѣ будутъ чувствовать себя, какъ на иголкахъ, министры облачатся въ панцыри, нѣкоторые изъ нихъ потеряютъ сонъ и аппетитъ, жандармскіе генералы и полковники каждое утро и каждый вечеръ станутъ бормотать „Покрый мя честнымъ твоимъ омофоромъ!“, „Огради мя силою животворящаго креста твоего!“ и т. д. Все это такъ. Но извѣстно вѣдь, что боевые люди завтракаютъ и подъ градомъ пуль, а роялисты могутъ всходить на эшафотъ, дрожа не отъ страха, а отъ нервнаго смѣха. Банда русскихъ властей — тоже въ извѣстномъ смыслѣ бойцы, — бойцы реакціи: и подбодряемые стремленіями сохранить status quo, прельщаемые двойными окладами содержанія „за рискъ“ — они всегда пересилятъ въ себѣ страхъ передъ дѣйствіями террористовъ.

Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить это и возможно рѣзче подчеркнуть отсутствіе у насъ вѣры въ устрашающую роль террора, потому что такая вѣра въ иллюзіи будетъ разбита на первыхъ же порахъ работы реальными фактами, а продуктомъ этого можетъ явиться самый безысходный и разслабляющій пессимизмъ. Поэтому то мы и отрицаемъ совершенно устрашающую роль террора, а выдвигаемъ его *экцитативное* (возбуждающее) *значеніе*, не употребляя вмѣсто „терроризмъ“ — „экцитаризмъ“ только потому, что въ оборотѣ нѣтъ такого слова.

Въ правительственныхъ сферахъ произведутъ переполохъ въ значительной мѣрѣ и все разростающееся рабочее движеніе, и крестьянскія вспышки, и всякія смуты въ мало-мальски по человѣчески мыслящихъ слояхъ общества. Надо только, чтобы весь этотъ комплексъ революціонныхъ дѣйствій былъ болѣе энергиченъ и

ослѣдователенъ, чѣмъ это есть теперь. Таковымъ его можетъ сдѣать только терроръ, на долю котораго выпадаетъ очень важная оль: *роль приводнаго ремня къ маховому колесу политической идеи.* ся машина политической борьбы въ полномъ сборѣ въ настоящее ремя: рабочее движеніе выдвигаетъ необходимость активно выступить противъ правительства, даже выступаетъ, революціонеры читаютъ необходимость политической борьбы за азбучную истиу, всюду совершенно готова почва для протестовъ и отпоровъ, — и, однако, закваска старой инертности сковываетъ и по сей асъ всякую широкую иниціативу. Все снарядилось уже въ путь, о медлитъ сдѣлать первый рѣшительный шагъ. Смести съ лица емли инертность, внести всюду страстность борьбы, духъ почина — это теперь можетъ сдѣлать только терроръ.

Только онъ одинъ способенъ заставить работать политическое олесо во всю; для современности онъ то же, что севастопольскія гранаты для Россіи 50-ыхъ годовъ. Слово, какою бы страстью мощью оно ни дышало, не въ силахъ разрушить вялость русской жизни. Много такихъ словъ проносилось надъ Россіей, но они ишь были въ состояніи обогатить нашъ политическій лексиконъ. о не наэлектризовать все поникшее головой.

Самъ по себѣ ходъ рабочаго движенія, хотя бы и все ускоряющійся, слишкомъ тяжеловѣсенъ, чтобы проникнуть во всѣ поры русской жизни, чтобы поднять настроеніе всѣхъ борющихся словъ до *самой высокой точки* кипѣнія.

Прежде всего при первыхъ же выстрѣлахъ встрепенется и заживетъ полной жизнью русскій революціонеръ. Теперь онъ не отдается революціонному дѣлу вплотную, три четверти его жизни уходятъ на службу по всякимъ статистикамъ или бѣганье по урокамъ, и лишь ничтожная дробь дня посвящается имъ революціонной работѣ. Эта послѣдняя не единственный и не исключительный моторъ его существованія, а нѣчто въ значительной мѣрѣ подчиненное личному и семейному укладу его жизни. На вопросъ о профессіи теперешній революціонеръ не можетъ, положа руку на сердце, сказать, подобно Желябову: занимаюсь революціонной дѣятельностью.

Не максимумъ своихъ лучшихъ силъ онъ несетъ сюда, а лишь минимумъ, не приспособляетъ все къ себѣ, а въ большой степени и самъ приспособляется. Въ моментъ же террористической борьбы человѣкъ весь, цѣликомъ, безъ изъятья отдается революціонной работѣ. Онъ не будетъ съ утра до ночи корпѣть по статистикамъ, отчасти онъ сведетъ къ минимуму свои личныя потребности, отчас-

ти найдетъ поддержку въ революціонныхъ кассахъ. Изъ ссыл значительно возрастутъ побѣги, и кровный революціонеръ до т поры не сложитъ свои доспѣхи на временный отдыхъ, пока пр вительство не законопатитъ его такъ, что всякая мысль о побѣ явится абсурдомъ. Весь воздухъ пропитается революціонизмомъ будетъ удесетерять нравственныя силы каждаго.

Но не только качественно терроръ подниметъ силы революціон ровъ: онъ подниметъ ихъ и количественно, призвавъ къ жиз силы сейчасъ, при тихомъ ходѣ движенія, слишкомъ сонныя, м ло энергичныя. При повышенномъ тонѣ жизни эти силы явят настоящими работниками. Если теперь онѣ занимаются культу трегерствомъ или даже ничего не дѣлаютъ, а просто клянутъ о ружающій ихъ Содомъ русской жизни, — то тогда онѣ возьмут за революціонную работу. Въ народныхъ театрахъ да просвѣт тельныхъ учрежденіяхъ царскаго кабака останутся лишь тѣ, к ни на что больше, кромѣ культуртрегерства, не считаетъ се способнымъ...

Терроръ не можетъ не усилить движенія уже потому, что он — застрѣльщикъ политической борьбы, яркій симптомъ начала ко ца. Онъ является затѣмъ, чтобы бросить искру въ уже собранн и сложенный горючій матеріалъ. Наличность такого матеріала я на каждому наблюдателю русской жизни, а если такъ, то терро насущный, необходимый шагъ революціонной борьбы.

Въ 70-ые г.г. онъ являлся выраженіемъ слабости революціо ныхъ устоевъ: народовольцы были *лично* сильны, но *соціально* сл бы*). Мы можемъ быть и лично сильны — не проклятое жъ м богомъ поколѣнье, чтобы среди насъ не выросли тѣ же Желябов Софьи Перовскія, Квятковскіе и Вѣры Фигнеръ! — а соціально м уже и *теперь* сила. Сила, ибо передъ нами совершенно подгни

---

*) На Липецкомъ съѣздѣ Желябовъ говорилъ (цитируемъ „Матеріаламъ для исторіи рус. соц.-рев. движенія“, т. XI. стр. 57 „Партія должна сдѣлать все, что можетъ: если у нея есть сил низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сд лать; *если у нея хватаетъ силы только наказать его лично, о должна это сдѣлать;* если бы у нея не хватило силы и на эт *она обязана хоть громко протестовать...* но силъ хватитъ, бе сомнѣнія, и силы будутъ рости тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительн мы станемъ дѣйствовать“. Силы дѣйствительно росли, но — у — ихъ не хватило (конечно, не по винѣ самихъ народовольцев на первое — ихъ достало лишь на второе, подчеркнутое нам т. е. на казнь разныхъ насильниковъ и самого верховнаго деспот

ій политическій строй, сила — ибо мы буревѣстники громадна- го массового движенія, которое смететъ до основанія всю мерзость русскаго царизма.

„Политическая свобода!“ — напишется крупными и четкими буквами на революціонномъ знамени. И знамя это понесется въ рабочую среду. „Почему?“ — по выраженію философа — „мать всѣхъ наукъ“ — станетъ и матерью революціонной жизни. Почему раздаются эти выстрѣлы? Почему правительство отвѣчаетъ на нихъ страшными карами, всюду сѣющими смерть? Отъ этихъ двухъ первыхъ „почему“ потянется цѣлой вереницей масса другихъ „почему“ относительно условій русской политической жизни. Сама дѣйствительность, гнетущая мысль, слово и дѣло, въ этотъ живой моментъ будетъ родить милліоны вопросовъ и воспитывать политическое самосознаніе рабочихъ, вызывать такія потребности, которыя доселѣ намѣчались лишь слабыми штрихами или даже совершенно отсутствовали.

Бодрые духомъ, съ повышеннымъ тонусомъ жизни революціонеры будутъ давать рабочимъ отвѣты на ихъ „почему?“ и развивать передъ ними политическія задачи, которыя должны быть, по благу трудящихся, осуществлены сейчасъ же.

Дѣйствія террористовъ будутъ открытой книгой для рабочихъ, въ которой и рукою бойцовъ, и рукою палачей начертано: „боритесь за политическую свободу!“... Слово свинцовой пули раздается въ жизни гораздо громче и властнѣе, чѣмъ слово, набранное свинцовымъ шрифтомъ.

Противники терроризма, если и сочтутъ нужнымъ бороться противъ него, освѣщать его съ отрицательной стороны, то они же сами выдвинутъ въ качествѣ argumentum negoicum необходимость усиленной политической агитаціи въ массахъ, и скромная политическая пропаганда, не вѣдающая ни дня, ни часа воплощенія въ жизнь своихъ идеаловъ, смѣнится этой непрестанной агитаціей, зовущей на погребеніе существующаго политическаго строя и созданіе новаго.

А это то именно и есть та цѣль, которую стремится выдвинуть терроръ. Разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ — его экситативная (возбуждающая) роль сыграна, и останется ли онъ тогда уже въ качествѣ дѣйствительно *террора* или сейчасъ же уступитъ мѣсто ряду вооруженныхъ массовыхъ нападеній на правительственныхъ властей — рѣшатъ обстоятельства, рѣшитъ сама жизнь.

Тронъ самодержца всероссійскаго при сильномъ броженіи въ

массахъ предстанетъ предъ революціонной Россіей въ своемъ н
стоящемъ безпокровномъ видѣ: это не гранитъ, разубранный позол
той, а всего лишь вызлащенный деревянный обрубокъ, насквозь пр
ѣденный термитами. Не надо гигантскихъ усилій, чтобы свороти
его съ мѣста — онъ разсыплется въ дребезги при первомъ же масс
вомъ натискѣ. Ни ограда изъ штыковъ, ни полицейско-жандар
скія ищейки, ни кошели крупныхъ капиталистовъ, ни вѣрнопо
даническіе вопли дворянства, ни авторитетъ „царя-батюшкв
въ глазахъ темныхъ массъ — ничто не спасетъ самодержавна
трона, какъ ничто не спасло Александра II отъ кровавой распр
вы съ нимъ террористовъ-народовольцевъ.

Не спасетъ потому, что въ разгаръ борьбы этотъ тронъ окаже
ся или никому ненужной гнилушкой, или во всякомъ случаѣ -
не стоющимъ того, чтобы изъ за него не на жизнь, а на смер
вести войну съ возставшими рабочими массами.

Дворянинъ — слишкомъ ничтожная величина, чтобы отстоя
грудью царскій престолъ, если бы онъ и нашелъ это необход
мымъ.

Крупный буржуа — темперамента не воинственнаго и, когд
грянетъ громъ, онъ начнетъ думать не о томъ, какъ собира
осколки стараго — для этого онъ достаточно уменъ, — а начне
заботиться о томъ, чтобы найти для себя потеплѣе мѣстечко в
свободномъ политическомъ строѣ. Поглощенный планами объ об
рудованіи наилучшей живодерни при конституціонномъ порядк
вещей, онъ самъ начнетъ лягать правительство и ронять цѣн
его всевозможныхъ долговыхъ обязательствъ.

Мелкое мѣщанство, украшающее свои домишки царскими пор
третиками, можетъ быть, покипятится на первыхъ порахъ, н
скоро и остынетъ — его больше безпокоятъ вопросы о томъ, чтоб
всѣ гвозди были на мѣстѣ въ его домишкахъ, да получены бы бы
ли своевременно копеечка на копеечку, наградныя, прогонныя и пр
чѣмъ вопросы объ ограниченной или абсолютной власти монарх
Мелкая буржуазія не стащитъ со стѣнъ портретовъ Ихъ Величеств
но и на баррикады не пойдетъ за русскій царизмъ. Это плохі
защитники самодержавія. Такіе же какъ и бюрократія, котора
сегодня чествуетъ низкимъ поклономъ царское имя, а завтра пе
рейдетъ въ противоположный станъ, ибо ей все равно, гдѣ п
рыцарствовать въ обмѣнъ на получки 20-го числа.

На крестьянство трону также не придется возлагать надежд
какъ на каменную гору: разъ рабочее движеніе сольется съ кре
стьянскимъ, разъ кличъ „За землю!“ пронесется по Россіи,

гитаторы удѣлятъ серьезное вниманіе аграрному вопросу, крестьнинъ весь уйдетъ въ борьбу за землю и проморгаетъ за ней воего царя-властелина; тутъ не до него будетъ...

Бандѣ русскихъ насильниковъ придется опираться лишь на илу штыковъ и на безпредѣльную вмѣстимость тюремныхъ каеръ. И мы не сомнѣваемся, что одну-двѣ побѣды надъ возтавшими массами они одержатъ, но это будутъ для нихъ пирровы побѣды: въ морѣ народной крови потонетъ солдатская преанность „престолъ-отечеству", и — кто знаетъ — можетъ ыть, тѣ же солдаты при приказѣ „пли въ народъ!" сочтутъ воимъ священнымъ долгомъ разстрѣлять „возлюбленныхъ монаровъ" со всѣми ихъ чадами и домочадцами... Ни одно еще прантельство не въ состояніи было продержаться только военной сиой, когда весь народъ былъ для него враждебнымъ станомъ...

Все кажущееся величіе и крѣпость трона на повѣрку выйдутъ ыльными пузырями. Эти рудименты развитія держатся только отому, что ихъ никто не валитъ, только потому, что массамъ едостаточно уясняютъ замѣчательныя слова Мефистофеля: „коону ты склей; потъ нуженъ для ней и кровь со слезами", не ясняютъ этого процесса образованія короны... А особенно энерично это можетъ уясняться только въ моментъ террора.

Иногда высказывается опасеніе, что терроръ, отвлекая къ себѣ аиболѣе способныя силы, можетъ нанести ударъ рабочему дѣлу, ишая его извѣстной части агитаторовъ и пропагандистовъ. Такое пасеніе походитъ на страхъ и трепетъ нѣкіихъ философовъ древости, боявшихся, что солнце очень скоро израсходуетъ свою телоту и свѣтъ — но напрасны были опасенія: по изслѣдованіямъ ельмгольца уже истрачено 353/354 энергіи нашего солнца и все е оставшейся 1/354 хватитъ еще на милліоны лѣтъ! Рабоее движеніе слишкомъ прочно сидитъ своими корнями въ эмлѣ — классовыхъ интересахъ массъ, — слишкомъ раскиуло свои вѣтви къ небесамъ — въ идеологическія сферы, — и нѣтъ никакихъ основаній опасаться, что оно можетъ скудѣть силами. Не только не оскудѣетъ, но, наоборотъ, обогаится, ибо терроръ, обновивъ и встряхнувъ жизнь, породитъ полища новыхъ работниковъ и въ средѣ самихъ рабочихъ, и въ редѣ революціонно настроенныхъ разночинцевъ. Сколько бы и уходило даровитыхъ личностей въ спеціально террористичекую фракцію, еще больше будетъ итти политическихъ агитаоровъ въ рабочія массы! Центральное дѣло не можетъ остать-

ся безъ живыхъ силъ. Въ 70-хъ годахъ терроръ потому
влекъ къ себѣ лучшія революціонныя силы, что именно о
благодаря неподготовленности массъ къ борьбѣ, и былъ ц
тральнымъ дѣломъ. Теперь вопросъ ставится иначе и есі
ка на прошлое, — если будетъ она дѣлаться — врядъ ли ос
вательна.

Тогда рабочее движеніе еле только приспосабливалось къ с
имъ первымъ тѣлодвиженіямъ, и уходъ одного Халтурина въ с
ціально террористическую фракцію могъ лишить энергіи цѣл
„Сѣверный Союзъ“ рабочихъ... Тогда не только Халтурины
было мало, но и самыя массы количественно были очень не
лики.

Можно ли это сказать про теперешній моментъ? Массы огромны
ихъ вызвалъ къ жизни капиталистическій ходъ вещей. Тепереш
Халтурины ставятъ для себя святой, жизненной задачей бор
въ рядахъ рабочей арміи. Но моментъ таковъ, что онъ не
етъ развернуться во всю ширь могучей силѣ Халтуриныхъ. „
слава богу, добились хоть 8-ми часовъ работы, за это и ум
раю“ — за минуту до смерти говорилъ скончавшійся въ 1
-омъ году Андр. Степ. Тютевъ, въ высшей степени даровит
уральскій рабочій. Когда терроръ явится могучимъ стимуло
къ широкой массовой политической борьбѣ, Тютевымъ откроет
широкое поле дѣятельности среди возбужденныхъ массъ, и с
будутъ умирать не только за 8 часовъ работы, а и за нихъ, и
всю сумму политическихъ правъ, и за рядъ тѣхъ подготовите
ныхъ работъ, которыя насъ быстро близятъ къ соціалистическо
строю.

Намъ часто приходилось слышать, что представители и с
спѣшники царской власти въ Россіи — это все какія то безцв
ныя ничтожности, не проявляющія ни малѣйшей оригинально
въ своихъ гнусныхъ дѣяніяхъ, злецы не по натурѣ, а по ка
пому шаблону... Среди нихъ, дескать, трудно даже и выискать
кую фигуру, которая сама по себѣ заслуживала бы смертной к
ни. Развѣ вотъ только Зубатовъ, специфическіе таланты ко
раго ничуть не сѣрѣе талантовъ Судейкина, или какой нибу
Витте, въ своемъ хитроуміи не уступающій Дмитрію Толс
му... Кого же будутъ казнить террористы? противъ кого с
направятъ свои дѣйствія? Да, мы согласны, что дѣятели пра
тельственной реакціи въ большинствѣ случаевъ негодяи не
натурѣ, а лишь по чину, по должности, по казенной надобнос

что сами по себѣ они очень мало типичны. Но развѣ мы боремпротивъ Дмитрія Толстого или Судейкина, какъ противъ личстей, годныхъ лишь на то, чтобы отвезти на тотъ свѣтъ поконъ Николаю I и его присным?ъ Мы боремся противъ нихъ, къ выразителей извѣстнаго режима и, если они къ тому же усны и сами по себѣ, то мы, какъ честные люди, ненавидимъ ъ еще и за ихъ собственный счетъ, но отсюда не слѣдуетъ, что голѣповъ не долженъ былъ пасть отъ руки честнаго революціера-борца только потому, что онъ не Дмитрій Толстой... Тѣмъ чше для него, если въ немъ есть хоть искра добра, въ чемъ ı, впрочемъ, сомнѣваемся, но намъ, какъ революціонерамъ, — о рѣшительно все равно. Моментъ выдвинулъ такихъ, а не ыхъ представителей реакціи, и они не менѣе, чѣмъ Дмитріи лстые, разрушаютъ, разваливаютъ все, глумятся надъ всѣмъ ятымъ для человѣка и затаптываютъ его въ ту грязь, въ котоӣ утопаютъ сами... Это еще гаже и возмутительнѣе, когда Протея клюютъ не коршуны, а воронье и посметюшки... Имъ надать отпоръ — отпоръ во имя того, чтобы всѣ наши политиcкіе младенцы, лишь умѣющіе любить добро, но еще не наувшіеся свято ненавидѣть зло всей страстью души, всею мощью ловѣческаго чувства, воспылали бы ненавистью къ царскимъ ычарамъ и опричникамъ и разожгли бы эту ненависть въ ссахъ.

Совершенно не основательно опасеніе, что терроръ, вызвавши отивъ себя сильную правительственную реакцію, способенъ налить русскую жизнь еще болѣе мрачной полосой существованія, мъ та, которую пришлось намъ переживать послѣ паденія Нац. Воли. Говорить такъ — значитъ быть революціоннымъ Папоссомъ, мечтающимъ о томъ, что свобода снизойдетъ на русую землю тихо и мирно, при бенгальскомъ освѣщеніи, какъ теральный апофеозъ. Да, — правительственныя репрессаліи бутъ! Да, — онѣ достигнутъ неимовѣрной жестокости, онѣ статъ стремиться поглотить собой всякое проявленіе человѣческой сли, всякій лепетъ о свободѣ! Но что же изъ этого? Чѣмъ онѣ дутъ грознѣе, тѣмъ больше увѣренности въ томъ, что это поѣднія корчи нашего правительства.

Русскому кровному революціонеру никакая реакція не въ состоіи причинить горшихъ мукъ, чѣмъ онъ претерпѣваетъ сейсъ: довольно онъ видитъ репрессалій и въ наши тихіе, скроме дни, и не все ли равно ему, когда кровь загниваетъ въ жихъ да превращается въ сусло постепенно, или же когда эту

кровь выпустятъ сразу до одной капли? Ему не жизнь дорога, дѣло. Дѣло же не только не сгибнетъ подъ гнетомъ репрессалі а еще разовьется!... Развѣ теперь можно задушить рабочее дв женіе? Нѣтъ, на правительственныя репрессаліи рабочій отвѣти своей политической программой, злобой и местью, которая изся нетъ лишь въ день побѣды: тогда она не нужна, ибо Добро, оде жавши побѣду, не мститъ Злу, а лишь устраняетъ его, какъ і воритъ Дантонъ. Развѣ можно какими угодно репрессаліями е болѣе обезличить и поработить русское общество, еще болѣе з душить свободу, чѣмъ они порабощены, унижены и забиты т перь? Нѣтъ, есть извѣстные предѣлы, за которыми плюсъ уже н чего не прибавляетъ, а каждый ударъ бича есть призывъ къ св бодѣ!... Жить ли тише воды и ниже травы, или не давать пр вительству ни днемъ, ни ночью покоя — все равно реакціи пр вительственной не предотвратить. Пусть и не будетъ террори товъ — правительство все равно на ростъ рабочаго движенія о вѣтитъ страшными карательными системами.

Намъ бояться нечего. Пусть боится тотъ, кто можетъ что ли потерять, а мы уже такъ обобраны среди бѣла дня, что намъ т рять нечего. Выигрывать же намъ надо слишкомъ многое, и здравствуетъ терроръ, какъ авангардъ широкаго политическа движенія въ массахъ!

Движеніе это сильно нуждается въ авангардѣ. На Западѣ раб чіе въ своей политической борьбѣ имѣли передовые отряды и рядовъ буржуазіи. Правда, промышленники боролись за свои в годы и пользовались руками протестующихъ рабочихъ, чтобы в таскивать каштаны изъ горячей золы. Но, вытаскивая эти ка таны, обжигая себѣ руки, рабочіе не всѣ плоды отдавали бурж азіи, а часть ихъ успѣвали отстаивать и для себя. И съ кажд новой революціей, съ каждой новой вспышкой каштановъ у тр дящихся оставалось все больше и больше. Теперь они уже им ютъ возможность сказать не въ качествѣ словъ безъ содержан а въ качествѣ практическаго лозунга, который находитъ для се хорошую почву въ жизни: освобожденіе рабочихъ должно бы дѣломъ рукъ самаго пролетаріата! Такъ они могутъ сказать, у нихъ уже есть извѣстная благопріятная политическая обстанов

А у насъ въ Россіи? Авангардомъ буржуазія не выступит „культурная интеллигенція“ — объ этомъ нечего и думать; а пр летаріатъ — онъ очень скоро можетъ объявить русскому прав тельству войну не на животъ, а на смерть, не въ такихъ разм рахъ, какъ теперь, а въ неизмѣримо большихъ, — но для это

необходимъ усиленнйы темпъ рабочаго движенія. Ему въ значительной степени можетъ содѣйствовать терроръ, возбуждая энергію въ агитаторахъ и пропагандистахъ.

Но каковъ онъ долженъ быть — этотъ терроръ?

Передъ нами лежитъ одинъ злободневный листокъ, вышедшій въ Петербургѣ изъ типографіи „Свободной Русской Прессы“ сейчасъ же послѣ выстрѣла Карповича. Листокъ этотъ такъ характеренъ въ смыслѣ обрисовки теперешняго настроенія и способовъ мышленія, что мы приводимъ его цѣликомъ въ подлинникѣ*):

„Они, очевидно, хотѣли этого и дождались... Развѣ мыслимо представить себѣ, что нибудь болѣе естественное и болѣе логичное, чѣмъ этотъ смѣлый и героическій выстрѣлъ?

Въ широкой публикѣ усиленно толкуютъ о возвращеніи былыхъ временъ, о повтореніи революціоннаго террора. Уже не говоря о жандармахъ, которымъ такіе толки всегда на руку (?!) и „разныхъ особахъ чувствующихъ себя въ такіе моменты какъ на вулканѣ“, — даже отъ благомыслящихъ людей приходится слышать предположеніе, что это повторился выстрѣлъ Вѣры Засуличъ**), что онъ повлечетъ за собой и все остальное. Этотъ взглядъ представляется совершенно ошибочнымъ. Живая исторія не знаетъ заученныхъ дословныхъ повтореній. Эпоха народовольческаго террора была обвѣяна романтикой, совершенно чуждой нашему времени: самодержавіе какъ бы воплощалось тогда для революціонеровъ въ личности царя(?!); царь тогдамогъ являться носителемъ и символомъ идеи самодержавія(?!). Теперь не то. Жизнь сдѣлала свое дѣло, она размѣняла царя на министровъ и съ полной ясностью показала, что самодержавіе царя есть только громкая фирма для олигархіи безотвѣтственныхъ министровъ. Теперешній нашъ самодержецъ... — чего, какой идеи можетъ онъ являться воплощеніемъ?! Развѣ это не простой, подставной предсѣдатель правленія бюрократическаго предиріятія? Какой это символъ: онъ скорѣе напоминаетъ собой каучуковый штемпель съ буквами „быть по сему“, всегда готовый къ услугамъ господъ директоровъ правленія (разница въ томъ, что штемпель мажутъ краской, а его міромъ). Задача теперь не въ томъ,

---

*) Выпускаемъ лишь строки, описывающія самое событіе и причины его.

**) Что скажутъ въ свое оправданіе „благомыслящіе“ „Рабочаго Дѣла“, помѣстившіе въ 6 № „Листка“ замѣтку „Боголѣповъ-Треповъ“?

чтобы расшатать идею (она уже выдохлась), не въ томъ, чтобы уничтожить этотъ міропомазанный „штемпель“, а въ томъ, чтобы взять его изъ рукъ бюрократіи въ свои руки. Это и будетъ сдѣлано не сегодня, не завтра, такъ послѣзавтра.

Мы не думаемъ, что выстрѣлъ П. В. Карповича знаменуетъ возвращеніе къ старымъ программамъ и пріемамъ борьбы. П. В. Карповичъ могъ примкнуть заграницей къ какому угодно крайнему кружку, но несомнѣнно, что его поступокъ есть прежде всего дѣло личнаго настроенія, порыва... И вотъ такія внѣпрограммныя и внѣпартійныя дѣйствія, конечно, возможны и въ будущемъ. Это будутъ лишь „дорого стоющіе героическіе поступки отдѣльныхъ личностей“, какъ выразилась недавно одна студенческая прокламація; это будутъ не дѣйствія организацій, а поступки по настроенію, обусловленному всевозможными вызовами... *Но развѣ отъ этого легче министрамъ?... Съ организаціями справиться можно: организація противъ организаціи; и численно или просто физически сильнѣйшій — до поры до времени одолѣваетъ. Но какъ одолѣть «настроеніе» — героическое рѣшеніе той или другой впечатлительной и смѣлой души?»*

Вчитайтесь въ этотъ листокъ и вы должны будете поразиться развертывающеюся передъ вами борьбою двухъ началъ, двухъ теченій изъ разныхъ источниковъ.

Съ одной стороны здѣсь признаніе того, что дѣйствія Карповичей нѣчто наиболѣе „естественное“ и „логичное“ изъ всего того, что можно придумать; мало того, эти дѣйствія будутъ продолжаться и впредь, ибо таковы ужъ условія русскаго существованія: и этого даже мало, — обратите вниманіе на заключительную фразу, напечатанную нами курсивомъ. Это, вѣдь, какой то торжествующій гимнъ героическимъ поступкамъ Карповичей! И при томъ такой гимнъ, пропѣть который не отказался бы... любой изъ анархистовъ...

Теперь возьмите другое начало. Тутъ и „живая исторія, не знающая заученныхъ дословныхъ повтореній“ — одна изъ тѣхъ афористическихъ фразъ, которыя сами по себѣ ничего не говорятъ и прекрасно уживаются со своими противоположностями (напр., „исторія — это картинная галлерея, въ которой мало оригиналовъ, но много копій“ — Токвиль); тутъ и народоволецъ въ томъ костюмѣ, который сшила ему фантазія авторовъ листка; тутъ и трюизмы о царѣ, размѣнявшемся — кстати не теперь, а давнымъ давно — на министровъ; тутъ и безспорная истина о

томъ, что „міропомазанный штемпель" долженъ быть взятъ въ руки демократіи изъ бюрократическихъ рукъ; — и все это въ качествѣ аргументовъ противъ террора.

Но позвольте же: а если сказать вамъ, что и относительно живой исторіи вы правы, и относительно „міропомазаннаго штемпеля" — тоже, и что никто не станетъ спорить съ вами относительно того, что этотъ штемпель не сегодня, не завтра, такъ послѣзавтра „перейдетъ въ руки демократіи" — что вы тогда будете возражать противъ террора? „Онъ не нуженъ, ибо и безъ него не сегодня-завтра и т. д. — не это ли? Но вѣдь, вы же сами краснорѣчиво указываете, съ какой логичностью вытекаютъ изъ жизни поступки Карповичей...

И если бы вы только указывали, какъ соціалистъ указываетъ причины анархизма, но вы не только это дѣлаете, вы еще и гимны поете „дорого стоющимъ" дѣйствіямъ Карповичей (смотри, напр., Историческій поворотъ", „Рабочее Дѣло", Лист. № 6) — и не шутя спрашиваете министровъ, какъ они могутъ одолѣть то, что является продуктомъ „настроенія", и настроенія все растущаго и растущаго. Это не только настроеніе Карповичей, это настроеніе и авторовъ злободневнаго листка, и не только ихъ, но еще и массы другихъ. Первая часть листка продиктована именно этимъ настроеніемъ; вторая — той боязнью мыслить до конца, которая свойственна русскому интеллигенту, и, наконецъ, въ послѣднихъ строкахъ опять прорывается то же настроеніе, но пройдя черезъ муть мысли, оно нѣсколько испачкалось...

Мы говоримъ: „боязнь мыслить до конца". Да, это именно такъ и есть: не останавливаясь на полъ пути, вы можете придти только къ одному выводу: организованный терроръ несравненно сильнѣе и плодотворнѣе террора героическаго, и тогда, когда совершаются „дорого стоющіе героическіе поступки отдѣльныхъ личностей", ни одна живая и солидная организація не смѣетъ ограничиваться только пассивными восторгами и по сему торжественному случаю просушивать листы своихъ рукописей не простымъ пескомъ, а золотымъ... Въ этотъ моментъ члены организацій должны вспомнить, что руки имъ даны не для того, чтобы апплодировать „дорого стоющимъ поступкамъ отдѣльныхъ личностей", а для... они сами должны знать для чего: это „дорого стоющее" ясно говоритъ о запросахъ жизни!

И никто васъ не обязываетъ при этомъ подыскивать тѣ же обоснованія для дѣйствій, что были у Народной Воли, никто васъ не обязываетъ копировать дѣятельность 70 годовъ, никто

васъ не заставляетъ забыть великой мощи массъ, творящихъ исторію. Мы многому научились въ послѣдніе 20 лѣтъ, и нашъ научный багажъ остается и долженъ остаться при насъ; обстановка жизни страшно измѣнилась со времени 70 годовъ — и наше пониманіе ея должно намъ сопутствовать на каждомъ шагу нашей дѣятельности. Поэтому, работая для будущаго, мы ищемъ точекъ опоры въ настоящемъ, а не прошломъ; прошлое — это наши святцы, настоящее — это нашъ мечъ. И не влагайте этотъ мечъ въ ножны, сработанныя изъ безплодной критики давнопрошедшаго, изъ безцѣльнаго цитированія общихъ тезисовъ на счетъ исторіи, изъ теоретическихъ положеній, вѣрныхъ въ кабинетѣ ученаго и пасующихъ на аренѣ жизни. Не влагайте этотъ мечъ въ ножны, онъ нуженъ вамъ для борьбы. Присматривайтесь къ самой дѣйствительности, прислушивайтесь къ вашимъ собственнымъ настроеніямъ и осмысливайте ихъ не книжнымъ, теоретическимъ, а живымъ, организаторскимъ умомъ. А этотъ умъ говоритъ:

Задача современности — организація Центральнаго Рабочаго Комитета Всероссійской Революціонно-Соціалистической партіи для:

1) планомѣрнаго руководства рабочимъ движеніемъ;

2) для использованія въ революціонныхъ цѣляхъ броженій и активныхъ дѣйствій въ студенческой средѣ;

3) для систематическаго использованія теченій въ оппозиціонныхъ слояхъ русскаго общества;

4) для руководства всѣми силами, попавшими въ деревню или желающими служить главнымъ образомъ ей, этой деревнѣ;

5) для пропаганды и агитаціи въ арміи въ виду все учащающихся усмиреній народа вооруженной силой и въ виду возможности воспитывать и въ войскахъ революціонныхъ работниковъ *);

6) для созданія *прочнаго союза* съ существующими революціонными партіями и оппозиціонными группами среди поляковъ, финляндцевъ и евреевъ;

---

*) Этому пункту мы не отвели мѣста въ нашей программной брошюрѣ только потому, что *способы дѣйствія* въ арміи — вопросъ не достаточно ясный для членовъ группы „Свобода". Мы разсчитываемъ заняться его выясненіемъ въ непродолжительномъ будущемъ.

7) для организаціи систематическаго террора, какъ наиболѣе экспитативнаго средства къ широкому политическому движенію въ массахъ.

Надо всѣми силами стараться о созданіи такого Центральнаго Комитета. Но пока онъ создастся, инициітиву многихъ дѣйствій приходится „партіямъ" и „группамъ", уже существующимъ и вновь возникающимъ брать на себя. Увеличивая ихъ численность еще одной соціалистической группой — „Свобода" —, мы будемъ считать самымъ счастливѣйшимъ днемъ своей жизни тотъ, когда мы прекратимъ свое существованіе, какъ группа, и войдемъ въ составъ Всероссійской Революціонно - Соціалистической Партіи.

Мы позволяемъ себѣ заключить наше обращеніе къ товарищамъ выдержкой изъ одной изъ самыхъ блестящихъ рѣчей Дантона: „ Le Tocsin qu'on va sonner n'est point un signal d'alarme, c'est la charge sur les ennemis de la patrie... Pour les vaincre, il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace et la France (la Russie) est sauvée! " [И вотъ раздадутся звуки набата... Это уже не сигналъ къ тревогѣ, а рѣшительное нападеніе на враговъ отечества. Чтобы ихъ побѣдитъ необходима безпредѣльная отвага, и Франція (Россія) спасена!].

О ЛИБЕРАЛИЗМѢ ВООБЩЕ И О ДЕБЮТАХЪ Гг. СТРУВЕ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

„Раздѣлиша ризы моя и объ иматисмѣ моемъ меташа жребій“.

Изъ свящ. писанія.

„Жаловати холопей нашихъ вольны есмя, а и казнити жъ вольны есмя“.

Слова Ивана Грознаго.

„Общественно-политическій реализмъ, навѣрное, не исчезъ совершенно въ его міровоззрѣніи: онъ лишь испыталъ окончательное буржуазное перерожденіе... Это любопытная страничка изъ исторіи общественной мысли въ Россіи, весьма поучительная съ точки зрѣнія общественной психологіи“.

П. Струве. „На разныя темы“, 119.

Эта статья написана сейчасъ же послѣ появленія 1-го № „Освобожденія“, но въ печать мы смогли ее сдать только теперь, когда уже вышло 15 №№ органа, редактируемаго г-мъ Струве. Не имѣя времени пополнить нашу аргументацію новыми цитатами изъ „Освобожденія“ и дѣлая это только кое-гдѣ — мы выпускаемъ статью такъ, какъ она была написана. Впрочемъ, яблочки упали какъ разъ возлѣ той яблони, которая выращена въ 1 № „Освобожденія“; въ послѣдующихъ №№ мы находимъ въ сущности лишь варіаціи на основныя темы, новые любопытные образчики умѣренности и аккуратности, еще и еще приготовленія къ метанію жребія объ иматисмѣ пролетаріата... Все то же и въ томъ же подрядческо-камергерскомъ духѣ, берущемъ лишь немногими тонами выше, чѣмъ алчущіе „дѣйствительныхъ статскихъ свободъ и генералъ-маіорскихъ вольностей“... Развѣ изрѣдка, въ разрѣзъ со всѣмъ хоромъ и какъ напоминаніе о чемъ то другомъ, прозвучитъ радикальная нота, и не прозвучитъ даже, а—мы поз-

волимъ себѣ выразиться — блеснетъ звукомъ, и сейчасъ же ее смѣнятъ шопотъ, ропотъ, тихое дыханіе либеральной земской оппозиціи... Но какъ ни скроменъ земецъ не только на дѣлѣ, но и въ протестующемъ словѣ, — г. Струве ухитряется побить рекордъ даже и въ области земской „скромности“: его собственныя писанія берутъ еще октавой ниже, чѣмъ голоса земщины... Только князь Мещерскій могъ заподозрить „Освобожденіе“ въ „ультралиберализмѣ“... Писанія г. Струве въ связи съ земской оппозиціей намъ часто напоминаютъ высвистываніе перепеловъ: г. Струве, чтобы скликнуть земцевъ, пускаетъ въ ходъ самый умѣренный, самый тихій свистъ, который пришелся бы по душѣ и наиболѣе пугливой перепелкѣ... Велика цѣна той оппозиціи, которая соберется на этотъ свистъ!...

Л. Н.

Возьмемъ 1 № либеральнаго органа „Освобожденіе“, редактируемаго пере...селенцемъ изъ соціальдемократическаго лагеря г. Петромъ Струве. Этотъ № чрезвычайно ярко и выпукло даетъ намъ понятіе о характерѣ либеральныхъ теченій, ихъ программѣ и вожделѣніяхъ *).

> „У культуры — пишетъ въ редакціонной статьѣ г. П. Струве — спрашиваютъ свидѣтельство о политической благонадежности. Точно культура можетъ дать гарантіи холопскаго духа, отказаться отъ свободнаго выбора цѣлей и путей! Такъ какъ это невозможно, такъ какъ внѣ свободы широкое развитіе культуры не мыслимо, то ее всячески урѣзываютъ и искажаютъ. Множество, неисчислимое множество культурныхъ силъ выбрасывается, подъ кличкой неблагонадежныхъ, за бортъ, и это въ то время, когда вся русская жизнь вопіетъ о культурѣ и свѣтѣ. Ради чего! Ради охраненія существующаго государственнаго порядка, сущность котораго заключается въ безправіи личности и общества.“

Борьба съ русскимъ деспотическимъ правительствомъ за культуру — это давно уже стоитъ очередной задачей и передъ нашей промышленной буржуазіей. и передъ аграріями, ибо рас-

*) Отъ сущности мыслей, высказанныхъ нами въ отдѣлѣ о либеральной буржуазіи. (стр. 39-45 „Возрожденія“), мы не отказываемся и теперь; но всѣ обстоятельства складываются такимъ образомъ, что о либералахъ нужно говорить сейчасъ совсѣмъ инымъ языкомъ и обращать вниманіе не на тѣ стороны дѣла, на которыя обратили мы.

цвѣтъ капиталистическаго хозяйства никакъ не можетъ мириться съ азіатскими формами правленія, доводящими народъ до пауперизма и отсутствія всякой энергіи и инициативы.

За культуру! — этимъ девизомъ руководятся и земскіе землевладѣльцы, и купецъ Крестовниковъ, пишущій докладныя записки о поднятіи крестьянскаго благосостоянія во имя благъ своего свѣчного завода, и мелкая буржуазія, которая никакъ не можетъ упрочить себѣ твердаго положенія при всеобщемъ раззорѣ народа.

Однимъ лишь „дикимъ помѣщикамъ“ да бонвиванамъ индустріи, которые въ грюндерствѣ срываютъ всѣ цвѣты удовольствія, самодержавіе не стоитъ постоянной помѣхой на пути, но именно потому, что это не путь развитія, а набѣгъ пиратовъ на жизнь. Ничто не нуждается въ такой относительной законности, въ такой кристаллизаціи (опять же относительныхъ) нормъ и правъ, какъ развитіе капиталистической промышленности: весь построенный на несправедливости и беззаконіи буржуазный міръ, поскольку дѣло касается *существа вещей*, относитъ справедливость и законность въ область недосягаемыхъ абсолютовъ, метафизики, благородной утопіи, но въ *отношеніяхъ между вещами* онъ, въ интересахъ „порядка“, поскольку только позволяютъ его противорѣчія, всегда стремится провести и „справедливость“ и „законность“. И, конечно, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ видѣть идеологовъ буржуазіи ратующими „за культуру!“ „за правопорядокъ!“ „за свободу!“ ...

Пока Кавеньякъ придетъ усмирять, а Гизо и Тьеръ править, и прежде чѣмъ на поле битвы выступитъ самоотверженная Жиронда, нѣтъ даже прежде, чѣмъ Сіэсъ заявитъ прямо и просто, что буржуазія есть все — до этого необходимо (по всѣмъ условіямъ русской жизни), чтобы выдвинулись сначала именно такіе идеологи ея, какъ г. Струве. Пѣвцомъ и выразителемъ буржуазіи онъ выступаетъ уже не впервые — перемѣнена mise en scène, но сущность его произведеній все время одна и та же. Бросимъ бѣглый взглядъ на г. Струве—на „коллективнаго г. Струве.“*)

Въ 1897 году г. Струве написалъ любопытную статью „Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому“. Между прочимъ, онъ здѣсь говоритъ, что „въ эпохи разложенія до-капиталистическихъ экономическихъ отношеній умѣренный либерализмъ почти всегда долженъ воспринимать въ себя посторонніе элементы“.

---

*) „Коллективный г. Адамовичъ“ — такъ выразился г. Струве въ статьѣ „Противъ ортодоксальной нетерпимости“.

„Нѣмецкій либерализмъ 40-хъ гг. — иллюстрируетъ г-нъ Струве свою мысль — имѣлъ сильную соціальную окраску, отличаясь ею отъ рѣзко выраженнаго буржуазнаго либерализма Франціи; въ Россіи послѣдовательный экономическій либерализмъ, хотя и появился въ началѣ 60-хъ гг. на время, но быстро исчезъ, и за симъ со второй половины 60-хъ гг. начался процессъ взаимоприспособленія либерализма и народничества, закончившійся лишь въ 80-хъ гг. И то, и другое явленіе — какъ въ Германіи такъ и въ Россіи — объясняется критическимъ характеромъ данной эпохи въ экономическомъ отношеніи и недостаточно опредѣлившейся дифференціацией общественной среды. Въ обоихъ случаяхъ буржуазный экономическій или такъ называемый, чистый либерализмъ не удовлетворялъ потребностямъ ни одной изъ крупныхъ общественныхъ группъ границы между которыми въ то же время сливались. Неопредѣленная, окрашенная соціалистическими тенденціями идеологія, находившая себѣ откликъ въ массѣ интеллигенціи, гораздо болѣе — несмотря на всю свою неопредѣленность, а, пожалуй, отчасти, благодаря ей — соотвѣтствовала требованіямъ времени, чѣмъ стройная система умѣреннаго либерализма съ рѣзко буржуазной окраской“.

Въ силу такого рода условій „чистый либерализмъ“, не имѣя возможности получить отдѣльный видъ на жительство, долженъ былъ ассимилировать себѣ „нѣкоторые существенные элементы народническаго и катедерсоціалистическаго воззрѣнія на экономическія отношенія“, и это стало для него до такой степени общеобязательнымъ, что напр., г. Чичеринъ, который „въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ пребылъ твердъ въ вѣрѣ Бастіа и Молинари“, „являетъ любопытное зрѣлище едва ли не единственнаго въ Россіи теоретика-манчестерца“.

Такъ обстояло дѣло въ 60-80 годы — литературная копія снятая г-номъ Струве, несомнѣнно вѣрна житейскому подлиннику. Дальнѣйшее развитіе этого подлинника, конечно, должно было сохранить много типическихъ чертъ, отмѣченныхъ г-номъ Струве. „Эпоха разложенія до-капиталистическихъ экономическихъ отношеній“ вступила въ новую фазу, чашки историческихъ вѣсовъ, на которыхъ лежалъ старый умирающій міръ и задатки новыхъ распускающихся отношеній, окончательно потеряли равновѣсіе, капитализмъ со всѣми сопутствующими ему явленіями внѣдрился въ русскую жизнь, но на занимающейся зарѣ новой

русской исторіи буржуазный либерализмъ не могъ еще выступить въ „чистомъ“ видѣ, не вбирая въ себя „постороннихъ элементовъ“. Для этого нужно еще было окрѣпнуть, рѣзче сформулироваться самой жизни, рельефнѣе установить разнородность новыхъ силъ — и тогда только идеологія буржуазіи можетъ выступить подъ своей собственной фирмой. Пока же буржуазный либерализмъ долженъ былъ „ассимилировать себѣ нѣкоторые существенные элементы“ соціальдемократизма, пришедшаго на смѣну народничеству вмѣстѣ съ новой эпохой. Былъ заключенъ „союзъ съ ортодоксіей“, начался процессъ „взаимоприспособленія“ буржуазнаго либерализма и соціальдемократизма въ легальной печати. Союзъ этотъ, конечно, былъ заключенъ вполнѣ искренно, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей фальсифицировать „посторонніе элементы“, идеологи буржуазіи даже и не признавали себя таковыми (т. е. идеологами буржуазіи) и во всемъ, что они дѣлали, во всей драпировкѣ въ соціализмъ не находили ничего „посторонняго“ для себя, имъ казалось, что это какъ разъ ихъ собственное міровоззрѣніе. Такъ казалось и имъ самимъ, и тому слою просвѣщенной буржуазіи, которая охотно культивировала въ своихъ салонахъ „марксизмъ“. Наивные соціалисты-революціонеры, обладающіе тонкимъ музыкальнымъ слухомъ и чуткіе ко всякимъ мелодіямъ, но не способные понимать сущность явленій, — весьма облюбовали терминъ „недоношенный соціалистъ“: либералъ это—соціалистъ-недоносокъ! Всѣ построенія соціализма, всѣ концепціи по Марксу, которыми пользовались и очень усиленно идеологи буржуазіи, конечно, и въ малой мѣрѣ не дѣлали ихъ соціалистами (да и нельзя быть въ „малой“ или „большей“ степени соціалистами!) и какъ бы долго не вынашивались ими „посторонніе элементы“, хоть бы періодъ слоновой беременности, все равно постороннее при столкновеніи съ жизнью должно было оказаться постороннимъ, а, слѣдовательно, и не нужнымъ, а чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе вреднымъ.

Г. Струве, впрочемъ, свидѣтельствуетъ („На разныя темы“, стр. 301), что еще съ самаго начала у него были разныя „критическія сомнѣнія“, „ереси“, „многіе изъ ортодоксальныхъ марксистовъ“ (только относительно „многихъ“ мы сомнѣваемся) еще въ 1894 году находили у него „выразительное доказательство“ „буржуазности образа мыслей“ *). Несомнѣнно это такъ и было, и это ма-

*) „Я никогда не былъ правовѣрнымъ ученикомъ Маркса, но еще очень недавно чувствовалъ себя гораздо ближе къ марксистамъ, чѣмъ теперь. Я избѣгалъ называть себя марксистомъ, но

скировалось не только тѣмъ обстоятельствомъ, что натискъ на народничество мѣшалъ видѣть все остальное, а главнымъ образомъ тяжелой новью работы при исключительно темныхъ и больныхъ условіяхъ, завѣщанныхъ недавнимъ прошлымъ; это мѣшало и революціоннымъ дѣятелямъ, и молодежи подмѣтить, что въ нашемъ лагерѣ, подъ нашимъ флагомъ работаетъ и другое, совершенно особенное теченіе. Коллективный г. Струве и свои тенденціи, и свои „сомнѣнія", въ основѣ все тѣ же, что и теперь („сомнѣнія" только теперь превратились въ увѣренность), выводилъ въ люди въ соціальдемократическомъ убранствѣ, и туалетъ былъ настолько тщателенъ и отличался настолько выдержанной стильностью, что всюду и вездѣ „встрѣчали по одежкѣ"...

Отъ этой эпохи у насъ, соціальдемократовъ, остались, конечно, и свѣтлыя воспоминанія, но ни однимъ изъ нихъ мы не обязаны союзу съ буржуазной демократіей — все, что есть свѣтлаго, это *вопреки* ей, *несмотря* на нее. Въ своей статьѣ о цюрихскомъ конгрессѣ, въ которой — какъ онъ выразился недавно („На разныя темы", стр. 302) — онъ „въ совершенно категорической формѣ свелъ счеты съ Verelendungstheorie и Zusammenbruchstheorie" — г. Струве говоритъ, что соціальдемократы „совершенно разучились бояться испортить и скомпрометировать себя союзомъ съ „реакціонерами", потому что сами стали силой, и притомъ силой растущей, и поэтому „болѣе сильное направленіе" „взяло другое на буксиръ" (Ib., 418). Не совсѣмъ такъ обстояло дѣло и въ Цюрихѣ въ 1897 году на „международномъ конгрессѣ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ" и, можетъ быть, „Бебель и эббатъ Дайнсъ, Адлеръ и судья Кулеманъ, Либкнехтъ и профессоръ Бекъ" были „одинаково удовлетворены конгрессомъ", но оцѣнивали его и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность своего удовлетворенія съ совершенно различныхъ и несравнимыхъ точекъ зрѣнія. Но дѣло не въ этомъ — мы вспомнили слова г-на Струве въ связи съ нашимъ „конгрессомъ" въ легальной литературѣ. Здѣсь „болѣе сильнымъ" оказалось направленіе буржуазное, союзъ съ нимъ очень мало принесъ намъ „удовлетворенія". Скомпрометировать себя ничѣмъ не скомпрометировали соціальдемократы (въ цѣломъ: отдѣльныхъ типовъ, которые, живя съ волками, выли по волчьи — было достаточно), но, во первыхъ, та литература, которая

общественное мнѣніе признало меня таковымъ, и я не протестовалъ противъ этого", — пишетъ г. Туганъ-Барановскій въ предисловіи къ „Очеркамъ новѣйшей исторіи политической экономіи"

не была сожжена правительствомъ, та книга, которая не „пропала“, ближе подходили къ тону „союзниковъ“, чѣмъ къ задушевнымъ мыслямъ авторовъ, а, во вторыхъ, — и это главное — соціальдемократическое слово все время проходило сквозь буржуазный фильтръ. Буржуазный духъ оболгалъ марксизмъ, онъ высасывалъ изъ него всѣ живые соки, онъ постоянно, отрекаясь отъ идолопоклонства передъ капитализмомъ, въ то же время аранжировалъ музыку для буржуазіи и только допускалъ въ свое либретто рабочаго, онъ съ неуклонной послѣдовательностью то явно, то яко тать въ нощи, отовсюду, со всего свѣта собиралъ всякія сокровища „критики“, проносилъ ихъ въ русскую литературу и медленнымъ ядомъ, зачастую тѣмъ страшнымъ aqua toffana, который не имѣетъ никакихъ видимыхъ примѣтъ, безъ запаха, безъ цвѣта, безъ вкуса отравлялъ молодежь...

Еще добромъ должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу!
У ней была задача какъ нибудь
Намекомъ натолкнуть на честный путь
Къ развитію способную натуру...

—эти слова, говоримъ, должны быть отнесены далеко и далеко не ко всей литературѣ, присвоившей себѣ крестное имя марксизма, но только къ небольшой струѣ ея, потомъ цѣликомъ перелившейся въ нелегальную прессу... Въ легальной печати поле битвы осталось за псевдо-марксизмомъ, за продуктами разложенія буржуазныхъ доктринъ, и легальные журналы сѣютъ щедрой рукой „сомнѣнія“, „критику“, преподносятъ своимъ читателямъ жалкій отстой жидкихъ соціальреформаторскихъ взглядовъ и кликушествуютъ насчетъ туманной дали и безбрежныхъ, ни на одномъ языкѣ невнятныхъ идеаловъ... Вредъ такой „пропаганды“ очевиденъ самъ по себѣ. Съ этимъ зломъ намъ придется еще считаться съ большимъ убыткомъ для себя очень долго — пока не будетъ свободы печати, когда нашу мысль ничто не будетъ заслонять, уродовать, мѣшать ея популяризаціи...

* * *

„Союзъ съ ортодоксами“ долженъ былъ быстро распасться, какъ только начался новый темпъ жизненныхъ отношеній. Начался онъ открытымъ и могучимъ выступленіемъ пролетаріата въ роли политическаго борца. Водвореніе капитализма провело рѣзкую грань между старымъ и новымъ, активныя выраженія рабочаго класса прочеркнули эту грань, какъ демаркаціонную. Подъ вліяніемъ

революціонныхъ движеній на низахъ, гулко отзывавшихся все выше и выше, въ самыхъ различныхъ сферахъ, „практическій разумъ“ буржуазныхъ слоевъ сталъ входить въ свои полныя права, въ подобающую ему колею. Столкновенія съ очень опредѣленной дѣйствительностью, необходимость дать себѣ отчетъ въ своемъ собственномъ порядкѣ дня при народныхъ волненіяхъ смели всякое „доктринерство“, основательнѣйшимъ образомъ размежевали „бредни и мечты“ отъ „трезвенныхъ словъ“ и „мудраго опыта“, очень многое изъ вчерашняго сейчасъ же было признано „псевдонаучнымъ знаніемъ“ и „суевѣріемъ“. Даже въ качествѣ цвѣтовъ краснорѣчія, въ качествѣ ничему не вредящаго, но мило украшающаго бриллiантина совершенно незачѣмъ было оставлять соціальдемократизмъ (иногда вредны и запахъ цвѣтовъ, и лишній блескъ!), и налетъ его сталъ столь же быстро улетучиваться, какъ прежде быстро осѣдалъ... „Взаимоприспособленіе“ кончилось, кончилось по отношенію къ соціальдемократизму; для практики такого процесса понадобилось нѣчто другое, болѣе далекое отъ „мечты“ и „бреденъ“, совсѣмъ близкое къ „дѣлу“, къ возможности „реформъ“, которыми овеществились бы сила и права буржуазіи. Ближе всего, удобнѣе всего въ этомъ направленіи явился земскій фонъ: тутъ и нѣкоторыя условія для „естественной“ организаціи оппозиціонныхъ элементовъ, тутъ и поприще намѣтить кругъ необходимыхъ реформъ. Это еще не то, что надо буржуазіи, здѣсь она и не можетъ сказаться, и не сказывается полной гаммой, здѣсь ея и либерализмъ, и радикализмъ всегда будетъ носить (въ связи съ землевладѣльческимъ характеромъ земствъ) опять таки примѣсь „постороннихъ элементовъ“, но это — на первый разъ, это первый шагъ *въ родномъ гнѣздѣ* по пути самостоятельнаго развитія безъ ассимилированія въ себѣ чуждыхъ элементовъ...

Итакъ, —

На мѣстѣ, закиданномъ нынѣ пескомъ,
Обросшемъ густою осокой,
Что гнется порою подъ вашимъ весломъ,
Стоялъ прежде городъ высокой.
Онъ Свитеземъ звался: тутъ храбрыхъ людей
И дѣвъ было красныхъ не мало.
То было владѣнье Тугановъ князей,
И долго оно процвѣтало.
Вы видите: озера блескъ тутъ закрытъ
Лѣсами по цѣлой границѣ;
Лѣсовъ этихъ не было: прямо былъ видъ

Къ тогдашней литовской столицѣ.
Однажды могучая русская рать
Пришла, осадила Мендога.
Мендогъ устоитъ ли? чего ему ждать?
Пошла по Литвѣ всей тревога.
Къ отцу моему онъ писалъ: „Помоги!
Жду войско я съ дальней границы.
Туганъ, отъ тебя — это знаютъ враги —
Зависитъ спасенье столицы".
Туганъ, прочитавши письмо, далъ приказъ
По войску въ кругу приближенныхъ,
И быстро въ пять тысячъ дружина сошлась
Изъ всадниковъ вооруженныхъ.
Звукъ трубный. Ликуетъ воинственный станъ,
Къ походу все войско готово;
Но, руки ломая, смущенный Туганъ
Домой возвращается снова.

Эти строфы изъ баллады Мицкевича „Свитезь" (даже и фамилія по игрѣ случая „Туганъ"), право, даютъ недурныя параллели. Закидано нынѣ пескомъ то мѣсто, гдѣ въ Вольно - Экономическомъ Обществѣ и „Новомъ Словѣ", стоялъ городъ высокій, собиравшій въ себя храбрыхъ людей и дѣвъ красныхъ не мало. Всего этого теперь нѣтъ, а поросли лѣса „критики" и дворянско-буржуазнаго либерализма... Всякому ясно, что „спасенье столицы" зависитъ теперь не отъ Тугановъ, которые совершенно своевременно при выступленіи пролетаріата, „руки ломая" въ битвѣ съ марксизмомъ, возвратились „домой": въ область тѣхъ самыхъ буржуазныхъ построеній и программъ, изъ которыхъ они и не вышли бы, если бы всѣ обстоятельства властно не требовали внесенія „постороннихъ элементовъ" соціалистическаго характера туда, куда они на самомъ дѣлѣ вовсе не ко двору.

При ликвидаціи періода „взаимоприспособленія" и при сведеніи счетовъ съ „посторонними элементами", г. Струве пришлось пройти черезъ чистилище „критическаго" марксизма и по солнечной сторонѣ „самаго трезваго соціальнаго реализма и самаго смѣлаго и проникновеннаго соціальнаго идеализма", какъ онъ характеризуетъ Лассаля („На разныя темы", стр. 266), причемъ были посѣяны опять новыя недоразумѣнія въ молодежи, толкнувшейся было за вожакомъ на путь удивительнѣйшей „критики", и г. Струве былъ провозглашенъ „правдоискательствующимъ Виссаріономъ", метущимся въ поискахъ за этическими истинами

соціализма... А „Заря“, введенная въ заблужденіе прошлымъ „марксизмомъ“ г. Струве, начала дѣлать невѣрныя и въ данномъ случаѣ мало содержательныя обобщенія насчетъ „критики“, бернштейніанства *въ сферѣ марксизма*...

Между тѣмъ, „правдоискательствующій Виссаріонъ“ прямой дорогой двигался въ самыя нѣдра буржуазнаго лагеря, выстраивая по пути своего слѣдованія цѣлыми аллеями колоссальныя фигуры Лассалей, Кантовъ, Фихте, прикрывая ихъ тѣнями свое отступленіе отъ случайнаго сообщества съ социалдемократами... Пока г. Струве пробирался между выстроенными имъ лассалевскими аллеями, многіе склонны тутъ были видѣть разнаго рода частныя причины или же говорили: посмотрите, что дѣлаетъ ужасная русская жизнь, какъ она коверкаетъ людей, какими мрачными трущобами и лабиринтами водитъ ихъ свѣтлыя мысли! Охъ, плохо это кончится — какъ бы по ньютоновски и паскалевски не разрѣшились эти всевозможные поиски „религіи“...

Теперь все разъяснилось — и вовсе не печально ни для г. Струве, ни для насъ, а наоборотъ, очень хорошо. Куда дѣлась та тоска по Канту и Лассалю, тотъ мистическій огонекъ, исканіе какихъ то религіозныхъ основъ и какого то четвертаго измѣренія вмѣсто четвертаго сословія — все то, что было такъ характерно для г. Струве еще позавчера, и что давало поводъ къ зачисленію его въ мятущіеся Виссаріоны! Посмотрите, какимъ яснымъ и простымъ языкомъ, безъ всякой тѣни мистицизма говоритъ онъ въ „Освобожденіи“! И говоритъ онъ такъ, какъ дай богъ всякому природному либералу... Словно онъ тутъ и родился... Словно, онъ не только „понимаетъ“ „элегическое настроеніе людей, переживших 60-ые годы“ („На разныя темы, стр. 84), но даже и его не забылъ пережить самолично... „Новѣйшее открытіе — писалъ онъ тономъ блѣдной, неестественной шутки въ 1901 г.— состоитъ въ томъ, что я ‚либералъ, переодѣтый марксистомъ‘. Представьте себѣ мой ужасъ, читатели, когда я однажды проснулся не болѣе, не менѣе, какъ... презрѣннымъ ‚либераломъ‘! Я схватилъ себя за голову и въ сознаніи своей неисправимой либеральной грѣховности сталъ читать ‚Вѣстникъ Европы‘ (Ibid., стр. 304)“... Но теперь г. Струве, должно быть, успѣлъ ужъ хорошо вчитаться въ него — мѣстами нѣтъ никакой возможности отличить его отъ г. Арсеньева, и врядъ ли бы онъ посмѣялся нынче такой двусмысленной остротой!

Съ усмѣшкой исконнаго либерала третируетъ онъ и „доктрину“ („Освобожденіе“ „возникаетъ не какъ органъ готовой партіи, тѣмъ

менѣе доктрины"); иронически отзывается „о всякихъ излюбленныхъ идеяхъ", которыя могли бы „сужать великое освободительное движеніе" съ его цѣлями „ясными", „простыми" и „доступными возможно большему числу лицъ"; весьма отчетливо отмежевывается отъ „крайнихъ русскихъ партій", рекомендуя „умѣреннымъ", „нереволюціоннымъ элементамъ общества" сорганизоваться и сознать свои обязанности, чѣмъ они пріобрѣтутъ и „право призывать революціонеровъ къ умѣренности и отклонять ихъ отъ насилій и крайностей"... Это ли не языкъ старой либеральной Пенелопы, тавшей и распускавшей все одну и ту же ткань въ ожиданіи своего Одиссея, странствовавшаго по лжемарксизму и среди тѣней Кантовъ и Лассалей? Отбросилъ онъ теперь все—и „идеи",и „доктрины",и„теоріи", оттолкнулся, какъ отъ никчемныхъ и фантастическихъ, „послѣднихъ упованій" рабочаго движенія и его „отдаленныхъ конечныхъ цѣлей", призналъ земскихъ либераловъ „людьми, обладающими зрѣлымъ сужденіемъ и хорошо знающими народную жизнь", съ точки этого зрѣлаго сужденія разбираетъ и прошлое Россіи, и будущее, въ которомъ должна найтись болѣе, чѣмъ гдѣ либо „благодатная почва для положительнаго государственнаго творчества"... Вопросы о самодержавіи, о православіи *), о народности — все, положительно все разсматривается изъ - подъ угла зрѣнія либерализма, безъ всякаго диссонанса, и въ привычныхъ каждому либералу терминахъ... Отъ прежняго г - на Струве осталось только одно: „Я считаю до сихъ поръ вѣрными взгляды на экономическое развитіе Россіи, высказанные мною въ 1894 году" („На разныя темы", стр. 303), т. е. единственно то что могла вынести буржуазія изъ марксизма, и что для нея совершенно достаточно въ борьбѣ за культуру.

Мы совершенно не хотимъ разбирать, обозначаетъ ли все теперешнее поведеніе г. Струве удивительнѣйшую способность

*) Какъ вамъ понравится слѣдующее мѣстечко изъ современныхъ писаній г. Струве: „*Если* (курс. нашъ) православіе вообще можетъ воскреснуть къ новой жизни, то для этого ему нужно прежде всего признать право на существованіе за своимъ духовнымъ противникомъ, за новымъ религіознымъ сознаніемъ." Въ pendant къ этому безподобному „если" г. Струве (не тотъ, который писалъ „Внутреннія Обозрѣнія" въ „Новомъ Словѣ", а теперешній, смѣлый г. Струве) не напишетъ ли скоро и другое „если": если нагайка вообще можетъ воскреснуть къ новой жизни, то она должна признать право на существованіе и за своимъ духовнымъ противникомъ?..

мимикри, — приспособляемости—г. Струве, который сумѣлъ раньше воспринять всѣ внѣшнія формы соціалдемократическаго ученія, а теперь такъ же воспринялъ либеральный катехизисъ вплоть до его жаргона, — или это и безъ всякой приспособляемости простое слѣдствіе перехода его въ новую среду. Насъ личная сторона вопроса совершенно не интересуетъ, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ личной искренности г. Струве; намъ важно отмѣтить, что теченіе, замутнявшее раньше потокъ соціалдемократическихъ идей, теперь пошло по своему собственному ложу, ясно свидѣтельствуетъ, что ему надо, и, наконецъ то, говоритъ хоть приблизительно своимъ собственнымъ языкомъ. Мы не только готовы вѣрить словамъ г. Струве въ 15-мъ № „Освоб.“ но даже думаемъ, что иначе и быть не можетъ: „...обвиненіе въ неискренности — пишетъ онъ — мы отвергаемъ безусловно. Если мы ‚оппортюнисты‘, то во всякомъ случаѣ мы совершенно искренни и вѣрны себѣ въ нашемъ ‚оппортюнизмѣ‘, который есть у насъ не личина приспособленія, не выученная поза, а наше подлинное существо. Отрѣшиться отъ этого оппортюнизма какъ разъ и было бы для насъ неискренностью, значило бы стать невѣрными себѣ“.

* * *

Итакъ, прежде всего либерально-буржуазное теченіе опредѣляетъ царизмъ, какъ врага русской культуры, съ чѣмъ мы вполнѣ сходимся, и призываетъ на борьбу съ нимъ. Но какимъ образомъ? Раньше чѣмъ разсматривать это намъ надо извлечь изъ „Освоб.“ второго врага русской культуры. О немъ весьма откровенно повѣстствуется въ „открытомъ письмѣ отъ группы земскихъ дѣятелей“. Надо замѣтить, что такого рода письма, печатающіяся въ „Освобожденіи“, нельзя разсматривать просто, какъ голоса изъ „общества“, которымъ открыта въ журналѣ tribune libre, ни къ чему не обязывающая самоё редакцію; нѣтъ, по заявленію г. Струве и по тому хозяйскому тону, который сквозитъ въ этихъ письмахъ, они являются программными, Vademecum для „Освобожденія“. Тѣмъ цѣннѣе для насъ отмѣтить по нимъ второго врага русской культуры.

„Можемъ ли мы, земцы, — гласитъ упомянутое нами письмо — при теперешнемъ положеніи вещей въ Россіи оставаться долѣе въ нашемъ выжидательномъ положеніи? И откуда же ждать спасительнаго выхода? Съ одной стороны, обнищаніе и все еще царящее невѣжество народа,

озлобленное общество, оскорбленное въ самыхъ святыхъ своихъ стремленіяхъ, и *общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ, вздымающаяся, подобно угрожающему вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя ужасныя опустошенія* (курс. нашъ). Съ другой стороны (т. е. на тѣхъ же самыхъ вѣсахъ! Л. Н.) близорукая и неумѣлая бюрократія, которая своимъ ни съ чѣмъ несообразнымъ стремленіемъ захватить все въ свои руки и неумѣніемъ разобраться въ надвигающихся событіяхъ все расшатываетъ, *въ томъ числѣ и самодержавіе, которому она якобы служитъ* (курс. нашъ. Мы-мы дѣйствительно, не яковы будемъ ему служить? Л. Н.)" *).

О „классовыхъ и эгоистическихъ интересахъ" идетъ толкъ и въ помѣщенномъ въ томъ же № заявленіи „Отъ русскихъ конституціоналистовъ". Имѣются въ виду и крестьянскія волненія, и рабочее движеніе. Насчетъ крестьянскихъ волненій говорится такъ:

„Очевидно, революціонная пропаганда въ данномъ случаѣ только и могла принести плоды на почвѣ народнаго обнищанія, невѣжества, *непониманія элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права* (курс. нашъ. Это вездѣсущій либерализмъ вѣщаетъ свое мнѣніе изъ опустошеннаго хлѣбнаго амбара. Л. Н.), безправія и разобщенности культурныхъ, мирныхъ элементовъ общества отъ народа. Все это достигнуто нашей финансовой и экономической политикой, высасывающей всѣ соки изъ деревни; преградами, которыя ставятся на пути просвѣщенія народа; отсутствіемъ правопорядка въ деревнѣ и вселяемымъ въ населеніе недовѣріемъ къ правосудію вслѣдствіе неправильной его постановки."

Относительно рабочихъ волненій находимъ слѣдующія строки:

---

*) Въ № 13 „Освобожд." „старые земцы" съ ужасомъ говорятъ о „глухомъ броженіи среди народныхъ массъ, грозящемъ каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое (страшно подумать! Л. Н.) можетъ вмѣстѣ съ абсолютной монархіей смести и самый принципъ монархіи, вмѣстѣ съ злоупотребленіями частной собственности уничтожить самый принципъ собственности",—и отъ дѣятельности земцевъ „ зависитъ не только судьба имущихъ классовъ, къ которымъ принадлежимъ мы, но и судьба народа и судьба государства". (Здѣсь, очевидно, ошибка метранпажа, который невѣрно сверсталъ „не только" и „судьбы"... Л. Н.)

„Не касаясь множества другихъ не менѣе неудачныхъ попытокъ бюрократіи усилить свое вмѣшательство, приведемъ лишь разительный примѣръ ея близорукаго ослѣпленія въ стремленіи „объять необъятное“ и захватить въ свои немощныя руки даже такія сложныя стороны жизни общества, какъ рабочій вопросъ. *А на дѣлѣ получается поразительное по своему стремительному росту рабочее движеніе* (курс. нашъ. Его либералы, конечно, быстро введутъ въ гармонію и спокойствіе. Л. Н.)! Итакъ, бюрократія, получивъ совершенно не свойственное себѣ развитіе и проникая во всѣ самыя потаенныя и чувствительныя мѣста частной жизни русскихъ людей, дѣйствительно все перепутала, расшатала, озлобила и *готовитъ ужасную катастрофу и не только себѣ, но, можетъ быть, и многимъ культурнымъ сторонамъ русской жизни* (курс. нашъ. Это пишетъ Ваничка изъ „Желѣзной дороги“, которому слова генерала показались куда какъ убѣдительнѣй Некрасовскаго голоса о косточкахъ русскихъ, создавшихъ желѣзнодорожную культуру. Л. Н.).“

Ясно, что рабочій классъ является врагомъ буржуазной культуры: отъ него надо ждать „самыхъ ужасныхъ опустошеній“. Этотъ классъ, очевидно, и всегда будетъ врагомъ „культуры“, ибо въ основѣ его дѣятельности и борьбы лежатъ „классовые и эгоистическіе интересы“. Но сейчасъ почва этихъ интересовъ „вздымается подобно угрожающему вулкану“ главнымъ образомъ вслѣдствіе той политики, которую ведетъ правительство, и которая довела народъ до полнаго матеріальнаго и нравственнаго оскудѣнія. „Эгоистическіе и классовые интересы“, такъ бурлящіе теперь и создающіе очень нехорошія „недоразумѣнія“ между помѣщиками и крестьянами, между фабрикантами и рабочими, ведущіе къ нарушенію „элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права“,— эти интересы значительно притупятся и не будутъ такъ варварствовать надъ культурой, когда измѣнится правительственная политика. Несомнѣнно, надо начать перестройку политической жизни Россіи и этимъ фактомъ уничтожить всю остроту проявленій „классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ“.

Кто же начнетъ эту перестройку и какимъ образомъ? Все дѣло надо поставить такъ, чтобы всего меньше участвовали въ немъ представители „классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ“: грозный призракъ рабочаго класса уже и теперь до полной дрожи пугаетъ либеральную буржуазію. Перестройка эта должна быть совершена правительствомъ при помощи общества, т. е. буржу-

зіи. Во имя чего же возьмется правительство за самоуничтожающія реформы?

„Въ нашей программѣ—говорится въ заявленіи „отъ русскихъ конституціоналистовъ“—мы исходимъ изъ предположенія, что *въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ правительственная власть будетъ поставлена въ необходимость приступить къ серьезной политической реформѣ* (курс. нашъ). Многочисленные признаки показываютъ, что разложеніе нашей государственной формы идетъ быстрыми шагами впередъ. Непрекращающіеся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, широко развившееся рабочее движеніе, аграрныя волненія крестьянъ, *черезвычайное распространеніе революціонныхъ изданій въ низшихъ слояхъ населенія* (курс. нашъ. Тоже, вѣдь, пакость какая развелась! Л. Н.), новыя вспышки терроризма, выразившіяся въ фактѣ убіенія двухъ министровъ на протяженіи одного года, — все это свидѣтельствуетъ, что русское общество переросло существующую форму и *болѣзненно* (курс. нашъ) ищетъ выхода изъ связывающихъ его путъ.“

Это разъ, а во вторыхъ:

„Сила моментовъ, подобныхъ настоящему, въ томъ... состоитъ, что *всѣ* (курс. земцевъ), рѣшительно всѣ активные элементы общества начинаютъ хотѣть чего нибудь одного и этого одного хотятъ напряженно, къ этому одному стремятся неудержимо.... *Все* (курс. земцевъ) общество требуетъ отъ власти въ одинъ голосъ — серьезной политической реформы....“

Кончается заявленіе отъ русскихъ конституціоналистовъ слѣдующимъ пророческимъ предостереженіемъ:

„Въ исторіи древняго Рима сохранилась одна поэтическая легенда: сивилла изъ Кумъ пришла къ царю Тарквинію продавать ему книги судебъ. Царю назначенная сивиллой цѣна показалась дорогой. Тогда сивилла бросила въ огонь часть книгъ, а за остальныя потребовала ту же цѣну. Царь все еще колебался: сивилла сожгла еще часть книгъ. Посовѣтовавшись съ авгурами, царь, наконецъ, купилъ — по прежней цѣнѣ — то, что осталось. .

Римская легенда даетъ полезный урокъ царямъ и авгурамъ. Съ исторической необходимостью торговаться опасно. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше она уступаетъ. И кто не хочетъ

читать таинственную книгу судебъ въ ея естественномъ порядкѣ, тотъ дорого заплатитъ за послѣднія страницы, на которыхъ написана развязка."

Такъ. Правительственная власть — это прежде всего — стоитъ лицомъ къ лицу съ страшнымъ народнымъ ураганомъ, кото ый готовится смести ее съ поверхности земли, можетъ быть, еще вмѣстѣ и „со многими культурными сторонами русской жизни" (такъ блестяще развитыми купцомъ Колупаевымъ и корнетомъ Отлетаевымъ?). Неминуемость такого урагана черезчуръ ясна буржуазіи, и устами г. Струве она даже заявляетъ, что русскій рабочій „проснулся къ свободѣ, онъ требуетъ ее, и онъ возьметъ ее"; и чтобы онъ, руководимый своими классовыми и эгоистическими интересами, не взялъ ее такъ, какъ ему надо и хочется, остается одинъ исходъ: встрѣчный искъ со стороны реформы въ сторону революціи. И буржуазія крѣпко вѣритъ, что правительство пойдетъ на такую реформу. Возьмите вы тотъ языкъ, которымъ пишетъ г. Струве и гг. земцы. Вотъ образчикъ ихъ стиля:

„Мы —пишутъ земцы — скорбѣли душой, и скорбимъ еще и теперь, когда *недоразумѣнія* (курс. нашъ) между правительствомъ и населеніемъ, приводили къ *обоюднымъ* (курс. нашъ) насиліямъ... Будучи искренними и убѣжденными сторонниками порядка и законности, мы даже за послѣдніе 20 лѣтъ, *во время царствованія недовѣрія со стороны Правительства* (курс. нашъ. „Правительство" написано съ большой буквы самими пресмыкающимися. Л. Н.) къ общественнымъ силамъ страны во время урѣзыванія и тѣхъ немногихъ правъ, которыя были дарованы народу, терпѣливо выжидая, замкнулись въ свою дѣятельность и старались забыться въ тѣхъ отрасляхъ культурной работы которыя намъ еще были предоставлены" (Во 2-мъ № „Освоб." все это картиннѣе: сказано, что 20 лѣтъ „намъ" плевали въ физіономію, а „мы" утирались,—должно быть, считая это маленькимъ недоразумѣніемъ и проявленіемъ недовѣрія. Л. Н.)

Я спрашиваю васъ, если у человѣка въ душѣ есть хоть одна революціонная искра, можетъ онъ писать такимъ пошло-холопскимъ языкомъ? И это они пишутъ не адресъ на высочайшее имя (хотя, кажется, и для адреса лакейства пущено свыше всякой мѣры), а изъясняются такимъ языкомъ на свободномъ станкѣ печатнаго слова! Крѣпка, должно быть, вѣра, что ихъ „призовутъ

къ Престолу" вершить народныя дѣла, что Плеве „разумно используетъ живыя общественныя силы „земцевъ" для крупнаго и рѣшительнаго шага по пути политическаго развитія страны..." „Штиль" совсѣмъ запрестольный... Весьма поучительно сопоставить съ этими строками слѣдующую выдержку изъ предисловія г. Струве какъ разъ къ этому же письму:

„Общественное мнѣніе Россіи влачитъ жалкое и постыдное существованіе раба, который постоянно соразмѣряетъ свои заявленія съ желаніями, требованіями и предписаніями господина. Этотъ рабій способъ говорить, озираясь на лицо господина и читая въ немъ милость или гнѣвъ, есть источникъ разврата и опасностей *для обѣихъ сторонъ* (курс. нашъ. Вотъ что значитъ не рабій языкъ! Л. Н.). Совѣсть исчезаетъ и истина скрывается, создается ужасающая путаница. Подавляя общественное мнѣніе, правительство не только развращаетъ гражданъ: *оно прежде всего обманываетъ самого себя, скрывая отъ себя факты дѣйствительности и настроеніе общества, которое тоже есть огромной важности фактъ національной жизни. А, не зная дѣйствительности, оно на каждомъ шагу рискуетъ впасть и впадаетъ въ ошибки и недоразумѣнія, за которыя дорогой цѣной расплачивается живой организмъ народа* (курс. нашъ. Вотъ какъ, вотъ какъ нужно говорить и писать свободнымъ хамелеонамъ! Л. Н.)... Мы привѣтствуемъ отъ всей души печатаемыя ниже заявленія изъ земской среды, какъ важныя обнаруженія общественнаго мнѣнія, исходящія отъ людей, *обладающихъ зрѣлымъ сужденіемъ и хорошо знающихъ народную жизнь* (курс. нашъ. Сколько уже пудовъ соли съ земцами съѣлъ г. Струве?)."

Пишутъ въ свободной печати рабьимъ языкомъ рабьи вещи, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, не вѣря въ свои же слова, лгутъ, проповѣдуя пользу свободы прессы для монархіи,— и при этомъ пускаютъ зачѣмъ то въ оборотъ жалкія и вообще красивыя, а для себя *постыдно*-красивыя слова объ общественномъ мнѣніи, влачащемъ рабское существованіе... Не для этихъ ли сентенцій г. Струве понадобились гимны идеалистической философіи и Лассалю?... Не это ли „бодрая и рѣшительная нетерпимость ко злу", являющаяся „необходимымъ дѣйственнымъ, творческимъ и въ то же время санитарнымъ предохраняющимъ и исцѣляющимъ началомъ" („На разныя темы", стр. 292). Относи-

тельно другихъ эпитетовъ не знаемъ, но санитарія, кажется, не дурная!...

По этимъ выдержкамъ вы видите, что либералы безусловно увѣрены въ томъ, что правительство приступитъ къ существеннымъ политическимъ реформамъ и призоветъ ихъ осуществить эти реформы. Дѣло должно обстоять такъ. Правительство дѣлаетъ принципіальное заявленіе (манифестъ выпускаетъ) объ упраздненіи абсолютизма въ Россіи, и „актомъ высочайшей воли" призываетъ представителей общества для выработки новыхъ органическихъ законовъ и устоевъ правопорядка, по которымъ и должна двигаться дальнѣйшая государственная жизнь страны при ежегодномъ созывѣ представителей отъ общества, при свободѣ печати, собраній, союзовъ, при личной свободѣ, гарантированной независимымъ судомъ, при равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, при отсутствіи административнаго произвола.

Призванные „актомъ высочайшей воли" представители общества сейчасъ же примутся за устройство русской земли. Кто же да кто? На этотъ счетъ намъ говорится такъ. „Подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы имѣетъ всѣ шансы сложиться русская конституціонная партія", она то и явится patres patriae. Конкретно она выражается въ земствахъ и думахъ — этихъ „органахъ всесословнаго общественнаго самоуправленія". Маленькая бѣда состоитъ въ томъ, что эти органы „искажены по составу своего представительства и очень неполно представляютъ мнѣніе страны" (надо таки признать это!), но съ фактомъ ничего не подѣлаешь: ничѣмъ другимъ эти учрежденія замѣнить нельзя, и только они одни „имѣютъ за собой преданія политическихъ стремленій и по существу своему „представляютъ нижній этажъ конституціоннаго зданія". Конечно, еслибы до общей политической реформы произошла реформа избирательныхъ правъ въ думы и земства,— тогда было бы все великолѣпно; но земцы предвидятъ, что „политическая реформа станетъ на очередь раньше этого момента", и они очень глубокомысленно замѣчаютъ, что было бы „политической ошибкой" откладывать реформу всего государствоуправленія ради избирательной реформы въ земствахъ и думахъ... Вотъ они насколько государственно-мудры, логичны, смѣлы, рѣшительны, идутъ до самаго-самаго конца (не промѣняютъ кукушку на зяблика!), а демократичны то они какъ! И, понятно, при такой ихъ смѣлости обстоятельности и демократичности, никому бы не надо было бояться, что и при искаженномъ составѣ земствъ и городовъ нигдѣ не прорвутся

антидемократическія тенденціи, все будетъ при обсужденіи государственныхъ дѣлъ устроено къ наибольшему народному благу, и намъ всѣмъ надо было бы примириться съ тѣмъ, что за насъ будутъ рѣшать представители отъ учрежденій, всего лишь искаженныхъ по формѣ, но благодѣтельныхъ для народа по своему духу...

„Но — продолжаемъ мы словами самихъ конституціоналистовъ—какъ бы то ни было ограничить одними представителями существующихъ органовъ самоуправленія—земствъ и думъ *большихъ городовъ* (курс. нашъ. Разныхъ тамъ Спассковъ и Бѣлозерсковъ нечего считать — ну ихъ къ ляду! Л. Н.) — составъ будущаго учредительнаго органа было бы принципіальной ошибкой. Составленный такимъ образомъ, *онъ не имѣлъ бы достаточнаго авторитета въ тѣхъ самыхъ сферахъ, удовлетворить которыя имѣлось бы въ виду самымъ фактомъ устройства такого органа.* (Курс. нашъ) Вмѣсто успокоенія, онъ рисковалъ бы внести новое неудовольствіе и очутился бы въ очень трудномъ положеніи между недовѣрчивымъ отношеніемъ правительственныхъ слоевъ и *принципіальной доктриной передовыхъ общественныхъ и литературныхъ теченій*, горькимъ опытомъ (прошлыми „подвигами“ земцевъ? Л. Н.) пріученныхъ къ скептицизму“.

Хотя тутъ только мѣтится въ представителей „доктрины“ и литературы, но сдается намъ, что подъ тѣми самыми сферами, которыя надо успокоить фактомъ устройства органа, имѣется въ виду опасный элементъ, растекающійся лавой подъ вліяніемъ эгоистическихъ и классовыхъ интересовъ. Такъ вотъ въ виду этого элемента надо ввести кое какія поправки:

„было бы, напримѣръ, желательно предоставить для этой цѣли существующимъ органамъ самоуправленія право избирать депутатовъ *изъ лицъ, принадлежащихъ не только* (курс. нашъ) къ средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ и избирателей, но и ко всему русскому обществу; было бы также полезно допустить право представительства и для русскихъ университетовъ.“

Не тронуться этимъ можетъ только каменное сердце: всякій внимательно вчитавшійся въ эти строки видитъ, что земцы не забываютъ и „рабочаго человѣка“, и доктринеровъ—они и на ихъ долю оставляютъ шансы попасть въ законодательное собраніе,

Вотъ что называется истиннымъ демократизмомъ! Земцы прекрасно знаютъ, какія вредныя мысли и побужденія рождаются узкими и классовыми интересами, знаютъ, что доктринеры не обладаютъ „зрѣлымъ сужденіемъ“ и все же даже и имъ (даже и имъ, о, dii immortales!) оставляютъ нѣкоторую лазейку попасть къ трону „по одностороннему акту“ призыва съ высотъ „Престола“...

Но мы живемъ въ вѣкъ каменныхъ сердецъ и черствыхъ чувствъ, и наша развращенность нравовъ, распущенность доктрины и алчность эгоистическихъ и классовыхъ интересовъ доводитъ будущихъ устроителей русской земли до слѣдующаго во истину унылаго признанія:

„Конечно, и послѣ всѣхъ подобныхъ дополненій — остается еще достаточно поводовъ (у разбойниковъ соціальдемократической печати и разнузданныхъ людей, неправда ли? Л. Н.) для возраженій противъ состава учредительнаго органа“.

И смущаемые этими „поводами“, слишкомъ выразительно и наглядно свидѣтельствующими о себѣ, земцы пишутъ уже несовсѣмъ увѣренно:

„Съ этимъ необходимымъ несовершенствомъ его — т. е. учредительнаго органа, Л. Н.—можетъ *нѣсколько* помирить *только* то соображеніе, что роль самого учрежденія, создаваемаго такимъ необычнымъ способомъ, по существу своему будетъ *непродолжительная и временная*. (Курс. нашъ. Запомнимъ это, оно намъ пригодится дальше. Л. Н.).

И до чего только доводятъ эти классовые и эгоистическіе интересы и незрѣлыя доктрины! Они даже вгоняютъ земцевъ въ коекакой конфузъ, заставляютъ ихъ стыдливо говорить о „необычномъ способѣ“, съ которымъ можно *только нѣсколько* примириться. А вдругъ не „примирятся“? Умудренные опытомъ, зрѣвшіе и перезрѣвшіе, въ игольное ухо скакавшіе земцы говорятъ, что несовершенство необходимо, хотя оно слишкомъ необычный — (для народа ни съ чѣмъ несообразный?)—способъ, а доктринеры съ своей незрѣлостью и классовые интересы со своей эгоистичностью вдругъ признаютъ несовершенство неподходящимъ для себя дѣломъ—что тогда? На убѣдительныя слова плохъ разсчетъ; ибо и теперь они застряваютъ въ чащѣ (иной доктринеръ скажетъ: въ грязи) оговорокъ и самоуничтоженій, а если не сло-

вомъ, то чѣмъ же дѣйствовать? Чѣмъ доказать, что и не совершенство есть по времени совершенство, что для Макара и на томъ спасибо?

·Не знаемъ, какъ буржуазная демократія отвѣтитъ на этотъ вопросъ, если ей придется отвѣчать на него, пока на сей счетъ она, конечно, не изъясняется; что она будетъ дѣлать, если „придется", противъ народа—вопросъ будущаго. Оставимъ его пока и посмотримъ, что она думаетъ дѣлать въ борьбѣ съ правительствомъ — это вопросъ настоящаго. Что же по этому поводу говорится въ „Освобожденіи"?

Правительство достаточно слыхивало, что оно находится на краю гибели. Противъ тебя народъ, и ты послѣдній изъ Романовыхъ— это писалось и Александру II, и Александру III, и пишется Николаю II. Умозаключеніе о неминуемости серьезныхъ политическихъ реформъ предъявлялось каждому изъ этихъ императоровъ, — то съ большей, то съ меньшей убѣдительностью, то болѣе, то менѣе рѣзкимъ и увѣреннымъ тономъ. Тебѣ ничего иного не остается, какъ опереться на насъ, прислушаться къ нашему умѣренно-конституціонно-холопскому голосу, и мы спасемъ твой тронъ — это старая пѣсня, хоть бы ея погудка была на новый ладъ.

Если царь и министры и не получаютъ „Освобожденія" (впрочемъ, навѣрное, великому князю Константину Константиновичу и Витте оно посылается по почтѣ въ конвертахъ), то и изъ „Вѣстника Европы" и „Петерб. Вѣдом." они достаточно наслышаны и о „недоразумѣніяхъ" между помѣщиками, правительствомъ и крестьянами*) и о надвигающейся на царизмъ грозѣ. Да и не только наслышаны — а сами расправлялись плетьми, розгами, ружейными выстрѣлами, ссылками и острогами; прекрасно знаютъ степень народнаго возбужденія и первые же готовы потѣшиться надъ арлекинадой г. Струве, увѣряющаго, что правительство не знаетъ „фактовъ дѣйствительности", благодаря от-

*) Г. Арсеньевъ пишетъ не хуже г. Струве и точка въ точку тоже самое, что и онъ. Вотъ что, напр., онъ говоритъ во внутреннемъ обозрѣніи іюльскаго № „Вѣстника Европы" за 1902 годъ: „Намъ казалось и кажется безспорнымъ, что чѣмъ ближе сойдутся между собой различные элементы сельскаго населенія, чѣмъ больше будетъ у нихъ точекъ соприкосновенія и общихъ интересовъ, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ станетъ повтореніе такихъ *колоссальныхъ недоразумѣній* (курс. нашъ), какими были вызваны прискорбныя мартовскія событія". Каково то слушать это г-ну Плеве! Должно быть, въ жаръ и холодъ бросаетъ его...

сутствію гласнаго мнѣнія общества... Все хорошо извѣстно, Плеве и фонъ-Валь, Зубатовъ и митрополитъ Антоній со всѣми ихъ дѣйствіями — порука за это... Горе побѣжденнымъ! — великолѣпно знаетъ правительство и готовится къ рѣшительному бою... Кто же вы такіе, шептуны? Что вы за приживалки, охающія и ноющія и все просящія себѣ право разговорить боль? Въ лагерѣ ли правительственныхъ друзей или правительственныхъ враговъ — вы должны представлять изъ себя какую нибудь силу. Если вы дружественная *сила*—да, есть съ вами смыслъ посчитаться и Витте, и Побѣдоносцеву, и кому угодно, есть смыслъ прислушаться къ вашимъ рѣчамъ, ибо изъ нихъ можно извлечь дѣло; если вы враждебная *сила* — надо подумать, навѣсить ли вамъ жерновъ осельный на шею и ввергнуть въ море, или же войти съ вами въ какое нибудь соглашеніе на основаніи морали римской басни о сивиллѣ изъ Кумъ. Но если вы только сердитое или благожелательное безсиліе — отъ чьего имени вы торгуетесь, и какая цѣна вашимъ предостерегающимъ воплямъ? Если вы завываете изъ лагеря враговъ — мы васъ, безсильныхъ, отщелкаемъ бичами и поставимъ вамъ на сцену ту же самую реакцію Александра III, которую вы и сейчасъ вспоминаете, какъ тягчайшій кругъ Дантовскаго ада, а вашей торговлѣ мы не придадимъ ровно никакой цѣны: вывели вы на торжище меньшого буйствующаго Веніамина, но не на бумагѣ ли это еще? идетъ ли онъ *за вами* и прекратитъ ли свои буйства при *вашей* торговой сдѣлкѣ? Если же вы дружественное правительству безсиліе, то извините, если мы васъ сравнимъ съ тѣмъ другомъ дома, который, по народному повѣрью, воетъ и жалобно визжитъ передъ смертью хозяина. Чтобы облегчить хозяйскія страданія, бѣгутъ за докторомъ, въ аптеку или еще куда надо, а завывальщика, какъ не помогающаго, а только раздражающаго, пинаютъ ногами, бьютъ палками, цѣпью, на которой онъ привязанъ... Мы сами, при вашемъ безсиліи, будемъ справляться съ надвигающейся на насъ грозой, а когда понадобится, кивнемъ вамъ пальцемъ, и вы приползете тогда со слезами умиленія на глазахъ и безъ всякихъ римскихъ басенъ... Вы способны приползти въ какую угодно сторону... Милые, добрые други! Говорятъ, Ламартинъ въ 48 году всходилъ на трибуну, чтобы спасти монархію, чтобы поддержать регентство, и только увидѣвъ съ трибуны, что монархія уже сломлена, разразился фонтаномъ своего цвѣточнаго краснорѣчія во славу республики... Вы — вы тоже всегда готовы брызгать своими умѣренно-либерально-аккуратными мыслями при всякой формѣ правленія, всегда и неизмѣнно поддерживая деспотическое отношеніе къ народу... Вы...

Правительство, конечно, не иначе оцѣниваетъ своихъ „союзниковъ“ или „враговъ“ изъ либеральнаго лагеря: оно считается только съ силой. Сила выражается въ борьбѣ. Посмотримъ же, какая борьба проектируется русскими конституціоналистами.

* * *

„Являясь наиболѣе связаннымъ съ земской группой, нашъ органъ ставитъ своей задачей — выработать такую программу совершенно опредѣленныхъ политическихъ требованій, на почвѣ которой земство могло бы дѣйствовать совмѣстно съ другими общественными группами, *не отказываясь въ то же время отъ тѣхъ преимуществъ своего фактическаго положенія, которыя могутъ сообщить его дѣятельности особенное значеніе въ переходный періодъ къ новому политическому режиму* (курс. нашъ).“

Что значитъ „преимущества своего фактическаго положенія“? Въ переводѣ на общепонятный языкъ, это значитъ сберегать свое легальное положеніе. Не только, конечно, въ личномъ смыслѣ — хотя, сказать попутно, Бланки и Барбесовъ „не призовутъ“ никакія буржуазныя правительства устраивать судьбу земли, и это тоже надо имѣть въ виду —, но главнымъ образомъ въ смыслѣ сохраненія органовъ самоуправленія. Вести свое дѣло такъ, чтобы вихрь разбушевавшейся реакціи не разметалъ земство цѣликомъ, какъ онъ срываетъ и уноситъ прочь его отдѣльныя функціи. Это первый предѣлъ земской оппозиціи, кладущійся, такъ сказать, государственными нормами. Послушаемъ дальше земцевъ — найдемъ и слѣдующіе предѣлы.

„Для того, чтобы достигнуть поставленной цѣли, земская политическая программа должна, какъ намъ кажется, удовлетворять слѣдующимъ главнѣйшимъ требованіямъ:

„Она должна быть, во первыхъ, настолько *принципіальна,* чтобы не теряться въ случайныхъ частныхъ лозунгахъ, выставляемыхъ частными группами, по частнымъ поводамъ, въ зависимости отъ того, насколько благопріятно сложатся обстоятельства текущей минуты и личный составъ того или другого собранія. Намѣчать цѣли и способы подобныхъ частныхъ дѣйствій — есть дѣло всякаго рода общественныхъ организацій, дѣло текущей партійной тактики, но никакъ не дѣло программы. Программа не можетъ указать,

> *какъ* надо дѣйствовать въ каждомъ данномъ случаѣ; но она должна указать, *какую* общую цѣль долженъ преслѣдовать каждый отдѣльный шагъ. *Какой* путь избрать есть вопросъ *мѣстнаго удобства*; но *куда* идти по какому бы то ни было пути, объ этомъ надо сговориться въ программѣ. *Принципіальность* программы *не исключаетъ*, такимъ образомъ, *возможности компромисса*; но компромиссъ лишь тогда можетъ быть признанъ законнымъ, когда приближаетъ къ общей цѣли.“

Всѣ курсивы принадлежатъ авторамъ; нами подчеркнуты только слова „мѣстнаго удобства“ и „не исключаетъ возможности“. Не любопытенъ ли этотъ танецъ эфіопа передъ восхитившимъ его зеркаломъ? И штука великолѣпная, и приступиться къ ней боязно — подскочитъ, сунетъ въ него свое обличіе, ухмыльнется отъ удовольствія и назадъ... И принципіальность требуется самыхъ добротныхъ свойствъ, и всѣ удобства мѣстнаго тарантаса надо сохранить, и строгой послѣдовательности нужно глазки сдѣлать, и на поклонъ къ компромиссу сходить... Но эфіопъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, въ концѣ концовъ набирается смѣлости и приручаетъ къ себѣ зеркало; о земцахъ исторія не даетъ такого рода указаній, а, наоборотъ, всѣми фактами говоритъ, что земецъ бѣгалъ все время отъ зеркала къ зерцалу, и если онъ теперь на первыхъ же шагахъ, оглядывая свой скарбъ, на почетное мѣсто выставляетъ и „компромиссъ“, и „мѣстныя удобства“ — ясно, какъ будетъ перезрѣвать его зрѣлая мысль... Это слѣдуетъ и изъ продолженія земскихъ рацей:

> „Другое необходимое условіе нашей программы должно заключаться въ ея *исполнимости* (курс. земцевъ) при современныхъ условіяхъ соціальнаго и культурнаго строя“.

А чѣмъ опредѣляется эта исполнимость?

Предѣлы ея для будущаго, т. е. при совершеніи уже реформъ, земцы сейчасъ же спѣшатъ отмѣтить, но объ этомъ мы будемъ говорить дальше; насъ интересуетъ, чѣмъ они намѣчаются по отношенію къ настоящему. На сей счетъ земцы молчаливы, какъ прозорливецъ Кукша, который все зналъ, но и обо всемъ молчалъ. Они прозрѣваютъ, что жить и дѣйствовать имъ приходится при правительствѣ, съ большимъ искусствомъ показывающемъ, гдѣ раки зимуютъ; они прозрѣваютъ, что „земская косточка“, по безсмертному выраженію Щедрина, не охотница проводить свое время на рачьемъ зимовьи; они прозрѣваютъ, что правительство

не попуститъ постоянному или временному ходатайству земства даже о введеніи сразу во всѣхъ больницахъ усовершенствованныхъ подтяжекъ; они прозрѣваютъ все это и, подобно прозорливцу Кукшѣ, молчатъ, молчатъ и молчатъ о средствахъ борьбы, ставя ее въ зависимость отъ „исполнимости", отъ „законнаго компромисса", отъ „ мѣстнаго удобства "...

Итакъ, въ дѣйствіяхъ мы земцевъ не видали, „доктрина" ихъ сулитъ мало успокаивающаго на счетъ ихъ борьбы — откуда же у нихъ такая прыть договариваться и торговаться съ правительствомъ и брать на себя перестройку Россіи? А прыть большая, и г. Струве стоитъ передъ рабочимъ, какъ прекрасная Амнерисъ предъ Радамесомъ, и величественно указывая на будущій парламентъ изъ земцевъ, напѣваетъ трудящемуся люду:

Тамъ собрались, участь твою рѣшаютъ!...

Очевидно, Радамесъ долженъ, прельстившись атурами Амнерисъ, своей реальной силой поддерживать будущихъ устроителей Россіи. Надѣемся не pour les beax yeux? Попробуемъ выяснить это.

О томъ, что все должно быть на законномъ основаніи, о свободѣ печати, собраній, сходокъ, неприкосновенности личности — мы это уже слышали и записали выше. Есть еще одинъ пунктъ изъ этой области, который стоитъ отмѣтить особо для просвѣщенія умовъ насчетъ либераловъ и склоненія преступныхъ сердецъ на ихъ сторону.

> „Въ день, когда политическая свобода въ Россіи станетъ совершившимся фактомъ, признаннымъ верховной властью, — *будетъ совершенно справедливо* (курс. нашъ) освободить *даже и отъ законныхъ послѣдствій ихъ дѣйствій* (курс. нашъ. Даже, даже, даже!!!) тѣ лица, политическія преступленія которыхъ стояли въ связи съ ихъ стремленіемъ поднять Россію на культурную высоту, характеризуемую режимомъ политической свободы."

Скажите пожалуйста! Во всѣхъ смыслахъ „совершенная справедливость"! Хотя Германа Лопатина, Вѣру Фигнеръ, Петра Карповича упекли въ Шлиссельбургъ по суду и слѣдствію, на законномъ основаніи, но да будутъ освобождены и они! Хотя политическіе острожники и каторжники должны бы по закону претерпѣватъ послѣдствія —но да будутъ скинуты даже, даже, даже и они со счета! Праздникамъ праздникъ, торжество изъ торжествъ! Надо все краснорѣчіе Іоанна Златоуста, чтобы воспѣть всѣ дары прощенія въ

этотъ великій день отпущенія грѣховъ даже тѣмъ... кого бы должны преслѣдовать законныя послѣдствія Нѣтъ, тутъ безсильно и краснорѣчіе Златоуста: подумайте, вѣдь, необъятность щедротъ можетъ дойти, сказать страшно! — *даже* и до амнистіи сосланнымъ за стачки, за крестьянскіе бунты, за разнаго рода рабочія волненія! Духъ замираетъ отъ такого предположенія, отъ этого замѣчательнаго „*будетъ совершенно справедливо*“, отъ великодушія, поступающагося „*даже законными послѣдствіями*...“

Г. Струве убѣждаетъ свою аудиторію, что

> „какъ бы кто ни относился къ соціальнымъ идеямъ, пріемамъ и тактикѣ русскихъ революціонныхъ партій, разновременно ведшихъ и теперь ведущихъ борьбу съ реакціонымъ правительствомъ, — *за то одно* (курс. нашъ), что онѣ боролись и борются съ насиліемъ и произволомъ, ихъ долженъ уважать всякій искренній поборникъ свободы.“

Лестно какъ и чувствительно!

Въ № 7 „Освобожденія“, въ статьѣ „Либерализмъ и т. н. революціонныя направленія“, проводя параллели между первымъ и вторыми, заключая ихъ въ одну и ту же всеобхватывающую рамку „оппозиціи“, — г. Струве призываетъ къ взаимной „терпимости“ и распропагандировываетъ либераловъ трактовать революціонное движеніе не такъ, какъ его трактуетъ правительство.

> „И двадцать лѣтъ тому назадъ — пишетъ г. Струве — было странно заблуждаться относительно существа русскаго революціоннаго движенія, которое прежде всего есть *здоровый протестъ* (курс. нашъ. Любопытно это сравнить съ земскими мнѣніями! Л. Н.) противъ политическаго произвола правительства и преступнаго забвенія имъ самыхъ насущныхъ нуждъ народныхъ массъ. Никакого ‚хаоса‘ и никакой ‚анархіи‘ революціонное движеніе не можетъ создать. Ждать отъ него хаоса, значитъ, съ одной стороны не понимать его сущности и, съ другой стороны, *безмѣрно преувеличивать силу* (курс. нашъ).“

Въ статьѣ о ростовскихъ событіяхъ г. Струве спѣшитъ вразумить либераловъ, что руководство соціальдемократіи является фактомъ очень желательнымъ и отраднымъ, что чѣмъ сильнѣе оно, тѣмъ культурнѣе протекаетъ рабочее движеніе...

Это чрезвычайно интересные факты и сужденія. Взгляды либерала au naturel мы видѣли выше въ выдержкахъ изъ земскихъ

заявленій, видѣли наиестественнѣйшій трепетъ либерала передъ революціонной борьбой. Г. Струве стремится привить ему (ему: т. е. и либералу, и либеральному трепету,) иную оцѣнку предмета — взглядъ на революціонную борьбу не только какъ на вредныя испаренія, но и какъ на „здоровый протестъ“. Копировку г. Струве производитъ не безъ остроумія: онъ не только выясняетъ съ разныхъ точекъ зрѣнія полезность революціоннаго дѣла и, слѣдовательно, необходимость „уваженія“ къ нему и „терпимости“, не только констатируетъ, что рабочій бьется за свободу и „возьметъ ее“, но и, когда нужно, производитъ успокоительные разсчеты о силѣ рабочихъ, указываетъ, что ее „безмѣрно“ преувеличиваютъ... Г. Струве, очевидно, знаетъ, что только при послѣднемъ указаніи копировка будетъ успѣшна въ либеральномъ климатѣ: рабочій — это сила, которая наноситъ крайне тяжелые и нанесетъ послѣдніе удары правительству, но не бойтесь — эта сила не такъ многообъемна, чтобы она внесла „хаосъ“ и „анархію“, т. е. — называя вещи ихъ собственными именами — причинила вредъ буржуазіи, либерально-буржуазному пониманію оппозиціи...

Мы, конечно, не противъ того, что Павелъ буржуазіи не является Савломъ на соціалистовъ: что жъ, это дѣло хорошее, и чѣмъ больше либеральная буржуазія признаетъ у насъ „здоровыхъ протестовъ“ — тѣмъ лучше! Мы только отмѣчаемъ характерное разномысліе г. Струве и земскихъ оппозиціонеровъ... Это намъ надо имѣть въ виду, надо помнить то обстоятельство, что либеральную буржуазію *еще* надо убѣдить въ содержаніи и „коечего“ „здороваго“ въ классовыхъ и эгоистическихъ интересахъ, что она *еще даже* не тверда въ разныхъ „даже“, что еще и „за то одно“ она можетъ уважить въ случаѣ „нужды“ не иначе какъ кузькиной матерью и присчитать куда слѣдуетъ „законныя послѣдствія“, несмотря на то, что

„самая широкая амнистія по всякаго рода государственнымъ преступленіямъ *была бы* (курс. нашъ. И осторожно, и совсѣмъ-совсѣмъ государственно-мудро, и въ то же время до безпредѣльности великодушно! Л. Н.) не только долгомъ чести и справедливости по отношенію къ піонерамъ свободы, но и актомъ величайшей государственной мудрости, который достойно ознаменовалъ бы собою принципіальный разрывъ съ мрачнымъ временемъ, переживаемымъ нами теперь, и рѣшительное вступленіе Россіи на высшую ступень политическаго и культурнаго существованія.“

Но, впрочемъ, тронутые до глубины души обѣщаніемъ намъ амнистіи и свидѣтельствомъ объ уваженіи со стороны буржуазіи „за то одно“, — перейдемъ къ тому, что обѣщается земцами, кромѣ помилованія революціонерамъ и словъ о свободѣ — къ гарантіямъ этой свободы. Иначе сказать, къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Насчетъ учредительнаго собранія мы уже видѣли, что тутъ дѣло должно вылупиться изъ яичка существующаго земскаго и городскаго самоуправленія. Земцы насъ, какъ вы помните, обнадеживаютъ относительно демократизма учредительнаго собранія, ибо въ самомъ земствѣ какія то весталки доселѣ поддерживаютъ демократическій огонь. А помимо того, учредительное собраніе носитъ временный характеръ — это намъ не преминули сообщить, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы мы знали, что ошибки его будутъ поправлены слѣдующими уже законодательными собраніями. Итакъ, у законодательныхъ собраній вполнѣ развязаны руки, и въ нихъ сможетъ выразиться вся воля всего населенія, можетъ быть, *даже и по земскимъ предположеніямъ*, не нашедшая своего овеществленія въ учредительномъ собраніи?

На этотъ счетъ у земцевъ проскользнулъ — именно проскользнулъ — любопытный отвѣтъ. Говорятъ они, что въ программу „совершенно нѣтъ надобности вводить перечень всѣхъ очередныхъ нуждъ и задачъ русскаго народа во всѣхъ возможныхъ областяхъ жизни“, и комментируютъ это такимъ образомъ:

> „Связать этимъ кого бы то ни было, опредѣлить направленіе законодательной дѣятельности будущаго представительства — мы все равно не могли бы въ большей степени, чѣмъ направленіе это опредѣляется уже самымъ устройствомъ представительства, и *чѣмъ самое устройство представительства опредѣляется способомъ его введенія въ жизнь* (курс. нашъ).“

Слышите, теперь уже какъ звучитъ этотъ способъ введенія въ жизнь? Онъ уже оказывается не такой ничтожностью, — ему всѣ книги въ руки даны! Онъ опредѣлитъ будущія судьбы Россіи, онъ поставитъ въ зависимость отъ себя соціальныя реформы! То есть, иначе сказать, и въ созданіи новаго строя политическихъ отношеній, и въ проведеніи соціальныхъ реформъ вотъ эти господа, раскинувшіе теперь свои палатки для торга съ правительствомъ, должны будутъ пріобрѣсти доминирующее значеніе (т. е. льстятся на это)!

Хорошо, посмотримъ же сначала, какъ они относятся къ будущему политическому строю. Для насъ условіемъ, за которое мы

будемъ бороться и умирать, является *всеобщее, равное для всѣхъ, ни на какомъ цензѣ не основанное избирательное право.* Земецъ же говоритъ о „*безсословномъ народномъ представительствѣ*“, что, конечно, не обозначаетъ всеобщаго избирательнаго права: даже и свое теперешнее земство онъ именуетъ безсословнымъ, и безсословнымъ съ его точки зрѣнія явится всякое представительство, если будутъ выборы и отъ дворянъ, и отъ крестьянъ, и отъ мѣщанъ, но только все это скроется подъ цензомъ въ такихъ то размѣровъ недвижимой собственности, капитала и жалованья. Мало того: въ письмѣ конституціоналистовъ есть матеріалъ, по которому очень ясно, безъ всякихъ натяжекъ можно вывести враждебное отношеніе буржуазіи къ всеобщему избирательному праву, и предвосхитить ея аргументы contra. Выдвинувъ „безсословное народное представительство“, земцы говорятъ:

„Болѣе подробное опредѣленіе характера этого представительства, его отношенія къ избирателямъ, къ прерогативѣ и министерству, какъ мы сказали выше, должно послужить предметомъ особаго обсужденія, при которомъ нельзя обойтись безъ техническихъ деталей и *принципіальныхъ споровъ* (курс. нашъ.). Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимъ предварительный обмѣнъ мнѣній, которому программа, подобная настоящей, обязана предоставить извѣстный просторъ. Предварять результаты подобнаго обсужденія въ настоящей программѣ было бы и безполезно — потому, что только при выработкѣ основного закона о народномъ представительствѣ это обсужденіе могло бы получить практическое значеніе. Между тѣмъ такая выработка есть уже *второй* шагъ политической реформы. Здѣсь намъ предстоитъ сговорится прежде всего о *первомъ* шагѣ, т. е. о томъ, какъ создать самый органъ, которому могла бы быть поручена выработка основного закона. *Этотъ* очередной вопросъ, какъ сказано выше, *долженъ* быть поднятъ въ программѣ, и то или другое рѣшеніе его должно быть намѣчено, *если программа хочетъ выйти изъ отвлеченностей* (курс. нашъ) и стать на почву практическаго разрѣшенія вопроса о реформѣ (всѣ остальные курсивы земцевъ).“

Обмѣнъ мнѣній и просторъ для каждаго мнѣнія — вещи очень хорошія. Но тутъ рѣчь идетъ не о состязаніи частныхъ мнѣній по частному вопросу, и „принципіальные споры“ опредѣляются не расхожденіемъ въ деталяхъ и не несогласіемъ въ тех-

нической постановкѣ вопросовъ. Тутъ сталкиваются классовыя мнѣнія: въ интересахъ трудового населенія Россіи существуетъ *только одно рѣшеніе*: всеобщее избирательное право; въ предѣлахъ этого вопроса могутъ быть, если угодно такое выраженіе, и принципіальные споры о конкретизированіи *всеобщаго избирательнаго права*, но споръ не можетъ въ средѣ пролетаріата и его идеологовъ выйти *за* предѣлы этой аксіомы - отвѣта. Земцы не объявляютъ о своемъ признаніи всеобщаго избирательнаго права. Для нихъ — это второй шагъ. еще подверженный принципіальнымъ диспутамъ: для нихъ это „отвлеченность“; для насъ это такой же первый шагъ, какъ и борьба съ царизмомъ, ибо нельзя и нѣтъ смысла воевать, не зная за что, и для насъ это отнюдь не отвлеченность, а наиконкретнѣйшее требованіе сегодняшняго дня, одна изъ базъ нашего стремленія къ политической революціи.

Что земцы уже даже предрѣшаютъ отрицательное отношеніе къ всеобщему избирательному праву, это видно изъ ихъ построенія учредительнаго собранія. Останавливаясь, якобы по необходимости, на земствахъ и думахъ, земцы говорятъ, что иначе пришлось бы впутать администрацію въ выборы, а

> „предоставить рѣшеніе даже и *этого* (курс. земцевъ. Т. е. неважнаго, что ли, по сравненію съ другими? Л. Н.) вопроса бюрократіи — пишутъ земцы, фальсифицируя себѣ на спѣхъ подходящій аргументъ — значило бы рисковать успѣхомъ всей реформы. Создать канцелярскимъ путемъ какія бы то ни было новыя избирательныя коллегіи для выбора обществомъ людей, призванныхъ осуществлять реформу, — значило бы начать съ нарушенія одного изъ самыхъ основныхъ принциповъ реформы. *По необходимости приходится слѣдовать историческимъ прецедентамъ и отдать эту подготовительную работу въ руки представителей существующихъ учрежденій общественнаго самоуправленія* (курс. нашъ).“

Вотъ тотъ вороненокъ, изъ котораго скоро же выростетъ воронъ! Правительство виновато теперь, и благодаря ему нельзя ставить вопроса о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Потомъ къ тому же правительству — старая исторія — будетъ прибавлено народное невѣжество, неосмысленность, нищета, неимѣніе собственности, какъ стимула для защиты правового порядка, и т. д. Если не хватитъ своей сметки, то богатый опытъ Западной Европы — раз-

ые „исторические прецеденты“ — подскажутъ, какъ изворачиаться въ аргументаціи.

Такимъ образомъ, вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ несенъ въ сферу „второго шага“, относительно котораго земцы спѣли уже нарисовать свою кривую, колесящую подальше отъ ути пролетаріата. Они — господа учредительнаго собранія, госода законодательныхъ, еще разъ повторимъ, и они будутъ ко блау Россіи рѣшать вопросъ о соціальныхъ реформахъ.

Что же по этому вопросу сказано въ ихъ программѣ?

„*Еще менѣе смысла имѣло бы поднимать въ настоящемъ заявленіи* (курсивъ нашъ) вопросы о тѣхъ законодательныхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ предстоитъ будущему органу русскаго народнаго представительства. Экономическія, финансовыя, культурно-просвѣтительныя, административныя реформы, рабочее законодательство и аграрный вопросъ, децентрализація и переустройство мѣстнаго самоуправленія,— всѣ эти и подобные имъ вопросы, выдвинутые русской жизнью, составляютъ *неисчерпаемый матеріалъ* (курс. нашъ) для будущей законодательной дѣятельности представительнаго органа. Въ процессѣ политической реформы эта дѣятельность составляетъ уже *третій* и послѣдній шагъ, послѣ созыва учредительнаго органа и выработки основного закона. Безъ сомнѣнія, по всѣмъ перечисленнымъ вопросамъ въ земской средѣ уже имѣются свои опредѣленныя идеи, большей частью совпадающія съ идеями русской интеллигенціи. Конечно, насколько позволяютъ обстоятельства, и земства, и печать, и русское общество вообще занимаются рѣшеніемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, не дожидаясь пока наступитъ время коренной политической реформы. Но именно, по самой этой причинѣ, въ программу, подобную настоящей, то есть выставляющую исключительно *политическія* требованія, *совершенно нѣтъ надобности* (курс. нашъ) вводить перечень всѣхъ очередныхъ нуждъ и задачъ русскаго народа во всѣхъ возможныхъ областяхъ жизни“. (Не отмѣченные курсивы принадлежатъ земцамъ).

Такъ. Вопросъ о соціальныхъ реформахъ это третій шагъ, и ъ разрабатывается „поскольку позволяютъ обстоятельства“ и земствахъ, и въ печати, и въ обществѣ. Разрабатывается, конечно, далеко не всегда такъ, какъ его разрабатываютъ разные

доктринеры-соціалисты, и какъ понимаютъ народныя массы съ их эгоистическими и классовыми интересами. А затѣмъ этотъ вопросъ представляетъ „неисчерпаемый матеріалъ" для государственной дѣятельности—того самаго „положительнаго государственнаг творчества", о которомъ г. Струве читалъ у Лассаля и потом пропускалъ через земскій фильтръ. Ну, а такъ какъ въ числ методовъ дѣятельности, опредѣляемыхъ способомъ введенія в жизнь представительства, есть и методъ вычерпыванія моря ковшомъ, то, понятно, это не слова, что вопросы о соціальныхъ реформахъ явятся „неисчерпаемымъ матеріаломъ". Рабочимъ, крестьянамъ и соціалистамъ-доктринерамъ придется только смотрѣть, какъ устроители и законодатели судебъ Россіи все черпаютъ, все черпаютъ и даже, съ позволенія сказать, хорошей лохани не начерпаютъ... И тѣмъ не менѣе мы все должны ввѣрит земцамъ и поставить наше будущее подъ охрану — чего бы в думали? „Земскихъ традицій и духа времени" — вотъ какъ значится въ письмѣ русскихъ конституціоналистовъ!

Къ земскимъ традиціямъ, конечно, не относится фактъ ходатайства полтавскихъ либеральныхъ земцевъ передъ министром о болѣе энергичномъ усмиреніи крестьянъ или проекты о построй кѣ каторжныхъ домовъ для рабочихъ, караемыхъ за „ волненія ". Это надо забыть, а надо только помнить, что земцы великолѣпн постигаютъ духъ времени: они противъ всякихъ эгоистическихъ и классовыхъ интересовъ, они знаютъ, что эти интересы — враг культуры, они за... прогрессъ. И объ этомъ прогрессѣ они хотят изъ Монтескье и Руссо, изъ Мирабо и Сіэйса, изъ Magna Charta li bertatum и Habeas Corpus, изъ Деклараціи Правъ Человѣка Гражданина взять всѣ самыя пышныя фразы и написать харті русской свободы. Такъ и сказано: „хартія!" въ письмѣ рус скихъ конституціоналистовъ:

> „Чѣмъ новѣе и необычнѣе для сложившагося порядк признаніе элементарныхъ политическихъ и личныхъ прав населенія, тѣмъ, очевидно, необходимѣе спеціальное и тор жественное провозглашеніе этихъ основныхъ принципов всякой развитой политической жизни — верховной властью Вотъ почему мы полагаемъ, что и въ русской хартіи со отвѣтствующая глава не можетъ отсутствовать, если тольк этой хартіи суждено имѣть *принципіальный* характер (курс. земцевъ)."

Каемся. Мы было сказали въ нашей статьѣ, что гг. Струве и пасомое ими (или пасущее ихъ?) стадо выкидываютъ за бортъ всякія „доктрины“. А хартія то? Весь 1789 годъ отъ зависти въ гробахъ проснется, а старый бостонскій вязъ свободы зашумитъ своей листвой, чтобы... заглушить свистъ россійской лозы, по прежнему гуляющей по казеннымъ частямъ бунтующаго невѣжественнаго мужичья, руководящагося классовыми и эгоистическими интересами, когда уже провозглашенъ „прогрессъ и порядокъ“!...

* * *

Но не будемъ забѣгать впередъ въ область неяснаго, закрытаго отъ насъ крыльями нашихъ ангеловъ-хранителей — земскими демократическими тенденціями и духомъ времени. Подведемъ лучше итоги ясному намъ.

1) Что земцы дѣлаютъ или обѣщаютъ дѣлать въ смыслѣ борьбы съ правительствомъ? Если не считать сотрудничества въ „Освобожденіи“, поддержку его денежными средствами, вѣроятно, еще какими либо услугами, фрондерства во время товарищескихъ обѣдовъ, какихъ нибудь рѣчей на земскихъ собраніяхъ съ намеками, непонятными самимъ авторамъ, — если не считать этого, то нѣтъ фактовъ, которые могли бы быть отмѣчены, какъ борьба съ правительствомъ*). Въ будущемъ сулится дѣятельность по равнодѣйствующей между скромными желаніями и пылкими опасеніями за земскую шкурку.

2) Чего земцы добиваются? Устройства народнаго представительства — это первый шагъ ихъ платформы. Что это должно быть представительствомъ буржуазіи — это ясно изъ всѣхъ приведенныхъ нами цитатъ. Желательно имъ взять въ свои руки и устройство новаго политическаго быта Россіи, и проведеніе тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя нужны *съ ихъ* точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ трудоваго населенія.

Претензіи у земцевъ не малыя — какъ будто немного не по росту ихъ собственной борьбѣ! Но, очевидно, они считаютъ свою позицію выгодной, считаютъ закономъ достаточнаго основанія для своихъ претензій просто угрожающія ссылки на растущій народный мятежъ. Но, господа, хорошо ли вы знаете, *что такое* этотъ мятежъ?

*) Сельскохозяйственныя совѣщанія, взятыя въ цѣломъ, не представляютъ собой никакого исключенія въ революціонномъ смыслѣ.

На крестьянскія волненія вы смотрите, какъ на отчаянный порывъ затравленныхъ и въ конецъ раздраженныхъ рабовъ. Хорошо, но эти рабы — они развѣ успокоятся при провозглашеніи „правопорядка“? Они, по вашему, принадлежатъ къ тѣмъ сферамъ, удовлетворить которыя имѣется въ виду самымъ фактомъ устройства органа народнаго представительства? Неужели вы думете, что „недоразумѣніе между правительствомъ и народомъ“, выразившееся въ аграрныхъ безпорядкахъ, сейчасъ же превратится въ гармонію отношеній между мужикомъ и помѣщикомъ, какъ только провозгласится „правопорядокъ“? Не полагаете ли вы, что ликвидировать это „недоразумѣніе“ возможно и нужно будетъ при — о, ужасъ! — нарушеніи „элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права“? Входитъ ли въ ваше „положительное государственное творчество“ секуляризація всѣхъ частновладѣльческихъ земель, заложенныхъ въ государственныхъ ипотечныхъ учрежденіяхъ, всѣхъ удѣльныхъ, церковныхъ, монастырскихъ земель для образованія вмѣстѣ съ государственными фонда для раздачи въ долгосрочную аренду крестьянству? Въ вашихъ ли видахъ взысканіе всѣхъ недоимокъ и платежей, накопившихся за дворянскимъ землевладѣніемъ государству и земству? Въ вашихъ ли видахъ уничтоженіе всѣхъ льготъ дворянскому землевладѣнію и уничтоженіе всякихъ субсидій ему? Въ вашихъ ли интересахъ уничтоженіе *всякихъ* сервитутовъ, пропинацій, всего того, что ставитъ въ зависимость отъ землевладѣльца земледѣльческое существованіе? Въ вашихъ ли интересахъ регулированіе арендныхъ цѣнъ спеціальными законами? Въ вашихъ ли видахъ постановка широкаго государственнаго кредита крестьянскимъ семьямъ, арендующимъ землю изъ государственнаго фонда или ту, которую нельзя будетъ отчудить у помѣщиковъ и кулаковъ?

Это все диктуется эгоистическими интересами мужика. Все это очень далеко отъ нашихъ соціалистическихъ „доктринъ“ и „утопій“, которыя срываютъ съ основанія капиталистическій строй; здѣсь нѣтъ подрыва основъ капитализма, это всего на всего программа-минимумъ. Ясна она или не ясна мужику, но онъ рвется за землю, и грудью и кровью будетъ стоять за такую программу, а мы съ своей стороны считаемъ своимъ долгомъ нести въ деревню ее, т. е. то самое, что вы назовете не иначе, какъ „непониманіемъ элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права“. По швамъ затрещатъ ваши элементарнѣйшія основы — въ этомъ мы увѣрены такъ же, какъ въ томъ, что кресть-

янскія волненія прокатятся по всей Россіи и поставятъ подъ оружіе всю крестьянскую трудовую массу!...

Мы, конечно, понимаемъ, что по отношенію къ крестьянамъ въ виду крайняго раззоренія страны, въ виду азіатскаго, кабальнаго характера нашихъ экономическихъ условій, буржуазія пойдетъ на кое-какія экстра-ординарныя уступки, тѣмъ болѣе, что и теперь довольно рѣзко уже сказываются коллизіи между промышленной и аграрной буржуазіей. Но для насъ тоже внѣ всякихъ сомнѣній, что мѣра уступокъ будетъ чрезвычайно скупой — она будетъ слишкомъ далека отъ программы-минимумъ нашей партіи, отъ неотложныхъ потребностей крестьянства.

А рабочіе? Вы имъ тоже предлагаете „неисчерпаемый матеріалъ“ будущихъ реформъ? Не думаете ли вы, что вамъ могутъ сказать: то ли дождикъ, то ли снѣгъ, то ли будетъ, то ли нѣтъ? Не полагаете ли вы, что рабочему нужно дѣйствительное, а не па вашемъ словѣ основанное представительство его интересовъ? Не кажется ли вамъ, что рабочій сейчасъ же потребуетъ вмѣстѣ съ конституціей восьмичасового рабочаго дня и свободы стачекъ, о чемъ вы характерно умалчиваете въ вашемъ заявленіи? Да и помимо этихъ требованій, не полагаете ли вы, что у рабочаго найдутся и другія, которыя ему надо осуществить сейчасъ же, а не тогда, когда будетъ черпаться неисчерпаемый матеріалъ?

И если, такимъ образомъ, для волнующихся трудовыхъ слоевъ населенія страны нѣтъ раздѣленія между вашими первымъ, вторымъ и третьимъ шагами — какой отсюда слѣдуетъ выводъ? То есть, если для нихъ устройство представительныхъ учрежденій неразрывно связано съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и рядомъ соціальныхъ реформъ? Что въ этомъ случаѣ вы скажете рабочимъ и крестьянамъ: „не догнать тебѣ бѣшеной тройки“? Вашей то тройки?! Экая птица-тройка! При вашемъ безсиліи цѣнны ли народу ваши раздѣленія на три шага!... Послушайте ка, господа земцы, г. Струве — онъ и по Марксу, и по Лассалю изучалъ пролетаріатъ, и съ буржуазной философіей и „критикой“ визитировалъ въ рабочій вопросъ, и убѣждалъ рабочихъ (хоть, и увы, безуспѣшно) подавать прошенія на высочайшее имя о помилованіи — онъ какъ ни какъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ рабочій порохъ, и можетъ дать очень недурное предостереженіе буржуазіи. Какъ мы *отъ васъ* предостерегаемъ рабочихъ, такъ и онъ *васъ* предостерегаетъ *отъ рабочихъ* Послушайте же его, а мы съ величайшимъ удовлетвореніемъ для себя выпишемъ строки г-на Струве о рабочихъ изъ „Освобожденія“:

„Хожденіе въ народъ 70-хъ годовъ, этотъ великій, незабываемый идеалистическій порывъ русской молодежи, отплачивавшей свой долгъ народу, не удалось революціонерамъ того времени. Рабочее движеніе современности являетъ намъ совершенно иную картину. Что бы мы ни думали объ его послѣднихъ упованіяхъ, какъ бы мы ни считали отдаленными его конечныя цѣли, какъ бы низко мы ни оцѣнивали уже достигнутые имъ успѣхи, — соціалистическое движеніе, *свидѣтелями и современниками котораго суждено быть намъ,* (почему, г. Струве, вы не добавляете: и фальсифицировать науку для котораго должны мы?) несомнѣнно разрѣшило свою задачу: въ промышленномъ рабочемъ оно нашло народъ. Голоса радикальной интеллигенціи 70-хъ гг. пропали, на нихъ не оказалось народнаго отклика. Современной соціальдемократіи въ этомъ отношеніи посчастливилось: *придя во время, она нашла откликъ въ массѣ, и этотъ откликъ будетъ становиться все громче и сознательнѣе.* Какъ правительство не смогло запугать интеллигенцію, такъ еще менѣе сможетъ оно запугать цѣлый классъ народа, проснувшійся къ сознанію. Безнадежны также попытки подкупить эту историческую силу и своротить ее съ естественнаго пути самосознательной и самодѣятельной защиты своихъ интересовъ. (Г. Струве! Перечитайте это мѣсто и для собственнаго назиданія. Л. Н.) *Никакими, ни пустыми, ни серьезными уступками нельзя отклонить рабочій классъ отъ того, чтобы онъ съ растущей энергіей думалъ, говорилъ и поступалъ по своему, а не по указкѣ правительства* (и не тройки буржуазныхъ интересовъ — прибавьте, г-нъ Струве!). Огромное значеніе рабочаго движенія для политическихъ судебъ нашей страны заключается въ томъ, что въ столѣтній политическій споръ русской интеллигенціи съ правительствомъ, въ лицѣ рабочаго класса, наконецъ, активно и сознательно вступается народъ. Онъ проснулся къ свободѣ, *онъ требуетъ ея, и онъ возьметъ ее.*“ (Всѣ курсивы наши).

Слышите: *онъ возьметъ ее!* Возьметъ ее и у правительства, какъ оно есть теперь, и у правительства, обросшаго вашимъ представительствомъ и утучненнаго вашими услугами — это все равно. Если вамъ слово „возьметъ“ непонятно (Берне говорилъ, что воловью шкуру не прошибешь вишневыми косточками), то есть другое болѣе ясное слово: *вырветъ*—изъ чьихъ угодно

рукъ и раздавить своихъ враговъ. Вы—видите, онъ борется, въ борьбѣ растетъ и закаляется его сила, а силой онъ куетъ себѣ право. Зачѣмъ ему ваши декларацiи правъ, когда ему нужна не декларацiя, а реализацiя? Что ему ваше честное слово, ручающееся за демократизмъ, когда онъ ищетъ формъ и гарантiй этого демократизма? Что ему неисчерпаемый матерiалъ, когда онъ хочетъ сейчасъ исчерпать все, что дозволитъ ему его сила? Откуда у васъ взялось столько безстыдства и непроходимой наглости, чтобы великодушничать какими то амнистiями? Вносите проектъ въ будущее народное собранiе объ амнистiи уголовнымъ преступникамъ изъ какой нибудь новой лукояновской эпопеи, молите о пощадѣ и прощенiи помѣщиковъ, составляющихъ списки крестьянамъ, которыхъ надо высѣчь или сослать, молите о помилованiи тѣхъ либераловъ изъ общества, которые устами творятъ либеральный стихъ и радикальную молитву и въ то же самое время состоятъ на какой нибудь двусмысленной службѣ у правительства, считая это вопросомъ „мѣстнаго удобства“ и „законнаго компромисса“! Для нихъ просите амнистiи у народа, и народъ - побѣдитель, народъ - революцiонеръ вамъ дастъ ее! Тамъ, гдѣ народъ — революцiонеръ, и совершается революцiя, тамъ не можетъ быть никакихъ амнистiй за прошлое, ибо это прошлое сметается такъ, что отъ него синь - пороха не остается!

А теперь народъ — революцiонеръ! Онъ не реформаторъ. Его дѣятельность опредѣляется не синтезомъ запаховъ придворныхъ прихожихъ и крохотныхъ дерзновенiй мелкихъ душенокъ; онъ никогда не зналъ и никогда не умѣлъ нашивать латки на лакейскую ливрею изъ стараго плаща Чайльдъ-Гарольда, тоскующаго о свободѣ. Онъ рабъ или властелинъ, онъ или подъяремный волъ, или борецъ, или тянетъ заунывныя пѣсни о неволѣ, или могучимъ голосомъ и всею грудью поетъ гимнъ свободѣ. Теперь онъ не рабъ — онъ революцiонеръ. И вы смѣете шляться по прихожимъ писать контракты на его волю, на его душу? Только что онъ проснулся, первый кличъ его борьбы весенними раскатами пронесся по Россiи, пролились потоки крови гражданъ, идущихъ на смерть за свободу — и вы сейчасъ же встрепенулись и по всему вашему лагерю заорали: сарынь на кичку! писать контракты на народъ! Всякiй червякъ гомозится у труповъ убитыхъ бойцовъ, извлекая для себя пользу изъ пролитой крови! Стремится этой чужою кровью написать запродажную запись правительству! Кровь для записи, чернила для хартiи. *Вы* будете, господа, писать хартiи? Напишутъ ихъ и безъ васъ, и —

Тамъ на хартіи написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ!

Нужно ли вамъ говорить какіе? Сами знаете. Знайте же такъ же твердо и прочно, что народъ-революціонеръ не выбралъ васъ ни въ какіе маклера, и самъ напишетъ свою программу и воплотитъ ее въ жизнь!...

Поэтому, если вамъ угодно лѣзть на торги съ правительствомъ, то не смѣшите вы вашими римскими легендами самыхъ тупоголовыхъ околоточныхъ надзирателей, сбросьте съ себя пышную тогу patres patriae, одѣньтесь въ посконный костюмъ и тяните заунывнымъ голосомъ:

Слѣ - пень - ко - му се - ми - точ - ку!...

Но, господа либералы, неужели вы такъ таки и не въ состояніи примѣтить, что никакой семиточки вамъ не подадутъ,— это разъ, а во вторыхъ, что, если она нужна *вамъ*, то *народу* нужно совсѣмъ другое — не реформа, а революція? И долго ли вы будете сомнѣваться, что эта революція и неизбѣжна, и стоитъ уже совсѣмъ въ преддверіи русской жизни? Мы надѣемся, что ростъ чудовищной правительственной реакціи, отстаивающей „право" престола на существованіе, и грандіозный потокъ народныхъ волненій, съ неудержимой силой катящихся на дворецъ, уже заливающихъ его ступени, уже бьющихся объ его окна, уже брызгающихъ на корону и порфиру, — мы надѣемся, что эти факты пробудятъ въ васъ дѣйствительный политическій тактъ, дѣйствительно трезвое и здоровое пониманіе вещей такими, каковы онѣ есть. И въ этой надеждѣ мы обращаемся къ вамъ съ безсмертными словами Ледрю-Роллена:

„Итакъ, если могучая сила событій внезапно открыла имъ глаза, — пусть вступаютъ они въ наши ряды, но пусть и не думаютъ о томъ, чтобы повелѣвать нами, или управлять нашимъ движеніемъ, — пусть они идутъ подъ народнымъ знаменемъ, но пусть они не покушаются нести его. При малѣйшемъ потрясеніи они смутятся и, вопреки своему желанію), возвратятся къ воспоминаніямъ всей своей прошлой жизни, и ослабятъ народное представительство нерѣшительностью и компромиссами".*

* *
*

Само собою разумѣется, адрессуя къ либераламъ слова Ледрю-Роллена „пусть они вступаютъ въ наши ряды", мы меньше все-

*) Тутъ надо добавить, что не только „вопреки".

го имѣемъ въ виду *буквальное* толкованіе этихъ словъ. Подъ фактомъ вступленія мы понимаемъ болѣе радикальный характеръ и мнѣній, и дѣйствій оппозиціонной среды. Реформа неизбѣжна — пишетъ г. Профессоръ въ 10 № „Освобожденія“ —; „*если* (курсивъ нашъ) ее не произведутъ сверху, она пойдетъ снизу“; и дальше г. профессоръ выражаетъ увѣренность, что у правящей бюрократіи *есть еще возможность* (курсивъ нашъ) произвести ее сверху“; такой же увѣренностью проникнуто и большинство и руководящихъ, и корреспондентскихъ статей въ „Освобожденіи“. Первый шагъ „вступленія въ наши ряды“ долженъ состоять въ рѣшительномъ отрицаніи реформъ сверху, въ усвоеніи твердаго убѣжденія, что для нихъ уже миновала всякая пора. „Хорошо ли служитъ г-нъ Плеве своему Государю“, какъ съ укоризной замѣчаетъ г. Струве (№ 13 „Осв.“), или плохо, разыгрывается ли конфликтъ между гг. Витте и Плеве, или все обстоитъ благополучно въ министерствахъ, это въ настоящее время должно представлять слишкомъ незначительный интересъ для русскаго либерализма. Земскій гласный г. Т., помѣстившій въ № 7 „Освоб.“ блестящую статью подъ заглавіемъ „Мирная оппозиція или революціонная борьба?“ и давшій отвѣтъ въ послѣднемъ смыслѣ, — очень ясно формулировалъ положеніе вещей: „конституціи не выпрашиваютъ, а берутъ“. „Необходимо покончить съ робкими полумѣрами легальной оппозиціи“ — справедливо замѣчаетъ онъ.

Совершенно напрасно г. Гласный, выступившій „голосомъ изъ земства“ (№ 12) склоненъ объяснять взгляды г-на Т. „впечатлительнымъ темпераментомъ“. Тутъ дѣло не въ пылкости, не въ „нервности“, особенно взвинтившейся послѣ избіенія на площадяхъ, а въ здравомъ пониманіи вещей, въ презрѣніи къ фразѣ. Г. Гласный можетъ написать, что „для полнаго курса моего (т. е. его) политическаго воспитанія вполнѣ достаточно прочно сложившагося убѣжденія въ совершенной несовмѣстимости самодержавнаго строя съ современными потребностями русскаго общества“, и внѣдривши въ себя такое убѣжденіе, онъ будетъ стоять предъ „отдѣльными проявленіями деспотизма“ самое большее съ елейными восклицаніями „Ахъ, Васька плутъ, ахъ Васька воръ!“ и съ легкой фрондой — и это ему будетъ казаться „долгой и упорной борьбой“, исполненіемъ какой то „ганнибаловой клятвы“... Г. Мужикъ (№ 9 „Освоб.“) по поводу того, *что* приходится подъ давленіемъ условій продѣлывать легальной печати, будетъ писать: „это такой развратъ, такое растлѣніе, такая проституція мысли и нравственнаго начала, что за человѣка страшно дѣлается! Мы

оправдываемъ себя тѣмъ, что «лучше сдѣлать мало, чѣмъ ничего», но это ложь (слышите, господа: ложь! Л. Н.): если мы и дѣлаемъ «малое», то оно все, безъ остатка, уничтожается нами же, тонетъ въ той массѣ лжи, гадости, подлости, которой мы являемся участниками и пособниками"... Великолѣпныя строки, золотыя слова! И все же это участничество и пособничество во имя „малаго" доходя вплоть до подхалимства, до „современной идиліи" съ Кшешецюльскими, съ дѣловымъ видомъ пробирается по жизни, и разные гг. Струве все очищаютъ отсюда добрые элементы... И очищаютъ съ такимъ гордымъ и величественнымъ видомъ — точно и въ самомъ дѣлѣ творятъ какую органическую культурную работу! Г-дамъ Струве „претятъ (скажите пожалуйста! Л.Н.) оппортюнистическія сдѣлки, въ которыхъ на алтарь успѣха приносятся въ жертву не подлежащія спору и умаленію принципы и требованія нравственно-политическаго сознанія"(сколько смѣлости надо, чтобы пускать по вѣтру такія слова!), но

> „въ нравственно-политической чистотѣ ,аскетовъ - хранителей общественныхъ идеаловъ' (сокрушительная насмѣшка! Л. Н.), въ политическомъ «столпничествѣ» мы не находимъ моральнаго удовлетворенія, — и, ошибочно или нѣтъ, но мы ищемъ и находимъ такое удовлетвореніе въ искушеніяхъ, соблазнахъ и опасностяхъ тѣхъ путей, которые такъ часто съ презрѣніемъ обзываютъ «оппортюнистическими». Мы «міряне» и хотимъ оказаться въ исторіи не праведниками, а правыми, мы желаемъ быть не только борцами, но и побѣдителями (№ 15 „Освоб.")".

Великолѣпно, господа, — и каждый, не занятый работой дапанидъ, того же желаетъ. Но позвольте вамъ напомнить ядовитый сарказмъ Паскаля: leur regle n'est pas de parler juste, mais de faire de figures justes — въ ихъ обычаѣ не говорить справедливое слово, но строить вѣрныя фигуры рѣчи! Это въ вашемъ обычаѣ. Какая цѣна красивымъ и громкимъ словамъ при дѣяніяхъ, результаты которыхъ такъ мѣтко очертилъ г. Мужикъ? Вотъ именно для того, чтобы не остаться „столпниками", чтобы проявить себя не на словахъ, а на дѣлѣ „мірянами" — для этого нужно выступить радикалами, послѣдовать дѣйствительно „политически-мудрымъ совѣтамъ" г. Т. Это неизбѣжно при современномъ положеніи вещей, дышащемъ и живущемъ революціей, носящемъ въ себѣ неизбѣжную погибель монархіи.

Г. Т. говоритъ, что „самый выборъ средс въ борьбы, всѣ частности боевой программы должны быть установлены въ кругахъ

лицъ, которымъ предстоитъ дѣйствовать. Поэтому я на нихъ не останавливаюсь". Мы, конечно, имѣемъ еще меньше и нужды, и возможности останавливаться на подобнаго рода вопросѣ. Соціальдемократія — партія пролетаріата; въ борьбѣ послѣдняго нѣтъ ни широкихъ плановъ, ни микроскопическихъ мелочей, которыя намъ не приходилось бы разсматривать въ самой детальной конкретности. Что касается всякаго рода оппозиціонныхъ слоевъ наше дѣло — помощь ихъ общему революціонизированію, но эта помощь никогда не можетъ проявляться въ *нами* составленной конкретной программѣ *для нихъ*. Это было бы чистѣйшимъ оппортюнизмомъ: яснѣе яснаго, что буржуазіи — и въ демократической сферѣ, конечно—мы не можемъ предложить того, что предлагаемъ пролетаріату, не можемъ звать на то, на что зовемъ его; не можемъ, ибо тутъ и разные интересы, и разная психологія, и разная степень возбужденія силъ. Равнымъ образомъ мы не въ состояніи и подходить, все объективно взвѣсивши, къ maximum'у того тона, который въ состояніи взять либеральная буржуазія. У насъ тонъ только одинъ — и тонъ высокій, слово только одно — и слово большое. Что мы можемъ — это намѣчать общія директивы, разъяснять смыслъ борьбы, поддерживать—и тѣмъ усиливать и развивать — наиболѣе революціонныя формы протестовъ оппозиціи. А выработать ихъ — это ужъ дѣло ея, всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно хотятъ сыграть роль „міранъ" радикализма. Жизнь ихъ призываетъ на революціонные протесты — и будетъ хорошо, если г. Струве вложитъ дѣйствительный революціонный смыслъ въ свой призывъ:

„*Живъ человѣкъ, отзовись!*"

Наше отношеніе къ либераламъ должно обусловиться всецѣло ихъ способомъ дѣйствій. Какъ то въ газетахъ намъ попалось одно извѣстіе, которое мы невольно вспоминаемъ сейчасъ:

> „...Нѣсколько рыбаковъ на Рейскарискомъ плесѣ, около Брагестада, видѣли, какъ большой морской орелъ стремглавъ спустился съ высотъ на ближайшую мель. Спустившись, орелъ, видимо, не могъ подняться, отчаянно началъ бить крыльями и поднялъ сильный шумъ. Рыбаки подумали было, что орелъ запустилъ когти въ большую, не по силамъ, рыбу, но подъѣхавъ ближе, увидѣли, что орелъ впился когтями въ спину тюленя, который послѣ продолжительной и жестокой борьбы увлекъ птицу въ воду".

Либеральный тюлень, положимъ, не увлечетъ насъ въ воду: „Искра“ и „Заря“, въ свое время такъ родительски опекавшія либераловъ, соблазнявшія ихъ корреспондентскими ролями, предлагавшія имъ, бѣднымъ и немощнымъ, не могущимъ даже напечатать листочковъ, щедрую революціонную подмогу, мило привѣтствовавшія предводителей дворянства, какъ завтрашнихъ союзниковъ, отечески-добродушно журившія ихъ за „Россію наканунѣ XX вѣка“, — „Искра“ и „Заря“ измѣнили свой тонъ съ выходомъ „Освобожденія“, очистили его отъ самой близкой „руководительской“ опеки надъ либералами... Какъ будто исчезла уже та нота, которая сбивалась чуть-чуть что не на панибратство, и осталось одно рѣзкое и отчетливое указаніе того, на что обязываетъ положеніе оппозиціи... Когда рѣчь шла о союзѣ съ буржуазной демократіей для изданія „Новаго Слова“, и когда рѣчь идетъ объ этомъ союзѣ въ связи съ широкой борьбой пролетаріата — положеніе вещей различное: нельзя даже и сравнивать потери отъ каждаго ложнаго шага въ томъ и другомъ случаѣ... „Искра“ и „Заря“ первое время говорили такъ, какъ будто рѣчь идетъ опять о „Новомъ Словѣ“, теперь, повторяемъ, какъ намъ кажется, съ выступленіемъ г. Струве онѣ (т. е. „Искра“, новаго № „Зари“ еще нѣтъ) начинаютъ брать вѣрный тонъ.

Но если либеральный тюлень и не увлечетъ насъ въ воду, то все же, очевидно для каждаго, что намъ нѣтъ никакого смысла трудиться надъ подыманіемъ его вверхъ: тюлень есть только тюлень, и не великъ его счетъ въ политической борьбѣ. Намъ нужно дождаться дѣйствительно радикальныхъ дѣйствій буржуазной среды — и имъ мы обязаны во имя нашихъ интересовъ прійти на помощь.

Судя по тому, что революція лежитъ въ промышленныхъ интересахъ страны, мы имѣемъ основанія ожидать, что обширный слой мелкой буржуазіи и въ жизни, и въ литературѣ выдвинетъ радикальный оппозиціонный элементъ. Если онъ такъ туго выдвигается, то это въ силу общей малокультурности буржуазіи и трудности выступить организованно въ жизни, гдѣ всегда былъ слишкомъ слабъ общественный почииъ организаціи и чрезвычайно сильна казенщина всѣхъ отношеній. Радикализмъ мелкой буржуазіи уже являетъ себя въ соприкосновеніи съ „посторонними элементами“ — нота его звучитъ и въ органѣ г. Струве, и еще больше и типичнѣе онъ слышится въ „Революціонной Россіи“, въ лагерѣ соціалистовъ-революціонеровъ, гдѣ отъ соціализма остались главнымъ образомъ гимны и хоралы — то, что

меньше всего страшно буржуазіи. То подернутый земщиной, то мишурно украшенный соціалистической фразой, онъ уже равняетъ себѣ дорогу въ жизнь, и еще нѣсколько взмывовъ народной волны, еще нѣсколько потоковъ безумныхъ репрессалій— и, думается намъ, мелкая буржуазія выступитъ съ радикализмомъ, за свой собственный пай формулирующимъ и словомъ, и борьбой свои собственныя стремленія...

Выступитъ она и какъ нашъ союзникъ въ натискѣ на престолъ самодержавія, выступитъ и какъ нашъ врагъ по ряду пунктовъ, уже указанныхъ и предусмотрѣнныхъ г-номъ Струве, и, вѣроятно, при этомъ безъ всякаго покрова изъ „духа времени" и „земскихъ традицій", а съ прямымъ словомъ: сюда тащить, до сего не допущать! Чтожъ, въ качествѣ друзей въ томъ или иномъ отношеніи — милости просимъ; въ качествѣ враговъ — мы будемъ помнить и уже цитированныя нами слова Ледрю-Роллена, и его другія слова изъ того же самаго знаменитаго циркуляра: „лучше имѣть дѣло съ явными противниками, чѣмъ съ сомнительными друзьями"...

Совершитъ ли г. Струве новую эволюцію, отъ умѣренности и аккуратности къ алымъ цвѣтамъ, — покажетъ будущее, но это во всякомъ случаѣ не представляетъ большого интереса : „Освобожденіе", какъ оно есть, не можетъ имѣть серьезнаго общественнаго значенія, а будущее „Освобожденіе", если оно не завербуетъ къ себѣ этого г-на Струве, то для него, конечно, найдется другой; о другомъ тогда придется и рѣчь вести.

Какъ бы тамъ ни было, въ какой бы формѣ и откуда бы не исходило враждебное отношеніе къ нашимъ „классовымъ и эгоистическимъ интересамъ" — мѣры мы уже должны принимать и теперь. Наша литература, наши занятія въ кружкахъ, пропаганда и агитація должны неустанно разъяснять рабочему классу противоположность его классовыхъ интересовъ интересамъ буржуазіи и сообразно съ этимъ крайне существенную разницу въ демократическихъ взглядахъ, въ предѣлахъ и сущности политической борьбы со стороны пролетаріата и радикальнѣйшихъ элементовъ имущихъ классовъ, не говоря ужъ объ умѣренныхъ. Нашей неотступной задачей должно быть выясненіе рабочимъ всей шири политическихъ задачъ, всѣхъ тѣхъ опасностей, какія на пути ихъ борьбы готовятъ имъ „міряне", желающіе оказаться „правыми" и „побѣдителями", имѣющіе претензію списать въ свой балансъ всѣ результаты „многообразнаго... освободительнаго движенія". Мы долж-

ны и словомъ, и дѣломъ доказать, что во главѣ всякаго движенія становится соціальдемократія.

Не трудно доказать литературнымъ путемъ, что только при ея руководствѣ, при ея рѣшающей мощи пролетаріатъ пожнетъ плоды побѣды. Это уже, можно сказать, даже и не теорема, а аксіома для всякаго понимающаго взаимоотношеніе классовъ съ одной стороны и значеніе сознательности и организованности съ другой. Но утвердить эту аксіому въ литературѣ и утвердить ее въ жизни — къ сожалѣнію, двѣ вещи разныя. Какъ еще далеко мы стоимъ отъ правильнаго и неразрывнаго взаимоотношенія соціальдемократіи и рабочаго класса! Какъ часто наше „руководительство“ является пустымъ звукомъ, насъ возвышающимъ обманомъ. Какъ часто связь его съ массами лежитъ въ одномъ только здоровомъ инстинктѣ послѣднихъ, и больше ни въ чемъ! Надо, чтобы соціальдемократія стала крупной силой жизни путемъ крѣпкой и могучей, всесторонней связи съ рабочимъ классомъ, чтобы онъ придалъ вѣсъ каждому ея требованію, а она внесла въ среду пролетаріата ясное сознаніе этихъ требованій, глубокія убѣжденія, дисциплину и организованность. Это трудно — на этомъ пути сдѣлано еще мало, необходима работа въ десятки, сотни разъ большая. Но мы сможемъ ее выполнить, — прибываютъ все большія и большія волны сознательныхъ рабочихъ, середняки пролетаріата выдвигаютъ изъ себя крупныя агитаторскія, пропагандистскія и организаторскія силы — больше работы въ самой сердцевинѣ рабочаго класса, большій трудъ надъ расширеніемъ нашихъ организацій привлеченіемъ въ нихъ слоя середняковъ, большее вниманіе къ самодѣятельности рабочихъ и развитію въ нихъ инициативы — и у насъ въ скоромъ же времени будетъ могучая Соціальдемократическая Рабочая Партія. Она станетъ во главѣ революціи, станетъ какъ громадная реальная сила, поднимающая за собою весь рабочій классъ, полный сознанія, вѣрно оцѣнивающій каждое трепетаніе дѣйствительности, всякій шагъ враговъ, всѣ метанія жребія объ иматисмѣ пролетаріата, всю посредническую роль различнаго рода земцевъ между народомъ и правительствомъ, — и побѣда будетъ за нами, революція будетъ наша, намъ достанутся не амнистіи и иллюзіи, а права и свобода!

Л. Надеждинъ.

РУССКОЕ ПРОСТОФИЛЬСТВО И ЕВРОПЕЙСКОЕ МЕНТОРСТВО.*

Давно ли авторитетные представители либеральной земской среды взывали со страницъ „Освоб." къ единству всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ? Именно всѣхъ — отъ самыхъ крайнихъ радикаловъ, какихъ только способна рождать земская почва, до умѣренныхъ, почти вплотную соприкасающихся съ Еремушкиной нянькой, съ одной стороны, и съ будирующимъ г. Шараповымъ, съ другой. Пусть по мнѣнію однихъ общественная самодѣятельность совмѣстима съ абсолютной монархіей, разъ только эта монархія пойметъ свое идеальное назначеніе; пусть по мнѣнію другихъ для этого необходима конституціонная перестройка правительственнаго механизма; пусть одни полагаютъ нужнымъ самые рѣзкіе и недвусмысленные протесты, а другіе возводятъ въ систему путь самыхъ покладистыхъ компромиссовъ — все это не должно препятствовать объединенію силъ, участію ихъ въ одномъ общемъ оркестрѣ... Дорога каждая степень возмущенія, всякая искра протеста, все, что хочетъ одной нагайкой меньше, одной школой больше... Никакихъ раздоровъ, никакихъ расколовъ!..

Такія рѣчи до самаго послѣдняго времени раздавались со стороны авторитетныхъ представителей либеральной земской среды. И онѣ были совершенно естественными и понятными. Зачѣмъ ссориться между собою разнымъ либеральнымъ элементамъ? Ссоры происходятъ тамъ, гдѣ кипитъ живая борьба, гдѣ страсти разгораются вокругъ энергичныхъ дѣйствій. А положа руку на сердце, искренній земецъ не сможетъ обрисовать свою среду въ такомъ свѣтѣ. Это разъ. Во вторыхъ, ссорамъ есть мѣсто тамъ, гдѣ разнящіеся между собою люди или теченія твердо и непоколебимо выставляютъ что нибудь опредѣленное, неизмѣняемое ни съ той, ни съ другой стороны. Земцы же съ самаго начала отвели въ своей программѣ почетный уголъ компромиссу, а этимъ устанавливается подвижная, промежуточная почва между либе-

* Статьи 17 № „Освобожденія" представляютъ настолько исключительный интересъ, что мы считаемъ необходимымъ дать этотъ post-scriptum къ нашему очерку о либералахъ и г. Струве.

ральными крайностями, есть возможность однимъ двинуться впередъ, другимъ податься назадъ, и такимъ образомъ найдутся точки схожденія... И поэтому — никакихъ раздоровъ, никакихъ расколовъ!

Но вотъ въ 17 № „Освоб.“ „лицо, принимавшее выдающееся участіе въ выработкѣ заявленія ‚Отъ русскихъ конституціоналистовъ‘“ выступаетъ съ совсѣмъ иными мнѣніями.

> „За нѣсколько мѣсяцевъ, протекшихъ со времени выхода въ свѣтъ перваго № „Освоб.“ — говоритъ г. конституціоналистъ — земская среда, конечно, не измѣнилась; но *направленіе среды подъ вліяніемъ текущей борьбы и событій, отчасти усложнилось, отчасти опредѣлилось точнѣе, отчасти дифференцировалось.* Оказалось на практикѣ, что „Освоб.“ обслуживаетъ слишкомъ обширный кругъ лицъ и общественныхъ слоевъ, чтобы точно выражать мнѣнія и настроенія каждаго. *На самыхъ страницахъ журнала появилось немало разногласящихъ между собой и противорѣчивыхъ оттѣнковъ политическихъ воззрѣній.* Постороннему читателю, можетъ быть, не всегда было легко разобраться, гдѣ тутъ *главное русло* и гдѣ *побочныя параллельныя теченія.*“ *

Съ прежней точки зрѣнія, казалось бы, что за бѣда во всемъ этомъ: то-то и хорошо, что „Освоб.“ „обслуживаетъ слишкомъ обширный кругъ лицъ и общественныхъ слоевъ“! Значитъ, это не ‚сектантскій‘ органъ, все находитъ въ немъ свое выраженіе, всякому онъ можетъ доставить отраду и подходящія воззрѣнія... Богатый выборъ идей и компромиссовъ, grand bazare всевозможныхъ шапокъ для какихъ угодно Сенекъ! И пусть себѣ каждый разбирается въ томъ, какое ему надо русло или теченіе...

Нѣтъ, теперь оказывается, что этакъ нельзя. Нельзя, потому что теперь всталъ на очередь вопросъ о „либеральной организаціи“, и поэтому, надо „точнѣе и опредѣленнѣе намѣтить... главное русло“. Вотъ причина. По правдѣ сказать, она насъ удивляетъ не мало. Развѣ этого самаго вопроса не существовало въ день выхода 1 № „Освоб.“? Онъ былъ и тогда, и какъ разъ во имя разрѣшенія его рекомендовалось презрѣть всѣ различія, несогласія въ пониманіи вещей, предѣлы и степени протестовъ. Только при такомъ отношеніи къ дѣлу полагалось возможнымъ „всероссійское освободительное движеніе“... Что измѣнилось съ той поры? Г. конституціоналистъ отвѣчаетъ: „настроенія среды... отчасти усложнились, отчасти опредѣлились точнѣе, отчасти дифференцировались“. Прекрасно. Но это аргументъ лишь въ томъ случаѣ, если произошли дѣйствительно *коренныя* измѣне-

---

* И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ всюду, гдѣ не оговорено, курсивъ принадлежитъ намъ.

нія, которыхъ невозможно было даже предвидѣть, когда составлялся 1 № „Освоб“, и такъ краснорѣчиво говорилось объ единствѣ всѣхъ либеральныхъ элементовъ.

Въ самомъ ли дѣлѣ произошли такія измѣненія? Ограничимся пока констатированіемъ необходимости ихъ для размежеваній въ либеральной средѣ и повѣримъ на слово г. конституціоналисту, что они есть.

Заявивъ, что надо „точнѣе и опредѣленнѣе намѣтить главное русло“, г. конституціоналистъ не боится возраженій въ томъ духѣ, что „именно въ подобную минуту, когда рѣчь идетъ объ объединеніи, менѣе всего удобно разбираться и размежевываться“, что лучше „оставить пока въ сторонѣ всякія разномыслія и разногласія, чтобы дружной сплоченной группой пробить первую брешь въ твердынѣ самодержавія“. На это г. конституціоналистъ отвѣчаетъ, что 1) „разногласія уже возникли и вышли наружу“ и 2) что „только увѣренность другъ въ другѣ можетъ породить ту сплоченность, которая необходима для согласованнаго дѣйствія. И чѣмъ моментъ для такого дѣйствія кажется ближе, тѣмъ важнѣе своевременно обсудить разногласія“.

Какія же это разногласія и въ чемъ? Г. конституціоналистъ прежде всего обращается къ тѣмъ полярно-противоположнымъ мнѣніямъ, которыя были высказаны въ органѣ либераловъ г. Гласнымъ Т. (№ 7) и г. Гласнымъ (№ 12). Заглавіе статьи г. Т. („Мирная оппозиція или революціонная борьба“?), не смотря на свою „неточность“, „недурно характеризуетъ тѣ полюсы, между которыми вращается политическое настроеніе земской среды“.

> „На одной сторонѣ мы встрѣчаемъ тѣ настроенія, которыя мѣтко охарактеризовалъ самъ г. Т. Часть земцевъ, по его наблюденіямъ, ожидаетъ, что политическое освобожденіе Россіи придетъ какъ то само собой, въ силу неизбѣжнаго историческаго закона. Другіе находятъ, что надо дѣйствовать, но не *противъ* правительства, а *на* правительство: дѣйствовать убѣжденіями, а не требованіями. Третьи хотятъ, чтобы земство не тратило своихъ силъ и не приносило жертвъ въ борьбѣ, а ждало ея результатовъ, готовилось къ роли посредника. На другомъ полюсѣ обнаруживается гораздо болѣе дѣйственное настроеніе, которое представляетъ самъ г. Т.“ (Курс. „Освоб.“)

Что касается г. Гласнаго, то онъ —

> „не одобряетъ этого настроенія и протестуетъ противъ чувства во имя логики. Это не мѣшаетъ ему однако же, при случаѣ, апеллировать къ ‚ненависти‘ и въ своихъ планахъ ‚мирной оппозиціи‘ *довольно близко* подходить къ тому спо-

собу дѣйствій, который, *пожалуй*, и г. Т. не отказался бы признать революціоннымъ въ *широкомъ* смыслѣ этого слова.“ (Оговорокъ то сколько! Л. Н.)

По резюмирующему замѣчанію г. конституціоналиста —

„Оба противника грѣшатъ *оптимизмомъ*, но прямо въ противоположномъ смыслѣ. Одинъ несомнѣнно преувеличиваетъ готовность земцевъ къ тѣмъ жертвамъ и къ той энергической борьбѣ, къ которой онъ ихъ призываетъ. Другой, напротивъ, слишкомъ ужъ склоненъ удовлетвориться тѣмъ запасомъ активности и той степенью организованности, которая имѣется въ наличности въ настоящее время. Первый требуетъ открытаго признанія солидарности земцевъ съ революціонерами. Второй, *въ жару спора* (только ли въ жару спора? Л. Н.), обмолвливается слѣдующей рискованной (?!) фразой: „что касается силы и красоты (безкорыстнаго интеллигентнаго подвига)... то, по моему мнѣнію, ихъ не меньше въ малозамѣтной, тяжелой и суровой работѣ земскаго труженика, согрѣтаго патріотической любовью къ своему дѣлу, чѣмъ въ яркой роли политическаго мученика.“

Мы нарочно цитировали цѣликомъ эти мѣста, чтобы ясно было видно, что г. конституціоналистъ началъ за здравіе, а кончилъ за упокой. Исходный пунктъ былъ полюсы, но рядъ оговорокъ и отбиванье острыхъ угловъ у обоихъ противниковъ показываетъ или силится показать, что есть и нивеллирующія начала, и точки схожденія, а коль скоро это есть — значитъ, полюсовъ нѣтъ. Къ чему же тогда была вся рѣчь?

Посмотримъ сами, существуютъ ли эти полюсы. Мы не можемъ сказать, что г. конституціоналистъ невѣрно изложилъ споръ между г. Т. и г. Гласнымъ, но взглянулъ онъ на пего не съ точки зрѣнія его основной сущности. Вотъ каковы заключительныя слова г. конституціоналиста (приведемъ и ихъ цѣликомъ):

„*Будемъ надѣяться,* „что ненависть къ тому политическому строю, который могильной плитой придавилъ живыя силы пробуждающагося народа‘ докончитъ политическое воспитаніе ‚земскихъ тружениковъ‘ и *уравняетъ настроеніе въ земской средѣ.* Надо думать, тогда станутъ невозможными и реплики *диллетантовъ политической борьбы* по адрессу кандидатовъ въ ея мученики. Можетъ быть, тогда и такіе эпизоды, какъ воронежскія ссылки, станутъ вызывать не чувство страха, а чувство стыда и будутъ сопровождаться протестами, къ которымъ теперь тщетно взываетъ редакторъ ‚Освоб.‘... *Все это можетъ быть*, но, къ сожалѣнію, этого еще нѣтъ теперь, не смотря на увѣренность г. Гласнаго въ своей теоретической и логической правотѣ. Къ

> счастью и г. Гласный *не утверждаетъ, что этого не нужно*: онъ взываетъ къ ‚ненависти‘ и, очевидно, чувствуетъ ея недостатокъ.“

Г. Т. ставитъ ребромъ вотъ какой вопросъ: надо энергично взяться за разработку средствъ, которыя бы сдѣлали земскую борьбу революціонной. Полноте! — отвѣчаетъ г. Гласный — да въ каждомъ возѣ щебенки для шоссе, въ каждой балкѣ для больницы, въ каждомъ букварѣ для школы тьма-тьмущая самаго доподлиннаго революціонизма! И г. Гласный говоритъ это съ такимъ торжествующимъ, побѣдоноснымъ видомъ, что г. конституціоналисту приходится покраснѣть, и онъ не безъ смущенія бормочетъ: „Будемъ надѣяться“... Не беремся судить, хорошее ли это извиненіе за г. Гласнаго, сконфузившаго и нашего автора, но фактъ тотъ, что это вовсе не отвѣтъ на вопросъ, поднятый г. Т. Куда дѣлся этотъ вопросъ? Мы его не встрѣтимъ и въ дальнѣйшемъ, онъ совершенно исчезъ, онъ обойденъ. Мы найдемъ, *что* нужно земцамъ въ политической сферѣ, и какъ на основаніи этого нужнаго приходится размежовываться, но средства борьбы, приданіе имъ революціоннаго характера — этотъ вопросъ, возбужденный г. Т., совершенно отсутствуетъ.

И понять даже трудно, почему собственно г. конституціоналистъ началъ съ тѣхъ контрастовъ, которые представляютъ статьи г. Т. и г. Гласнаго. Должно быть, потому, что г. Т., между прочимъ, очень ярко очертилъ настроенія въ земской средѣ, а г. Гласный не менѣе ярко явилъ собою малотребовательность земскаго степного бирюка. Единственно ради этого, а не ради глубокаго различія въ пониманіи средствъ борьбы. Мы должны замѣтить это, т. е. то обстоятельство, что все вниманіе г. конституціоналиста обращено на то, что нужно земцамъ, и меньше всего на то, какъ добыть это нужное.

Рѣчь г. конституціоналиста о земскихъ полюсахъ почти не стоитъ ни въ какой связи съ дальнѣйшимъ. Закончивъ ее, онъ говоритъ: „какъ бы то ни было, теперь приходится, очевидно, считаться съ пестротой взглядовъ и настроеній въ земской средѣ, когда заходитъ рѣчь объ организаціи. Прежде, чѣмъ организоваться, надо знать или рѣшить, кто съ кѣмъ и куда пойдетъ вмѣстѣ“: по гладкой бархатной дорожкѣ, уготованной самимъ правительствомъ, по широкому шоссе, утрамбованному революціонной щебенкой, или по тернистой и кочковатой дорогѣ борьбы — не въ этомъ вопросъ...

Все дѣло теперь вотъ въ чемъ. Есть „неисправимые славянофилы“ и „идеалисты самодержавія“ — разные Стаховичи и Шиповы. Они „не идутъ въ своихъ политическихъ стремленіяхъ дальше наивнаго желанія ‚доводить до царя всю правду‘“...

> „... Допустимъ, что ихъ *на самомъ дѣлѣ позовутъ* — и не разъ или два, какъ обѣщаетъ имъ г. Плеве, а «*по вся*

дни», какъ требовалъ русскій политическій памфлетъ „XVI вѣка“ — *«говорить всю правду царю»*. Неужели же кто нибудь серьезно можетъ думать, что политическій вопросъ будетъ этимъ рѣшенъ. И неужели сами *искренніе* (курс. автора) доктринеры славянофильства, если такіе существуютъ, и если они дѣйствительно стремятся не къ власти, а къ праву совѣта, — неужели они могутъ сомнѣваться въ томъ, что, въ лучшемъ случаѣ, имъ предстоитъ сыграть роль *нѣкотораго политическаго украшенія*, никому не нужнаго, тогда какъ *настоящей «твердой» власти на этой стадіи уступокъ г. Плеве изъ рукъ не выпустить*? И неужели вся земская Россія согласится хоть на минуту играть подобную роль *политическихъ шутовъ*, предназначенныхъ развлечь вниманіе публики въ подготовляемомъ г. Плеве политическомъ маскарадѣ?“

Однако! Г. конституціоналистъ не шутитъ, а гнѣвается въ серьозъ. Это тотъ самый г. конституціоналистъ, который такъ мягко отчитывалъ г-на земца за его „*рискованную* фразу“ и не нашелъ другого термина кромѣ „оптимизмъ въ противоположномъ смыслѣ“, когда характеризовалъ щебеночную революцію... А теперь вдругъ — „политическіе шуты“! Откуда такой громъ, откуда столько презрѣнія и негодованія? Но г. конституціоналистъ не останавливается на насмѣшкѣ и рѣзкомъ словѣ, ему надо большаго: не устыдить и подвинуть гг. Стаховичей и Шиповыхъ, а... изгнать ихъ вонъ изъ либеральной партіи, совершенно отмести ихъ отъ себя! Долой гг. Стаховичей и Шиповыхъ — либеральной организаціи нужны только убѣжденные конституціоналисты, а не паломники идеальнаго самодержавія. Долой вмѣстѣ съ ними и „двусмысленный славянофильскій терминъ ‚Земскій Соборъ‘“ — необходимы „лозунги, опредѣленные, не оставляющіе мѣста никакимъ сомнѣніямъ“: „политическая свобода и конституція“.

Гг. Стаховичей и Шиповыхъ заклеймили въ земской средѣ презрительными эпитетами и при этомъ такъ хорошо, что невольно хочется сказать: надо бы лучше, да невозможно. Но однако, присмотримся къ этимъ опальнымъ господамъ и къ господамъ благороднымъ, спускающимъ ихъ съ лѣстницы либеральнаго дома. Пресловутый „Миша Стаховичъ“ и балакиревски гаэрствуетъ, и аксаковски философствуетъ, и съ достоинствомъ обличаетъ, и безъ всякаго достоинства пресмыкается, но, богъ вѣсть, нужно ли ему еще что нибудь отъ его дѣйствій, ждетъ ли онъ самъ какихъ нибудь дѣйствительныхъ общественныхъ результатовъ отъ всѣхъ своихъ упражненій. Самъ онъ просто аматеръ-эквилибристъ, предпочитающій политическій спортъ конскому тотализатору. Онъ лично не имѣетъ никакой цѣнности, но какъ симптомъ, онъ представляетъ характерное общественное яв-

леніе: вопросы политической жизни создали такую жгучую атмосферу, что появились даже и „Миши" Стаховичи, появились не у Борелей и Кюба съ дифирамбами атурамъ опереточныхъ дивъ и скаковыхъ жеребцовъ, а на миссіонерскомъ съѣздѣ съ рѣчами о вѣротерпимости... „Миша" вошелъ въ новую сферу такимъ же, какъ онъ былъ всегда, — и почему ему однимъ угломъ рта не сердиться, другимъ не выхвалять самодержавіе и орловскаго губернатора, одинъ кулачекъ не сжимать въ негодованіи, а другую ручку не протягивать для полученія милостей? Таковъ онъ есть и другимъ быть не можетъ, и было бы смѣшно предъявлять къ нему какія бы то ни было притязанія. А г. Шиповъ? Онъ тоже въ своихъ дѣйствіяхъ стоитъ всегда въ согласіи съ тѣмъ, что ему надо. Г. Шиповъ (мы лично его не знаемъ и говоримъ объ общемъ, коллективномъ типѣ) — не скоморохъ, не краснобай, это убѣжденный человѣкъ. Онъ искренно себѣ усвоилъ, что выше лба уши не растутъ, что плетью обуха не перешибешь, и что маленькая синичка въ рукахъ есть птица, а журавль въ небѣ... кто его знаетъ, что такое. И не гонясь за большими кораблями, г. Шиповъ полагаетъ, что не только какая нибудь иллюзія Земскаго Собора, но и призывъ земствъ къ участію въ разныхъ самыхъ пустяшныхъ коммиссіяхъ, опросъ ихъ мнѣній по поводу самой незначительной вещи и т. д. — и это уже шагъ впередъ, и это дѣло не малое, ибо представляетъ какой ни на есть выигрышъ для общественной самодѣятельности. Было бы ни съ чѣмъ несообразно для человѣка, желающаго зажечь себѣ лампу въ своей квартирѣ на Литейномъ проспектѣ, — пойти для этого за уголькомъ на пожарище за Невской заставой. Г. Шипову малое надо, и онъ дѣлаетъ какъ разъ то самое, что нужно для его достиженія, — всѣ и всякіе компромиссы находятся въ соотвѣтствіи съ его стремленіями...

Гг. конституціоналисты не могутъ найти самоудовлетворенія, самоцѣли въ политическомъ гаэрствѣ гг. Стаховичей, не могутъ согласиться на скромную арифметику гг. Шиповыхъ — имъ нужно не мало: политическая свобода и конституція. Да, дѣйствительно, такихъ пріобрѣтеній не сдѣлаешь ни гаэрствомъ, ни вымками гомеопатическихъ дозъ добра изъ идеализма монархіи... И г. конституціоналистъ это до такой степени хорошо понимаетъ, что въ одномъ мѣстѣ даже говоритъ такъ: „именно отъ своихъ собственныхъ дѣйствій каждая партія обязана ожидать измѣненія обстоятельствъ въ пользу того отвѣта, который она считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ" — отвѣта, какимъ образомъ въ Россіи произойдетъ крушеніе самодержавія. Гдѣ же и въ чемъ „свои собственныя дѣйствія" у либеральной партіи? Мы уже отмѣтили, что объ этомъ г. конституціоналистъ не поспѣшилъ отозваться ни однимъ звукомъ, въ противовѣсъ какимъ ни на есть дѣйстві-

ямъ“ гг. Шиповыхъ и Стаховичей не противопоставилъ „своих собственныхъ“.

А если такъ, то зачѣмъ гнѣваться на „идеалистовъ самодер жавія“, зачѣмъ поднимать такую бучу, зачѣмъ отказывать от хлѣба-соли еще столь недавно почтеннымъ гг. Стаховичамъ Шиповымъ и спускать ихъ съ лѣстницы?

Оказывается, есть зачѣмъ. Тутъ мы подошли къ самому ин тересному вопросу. Вотъ что пишетъ г. конституціоналистъ:

„Можно, пожалуй, признать, что еще годъ тому назад мы, дѣйствительно не имѣли еще достаточно данныхъ дл опредѣленной группировки и опредѣленнаго рѣшенія отно сительно ближайшаго будущаго. *Но теперь мы все это имѣ емъ въ рукахъ. Переговоры „либераловъ“ съ правительством уже начались* — если считать ‚либералами‘ гг. Шипова Стаховича. Мы знаемъ, что политическая роль перваго — все равно, сознательная или безсознательная — состояла в томъ, что онъ устранилъ въ Москвѣ широкій съѣздъ либе ральныхъ земцевъ, а изъ наличныхъ элементовъ сгруппи ровалъ ‚благоразумное большинство‘, на которое обѣщал г. Плеве опираться въ противодѣйствіе — ‚неблагоразумно му‘, очевидно — меньшинству. Мы знаемъ, что г. Стахо вичъ обнаружилъ не меньшую политическую ловкость, на рализовавъ протестъ курскихъ земцевъ по поводу отставк кн. П. Д. Долгорукова. И мы знаемъ, что въ свою очеред г. Плеве, который не скупится на слова, *„призналъ непр стительнымъ легкомысліемъ со стороны правительства д мать, что оно можетъ обойтись въ настоящемъ положен безъ представителей „мѣстнаго управленія“*, т. е. безъ пре сѣдателей земскихъ управъ, за благоразумное большинст которыхъ г. Шиповъ ему поручился.“

„Переговоры либераловъ съ правительствомъ уже начались — вотъ сущность дѣла. Хотя г. Плеве не „скупится на слова и цѣна его фальшивымъ обѣщаніямъ крайне ничтожная; хот гг. Стаховичи и Шиповы извѣстны правительству съ самой от мѣнной стороны; хотя любезности и обращенія правительст полны цинизма и капральства; — но все же фактъ: правител ство вступаетъ въ переговоры съ либералами... И какъ ни ни ко приходится пока оцѣнивать его, все же и сейчасъ гнѣвъ за кипаетъ въ груди г. конституціоналиста: „кто же и для ко здѣсь послужитъ орудіемъ въ этой политической эквилибристик кто кого проведетъ, и кто окажется обманутымъ?“ Надуетъ, ка богъ святъ, надуетъ правительство г.г. Стаховичей и Шиповых Дешевле дешеваго, совсѣмъ задаромъ пріобрѣтетъ ихъ! Вонъ их ихъ изъ земской либеральной партіи, вонъ со всѣми ихъ дв смысленными девизами „Земскій Соборъ“!

Но позвольте, господа: покупательную силу и кредитоспособность гг. Шиповыхъ и Стаховичей вы оцѣниваете совершенно справедливо; но тутъ, вѣдь, товаръ по купцу и купецъ по товару. А что есть у васъ, чтобы совершить лучшія сдѣлки, когда „переговоры либераловъ съ правительствомъ уже начались", какими вы располагаете средствами?

Въ началѣ своей статьи г. конституціоналистъ сказалъ, что русская жизнь „движется быстро", и настроеніе земской среды измѣнилось „подъ вліяніемъ текущей борьбы и событій". Правда и то, правда и другое. За послѣднее время мы имѣли грандіозныя проявленія рабочаго движенія, не утихающіе крестьянскіе бунты, волненія молодежи, террористическіе выстрѣлы... Но ни словомъ, ни звукомъ объ этомъ даже не обмолвился г. конституціоналистъ. Все, что онъ говоритъ о „жизни", „борьбѣ", „событіяхъ", вращается въ земской сферѣ и даетъ очень ясно понимать, что мысль объ отмежеваніи отъ гг. Стаховичей и Шиповыхъ, объ уничтоженіи двусмысленныхъ лозунговъ, о либеральной конституціонной организаціи -- эта мысль возникла при тѣхъ картинахъ и образахъ, которые встаютъ передъ земскими очами съ тѣхъ поръ, какъ начались переговоры съ либералами... Но не помянувши ни разу о народѣ, объ его революціонной борьбѣ,— г. конституціоналистъ слишкомъ и слишкомъ имѣлъ это въ виду. Обратите вниманіе на слѣдующее высоко-поучительное мѣсто его статьи:

„Рѣчь не можетъ идти о томъ, чтобы ждать, пока праправительство съ завязанными глазами подойдетъ *къ самому краю бездны, въ которой оно погибнетъ*. Если бы было такъ, то, конечно, мы могли бы спокойно примириться съ Земскимъ Соборомъ, какъ лозунгомъ партіи, и съ гг. Стаховичемъ и Шиповымъ, какъ ея членами. Но тогда, можетъ быть, всего лучше было бы просто захлопнуть книгу исторіи на той страницѣ, гдѣ рѣчь идетъ о земской политической борьбѣ: *не земцы и не конституціоналисты рѣшали бы тогда вопросъ о ближайшемъ политическомъ будущемъ Россіи*. Если же мы думаемъ иначе, если мы тоже хотимъ принять *активное участіе въ рѣшеніи,* если мы ждемъ этого рѣшенія уже въ ближайшую минуту, тогда вопросъ о лозунгѣ и составѣ партіи становится далеко не такъ безразличенъ: *это именно вопросъ о томъ, кто уже завтра будетъ говорить съ правительствомъ отъ лица всей земской Россіи,* и кто останется ‚въ резервѣ'. И отвѣтъ на *этотъ* (курс. автора) вопросъ зависитъ не отъ судьбы, не отъ фатальной ‚логики событій', а отъ сознательной группировки силъ въ самой земской средѣ."

Теперь намъ легко разобраться въ томъ, что надо г. конституціоналисту, и не трудно понять все то, что на первый взглядъ

казалось противорѣчіями. Народныя волненія толкають правительство „къ самому краю бездны“. Они представляютъ собою неизбѣжный историческій фактъ, и этотъ фактъ надо внести въ либеральную земскую программу, онъ — ея почва. Что за дѣло до того, что тутъ идетъ не „своя собственная“ борьба? Именно эта то „своя собственная“ при такихъ естественныхъ условіяхъ и не представляетъ очередной необходимости. И вотъ почему г. конституціоналистъ ничего намъ не говоритъ о средствахъ, очень мягко относится къ разногласіямъ между г. Т. и г. Гласнымъ. Очередной задачей является совсѣмъ иное: ухватить моментъ, когда правительство будетъ очень и очень близко къ краю бездны, въ которую его сталкиваетъ народъ. Даже у самаго оврага гг. Стаховичи и Шиповы не осмѣлятся просить у правительства больше, чѣмъ по незабудкѣ и по кокардѣ съ надписью „чиновникъ отъ либерализма“, и даже здѣсь они будутъ уповать на Земскій Соборъ, примиримый съ самодержавіемъ. Но когда Земскій Соборъ соберется у пропасти, поглотившей правительство, тутъ ужъ не земцамъ и не конституціоналистамъ рѣшать вопросы, тутъ ужъ выступитъ „чернь непросвѣщенна“. И „если мы тоже хотимъ принять активное участіе въ рѣшеніи... тогда вопросъ о лозунгѣ и составѣ партіи становится далеко не такъ безразличенъ: это именно вопросъ о томъ, кто уже завтра будетъ говорить съ правительствомъ отъ лица всей земской Россіи“ — пока это правительство не зашвырнулъ народъ въ пропасть, въ которую нѣтъ никакихъ телефоновъ для договаривающихся земцевъ и конституціоналистовъ...

Не дурныя комбинаціи! Не лишенное остроумія раздѣленіе труда: одни борятся — чернь непросвѣщенна, массы съ ихъ „классовыми и эгоистическими интересами“, другіе — собираютъ въ этой борьбѣ матеріалъ для запугиванья правительства, составляютъ въ своей средѣ не боевую организацію, а дипломатическую коллегію изъ чистыхъ конституціоналистовъ, водворяютъ порядокъ въ этой коллегіи, вырабатываютъ пункты и проявляютъ всяческую стремительность „отъ лица земской Россіи“ подписывать договоры съ правительствомъ... Весьма хорошая „сознательная группировка силъ въ самой земской средѣ“!

Но, однако, не слишкомъ ли много въ ней похотливости и простофильства? Народъ будетъ „обслуживать“ земскихъ либераловъ! Народъ будетъ такъ милъ, что будетъ взирать съ радостнымъ умиленіемъ, какъ гг. конституціоналисты станутъ писать договоры на площадяхъ, залитыхъ народной кровью! Вся надежда народа, не знающаго грамоты, не освѣдомленнаго въ юриспруденціи Юстиніановъ-Папиніановъ, не привыкшаго къ параграфамъ конституціи, съ новгородскихъ временъ утратившаго понятіе о договорныхъ началахъ, — вся надежда его только на васъ, гг. конституціоналисты! И нѣтъ никакого сомнѣнія, что народъ моментально

же васъ послушаетъ и остановится, когда вы скажете: ни шага дальше, ибо тамъ пропасть, и въ нее нѣтъ телефоновъ для земцевъ!

Ахъ, гг. конституціоналисты, какъ это ни горько намъ, но мы должны сказать: плохіе вы купцы, гг. Стаховичи и Шиповы куда какъ практичнѣе васъ! Они не богаты и наличными, не богаты и кредитомъ, но всего по немножку у нихъ есть, это дѣйствительные торговцы. А вы просто... фантазеры-спекулянты съ дутыми акціями, которыя вы уже не разъ хоть и съ малымъ успѣхомъ пускали на правительственной биржѣ; теперь вы вообразили, что непремѣнно должна существовать и революціонная биржа, и что на ней можно поиграть вашими дутыми цѣнностями... Нѣтъ такой биржи, господа! Объ этомъ бы вамъ не мѣшало раньше навести справки у русской жизни; можетъ быть, это подсказало бы вамъ, если не то, что въ русской революціи ничего не дастъ биржевая игра, то хоть то, что... не простофилямъ браться за эту игру!

И европейское дворянство, и европейская буржуазія въ борьбѣ съ королевской властью, церковью, народомъ всегда проявляли силу *своей собственной* организованности, *свою собственную* работоспособность. Никогда этимъ не отличалось ни русское боярство, ни черная сотня. Не отличаются и теперь. Эти гг. конституціоналисты не состоятъ даже въ отдаленномъ родствѣ съ политическими борцами; это все тѣ же старые баре-крѣпостники, только въ новой общественной атмосферѣ. Какъ прежде вотчина имъ должна была все предоставить и для варенья, и для соленья, и для этого имъ нужно было только написать приказъ бурмистру „предписываю тебѣ“, — такъ и въ настоящее время имъ политическую свободу долженъ доставить народъ, они только установятъ цѣны на революціонныя ревизскія души этого народа и распишутся на контрактѣ продавая правительству мятежи и возстанія рабовъ...

Добрые баре! Вы забыли, что крѣпостной бытъ уже отжилъ свое время... Вы вспомнили бы хоть то, что попытки вернуться къ прошлому, закабалить трудящуюся силу разнаго рода законодательными актами ведутся куда какъ хитрѣе, чѣмъ вашъ крѣпостническій походъ на народную революцію... Нѣтъ спора, что вамъ, не привыкшимъ ни къ какой работѣ, ни къ какой борьбѣ, трутнямъ во всѣхъ отношеніяхъ, нужна рабочая борющаяся сила... въ поискахъ за ея золотымъ руномъ вы ничего лучшаго не могли изобрѣсти, какъ провозгласить себя политическими рабовладѣльцами! Съ этимъ простофильствомъ не далеко уѣдетъ ваша старо-барская похотливость. Поучитесь сначала у г. Струве, приглядитесь, какъ онъ европейски-умно выискиваетъ для васъ и въ васъ революціонную рабочую силу...

Пойдемъ къ этому ментору, поучающему своего Телемака.

* * *

Предводитель либеральнаго органа не такъ простъ, какъ зем-скій дипломатъ. Горячую рѣчь своего коллеги онъ выслушал спокойно и лишь въ двухъ мѣстахъ охладилъ ея пылъ редакц-онными примѣчаніями. Тамъ, гдѣ г. конституціоналистъ, сконфу-зившись за своего собрата г. Земца, говоритъ: „надо думать . станутъ невозможными... реплики диллетантовъ политическо борьбы по адресу кандидатовъ въ ея мученики“ — тамъ г. Стру-ве отзывается въ примѣчаніи такими недоумѣвающими слова-ми: „намъ непонятно, почему и въ какомъ смыслѣ здѣсь гово-рится о диллетантахъ политической борьбы“. Какой непонятли-вый г. Струве! Ему очень хорошо извѣстно, что, если тутъ ест ошибка, то ошибка въ словѣ—велѣдствіе... ну, хотя бы мягкости конституціоналиста: вмѣсто щебеночный рыцарь сказано диллетант политической борьбы... Но г. Струве, конечно, не эту ошибку имѣ-етъ въ виду, его примѣчаніе надо понимать такъ: ну-ну, конфузи-ся да только мѣру знай — нечего хлестать козырями по своимъ . .

Такой же самый характеръ носитъ и второе редакціонное при-мѣчаніе. Г. конституціоналистъ, нападая на г. Шипова, говоритъ его политическая роль, „все равно сознательная или безсознатель-ная, состояла въ томъ, что онъ устранилъ въ Москвѣ широкі съѣздъ либеральныхъ земцевъ“. Г. Струве, ревнуя о справедли-вости, дѣлаетъ такую приписку: „Не желая нисколько говорит въ пользу г. Шипова, къ образу дѣйствія котораго мы съ самаг начала отнеслись отрицательно, мы должны замѣтить, что, на-сколько намъ извѣстно, болѣе радикальные земскіе элементы *сам* (курс. г. Струве) устранили себя въ пользу г. Шипова отъ уст-ройства земскаго съѣзда“. И волки сыты, и овцы цѣлы!

.Охладивъ этими примѣчаніями пылъ г. конституціоналиста г. Струве принялся за собственную статью и, какъ покажутъ даль-нѣйшія цитаты, очевидно, сталъ думать такъ:

— Ну вотъ пойди ты съ этакимъ народомъ... Взялъ на вс корки, расчистилъ Стаховича и Шипова, всѣхъ славянофиловъ идеалистовъ самодержавія... Конечно, все это элементы плохень-кіе, о томъ, что такое хорошій кусокъ пирога съ начинкой, н понимаютъ — какъ кухонный мужикъ, до одной горбушки рвутся ясно, что въ земской партіи за столомъ дипломатовъ имъ не мѣст но зачѣмъ же это ихъ бить по затылку и спускать съ лѣстницы? Раз-вѣ нельзя честь-честью мирно, благородно? Хоть людишки плохень-кіе, а все таки они „житьи люди“ и—пригодятся... Экая прыть у на-шего конституціоналиста! И ихъ изгналъ прочь, и девизы ихъ— говоритъ — никуда не годны, вышвырнуть ихъ да замѣнить яс-ными терминами... Эхъ! самое святое дѣло ясность, но част и запутанность не дурна, да и потомъ въ хорошемъ хозяйствѣ никогда ничто даромъ не пропадаетъ... Не дѣло, не дѣло так рѣзко поступать... Ну, ничего, сейчасъ мы подправимъ...

И г. Струве принялся за ту работу, которую онъ возвелъ для ебя въ принципъ: прилаживать петли и крючки ко всякимъ ротивоположностямъ и несогласіямъ, имѣя въ виду, что въ мірѣ ожьемъ все можетъ сцѣпиться другъ съ другомъ, было бы толь-о за что укрѣпиться... Заявивъ прямо, что идеалистамъ само-ержавія нѣтъ мѣста въ либеральной организаціи, г. Струве сей-асъ же спѣшитъ прибавить, что „эти полуконституціоналисты огутъ при случаѣ явиться серьезными союзниками либеральной артіи“. Вѣдь это одна прелесть что такое — *полу*конституціо-алисты! Какая изворотливость ума требуется, чтобы придумать акое словечко!* Разъ это *полу*конституціоналисты, то что жъ: но-овинка къ цѣлому—и то доброе дѣло, и вполнѣ естественно дѣ-ать отсюда дальнѣйшіе выводы...

Оглянувшись по сторонамъ и, къ сожалѣнію, не замѣ-ивъ нигдѣ четвертушекъ, осьмушекъ, сотокъ и т. д. конституціо-алиста, г. Струве начинаетъ съ глубокимъ вздохомъ вести рѣчь олько объ однѣхъ половинкахъ и къ этимъ половинкамъ... Это отъ для насъ, говоритъ онъ — „было бы въ самомъ дѣлѣ нѣко-орой (? только „нѣкоторой“?) наивностью“ „довести всю прав-у до царя“, а для этихъ идеалистовъ самодержавія „серьезная ѣшимость ,довести всю правду до царя‘ означала бы вовсе не аивное прекраснодушіе, а выполненіе цѣлей политической прог-аммы“. Это для нихъ было бы „единственнымъ и въ то же вре-я обязательнымъ путемъ политическаго дѣйствія“. И г. Струве олго и краснорѣчиво толкаетъ *полу*конституціоналистовъ на олжный путь...

Покончивъ съ этой кампаніей и возвратившись въ свою „либе-альную организацію“, г. Струве, можетъ быть, гдѣ нибудь за-римѣтилъ ироническую усмѣшку насчетъ менторства имъ по-овинокъ и осьмушекъ, а можетъ быть, онъ ужъ такъ увлекся взятой имъ на себя миссіей по отношенію къ будущимъ „серь-нымъ союзникамъ“ изъ полуконституціоналистовъ, — но толь-о онъ сейчасъ же съ порога разразился такой тирадой:

> „Тѣмъ, кому наше указаніе на необходимость ,довести до царя всю правду‘ кажется совершенно наивнымъ и неумѣстнымъ, мы позволимъ себѣ указать, что въ извѣстномъ смыслѣ рѣшимость ,довести всю правду до царя‘... обязательна *не только для славянофильскихъ элементовъ*. Вѣдь,

* Впрочемъ, всѣ великіе изобрѣтатели имѣютъ своихъ предше-венниковъ. Не вспомнитъ ли г. Струве съ благодарностью соці-истовъ-революціонеровъ, величающихъ либераловъ „недоношен-ыми соціалистами“, или — что то же — *полу*соціалистами? Не о ли послужило г. Струве исходнымъ пунктомъ для дальнѣй-ихъ градацій?

не надо забывать, что *всякія (?!)* рѣшительныя и откровенныя политическія заявленія даже самаго радикальнаго свойства *по существу (?!)* и часто по формѣ направляются *и не могутъ не направляться* по адресу носителя верховной власти. Съ другой стороны, если прямыя и „лояльныя“ обращенія къ самодержцу оканчиваются неудачами и обнаруживаютъ свою безплодность, то эти неудачи являются цѣнными наглядными уроками политики, указывая предъ лицомъ всей страны неспособность самодержавнаго монарха, какъ таковаго и какъ лица, воспринимать доводимую до него правду и убѣждая, что эта правда для своего воплощенія нуждается въ болѣе внушительныхъ и вѣскихъ способахъ обнаруженія, чѣмъ всеподданѣйшія увѣщанія. Дѣйствительно испытать путь прямого обращенія къ царю — есть лучшій способъ политическаго воспитанія, какъ это краснорѣчиво доказывается примѣромъ финляндцевъ. Мы, послѣдовательные сторонники конституціи, не нуждаемся въ этихъ урокахъ, но еще не значитъ, что въ нихъ не нуждаются другіе. *Въ нихъ, къ сожаленію, нуждается еще почти вся Россія. И такихъ уроковъ не замѣнитъ, пожалуй, никакая политическая пропаганда.* “

Тутъ уже не только полуконституціоналисты получили себѣ полный оправдательный приговоръ, но тутъ и для гг. конституціоналистовъ, если имъ (неровенъ часъ) придется сбавить тону и смирить желанія, открываются великолѣпныя перспективы. Желая, чтобы не осталось никакого осадка и омерзѣнія отъ сдѣланной оцѣнки „полуконституціоналистовъ“ и, приготовляя въ прокъ разную канву для слабостей либераловъ, — г. Струве ни мало не постѣснился самымъ циничнымъ образомъ смѣшать народъ и царя. „Всякія откровенныя и рѣшительныя политическія заявленія даже самаго радикальнаго свойства по существу и часто по формѣ направляются и не могутъ не направляться по адрессу верховной власти“. Г. Струве, вѣдь, это самая безстыдная ложь! Если вы по адрессъ-календарю изучили имена всѣхъ министровъ и даже подчасковъ и всегда предпочитаете адрессоваться къ нимъ, то это вовсе не значитъ, что таковы задачи революціонно-борющихся элементовъ. Эти элементы „и по существу, и по формѣ“ всегда обращаются къ народу, а не къ верховной власти. И всѣми силами они разъясняютъ народу, и всѣмъ, кому только могутъ, что „верховная власть“ ничего не въ состояніи сдѣлать,— и разъясняютъ это не обращеніями къ „власти“, а пропагандой на счетъ всего содѣяннаго ею... „Почти вся Россія“ именно и нуждается въ такой пропагандѣ, а что касается „послѣдовательныхъ сторонниковъ конституціи“, то все зависитъ отъ „послѣдовательности“, которая, надо таки сказать, находится въ большомъ загонѣ у г. Струве...

Какъ видите, г. конституціоналистъ съ его рѣзкими сужденіями объ идеалистахъ самодержавія, съ его насмѣшками надъ словомъ всей правды царю подвергся очень хорошей корректурѣ г. Струве, и онъ загладилъ его вины и прегрѣшенія передъ... полуконституціоналистами, alias гг. Шиповыми и Стаховичами.

Такъ же поступлено и по отношенію къ „неясному“ термину „Земскій Соборъ“. Да, это „неопредѣленный лозунгъ“ — подтверждаетъ и г. Струве, но сейчасъ же говоритъ и вотъ что:

„Спеціальный вопросъ о томъ, можетъ ли *неопредѣленный, и своей неопредѣленностью цѣнный и въ то же время опасный* лозунгъ земскаго собора быть пущенъ сейчасъ въ ходъ либеральною партіей, уже въ настоящее время стоитъ иначе, чѣмъ сейчасъ послѣ воронежскаго инцидента. Благопріятный психологическій моментъ упущенъ, и въ этомъ сказалась неорганизованность однихъ элементовъ русской оппозиціи и морально-политическая дряблость другихъ. *Быть можетъ*, теперь, не начиная широкой агитаціи, слѣдуетъ предоставить гг. Витте и Плеве доиграть свой постыдный фарсъ Особаго Совѣщанія безъ всякаго участія въ немъ хора подлиннаго общественнаго мнѣнія. *Въ такомъ случаѣ* рѣшеніе вопроса о лозунгѣ и пріемахъ широкой политической агитаціи *естественно отсрочивается* до тѣхъ поръ, пока кадры партіи не будутъ организованы. *Тогда многое будетъ болѣе яснымъ, чѣмъ теперь.*“

Неопредѣленный, но и цѣнный этой неопредѣленностью, годный вслѣдствіе нея въ опредѣленный моментъ... А потому, нечего кричать подобно г-ну конституціоналисту: долой его! Погодимъ, пока будетъ яснѣе... А до поясненія можно пользоваться въ разныхъ цѣляхъ и опаснымъ лозунгомъ...*

Отъ сущности статьи земскаго дипломата г. Струве ровнымъ счетомъ не оставилъ ничего: и гг. Шиповы и Стаховичи, подвергнутые остракизму, возвращены назадъ и имъ лишь любезно предложено перейти въ другую залу, на трибунѣ которой появляется тотъ же г. Струве, и всякіе сомнительные девизы во вниманіе къ

---

* Въ № 20 „Освобожденія“ г. Струве, говоря, что „Новое Время“ ходитъ вокругъ и около Земскаго Собора, спрашиваетъ: почему оно „боится выговорить вполнѣ русское и красивое слово ‚Земскій Соборъ‘? Потому — отвѣчаетъ онъ — что съ точки зрѣнія „противоконституціонной благонадежности“ ‚русскій Земскій Соборъ‘ давно и весьма основательно взятъ въ подозрѣніе‘. Поучайтесь, г. конституціоналистъ, и впредь не вышвыривайте съ легкимъ сердцемъ того, что еще у мудраго хозяина сослужитъ свою службу!

ихъ пользѣ, именно благодаря сомнительности, оставлены въ арсеналѣ „либеральной организаціи“...

Поправивъ ошибки набѣдокурившаго дипломата, г. Струве этимъ не ограничился. Онъ очень хорошо понимаетъ, что г. конституціоналистъ подошелъ къ важному и существенному вопросу: о томъ, какъ дѣйствительно создать либеральную организацію. Г. конституціоналистъ разрѣшилъ этотъ вопросъ совсѣмъ по простофильски — онъ увидѣлъ, что народъ напираетъ на правительство, толкаетъ его въ бездну, и сейчасъ же рѣшилъ Стаховича вонъ, Шипова вонъ, и будемъ писать безъ нихъ политическіе договоры самой высокой марки! Г. Струве тоже объ этихъ же договорахъ помышляетъ, но для него препятствіемъ являются вовсе не гг. Шиповы и Стаховичи... Это что за препятствіе! Это не только не враги, а полуконституціоналисты и серьезные союзники при случаѣ... Тутъ бѣда въ иномъ — за годъ мы осмотрѣлись, и можемъ судить, велики ли наши дѣйствующія силы либерализма и есть ли у насъ поддержка въ массахъ... На этотъ счетъ приходится отвѣтить весьма неутѣшительно. И вотъ — волны народнаго мятежа все прибываютъ, а либеральной организаціи въ этомъ еще очень мало выигрыша, — ей нужно и больше проявить свою самодѣятельность, и обезпечить себѣ поддержку или хоть сочувствіе въ массахъ. Только тогда дипломаты смогутъ „отъ лица всей земской Россіи“ писать договоры съ правительствомъ.

Но какъ разрѣшить эти двѣ задачи — возбужденіе самодѣятельности либеральной организаціи и установленіе ея связи съ народомъ, съ массами? Обративъ свое просвѣщенное вниманіе на составъ и характеръ земской среды, г. Струве не могъ не замѣтить, что главной бѣдой въ ней является не излишнее присутствіе гг. Стаховичей и Шиповыхъ, а крайній недостатокъ въ дѣйствительно работающихъ революціонно, на самомъ дѣлѣ трудовыхъ силахъ. Если не писать высокопарнымъ слогомъ мелкотравчатыхъ вещицекъ, то положеніе вещей представляется такимъ: не только осьмушники конституціонализма, но даже и стоградусные конституціоналисты являются слишкомъ плохой рабочей силой въ революціонномъ смыслѣ и при существованіи только ихъ „партія будетъ влачить жалкое существованіе“. Свободомыслящіе тайные совѣтники дадутъ адресса для посылки „Освоб.“ въ конвертахъ, изъ барскихъ благородныхъ салоновъ отвалятъ изрядные куши на изданіе его, либеральный земецъ возьметъ въ карманъ изъ за границы пачечку номеровъ газеты (при чемъ половину, страха ради іудейска, чтобы не оттопыривался карманъ, утопитъ въ нужникѣ около Вержболова)... Устроятъ обѣдъ съ тостами вольнаго содержанія; съ задоромъ, но и подъ разнаго рода легальными прикрытіями прочтутъ въ земскихъ собраніяхъ докладъ, неодобряемый администраціей; пофрондируютъ на какомъ нибудь интимномъ съѣздѣ; напишутъ петицію-челобитье и

т. д., но даже и это все носитъ и будетъ носить случайный, не систематическій характеръ... Пропаганда самыхъ скромныхъ, противоправительственныхъ идей, агитація на почвѣ самыхъ малыхъ политическихъ дѣлъ и съ самыми убогими требованіями нуждаются въ работникахъ, беззавѣтно преданныхъ идеѣ, не боящихся ни трудовъ, ни риска... Днемъ съ огнемъ ихъ надо искать въ земской средѣ — г. конституціоналистъ весьма правъ, указывая на оптимизмъ г. Гласнаго Т.

Такимъ работникомъ является только русскій революціонный разночинецъ. Мы говоримъ: „*революціонный* разночинецъ". Именно такъ. Не приходится говорить ни объ адвокатахъ, готовыхъ произносить на тайныхъ банкетахъ пышныя рѣчи съ махровыми намеками, или поддерживающихъ дѣло всѣмъ, чѣмъ угодно, но не собственной активной работой-борьбой; не приходится имѣть въ виду врачей Мартыновыхъ, впадающихъ въ первную горячку при одномъ лишь взглядѣ на крестъ на куполѣ тюремной церкви и потомъ пишущихъ г. Витте письма-слезницы, въ которыхъ холуйство холоповъ перемѣшивается съ отважной дерзостью лакеевъ; — нѣтъ, дѣйствительно цѣненъ тотъ разночинецъ, который работаетъ въ русской революціи, примыкая сейчасъ къ соціалистическимъ фракціямъ. Его надо залучить въ либеральную организацію, имъ надо ее создать, при его посредствѣ развить въ ней „*само* (?) дѣятельность". Это не либеральный баринъ, который со всѣми своими деньгами не пробьетъ широкой дороги вольному слову сквозь правительственные кордоны; это не либеральный баринъ, который со всѣми своими конституціонными порывами, нигдѣ и никогда не сыграетъ роли революціонной бациллы. Это настоящій революціонный труженикъ - борецъ. Его никогда не останавливало отсутствіе денегъ — своей коллективной силой, силой голодранцевъ, не досыпая ночей, вѣчно живя впроголодь, отдавая какъ можно больше жизни любимому дѣлу — онъ создавалъ и создаетъ то, что нельзя купить и оборудовать никакими деньгами. Щели онъ конопатитъ въ опасныхъ мѣстахъ не радужными бумажками, а затыкаетъ ихъ собственной шкурой; вѣчно въ суетѣ, въ работѣ, „съ книжкой подъ мышкой", каждую минуту рискуя всѣмъ и не прикидывая на счетахъ этого риска, дѣйствуя по властной силѣ своихъ убѣжденій, а не потому, — какъ говоритъ г. Мартыновъ о себѣ — что „довѣряя Вашему Высокопревосходительству (г-ну Витте) думалъ добросовѣстно исполнить свой долгъ", не попавъ при этомъ въ лапы Плеве... Либеральной организаціи нуженъ такой разночинецъ, умѣющій нести крестъ, умѣющій бить враговъ, умѣющій созидать дѣло, безъ него ей нѣтъ хода.

И г. Струве задался цѣлью привлечь его. И понимая, что основнымъ характеромъ этого разночинца является демократизмъ, предводитель русской своеобразной джентри указываетъ на необходи-

мость внести въ земскую программу „*всеобщую подачу голосовъ*“ и *крестьянскій и рабочій вопросы.* Это должно служить приманкой.

Само собой разумѣется, всѣхъ только что приведенныхъ нами разсужденій вы не найдете въ статьѣ г. Струве: это наши выводы. Но что тутъ нѣтъ никакого фальшиваго чтенія въ мысляхъ, что эти выводы прочно опираются на подлинныя слова г. Струве, — мы это сейчасъ подтвердимъ цитатами. Вотъ что пишетъ менторъ либераловъ:

„Для партіи политическаго освобожденія Россіи нервомъ ея программы должна быть замѣна самодержавнаго строя конституціоннымъ. Этой верховной цѣли должна быть подчинена и самая программа. Съ этой точки зрѣнія только демократическая партія политическаго освобожденія Россіи будетъ имѣть необходимый для такой партіи широкій базисъ, объединяя въ себѣ всѣ пробуждающіеся къ политическому самосознанію элементы русскаго безсословнаго общества, тѣсно (?) связанные по своимъ симпатіямъ и традиціямъ съ народными массами и ихъ интересами. Для того, чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и *разночинецъ-интеллигентъ, представитель «третьяго» элемента, и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія,* партія должна открыто и рѣшительно исповѣдывать принципъ политической равноправности. И потому въ ея программѣ необходимо *ясное заявленіе въ пользу всеобщей подачи голосовъ* (курс. г. Струве), такое заявленіе должно — на нашъ взглядъ — замѣнить собой соотвѣтствующія разсужденія программы конституціоналистовъ объ учредительномъ собраніи. За время существованія „Освобожденія“ мы убѣдились, что требованіе всеобщей подачи голосовъ, въ справедливости котораго мы по существу никогда не сомнѣвались, *соотвѣтствуетъ политическому сознанію тѣхъ слоевъ безсословной русской интеллигенціи, которые стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за политическое освобожденіе Россіи и должны составить главные кадры либеральной партіи,* которая выступитъ открыто-конституціонной и послѣдовательно-демократической. Недостаточно демократическій характеръ партійной программы, хотя бы онъ сказывался лишь въ формѣ умолчанія о нѣкоторыхъ пунктахъ, *оттолкнетъ тѣ элементы, безъ привлеченія которыхъ партія будетъ влачить жалкое существованіе.*“

Иначе истолковать это мѣсто, чѣмъ мы его истолковали, было бы и невозможно, и черезчуръ наивно. „Ряды либеральной партіи“, какъ видите, здѣсь пополнены тѣми самыми элементами, которые примыкаютъ сейчасъ къ соціалистическимъ фракціямъ или

которые онѣ втягиваютъ въ борьбу подъ своимъ руководствомъ. Понимая, что въ этихъ элементахъ и состоитъ сила, г. Струве мѣтитъ пріобрѣсти ихъ въ либеральную организацію. И тогда — грезится ему — эта организація будетъ стоять во главѣ всероссійскаго движенія и смѣло можетъ разсчитывать на властную дипломатическую роль въ переговорахъ съ правительствомъ. До какой степени рукою г. Струве водили тѣ мысли, на которыя мы указали выше, это прекрасно иллюстрируется очень характернымъ умолчаніемъ о рабочихъ въ приведенной цитатѣ: обратите вниманіе на то, что есть „земскій дворянинъ“ (дипломатъ), „разночинецъ-интеллигентъ, представитель третьяго элемента“ (трудовая сила, революціонный ферментъ), „крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія“ (поддерживающая масса), но о рабочемъ ни слова. Г. Струве, конечно, съ большимъ удовольствіемъ записалъ бы и его въ ряды земской партіи, но онъ слишкомъ уменъ, чтобы не строить совершенно несбыточныхъ надеждъ, слишкомъ хорошо знаетъ пролетаріатъ, чтобы разсчитывать на его прямое привлеченіе къ поддержкѣ оппозиціоннаго лагеря. Совсѣмъ иное дѣло разночинцы и крестьянство, но объ этомъ, впрочемъ, мы скажемъ дальше, а пока приведемъ еще слова г. Струве объ аграрномъ и рабочемъ вопросахъ:

„Программное рѣшеніе этихъ вопросовъ не можетъ быть отсрочиваемо до момента самаго политическаго преобразованія, разъ рѣчь идетъ объ организаціи партіи, которая поставитъ себѣ задачу вести широкую пропаганду и агитацію въ пользу политической свободы. При политической реформѣ нельзя никогда обходить вопроса: cui bono? — кому на потребу?, во всемъ его объемѣ, и политическая пропаганда не можетъ замалчивать главнаго довода противъ самодержавія — его несоотвѣтствія самымъ реальнымъ и вопіющимъ нуждамъ народной массы. Поэтому либерально-демократическая партія должна, оставляя совершенно въ сторонѣ проблему соціализма (прежде всего потому, что соціализмъ въ самомъ дѣлѣ только еще проблема), дать широкую и стройную программу соціальныхъ реформъ.“

Прежде для этихъ реформъ полагался дальній ящикъ, а теперь онѣ оказались существенно-необходимыми въ программѣ, ибо надо привлечь разночинцевъ и воздѣйствовать на массы... Въ чемъ должны заключаться соціальныя реформы г. Струве еще не высказался, но обѣщаетъ вскорѣ дать отвѣтъ по этому пункту — и не сомнѣваемся, что дастъ его: этого требуютъ прямые интересы „либеральной организаціи“, висящей сейчасъ въ воздухѣ...

Нельзя даже и сравнивать простофильское рѣшеніе вопроса доморощенными земскими дипломатами и очень тонкія соображенія ихъ европейски-образованнаго ментора. Нельзя сказать, чтобы затѣя г. Струве была пустая — все зависитъ отъ того, какъ онъ поставитъ дѣло. Есть довольно значительная часть разночинцевъ, примыкающая къ соціализму по недоразумѣнію — не личному недоразумѣнію, а, такъ сказать, общественно-историческому : только потому, что подъ этимъ знаменемъ совершается все живое, энергичное, сознательно имѣющее въ виду народное благо и торжество правды. Примыкая сюда, люди вбираютъ въ себя, можетъ быть, три четверти лишняго, къ которому они не стремились, демократическія потребности у нихъ начинаютъ сцѣпляться съ соціалистическими формулами. И примыкая къ соціалистическому знамени во имя демократизма, во имя самыхъ элементарныхъ духовныхъ потребностей, — разночинецъ беретъ уже все и „нужное“, и „лишнее“. И даже не можетъ не брать, какъ нельзя, вдыхая въ себя воздухъ, не вдыхать и тѣхъ элементовъ его, которые безразличны или вредны... Иное дѣло, какъ они претворяются, какъ реагируютъ на нихъ легкія... Является ли для того разночинца, о которомъ мы говоримъ, соціализмъ не дѣйственнымъ началомъ, совершенно мертвой формулой или нѣтъ, — какъ бы то ни было, онъ считаетъ себя соціалистомъ, и назовите его иначе — онъ кровно обидится.... И тѣмъ сильнѣе будетъ его обида, чѣмъ туманнѣе и неопредѣленнѣе его представленія о соціализмѣ... Скажите убѣжденному рубакѣ, горячему теоретику войны: „ты не герой!“ — не герой съ антимилитаристской, соціологической точки зрѣнія, но не съ точки зрѣнія личнаго мужества... Онъ понимаетъ только эту послѣднюю, а другая для него — книга за семью печатями. „Ты не соціалистъ, ибо соціализмъ, какъ ученіе, это система строго опредѣленныхъ понятій, классифицируемыхъ наукой...“ Онъ васъ оборветъ и не дастъ докончить : какое тамъ еще въ основахъ своихъ незыблемое опредѣленіе по наукамъ! Я стою подъ знаменемъ соціалистической партіи, я всю свою энергію вношу въ дѣло, моимъ идеаломъ является вселенское счастье всего трудящагося человѣчества и я... не соціалистъ! Кто же я — прохвостъ, буржуй?!.. Для блага эксплуататоровъ дѣйствую?!

И пока въ Россіи сила группируется лишь вокругъ краснаго знамени, пока оно одно обливается кровью борцовъ и мучениковъ, пока только оно одно не имѣетъ никакихъ сальныхъ пятенъ и чистое, свѣтлое исключаетъ всякое понятіе о грязи, пока, наконецъ, лишь оно не словомъ, а дѣломъ обѣщаетъ торжество, а не призраки побѣдъ — до той поры — на студенческихъ демонстраціяхъ, и на чисто демократическихъ сходкахъ, при всякомъ протестѣ, при каждомъ боевомъ кличѣ никто не рѣшится

взять въ руки другое знамя — а только это, красное знамя пролетаріата и соціализма...

Но создайся въ Россіи самостоятельные сильные кадры демократіи, не игрушечные, а настоящіе — и отъ соціализма отойдутъ многіе и многіе примыкающіе къ нему... При развитіи демократической дѣятельности они познаютъ сами себя, они возьмутъ идеи какъ разъ въ томъ обхватѣ, который нуженъ имъ; о соціализмѣ они скажутъ сначала, какъ говоритъ г. Струве, что это „проблема", первое время будутъ съ почтеніемъ относиться къ ней и, какъ Ньютонъ снималъ шапочку, когда при немъ произносили имя Бога, такъ и они будутъ обнажать головы при словѣ „соціализмъ — проблема", потомъ эта „проблема" будетъ мелькать кое-гдѣ, какъ на другой день не снятые во время транспаранты послѣ вчерашней иллюминаціи, а въ концѣ концовъ... но это, впрочемъ, не столь близкая еще перспектива да и сама по себѣ она не входитъ въ задачу нашего очерка. Фактъ тотъ, что разъ будетъ выдвинута широкая демократическая платформа и создастся сильное ядро для организаціи демократической партіи, — приливъ сюда дѣятельныхъ элементовъ слишкомъ вѣроятенъ. Стыдиться имъ будетъ нечего, конфузиться не за что, и они сумѣютъ здѣсь такъ же развивать свою дѣятельность, какъ развивали ее раньше подъ другимъ знаменемъ ....*

По всѣмъ видимостямъ, элементамъ для демократической организаціи ближе всего набираться изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, гдѣ и въ теоріи соціализмъ существуетъ въ очень жидкомъ растворѣ, и практика далеко не столько соприкасается съ соціализмомъ, сколько съ политическимъ радикализмомъ. Но мы не можемъ сказать, что и среди примыкающихъ къ соціальдемократіи не найдется многихъ, для которыхъ наиболѣе важнымъ является не наша доктрина въ ея цѣлостности, а присутствіе демократизма въ соціальдемократической программѣ. Несомнѣнно и тутъ найдется обиліе рекрутовъ въ новую организацію.

* „Вѣстн. Русск. Рев." неоднократно указывалъ, что въ дѣятельности всѣхъ нашихъ революціонныхъ партій одухотворяющимъ началомъ являлся соціализмъ. Къ сожалѣнію, это слишкомъ частичная истина въ отношеніи очень немногаго и очень немногихъ. Покаяніе за грѣхи предковъ, долгъ передъ народомъ, борьба за свободу, — эти стимулы — не отрицая и другихъ —, были всегда сильнѣйшими... Знамя и стимулы черезчуръ часто бываютъ совсѣмъ различными вещами... Если къ Европѣ, съ ея рѣзко обозначившей себя на политической почвѣ классовой борьбой, съ ея сильными партіями и организаціями пролетаріата, — приходится это примѣнять съ рядомъ большихъ ограниченій, то къ Россіи это различіе между знаменемъ и стимуломъ относится лишь съ сравнительно небольшими исключеніями.

И особенно теперь, когда дѣлается такъ мало для соціальдемократическаго воспитанія молодежи. Изданіе теоретическаго органа марксизма — „Зари“ — поставлено такъ академически-мертво безъ всякаго соображенія съ умными словами великаго германца о томъ, что не все, служащее къ славѣ писателя, бываетъ полезно для читателей... И молодежь, крайне мало почерпая изъ „Зари“, питается обрывками мыслей, схваченныхъ въ полемическихъ статьяхъ „Искры“... Не думаемъ, чтобы въ критическомъ случаѣ эти обрывки представляли солидный оплотъ...

Г. Струве все это очень хорошо понимаетъ. Понимаетъ и то, что изъ революціонныхъ разночинцевъ можно создать сильное ядро демократической партіи, и то, что при этомъ ядрѣ можно будетъ не только развить *само*(?)дѣятельность оппозиціи, но и повести широко дѣло пропаганды и агитаціи въ крестьянской средѣ. Ему ясно, что тутъ при энергичной дѣятельности можно создать сплоченную мелко-буржуазную силу, которая станетъ поддерживать демократическую партію во имя той мелко-буржуазной аграрной программы, которую выставитъ „Освобожденіе“; ясно ему и то, что подъ этой программой подпишется большинство новыхъ членовъ разночинцевъ, ибо оно являлось раньше сторонниками мелко-буржуазнаго соціализма, и ихъ дѣйственная сила въ области пропаганды и агитаціи въ намѣченномъ направленіи будетъ проявляться полностью... Хорошо бы воздѣйствовать и на рабочихъ, но... тутъ ужъ что судитъ рокъ. Старанія приложить надо, рабочій вопросъ въ программу ввести необходимо, базировать только на этомъ ничего нельзя при самыхъ смѣлыхъ мечтахъ: тутъ приходится имѣть дѣло съ пролетаріатомъ!

Планъ, задуманный г. Струве, весьма недуренъ, но какъ онъ его разрабатываетъ? Г. конституціоналистъ во всемъ рѣжетъ на прямикъ: Стаховича вонъ, фальшивые девизы вонъ! Г. Струве каждое слово говоритъ съ оглядкой, всюду смотритъ, какъ бы не передорожить, какъ бы не упустить маленькой рыбешки и не захватить на тонкій крючечекъ слишкомъ большого сома... Каковы будутъ аграрная и рабочая программы реформъ, мы еще можемъ только догадываться, но по отношенію къ демократизму г. Струве уже высказался и высказался очень скупо и многосмысленно. Онъ счелъ нужнымъ соблюсти экономію на всеобщемъ избирательномъ правѣ: замѣтьте, что онъ даже не употребляетъ этого слова, считая его болѣе умѣстнымъ замѣнить неопредѣленнымъ (но именно своею „неопредѣленностью цѣннымъ“?) лозунгомъ — „всеобщая подача голосовъ“. Сюда, конечно, могутъ войти и непрямое представительство, и избирательныя куріи со множественнымъ вотомъ, австрійская система, бельгійская, мало ли что. Этотъ лозунгъ позволяетъ какія угодно комбинаціи съ собой и отступленія въ любую сторону.

Съ перваго же абцуга г. Струве пустился въ демократической программѣ на спекуляціи. И такая система, очевидно, входитъ въ его принципы. Вотъ что мы читаемъ въ разсужденіяхъ г. Струве о томъ, что есть программа:

„Опасно, увлекаясь стройностью и послѣдовательностью программы, забывать, что тактика, очень часто, если не въ огромномъ большинствѣ случаевъ, можетъ осуществлять программу лишь кусками, *урѣзывая ея красивыя формы*. Истинная политическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы, ясно оцѣнивая силы дѣйствительности, изъ тактическихъ соображеній не производить ненужныхъ ампутацій программы, и изъ ложно понятой доктринерской вѣрности программѣ *не допускать возможности реальныхъ успѣховъ. Намъ нечего настаивать на томъ, что вопросы политической тактики суть вопросы данныхъ обстоятельствъ времени и мѣста*. Таковы тѣ общія начала, при свѣтѣ которыхъ слѣдуетъ обсуждать и рѣшать вопросы о тактическихъ пріемахъ и лозунгахъ“.

Недурной свѣтъ общихъ началъ! Очевидно, это тотъ самый свѣтъ, о которомъ въ евангеліи сказано: если свѣтъ вашъ есть тьма, то что же тьма?! Хотя, впрочемъ, дальше въ бреттерскомъ издѣвательствѣ надъ прямой, обязательной для всѣхъ постановкой вопросовъ итти некуда... Г. Струве каждое слово употребляетъ двусмысленно, послѣ всякаго положенія говоритъ „а можно и наоборотъ“, ни одного принципа не выставитъ безъ того, чтобы не замѣтить „а придется, такъ и кастрируемъ его“... У насъ бывали на Руси всякіе оппортунисты, готовы они были отречься отъ чего угодно, даже напередъ заявляли о возможности такого казуса, но всегда это говорилось хоть съ извѣстнымъ конфузомъ, люди не считали своихъ поступковъ достойными, они лишь ссылались на силу, ломящую солому... Теперь же г. Струве говоритъ и объ обращеніяхъ къ „Верховной власти“ передъ лицомъ народа, о цѣнности неопредѣленныхъ лозунговъ именно потому, что они фальшивы, о программѣ, которой можно какъ угодно жонглировать — и именуетъ онъ все это политической мудростью, обставляетъ философскими соображеніями, изъ номера въ номеръ буквально каждый разъ провозглашаетъ красивымъ, изящнымъ (его любимыя словечки)... Какой то гордый, торжествующій развратъ цезарскаго Рима, священная проституція востока въ честь богини Астарты! А если взять сравненіе ближе, то это старое купеческое: „я — хозяинъ своему слову; сейчасъ далъ его, сейчасъ назадъ взялъ“...

Но, г. Струве, Вы совершенно забыли, что если „умѣренность обязываетъ“, то созданіе демократической партіи съ революціоннымъ ферментомъ обязываетъ тѣмъ болѣе. При Вашихъ тон-

кихъ сообразительныхъ способностяхъ, Вы должны были бы понять двѣ вещи:

1) Вамъ слѣдовало бы хоть на время бросить священную проституцію мысли въ честь полуконституціоналистовъ—потомъ наверстаете! Согласитесь, что, вѣдь, очень многихъ стошнитъ отъ Вашихъ прелестныхъ упражненій съ принципами и фальшивыми девизами

2) Вамъ не мѣшало бы понять, что та новая среда, которую Вы изыскиваете, не безнадежно-глупа и по бараньи на все согласна, чтобы Вы могли съ ней заигрывать фальсификаціями всеобщаго избирательнаго права и постройкой плавучей политической програмы.

Какъ это Вы не сообразите, г. Струве, что ничего не выйдетъ изъ того, что Вы воткнете демократическое знамя съ двусмысленными девизами въ слишкомъ опредѣленную и ни мало не сомнительную навозную кучу!

Только что въ № 37 „Искры" мы прочли: „№ 17 Освоб. принесъ много пріятнаго для Искры... потому, что ей пріятно было видѣть нѣкоторый результатъ своихъ усилій подвинуть г. Струве влѣво"... Результатъ усилій „Искры"! Почтенная редакція, очевидно, совсѣмъ лишена чувства смѣшного, и поэтому мы скоро узнаемъ много очень любопытныхъ вещей: азбука и книгопечатаніе изобрѣтены во времена оны потому, что въ началѣ 20-го вѣка должна была появиться „Искра", современныя работы надъ радіемъ производятся затѣмъ, чтобы и слѣпые отъ роду могли читать „Искру", и политическая, и соціальная революціи произойдутъ потому, что „Искра" подняла „побѣдоносную агитацію" и т. д. и т. д. Всюду „Искра", вездѣ она — тамъ она сотворила, въ другомъ мѣстѣ вызвала, въ третьемъ подтолкнула въ четвертомъ поощрила... Поймите же, господа, что это дѣтское хвастовство просто-на-просто смѣшно... Какъ вы хорошо умѣете его вскрывать въ „Революціонной Россіи" и въ то же время какъ зло подшучиваете сами надъ собой...

Смѣшно такое хвастовство всегда, а въ данномъ случаѣ тѣмъ паче. Хорошо подвинула „Искра" г. Струве влѣво, дѣйствительно, есть, чѣмъ похвалиться, если бы это былъ результатъ искровскихъ усилій! Въ № 27 „Искра" гнѣвно вопрошала: „какія же египетскія казни, какіе россійскіе скорпіоны нужны еще для того чтобы выпрямить, наконецъ, угодливо согнутую спину либеральнаго земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручнымъ ‚представителей русскаго правительства', но увѣреннымъ въ себѣ работникомъ народнаго освобожденія?!" И на старыя т египетскія казни взведенъ слишкомъ большой поклепъ — внимательное изученіе ветхаго завѣта говоритъ, что онѣ не такъ уж трашны были —, а новыя египетскія казни всей своей тяжесть

ложатся не на либераловъ, и либералы пробуждаются къ жизни не подъ пытками и скорпіонами, а когда правительство начинаетъ „переговоры“... Тогда ихъ менторы изыскиваютъ „работниковъ „народнаго освобожденія“... Не редакція ли „Искры“ направила и натолкнула эти поиски въ среду, пока еще считающуюся нашей? И во время этихъ поисковъ редакція „Искры“ не сочтетъ ли умѣстнымъ вновь повторить сказанное у нея въ № 16-омъ: „Не забудемъ только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плечѣ этого другого. Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставлять его двинуться на аршинъ“? А когда онъ, въ поискахъ за „работниками народнаго освобожденія“ двинется на аршинъ въ среду революціонныхъ разночинцевъ и успѣшно обладитъ свое предпріятіе, тогда редакція „Искры“ не процитируетъ ли изъ своего 17 №, что „на всякое поруганіе сколько нибудь честной земщины царскимъ правительствомъ“ пролетаріатъ долженъ „отвѣтить демонстраціями противъ разной мѣстной администраціи (губернаторовъ, жандармовъ, цензоровъ)“?

Но, впрочемъ, весьма возможно, что 17 № „Освоб.“ доставилъ „Искрѣ“ большую радость: о радостяхъ, какъ и о вкусахъ, не спорятъ... Точно также и всякій имѣетъ право быть смѣшнымъ, но „Искра“ напрасно злоупотребляетъ этимъ правомъ...

Повторимъ вкратцѣ выясненное нами о поворотахъ г. Струве. Когда то Глѣбъ Успенскій очень зло писалъ о красныхъ околышахъ: „...черезъ каждые три года и по уѣзднымъ, и по губернскимъ городамъ васъ собираютъ для того, чтобы напомнить о томъ, что вы въ самомъ дѣлѣ должны имѣть какія нибудь благія цѣли. Черезъ каждые три года 800 уѣздныхъ и 70 губернскихъ кафедральныхъ протопоповъ увѣщевали васъ безбоязненно шествовать по предначертанному пути, напоминая вамъ, что вы потомки предковъ, что предки были краеугольными камнями, и что вы также должны быть краеугольными... А вы все въ буфетъ да въ буфетъ...“ И г. Струве во имя благъ тѣхъ же околышей соревновалъ самымъ рьянымъ поклонницамъ Астарты, предававшимся священному разврату на большихъ дорогахъ, чтобы богиня разрѣшила ихъ безплодіе... А они все въ буфетъ да въ буфетъ, не смотря на самыя малыя требованія къ нимъ... Думалось, что ослабнетъ притягательная сила буфета, и въ первыхъ №№ „Освоб.“ не выставлялось никакой опредѣленной программы, тщательно избѣгались и даже достаточно побивались камешками всякія всеобщія избирательныя права, аграрные и рабочіе вопросы... И все таки они въ буфетъ да въ буфетъ... И этотъ буфетъ наконецъ убѣдилъ и гг. конституціоналистовъ, и г. Струве въ своемъ непоколебимомъ вліяніи на либеральныхъ земцевъ... А тутъ правительство вступаетъ въ переговоры, мысли-

мые только тогда, когда оно еще не долетѣло до пропасти... Нельзя въ буфетъ да въ буфетъ! Пусть въ немъ остаются гг. Стаховичи и Шиповы — кричитъ г. конституціоналистъ — а мы перейдемъ въ актовую залу къ письменному столу разрабатывать планы договоровъ съ правительствомъ, приходить къ взаимному соглашенію, чтобы единогласно выступить съ однимъ общимъ проектомъ... Г. же Струве болѣе основательно разсудилъ, что буфетъ — зло неизбѣжное, что околышъ — не работникъ, и что надо пріобрѣсти въ партію чернорабочую силу разночинцевъ, создать ею все и посредствомъ нея установить связи въ массахъ и опереться на нихъ...

Посмотримъ, насколько все это удастся г. Струве особенно при его волтижерской тактикѣ — игрѣ принципами, девизами, обѣщаніями... Съ своей стороны мы скажемъ вотъ что: что жъ, въ добрый часъ, въ архангельскую минуту! Вамъ нужны силы разночинцевъ — пробуйте вербовать ихъ. Для насъ тутъ серьезныхъ потерь не будетъ — не этими силами растетъ и крѣпнетъ движеніе пролетаріата. Словъ нѣтъ, что онѣ являются для насъ подсобными. Но онѣ будутъ подсобными и тогда, если образуется серьезная, на хорошихъ дрожжахъ вешедшая демократическая партія. Для соціалистическаго развитія пролетаріата эти силы дѣлаютъ очень мало, это только политическій ферментъ, а значеніе его учтется и въ вашихъ рядахъ, если это будетъ дѣйствительно серьезная демократическая партія.

Мы очень богаты силами, но мы не умѣемъ утилизировать ихъ какъ слѣдуетъ, и зачастую одной изъ причинъ является привходящая въ наши ряды демократическая интеллигенція. Она не въ состояніи какъ слѣдуетъ проникнуться интересами пролетаріата, она вноситъ путаницу и искривленныя буржуазными началами понятія — и въ нашу теорію, и въ нашу тактику. Чище будетъ воздухъ, опредѣленнѣе будутъ отношенія между вещами, когда останется одна рабочая (имѣемъ въ виду не происхожденіе) интеллигенція — разночинцы, которые дѣйствительно умѣютъ себя слить со всей жизнью пролетаріата, рѣшительно со всѣми проявленіями его борьбы и сознанія, и жить его будущимъ... Дружной сплоченной семьей, а не толпой разнокалиберныхъ элементовъ живая работа въ рабочемъ классѣ будетъ совершаться въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. И эта работа изъ среды пролетаріата вызоветъ на арену борьбы, на инипіативное поприще работы громадныя, мѣстами еще дремлющія, мѣстами не приспособившіяся и не развернувшіяся силы... Подъ косвеннымъ вліяніемъ буржуазныхъ началъ создаются теперь „ортодоксальнымъ" Ленинымъ его проекты рабочей организаціи, расточаются улыбки либераламъ, къ дѣятельности въ рабочемъ классѣ слишкомъ часто относятся по тактикѣ „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ", весьма блестяще бравируютъ пустыми рѣчами о демон-

страціяхъ для поддержки земщины и крайне неблестяще удовлетворяютъ даже такія насущныя потребности пролетаріата, какъ литература для массъ, какъ вовлеченіе въ организціи возможно большаго числа рабочихъ...

Дѣйствуйте, г. Струве, дѣйствуйте, расчищайте атмосферу — только безъ танцевъ и недостойныхъ увертокъ! Мы вамъ совершенно искренно желаемъ успѣха, ибо не намъ цураться вашихъ добрыхъ всходовъ, не намъ бояться вашей буржуазной политики, всегда имѣющей въ виду обмануть рабочій классъ. Вы сами, г. Струве, понимаете, что шутить надо очень осторожно: вы, какъ мы уже отмѣтили, не посмѣли ввести пролетаріевъ въ будущіе кадры вашей демократической партіи — прекрасно понимаете, что они туда не пойдутъ. Съ каждымъ днемъ наростаетъ все больше сила пролетаріата, увеличивается его сознательность, накаляются боевыя чувства — а это ничто иное какъ ростъ могучей Рабочей Партіи, хотя бы она не успѣла еще уложиться въ столь необходимыя организаціонныя формы. Но это вопросъ уже самаго ближайшаго будущаго, почти завтрашняго дня! Пролетаріатъ, и стихійно, и сознательно образовывающій изъ себя свою самостоятельную партію, въ состояніи понять васъ, гг. либералы, такъ, какъ Диккенсъ въ „Тяжелыхъ Временахъ" описывалъ когда то добраго буржуа мистера Баундерби... Этотъ мистеръ говорилъ, что Magna Charta Libertatum, и Bill of Rihgts, и Habeas Corpus, и „Боже, храни королеву", и „домъ англичанина — его крѣпость", всѣ и прерогативы короны, и конституціонные устои — это я, мистеръ Баундерби!

Мистеръ конституціоналистъ - Баундерби, мистеръ Струве - Баундерби! Пролетаріатъ васъ прекрасно пойметъ, оцѣнитъ и скажетъ вамъ: увы, друзья, намъ нужно столкнуть правительство въ пропасть, нашъ путь лежитъ черезъ революцію... Но, впрочемъ, не печальтесь, что ваши дипломатическія способности останутся безъ примѣненія — хотя въ пропасть и нѣтъ телефоновъ, но весьма возможно, что Николай II во время революціи сбѣжитъ куда нибудь за рубежъ, а туда есть телеграфы, и вы сможете вести съ нимъ переговоры, только не „отъ лица всей земской Россіи", а, напр., отъ лица ашантіевъ или еще лучше мандриловъ и павіановъ! Весьма возможно, что тамъ ощущается потребность въ земской дипломатіи! Справьтесь объ этомъ у г. Струве: ему какъ не знать! Въ идеалистахъ самодержавія онъ провидѣлъ полуконституціоналистовъ, про мандриловъ вамъ разскажетъ, что они получеловѣки, а, можетъ быть, уже даже близки и къ осьминникамъ конституціонализма... Можетъ быть, господа, случится и такъ: мандрилы изъявятъ свое согласіе покинуть старую родину и переселиться въ Россію, либеральные помѣщики, навѣрное, пріютятъ ихъ на своей территоріи, хотя бы для охра-

ны отъ крестьянскихъ мятежей, которые не сразу прекратятся и послѣ революціи — и вотъ тогда вы можете написать договоръ съ Николаемъ II и вмѣстѣ съ нимъ и прощенными полуконституціоналистами властвовать надъ мандрилами... Это вамъ вполнѣ замѣнитъ владычество надъ русскимъ борющимся народомъ — то владычество, котораго вы никогда не дождетесь!

Л. Надеждинъ.

О терроръ.

[Необходимыя разъясненія и дополненія къ стр. 77-90]

Немногія страницы, посвященныя нами вопросу о терроръ, вызвали очень много недоразумѣній — и въ литературѣ, и въ революціонныхъ собраніяхъ и кружкахъ; намъ были приписаны такія мысли, сторонниками которыхъ мы никогда не могли бы быть, съ нашими построеніями связали такіе выводы, противъ которыхъ мы первые всегда бы сочли нужнымъ вести энергичную борьбу. Кто виноватъ въ этомъ? Вдумываясь въ полемику и въ собственную брошюру, мы не можемъ сказать, чтобы наши противники были совершенно неправы; нѣтъ, есть вещи — и очень существенныя —, въ которыхъ они безусловно правы. Мы сами подали поводъ къ крайне нежелательнымъ истолкованіямъ нашихъ мыслей и, слѣдовательно, сами — беря вопросъ съ другой стороны, — способствовали распространенію ихъ въ ложномъ свѣтѣ, и поскольку это могло оказаться вреднымъ при рѣшеніи вопросовъ молодежью, постольку намъ приходится взять на себя отвѣтственность за причиненный вредъ. Объяснимся.

Въ предисловіи ко 2-му изданію „Возрожденія" (стр. V), охарактеризовавши моментъ, въ который писалась брошюра, мы говоримъ: „если бы намъ пришлось писать ее теперь, мы не написали бы ее такъ, какъ тогда. Вся она не столько разбираетъ вопросы, сколько передаетъ извѣстныя настроенія по поводу этихъ вопросовъ, набрасываетъ схемы новыхъ слагающихся мыслей". Это относится ко всѣмъ отдѣламъ брошюры. Думается намъ, что ни одинъ изъ нихъ — за исключеніемъ отдѣла о терроръ — не могъ пострадать отъ такого метода писанія, не могъ, благодаря ему, внести никакой смуты въ пониманіе вещей. Въ самомъ дѣлѣ, мы характеризуемъ рабочій классъ со стороны быстраго роста въ немъ политической борьбы; мы изображаемъ тѣ крайне важныя измѣненія міросозерцанія и обстановки, которыя произошли въ крестьянской средѣ по сравненію съ прошлымъ временемъ; мы

по отношенію къ „обществу“, сопоставляя его съ жизнью и требованіями массъ и съ предѣлами царскихъ уступокъ, выражаемъ надежду, что теперь это „общество“ будетъ радикальнѣе, чѣмъ прежде; — и исходя изъ всего этого, мы призываемъ товарищей къ усиленной политической агитаціи и организаціи во всѣхъ слояхъ народа и къ использованію всѣхъ теченій въ интересахъ рабочей революціи... Пусть тутъ многое очерчено контурами, нѣтъ строго опредѣленныхъ мыслей - формулъ, а только силуэты, нѣтъ разработки вопроса о средствахъ, а только бѣглые, общіе намеки, призывы къ дѣйствіямъ, — но вслѣдствіе этого читатель лишь не вынесетъ отвѣтовъ, какъ же именно онъ долженъ приступить къ дѣлу, какъ ему практически оріентироваться въ выдвигаемыхъ жизнью вопросахъ и т. д. Относительно этого ему придется уже работать самому, собственной мыслью искать, а такой работѣ мы ровно ничѣмъ не повредили, да и сами не особенно жалѣемъ, что брошюрѣ придали силуэтный характеръ — она достигла своей цѣли, если у кого либо изъ читателей пробудила интересъ къ болѣе широкой постановкѣ вопросовъ, послужила призывомъ къ использованію всѣхъ элементовъ борьбы во имя рабочей революціи...

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о террорѣ, — съ тѣмъ отдѣломъ, который мы ему посвятили. Начнемъ съ того, что по общей структурѣ брошюры терроръ никоимъ образомъ не долженъ былъ занять въ ней отдѣла. Дѣятельность въ рабочемъ *классѣ*, дѣятельность въ крестьянскихъ *массахъ*, дѣятельность въ *слоѣ* либерально-буржуазной интеллигенціи, дѣятельность въ *средѣ* учащейся молодежи — таковы отдѣлы брошюры. Это все извѣстныя *сферы*, въ связи съ которыми стоитъ вопросъ о выработкѣ и примѣненіи тѣхъ или иныхъ средствъ борьбы. Но терроръ — нѣтъ же какой нибудь спеціальной сферы или среды, которая была бы „террористической“; это — средство. А если это только средство, то оно не могло итти въ параллельномъ ряду съ тѣми слоями, необходимость работы среди которыхъ констатируетъ брошюра, оно должно было занять мѣсто на ряду со средствами вообще, о которыхъ говоритъ „Возрожденіе“, не разрабатывая прилежащихъ сюда вопросовъ. Сообразно съ этимъ и вопросъ о террорѣ или не долженъ былъ подвергаться той разработкѣ, которой онъ былъ подвергнутъ, а долженъ былъ быть просто отмѣченнымъ, или же, если почему либо признавалось необходимымъ выдѣлить его особо, то въ такомъ случаѣ нужно было посвятить ему обстоятельный разборъ.

Мы говоримъ это, конечно, не съ точки зрѣнія архитектоники брошюры — революціоннымъ писателямъ, наспѣхъ работающимъ, далеко не всегда можно объ этомъ заботиться. Тутъ дѣло въ томъ, что такимъ образомъ вопросъ о террорѣ сразу же занялъ фальшивую позицію. Онъ уже по самому своему мѣсту въ брошюрѣ

получилъ большее значеніе, чѣмъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ, на ряду со всѣми органическими сферами онъ самъ предсталъ какой то особой, тоже органической средой — вмѣсто того, чтобы получалось въ итогѣ: „ дѣйст*вовать* демонстраціями, стачками, протестами, терроромъ и т. д.“, стало получаться: дѣйст*вуютъ* рабочій классъ, крестьянство, учащаяся молодежь, общество и... терроръ... Вотъ та явная несообразность, которая обязана неправильной архитектоникѣ брошюры. И эта несообразность, несомнѣнно, могла оказаться вредной при усиленномъ ростѣ террористическихъ настроеній, когда понятія о роли и силѣ террора принимаютъ и самый фантастическій видъ, и формы, отвлекающія молодежь отъ массоваго движенія.

Дальше. Выдѣливъ терроръ въ совершенно неподходящій отдѣлъ, мы въ этомъ отдѣлѣ не совершили всей той работы, которая была необходима. Нельзя было ограничиться общимъ наброскомъ такого рискованнаго вопроса, какъ вопросъ о террорѣ; нельзя было не посчитаться основательно со всѣми доводами сторонниковъ террора, переносимаго въ нетлѣнномъ видѣ изъ прошлой эпохи. Насколько это важно, это видно изъ того гибельнаго сумбура, который поднятъ въ настоящее время партіей соціалистовъ-революціонеровъ, съ рабскимъ подражаніемъ стремящейся внести въ жизнь, въ среду молодежи всю психологію, всѣ методы разсужденій и всѣ пріемы послѣдняго, догоравшаго, уже упадочнаго періода Народной Воли...

* *
*

Какимъ образомъ разработанъ въ брошюрѣ вопросъ о террорѣ?

Съ первыхъ же словъ мы рѣзко выступаемъ противъ признанія за терроромъ какой бы то ни было „созидающей роли — творчества политическихъ формъ“. Затѣмъ ясно и прямо заявляемъ объ отсутствіи у террора устрашающей силы, о невозможности нагнать имъ панику на правительство нашихъ дней. Такимъ образомъ, мы совершенно недвусмысленно отмѣчаемъ, чѣмъ терроръ *не* можетъ быть, несмотря на утвержденіе тѣхъ или иныхъ его сторонниковъ. Чѣмъ онъ *не* можетъ быть, мы указываемъ и по отношенію къ его противникамъ: не можетъ разлагающе подѣйствовать на массовое движеніе, не можетъ оторвать работающихъ въ немъ силъ. Кромѣ того, взглядамъ противниковъ мы противопоставили свои положенія: не о парализующемъ вліяніи террора на массовую работу, а, наоборотъ, объ его эксцитативномъ значеніи... Изложеніе своихъ мыслей мы закончили слѣдующими заключительными словами:

„И никто васъ не обязываетъ при этомъ подыскивать тѣ же основанія для дѣйствій, что были у Народной Воли, никто васъ не обязываетъ копировать дѣятельность 70-хъ гг.,

никто васъ не заставляетъ забыть великой мощи массъ, творящихъ исторію. Мы многому научились въ послѣдніе 20 лѣтъ и нашъ научный багажъ остается и долженъ остаться при насъ; обстановка жизни страшно измѣнилась со времени 70-хъ гг. — и наше пониманіе ея должно намъ сопутствовать на каждомъ шагу нашей дѣятельности. Поэтому, работая для будущаго, мы ищемъ точекъ опоры въ настоящемъ, а не прошломъ; прошлое — это наши святцы, настоящее — это нашъ мечъ".

Когда мы писали брошюру, мы полагали совершенно достаточнымъ сказаннаго въ ней и сознательно уклонились отъ большей разработки темы. Въ нашемъ первомъ изданіи, съ которымъ мы выступали въ качествѣ новой группы, намъ важно было выяснить въ общихъ чертахъ наши взгляды на живые вопросы и тревоги современности — въ томъ числѣ (не отрицаемъ, что и главнымъ образомъ) наше отношеніе къ террору. Этимъ и опредѣлились рамки работы, которыя были бы гораздо шире, если бы мы поставили себѣ задачей пропаганду террористической идеи, обоснованіе ея со всѣхъ сторонъ.

Но по нашему глубокому убѣжденію, заниматься пропагандой терроризма, чтобы вызвать его появленіе, — съ одной стороны безплодное дѣло, а съ съ другой — вредное. Безплодное оно потому, что не только серьезнаго террористическаго теченія, но и даже серьезнаго единоличнаго акта нельзя вызвать никакой горой печатной бумаги. Если мы пишемъ о стачкахъ, демонстраціяхъ, необходимости усиленной агитаціи и пропаганды и т. д., то, конечно, отъ того, что мы выпустили листокъ или брошюру изъ типографіи, — отъ этого еще не устроится, наприм., грандіозная манифестація, на которой мы настаиваемъ. Но наше слово, попадая въ среду рядовыхъ людей (рядовыхъ — въ смыслѣ глубины мысли, шири желаній, инициативы), безплоднымъ не останется; сами эти люди, по отсутствію у нихъ многихъ данныхъ, не пойдутъ сейчасъ устраивать манифестаціи; для начала необходимы во всѣхъ смыслахъ большіе люди; но мысль, усвоенная всѣмъ существомъ рядовымъ народомъ, усвоенная условно (я бы пошелъ, если бы...) — она, и только она, способна породить большихъ людей... Ибо вся жизнь охвачена одной потребностью, все сильнѣе мучащей рядовыхъ личностей; въ смѣломъ умѣ, въ могучемъ талантѣ, въ беззавѣтной удали нуждается эта живая жизнь, — а она слишкомъ богата, чтобы при такой интенсивности желаній не выдвинуть изъ себя крупныхъ боевыхъ силъ... Тѣхъ силъ, которыхъ нельзя создать ни желѣзной логикой научнаго слова, ни пламенной страстью памфлета... Только ростъ рядовыхъ людей, вздымающій жизнь, вздымаетъ и великій авангардъ борьбы... Большіе люди потомъ своими словами, дѣйствіями, примѣромъ еще выше подымаютъ создавшую ихъ раскаленную среду,

но сперва имъ надо самимъ подняться изъ ея „свѣта и пламени“....

И вотъ *слово* о стачкахъ, демонстраціяхъ и т. д. является всегда крайне полезнымъ словомъ, сѣя вокругъ себя мысль, возбужденіе, порывъ къ дѣйствію, которое лишь ждетъ для себя инииціативной мощи. А *слово* о террорѣ? Отдавъ себѣ отчетъ въ немъ, три четверти рядовыхъ людей скажутъ совершенно откровенно: мы бы этого не исполнили. Они могутъ логически убѣдиться, что необходимъ терроръ, страстное слово ихъ можетъ взбудоражить, но никакое слово не создастъ среди нихъ дѣйственнаго настроенія. Исполать тѣмъ, кто терроръ призналъ нужнымъ и будетъ осуществлять! Всякаго имъ успѣха! Но зачѣмъ ко мнѣ обращенъ террористическій призывъ, когда мнѣ не приходится думать сейчасъ о томъ, какъ бы я смогъ взять на себя какую нибудь мелкую функцію террористическаго предпріятія? Мнѣ раціональнѣе не фантазировать на этотъ счетъ, а думать о той функціи, которую я дѣйствительно теперь же и могу, и долженъ выполнять... Такимъ образомъ, въ средѣ рядовыхъ людей слово о террорѣ не можетъ создать тѣхъ мыслей, потребностей, тяготѣній, которыя выдвигаютъ большихъ инииціативныхъ людей, нужныхъ для террора, понятно, не меньше, чѣмъ для всего другого... Поэтому мы и считаемъ безплоднымъ дѣломъ всякую пропаганду террора съ цѣлью вызвать его, всякіе бумажные призывы къ террору...

А вредно это съ нашей точки зрѣнія потому, что разговоры о террорѣ дѣйствуютъ развращающе, отталкиваютъ отъ серьезной работы и превращаютъ въ болтуновъ. Конечно, и вообще всякіе „разговоры“ способны такъ же дѣйствовать; но, во первыхъ, если мы имѣемъ дѣло не съ революціонными Репетиловыми, а просто съ людьми, еще не пристроившимися къ работѣ, то всегда — или во всякомъ случаѣ часто — есть возможность хоть бы мелочами перекидывать мостикъ отъ словъ къ работѣ, ибо эта работа, какъ далеко ни стой отъ нея, постоянно будетъ сама подходить къ тебѣ; а во вторыхъ, крайне тѣсно связанный съ напряженнымъ непосредственнымъ чувствомъ, съ проявленіемъ самаго высокаго героизма, съ полнымъ проникновеніемъ личности потребностями революціи, наконецъ, неизбѣжно и сознательно завершаемый кровавымъ концомъ — вопросъ о террорѣ отличается отъ всѣхъ другихъ вопросовъ. Здѣсь каждое слово — вся нравственная природа человѣка, а такими словами не разговариваютъ, ими рѣшаютъ, когда насталъ на то моментъ. И сколько мы не знаемъ примѣровъ „разговора“ о террорѣ, когда онъ не совершался, мы не знаемъ ни единаго изъ нихъ съ благими результатами и знаемъ очень мало, когда бы „разговоры“ плохо не отражались на людяхъ въ смыслѣ ихъ серьезнаго отношенія къ жизни....

„Возрожденіе“ мы писали еще даже до выстрѣла Карповича — тѣ строки, которыя посвящены этому событію, написаны че-

резъ годъ, если не больше, послѣ того, какъ брошюра уже была готова, и вставлены при корректурѣ... Появлялись только террористическія тенденціи, но дѣйствій террористическихъ не было.... И придерживаясь изложенныхъ сейчасъ мыслей, мы сочли возможнымъ ограничиться тѣми предѣлами, въ какихъ построенъ отдѣлъ о террорѣ.

* *
*

Мы выдвинули экситативное значеніе террора. „Смыслъ этого страннаго, по истинѣ варварскаго термина (экситативный) очень хорошо передается русскимъ словомъ: возбуждающій, какъ справедливо пояснилъ въ скобкахъ самъ авторъ“ — говорится въ статьѣ „Логика русскаго терроризма“ (Искра, № 26). Не споримъ, что этотъ терминъ довольно таки „варварскій“. Но мы считаемъ небезынтереснымъ обратить вниманіе вотъ на что. Если намъ не измѣняетъ память, то, за исключеніемъ настоящей замѣтки, мы сами слово экситативный употребили *единственно* только въ брошюрѣ „Возрожденіе“ и въ ней всего лишь *два* раза, и на этомъ терминѣ мы, конечно, не стали бы настаивать, могли бы вмѣсто него употребить „стеническій“, просто „возбуждающій“ и т. д. Но терминъ этотъ быстро пошелъ въ ходъ, мы много разъ встрѣчали его и въ литературѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ. Почему? Можетъ быть, мы и ошибаемся, но намъ кажется, что это не случайно.

Начнемъ съ такого эпизода. Сперва мы хотѣли напечатать „Возрожденіе“ не заграницей, а въ Россіи. Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ — не теперешняя, а „южная“, выпустившая пресловутый „Манифестъ“ — соглашалась отпечатать его въ своей типографіи, при чемъ намъ было сдѣлано предложеніе: если мы выкинемъ совершенно отдѣлъ о террорѣ, то брошюру соціалисты-революціонеры готовы издать отъ имени своей Партіи, которая, какъ извѣстно, отрицала терроръ. Завязались у насъ по этому поводу разные разговоры, и такъ какъ русскіе люди не умѣютъ никогда прямо и исключительно говорить о дѣлѣ, — то сейчасъ же начался горячій споръ о террорѣ, хотя у насъ не было взаимныхъ намѣреній убѣждать другъ друга. Въ этомъ спорѣ послѣ разнаго рода аргументовъ и съ той, и съ другой стороны — мнѣ пришлось сказать примѣрно такъ:

— Ну, вдумайтесь же... Мы отнимаемъ у даннаго орудія борьбы всѣ специфическія свойства стараго террора, мы настаиваемъ на томъ его значеніи, которое въ сущности не даетъ ужъ намъ даже права называть его терроромъ... Да вотъ мы и указываемъ, что назвали бы данный методъ борьбы экситаризмомъ, если бы было въ оборотѣ такое слово...

Здѣсь произошло нѣчто, совсѣмъ неожиданное для меня.

— Экситаризмъ, экситативный... — съ живостью, спотыкаясь на „варварскихъ“ терминахъ, заговорилъ одинъ изъ наибо-

бѣе видныхъ представителей Партіи Соц.-Рев. — Да, вотъ именно... Страшно необходимо что нибудь возбуждающее, бодрящее, именно эксцитативное... Раскисло все кругомъ... Ну да, если не терроризмъ, а эксцитаризмъ — тогда, конечно...

— Тогда, конечно, ... ?

Черезъ какую нибудь минуту онъ самъ смѣялся.

Это я не анекдотъ разсказываю, и данный эпизодъ не можетъ, конечно, выставлять въ комическомъ видѣ человѣка, о которомъ я говорю. Это очень сложная психологическая картинка; за вычетомъ изъ нея всѣхъ привходящихъ въ нее личныхъ элементовъ, останется именно то самое, что намъ интересно сейчасъ: въ тотъ моментъ всюду ощущалась потребность въ чемъ то возбуждающемъ, взбадривающемъ, *эксцитативномъ*, и какое нибудь общее формулирующее слово, которое схватывало бы эту потребность, — оно крайне нужно было... До такой степени нужно, что за самымъ звукомъ слова на мгновенье забывалось его содержаніе... Мой собесѣдникъ слишкомъ уменъ былъ для того, чтобы не понять, что назови извѣстный образъ дѣйствія „терроризмомъ“ или „эксцитаризмомъ“ — рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же отрицаемомъ имъ орудіи борьбы... Но на минуту онъ забылъ это за звукомъ словъ, намекавшихъ на ту мысль, которой онъ былъ самъ поглощенъ...

Мнѣ приходилось излагать „Возрожденіе“ въ кружкахъ молодежи раньше, чѣмъ оно было напечатано. И соглашались ли съ послѣднимъ отдѣломъ или нѣтъ, но слово „эксцитативный“ удивительно схватывалось сейчасъ же, и шли разговоры на эту тему часто совершенно безъ связи съ брошюрой и тѣмъ болѣе съ ея послѣднимъ отдѣломъ... Должно быть, и впослѣдствіи, когда всюду въ литературѣ стали пользоваться этимъ — еще разъ сознаемся: „варварскимъ“ — терминомъ, не отмерла пора для него, безотносительно даже къ тому содержанію, которое было связано съ нимъ...

Но это мимоходомъ.

Наша брошюра вся писалась въ атмосферѣ поисковъ за „чѣмъ то эксцитативнымъ“. Жизнь несомнѣнно поднималась, бродили въ ней новыя начала, всюду вѣяло весной, но старая инертность такъ оковывала всякій живой порывъ, что получалась картина какого то склепа, въ которомъ начинаетъ развиваться жизнь, но сколько она ни бьется о крѣпкіе затворы этого склепа, — ей нѣтъ выхода, изъ каждыхъ двухъ шаговъ впередъ одинъ непремѣнно глушится смертью... И мы писали тогда:

> „Вся машина политической борьбы въ полномъ сборѣ въ настоящее время: рабочее движеніе выдвигаетъ необходимость активно выступить противъ правительства, даже выступаетъ, революціонеры считаютъ необходимость политической борьбы за азбучную истину, всюду совершенно готова почва для протестовъ и отпоровъ, — и, однако, заквас-

ка старой инертности сковываетъ и по сей часъ всякую широкую инициативу. Все снарядилось уже въ путь, но медлитъ сдѣлать первый рѣшительный шагъ. Смести съ лица земли инертность, внести всюду страстность борьбы, духъ почина — это теперь можетъ сдѣлать только терроръ."

И сообразно съ этимъ мы роль террора опредѣлили, какъ „роль приводнаго ремня къ маховому колесу политической идеи".

Передумывая это сейчасъ, мы можемъ сказать, что не ошиблись въ двухъ вещахъ: 1) мы правильно обрисовали положеніе дѣлъ того времени съ соціально-психологической стороны и 2) выходомъ изъ него вѣрнѣе всего и скорѣе всего долженъ былъ явиться террористическій фактъ. Съ какой бы стороны ни оцѣнивать выстрѣлъ П. В. Карповича, но въ исторію запишется непреложнымъ фактомъ, что онъ разрядилъ атмосферу, что онъ сыгралъ для всего окружающаго — главнымъ образомъ мы имѣемъ сейчасъ въ виду революціонную среду — громадную эксцитативную роль. Можно сказать, что въ такой роли могло бы появиться и что либо другое, и для этого перебирать тѣ или иныя событія рабочей крестьянской, студенческой жизни, благо ихъ теперь накопилось много. И это будетъ вѣрно, но такъ же, какъ и то, что по теоріи вѣроятностей, наборщикъ, продѣлывая милліарды комбинацій съ своей кассой, въ концѣ концовъ механически сочинитъ „Генріаду" Вольтера, какъ когда то утверждалъ, кажется, Дидро... Ближе всего и естественнѣе всего по структурѣ русской жизни выходъ изъ ужаснаго сочетанія тьмы со свѣтомъ подсказывался какъ выстрѣлъ — и онъ былъ данъ...

Именно такое и такимъ путемъ разряженіе энергіи въ окружающемъ мы, образовывавшіе тогда группу „Свобода", предвидѣли, и всецѣло подъ такимъ настроеніемъ, не нашимъ личнымъ, а, можно сказать, всеобщимъ, писалась брошюра... Да, мы имѣемъ право сказать: всеобщимъ. Исторія уже разсказала намъ, какое коллективное начало лежало въ выстрѣлѣ Вѣры Засуличъ, и не явись эта героическая дѣвушка, актъ, выполненный ею, былъ бы выполненъ другими; это же самое исторія засвидѣтельствуетъ и о Петрѣ Карповичѣ, дѣйствіе котораго всесторонне слито съ потребностями и настроеніемъ революціоной среды того времени. Это настроеніе момента наложило и на написанное нами свою печать, и нѣкоторые изъ вопросовъ явились у насъ въ черезчуръ сильномъ освѣщеніи переживаемаго времени. Во первыхъ, мы взяли слишкомъ вширь значеніе эксцитативности, во вторыхъ, слишкомъ обобщили его для будущаго. Разберемся въ этихъ обоихъ преувеличеніяхъ.

* * *

Въ „Зарѣ" (№ 2-3, стр. 352-353) тов. В. З. утверждаетъ, что мы хотимъ терроромъ „подстегивать" рабочее движеніе, что тер-

оръ нуженъ намъ лишь для экспцитированія этого движенія. У асъ никогда даже и мысли объ этомъ не было — никогда мы не мотрѣли на терроръ, какъ на хлыстикъ для рабочей борьбы. Но ѣмъ не менѣе В. З. и многіе другіе, повторявшіе за нимъ то же амое, взвели на насъ напраслину по нашей собственной винѣ. ъ отдѣлѣ о террорѣ попадаются такія фразы, которыя можно ыло бы истолковать иначе лишь въ томъ случаѣ, если бы критика читалась съ той общей почвой и концепціей брошюры, которую мы ыясняемъ сейчасъ. Но такое требованіе можно было бы предъ- вить лишь къ людямъ, очень близко стоящимъ къ русской жиз- п, переживающимъ въ деталяхъ всю сложность момента... Къ ожалѣнію, рецензентъ, повидимому, не знакомъ съ живой жиз- нью — и потому, вполнѣ естественнымъ, правильнымъ явилось о мнѣніе, которое онъ вынесъ, напр., изъ такихъ строкъ:

„Самъ по себѣ ходъ рабочаго движенія, хотя бы и все ускоряющійся, слишкомъ тяжеловѣсенъ, чтобы проникнуть во всѣ поры русской жизни, чтобы поднять настроеніе до самой *высокой точки* кипѣнія даже въ рабочей средѣ, не говоря уже о дѣйствующихъ тамъ агитаторахъ или объ оппозиціонныхъ элементахъ русскаго общества. Надо, чтобы политическія теченія въ рабочихъ массахъ провели въ жизни слишкомъ глубокія борозды, чтобы на каждомъ перекресткѣ только и слышалось о волненіяхъ рабочихъ массъ, преслѣдующихъ политическія цѣли — лишь только въ такомъ случаѣ всколыхнется все сонно-живущее и забьетъ въ набатъ. Но политическое рабочее движеніе, вѣдь, только еще начинается, и потому, оно не въ состояніи при *ординарномъ ходѣ вещей*, создать такой животворящей атмосферы, необходимъ сильный толчекъ для этого движенія, и его дастъ терроръ.“

Есть и другія мѣста (если взять ихъ вырванными изъ конекста), будто бы свидѣтельствующія объ экспцитированіи терроомъ рабочаго движенія. Но если читатель какъ слѣдуетъ разбеется въ брошюрѣ, въ общемъ ея тонѣ и связи частей, онъ увиитъ, что этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Мысль отдѣла о террорѣ аключается въ томъ, что терроръ взбодритъ интеллигентныя сиы, вдохнетъ въ нихъ духъ живъ, — и дальше изображается, каимъ образомъ подъ напоромъ живыхъ силъ всюду выбьется наужу уже скопившаяся мощь, какимъ добрымъ огнемъ разгорятı мигающіе огоньки... Но мысль, которую вкладывали мы въ ксцитативное значеніе террора для интеллигенціи, помимо наей воли (но по нашей винѣ), перелилась въ картины, окружающія эту мысль... Тѣ же краски, которыя были въ этой мысли, ослужили и для изображенія поднявшейся жизни массъ — подявшейся не вслѣдствіе террора, а вслѣдствіе того, что соціали-

стическая интеллигенція внесетъ туда не прежній объемъ работы... Раздадутся вопросы въ рабочей средѣ „почему? почему раздаются эти выстрѣлы?“, и революціонеры „бодрые духомъ, съ повышеннымъ тонусомъ жизни“ будутъ давать на нихъ отвѣты, а вопросы будутъ рождаться одинъ за другимъ — такъ у насъ сказано. В. З. совершенно справедливо замѣчаетъ, что „изъ среды рабочихъ раздается теперь гораздо больше всякихъ ‚почему?‘, „чѣмъ успѣваютъ давать отвѣты революціонеры“. Это несомнѣнно такъ, и какъ это „почему?“, такъ и другія мѣста, дающія поводъ къ тѣмъ выводамъ, которые сдѣлалъ В. З., повторяемъ, представляютъ изъ себя криво отраженный свѣтъ другой мысли —объ экситированіи соціалистической интеллигенціи терроромъ...

То, что мы пишемъ, это не какіе нибудь извороты, которые помогали бы намъ софистическимъ путемъ сводить концы съ концами у прошлыхъ нашихъ мыслей и теперешнихъ. Для насъ было бы гораздо проще и легче отказаться отъ извѣстныхъ сужденій и сказать, что теперь мы думаемъ иначе. Но мы именно и раньше не смотрѣли на терроръ, какъ на эксцитацію рабочаго движенія — это фактъ, и вотъ строки, которыя, по нашему мнѣнію, достаточно свидѣтельствуютъ о немъ:

„Противники терроризма, если и сочтутъ нужнымъ бороться противъ него, освѣщать его съ отрицательной стороны, то они же сами выдвинутъ въ качествѣ argumentum heroicum необходимость усиленной политической агитаціи въ массахъ, и скромная политическая пропаганда, не вѣдающая ни дня, ни часа воплощенія въ жизнь своихъ идеаловъ, смѣнится этой непрестанной агитаціей, зовущей на погребеніе существующаго политическаго строя и созданіе новаго.

„*А это то именно и есть та цѣль, которую стремится выдвинуть терроръ. Разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ — его эксцитативная (возбуждающая) роль сыграна*, и останется ли онъ тогда уже въ качествѣ дѣйствительно *террора* или сейчасъ же уступитъ мѣсто ряду вооруженныхъ массовыхъ нападеній на правительственныхъ властей—рѣшатъ обстоятельства, рѣшитъ сама жизнь.“

Н. Ленинъ („Что дѣлать?“, стр. 58) пишетъ: „Свобода хочетъ *замѣнить* (курс. Ленина) агитацію терроромъ, признаваясь прямо, что ‚разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ, его эксцитативная роль сыграна‘“. Удивительная логика! Какая же тутъ замѣна, когда мы „признаемся прямо“, что эксцитативная роль террора кончается на порогѣ энергичной агитаціи въ массахъ! Можно говорить, что нами совершенно ложно приписана такая роль террору, но какъ можно обозвать „замѣной“ то, что на русскомъ языкѣ стоитъ въ самой прямой связи съ терми-

нами „вызвать“, „возбудить“... И ужъ какимъ это образомъ тутъ можетъ найтись свидѣтельство недооцѣниванія нами революціонной активности массъ, какъ утверждаетъ Ленинъ на той же страницѣ, — мы совсѣмъ отказываемся понимать... Перечтите все то, что мы говоримъ въ „Возрожденіи“ о рабочемъ классѣ — и вы сами уберете прочь вашу парфянскую стрѣлу... Мы поставили рабочее движеніе въ центрѣ всего, только на немъ одномъ мы и основывали, и основываемъ сейчасъ всѣ наши лучшія надежды, и лишь въ его дѣйствіяхъ, сильныхъ, могучихъ, ломающихъ весь укладъ старины и не призрачно, а реально движущихъ настоящее къ великому будущему, — мы видимъ Россію спасенной отъ ига всякихъ тирановъ... Когда мы писали нашу брошюру, у насъ не было ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что въ рабочемъ классѣ жизнь бьетъ ключемъ, что она и муками борьбы за существованіе, и муками мысли рождаетъ безпрестанно тысячи новыхъ потребностей и запросовъ, и все, что мы успѣли развить потомъ въ нашихъ литературныхъ работахъ относительно силы и мощи рабочаго движенія, красоты нарождающихся въ немъ типовъ — это мы не потомъ усвоили, приглядываясь къ жизни, это было въ нашихъ убѣжденіяхъ и въ нашемъ сознаніи, когда мы работали надъ первой брошюрой... А разъ оно было, то не могли мы одновременно полагать, что рабочее движеніе надо „подхлестывать“ терроромъ или чѣмъ либо другимъ...

Если въ чемъ мы сомнѣвались, то это въ томъ, чтобы рабочее движеніе „подхлестнуло“, если ужъ употреблять такой терминъ, энергію и иниціативу соціалистической интеллигенціи, чтобы это движеніе вдохнуло въ нее тотъ духъ бодръ, котораго ей такъ недоставало тогда въ нужныхъ размѣрахъ... Ошиблись мы или нѣтъ? Намъ очень бы хотѣлось признаться въ своей ошибкѣ, и если бы мы выпускали „Возрожденіе“ вторымъ изданіемъ годъ или полтора назадъ, передъ нами были бы всѣ данныя или много данныхъ съ радостью сказать: да, мы ошиблись! Всѣ эти вскипѣвшія волны протеста, всѣ эти студенческія волненія, общественный подъемъ, все до мелочей, часто само не зная и не понимая, отражаетъ въ себѣ пульсъ рабочей жизни; духъ энергіи и героизма, съ такой силой и страстью господствующій въ рабочей средѣ, передается во всѣ сферы, накаляетъ ихъ, неумолчно зоветъ въ бой... Мы бы могли сказать такъ годъ-полтора тому назадъ. Но теперь... Рабочее движеніе не только не ослабѣло, но являетъ собою такіе поразительные факты роста и энергіи, какіе и не снились прошлымъ временамъ. Но если не закрывать глаза на вещи, то мы увидимъ, что ростовскія, тихорѣцкія, батумскія, бакинскія, златоустовскія событія и въ сотой части не отразились такъ на общемъ подъемѣ энергіи, какъ они должны были бы отразиться... Страшная кровавая трагедія въ Златоустѣ не имѣла того возбуждающаго значенія, какъ ничтож-

ное по сравненію съ ней максвеллевское дѣло; ростовскія событія, далеко оставившія за собою и питерскія стачки, и обуховскую оборону, будутъ въ литературѣ еще чаще встрѣчаться, чѣмъ царское спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ, но это „спасибо" отразило въ литературѣ ту не малую „благодарность", которою дѣйствительно проникласъ жизнь, а ростовскія событія, несмотря на всю свою грандіозность, прошли по обще-русской жизни очень вяло, сѣро... „Искра" это легко можетъ объяснить отсутствіемъ у насъ единой всероссійской организаціи, благодаря чему затруднено агитаціонное использованіе фактовъ, но мы, ничуть не отрицая важности и крайней необходимости всероссійской организаціи, думаемъ, что тутъ на вопросъ приходится посмотрѣть съ другой стороны. Хотите ли вы признать этотъ фактъ или нѣтъ, но онъ таковъ, что свидѣтельствуетъ объ ослабленіи живого интереса къ рабочему движенію, о томъ, что послѣднее все больше завоевывая жизнь, собираясь въ грозовыя тучи надъ трономъ, гремя надъ нимъ воистину революціонными громами, все же теряетъ свою эксцитирующую силу надъ соціалистической интеллигенціей, или, точнѣе, эта соціалистическая интеллигенція сама не воспринимаетъ во всей полнотѣ той эксцитирующей силы, которой такъ богато рабочее движеніе...

Въ № 2 „Канупа Революціи" мы останавливаемся подробнѣе на этомъ вопросѣ, а теперь мы принуждены ограничиться сказаннымъ. Если мы ошибаемся, если въ рядахъ соціальдемократической интеллигенціи нѣтъ охлажденія къ рабочему движенію, остающемуся у многихъ только въ гербѣ, но не являющемуся живымъ стимуломъ къ революціонной работѣ — тѣмъ лучше! Такую ошибку никогда не поздно исправить, если же это не ошибка, то нужно констатировать фактъ и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы рабочее движеніе проявляло всю свою великую мощь въ дѣлѣ эксцитированія соціалистической интеллигенціи... Мы, къ сожалѣнію, убѣждены, что это не ошибка.

* *
*

Эксцитативная роль террора по отношенію къ интеллигенціи у насъ разрослась не только вширь, легши своею тѣнью на рабочій классъ, но, такъ сказать, и вдаль. Та необходимость эксцитативнаго удара, которая чувствовалась въ данный моментъ, была обобщена безъ всякихъ оговорокъ въ эксцитативное значеніе террора для неопредѣленно-длительнаго будущаго. Это, несомнѣнно, наша ошибка. Имѣетъ ли терроръ возбуждающее значеніе? — въ такой общей и категорической формѣ вопросъ даже не можетъ быть поставленъ. Все зависитъ отъ среды и совокупности обстоятельствъ въ данный моментъ. Хотя мы трактовали вопросъ объ эксцитативномъ вліяніи террора лишь на среду дѣйствующихъ революціонеровъ (а дальше это вліяніе сказывалось уже посредственно), и поэто-

му намъ теперь можно было бы ограничиться пересмотромъ вопроса только въ этомъ смыслѣ, — но мы позволимъ себѣ хотя вкратцѣ остановиться на разныхъ средахъ.

Въ № 37 „Искры" помѣщена интересная статья „Убійство Сипягина — въ провинціи". Въ ней А. Свѣтловъ излагаетъ впечатлѣнія, полученныя имъ въ большомъ провинціальномъ городѣ, въ разныхъ его слояхъ непосредственно послѣ убійства Сипягина. Оговоримся, что къ этой статьѣ приходится относиться съ большой осторожностью: поскольку начало ея вполнѣ объективно, постольку дальше съ развитіемъ темы и особенно къ концу ясно чувствуется тенденціозность. Чтобы не быть голословными, приведемъ примѣръ (все равно онъ намъ пригодится). А. Свѣтловъ старается нарисовать „разницу впечатлѣній, которая сказалась въ мѣстномъ обществѣ по поводу убійства Сипягина и бывшей за годъ демонстраціи у Казанскаго собора и затѣмъ студенческихъ волненій". „Помню — пишетъ А. Свѣтловъ — что, когда дошли первыя извѣстія о студенческихъ волненіяхъ и демонстраціи 4-го марта, то общество мѣстное, съ верховъ и до низовъ его, все встрепенулось и *какъ будто на мигъ* готово было приступить къ самодѣятельности. Постоянныя сообщенія изъ Петербурга и другихъ городовъ о студенческихъ забастовкахъ *въ связи съ поддержкой ихъ рабочими* пробудили здѣсь столько розовыхъ иллюзій, что мѣстные старожилы * не могли припомнить *ничего подобнаго* въ жизни мѣстнаго общества *даже во времена* самой страстной террористической борьбы. Дѣйствительно, возбужденность здѣсь дошла *до такой степени*, что мѣстные адвокаты устроили нѣсколько вечеринокъ съ цѣлью собрать средства на помощь студентамъ и демонстрантамъ — чего почти не встрѣчается (такъ ли? Л. Н.) въ лѣтописяхъ современнаго провинціальнаго города... Вездѣ говорилось о томъ, что мы переживаемъ ‚канунъ революціи'". При убійствѣ же Сипягина — говоритъ А. Свѣтловъ — „происходило совершенно обратное": „обыватель, какъ громомъ пораженный убійствомъ Сипягина, старался выставить себя современнымъ передовымъ человѣкомъ и потому (?!) преклонялся предъ героизмомъ убившаго, но въ мысляхъ у него и тѣни того не было, что мы переживаемъ ‚канунъ революціи'. Онъ радъ избавленію отъ деспота-министра, но у него проскальзываетъ уже мысль ‚моя хата съ краю'"...

Вотъ картина, вся составленная изъ натяжекъ! Автору хочется противопоставить „преимущественное вліяніе на общество" „массовыхъ формъ борьбы" „террору", и онъ не анализируя матеріала, производитъ съ нимъ самыя произвольныя опера-

---

* Въ скобкахъ сказать „старожилы" и „очевидцы" — самые недостовѣрные свидѣтели... Л. Н.

ціи. * Онъ не подумалъ, что возмущеніе въ обществѣ лишь отчасти произвелъ фактъ казанской демонстраціи, что тутъ вовсе ужъ не такъ существенно и важно участіе рабочихъ, къ которымъ „общество" совсѣмъ не такъ относится, какъ мы съ тов. Свѣтловымъ. Онъ не подумалъ, что возбужденіе главнымъ образомъ обязано тому, что въ каждомъ домѣ Рахиль плакала о дѣтяхъ своихъ и не могла утѣшиться, — у каждаго акцизнаго, купца, дьячка, у самихъ ихъ или у родныхъ были арестованные сыновья-студенты... Авторъ не подумалъ, что тутъ дѣло болѣе близкое, чѣмъ при убійствѣ Сипягина. И не подумавши объ этомъ, онъ не понялъ, что надо противопоставлять — если дѣлать ужъ противопоставленія — не казанскую демонстрацію выстрѣлу Балмашева, а убійство Боголѣпова убійству Сипягина...

Попробуемъ сдѣлать набросокъ противопоставленія двухъ политическихъ убійствъ въ связи съ „обществомъ". Соціалисты-революціонеры совершенно справедливо писали въ своихъ прокламаціяхъ и статьяхъ, что Сипягинъ былъ „самый злой врагъ народа и его свободы". Да, даже и съ малой частью нанесеннаго имъ вреда не пойдутъ въ сравненіе всѣ подвиги Боголѣпова... Но возьмемъ для примѣра нѣкоторыя изъ дѣяній Сипягина въ ихъ связи съ обществомъ. Онъ запрещалъ даже кормить голодающихъ... Онъ препятствовалъ всякимъ скромнымъ культурнымъ начинаніямъ... Онъ разстрѣливалъ народъ и обѣщалъ кровью его залить всю Россію... Онъ хотѣлъ упразднить литературу и изничтожить всякихъ „писателишекъ"... И это были не только хотѣнія, но они всячески приводились въ дѣйствіе... И что же „общество"? Было бы неправдой сказать, что вотъ это общество честныхъ, хорошихъ, европейски-думающихъ и человѣчески-чувствующихъ людей рисуется, благородничаетъ своимъ желаніемъ накормить мужика, погибающаго въ голодѣ... Нѣтъ, оно дѣйствительно, всей душой хочетъ его накормить... Но это не такое хотѣнье, которое преодолѣетъ собой все, что попытается помѣшать ему... Мать не остановится ни передъ чѣмъ, когда гибнетъ ея ребенокъ съ голоду... Если бы вся правительственная власть превратилась въ одинъ страшный, антропоморфный образъ царя голода, гложущаго ея ребенка, — мать забыла бы, что ея силы слабы, что борьба не равна, и вступила бы въ отчаянную схватку съ чудовищемъ... Общество добрыхъ, сердечныхъ людей, искренно желающихъ накормить мужика, когда были поставлены рогатки въ деревню, когда полицейская палка стала вышибать хлѣбъ изъ дающихъ рукъ — что сдѣлало это общество? Даже голодныхъ не даютъ кормить! — и тихо, и громко говорило оно, но нигдѣ не постаралось пробиться

* Всѣ кавычки въ этой фразѣ принадлежатъ намъ: мы беремъ въ нихъ ходячія выраженія.

илой для того, чтобы сунуть голодному кусокъ хлѣба... Никто
е сказалъ себѣ: пусть существуютъ запреты, а я пойду въ Не-
зловку и дамъ ломоть голодному! За это меня посадятъ въ тюрь-
му? Въ тюрьму за помощь голодающимъ, за кусокъ хлѣба и
ашку квашеной капусты! — да можетъ ли имѣть что либо боль-
шее агитаціонное значеніе, чѣмъ такой фактъ, чѣмъ рядъ—имен-
но рядъ—такихъ фактовъ!... И никто этого не сдѣлалъ, никто
на это не пошелъ. А, между тѣмъ, это было бы самымъ естествен-
нымъ рѣшеніемъ, если бы потребность въ помощи голодающимъ
была сильнѣйшимъ неотъемлемымъ побужденіемъ... И въ силу
этого побужденія, мнѣ думается, не въ революціонной средѣ, а въ
„обществѣ“ нашелся бы человѣкъ, который совершилъ бы крова-
вый судъ надъ Сипягинымъ, оскорбившимъ и растоптавшимъ до-
рогія стремленія этого „общества“...

Дальше. Сипягинъ и — литература... Не мало онъ хамствовалъ
надъ ней... Нѣтъ словъ, что „общество“ уважаетъ, любитъ, цѣнитъ
литературу, нѣтъ словъ, что оно крайне недовольно, когда оста-
ются только вѣдомости да куранты... Но, когда общество стояло
грудью за эту литературу? чѣмъ „читатель- другъ“ спасалъ ее
отъ Дуббельтовъ, которые говорили и при Бѣлинскомъ, и говорятъ
сейчасъ: „я хозяинъ русской литературы“? Величайшія силы
русской литературы гибли въ каторжной Сибири или не гибли
въ ней лишь потому, что на 24-омъ году ихъ уносила въ моги-
лу чахотка, не было честнаго писателя, который не истекалъ бы
кровью отъ цензорской травли, не было ни одного порядочнаго
журнала, ни одной честной газеты, съ которыми русское прави-
тельство не приканчивало бы наглой смертью — что дѣлало об-
щество? Оно ожидало новой газеты, новаго журнала, которые
давали бы ему умственную пищу, полезныя развлеченія, эстети-
ческое наслажденіе и волновали бы его высокими вопросами нрав-
ственности... Изъ тысячи подписчиковъ не набралось и сотни,
не нашлось и добраго десятка, которые громогласно и коллектив-
но заявили бы свой протестъ, не боясь тюрьмы и ссылки, хоть
поплакали бы на могилѣ любимаго журнала. И тутъ, мы смѣемъ
думать, будь иными гнѣвъ и возмущеніе обывателя, онъ не сталъ
бы бормотать, не находя для себя душеполезнаго чтенія: „да за
такія дѣла остается одно — бомбой ихъ учить“... Онъ самъ
бы счелъ нужнымъ произвести „ученье“, а не крякать отъ удо-
вольствія, когда появляются не изъ его среды Балмашевы...

То же самое и по отношенію къ культурнымъ начинаніямъ, и
по отношенію къ разстрѣлу народа. При разгромѣ читаленъ ищутъ
щелокъ еще поменьше, при избіеніяхъ народа жмурятся, содра-
гаются, поминаютъ и завѣты христіанства, и обычаи цивилизо-
ванныхъ странъ, и всякій сочтетъ за оскорбленіе, если ему ска-
зать: что тебѣ Гекуба? и что ты Гекубѣ? А на фактахъ Гекуба
оказывается дѣломъ дѣйствительно не связаннымъ съ каждымъ

нервомъ, съ каждымъ порывомъ души... Можно и жить, и богатѣть, и посягать, и жениться, когда щепки летятъ отъ всѣхъ культурныхъ начинаній, когда кровь брызжетъ изъ народнаго тѣла...

Что тутъ выстрѣлъ въ Сипягина! Одобрить его, всякій одобритъ, но выстрѣлъ не въ состояніи пербудоражить людей, ибо онъ переживается мозгомъ, культурнымъ сознаніемъ, но не всей душой... Не всей душой — ибо не вся она была въ кормленіи народа, въ устройствѣ для него просвѣтительныхъ учрежденій, въ „жалѣніи" его, опустошаемаго, избиваемаго, казнимаго...

Вслѣдствіе новаго правительственнаго курса, іеромонахъ Михаилъ читаетъ въ Петербургѣ любопытнѣйшія литературныя лекціи... Въ одной изъ нихъ, разбирая „любовь къ ближнему" и „любовь къ дальнему" въ связи съ ибсеновскимъ Брандомъ, святой отецъ очень искусно вгоняетъ соціальные вопросы въ семейныя рамки и этими рамками опредѣляетъ все... Іеромонахъ Михаилъ, если ставить вопросы прямо и откидывать роскошь совѣсти и комфортъ нравственной культуры, право, ближе къ „обществу", чѣмъ Балмашевъ...

Другое дѣло актъ Карповича. Обыватель былъ кровно затронутъ дѣйствіями правительства противъ студентовъ. Это семья, свой очагъ, свои собственныя надежды на будущее. Тутъ онъ весь живетъ, тутъ онъ не будетъ дѣйствовать по масштабу морской звѣзды, онъ тутъ дойдетъ и до человѣческихъ дѣйствій... Доведите его только до этого... Продолжайте дальше сдавать студентовъ въ солдаты, избивайте ихъ на площадяхъ, ссылайте въ Сибирь безъ возврата оттуда, не принимайте въ университеты обратно, не дѣлите на опасныхъ и не опасныхъ, на православныхъ и жидовъ, не толкуйте о сердечномъ попеченіи, не вводите комедійно-полицейскихъ уставовъ — и вы обывателей чудовищными репрессаліями и всякимъ отсутствіемъ обманной мысли раззадорите и до послѣдней степени... Правительство это поняло и понимаетъ...

Общественная забота тутъ такъ сливается съ личнымъ дѣломъ, что послѣднее обыватель теперь готовъ связать и съ судьбами Сиріуса, а не только съ кануномъ революціи. „Канунъ Революціи!" — такое слово теперь у него молвится легко, не потому, что молодежь выступаетъ на Казанской площади и Тверской улицѣ, не потому, что тутъ присутствуютъ и рабочіе, нѣтъ, это у него сейчасъ самое рѣзкое слово, сильнѣе всего выражающее накипь возмущенія... Онъ вѣритъ въ „канунъ революціи"? Онъ завтра же, когда все утихомирится, когда и маркизъ Шассе-Круазе будетъ доказывать во дворцѣ, что нельзя студентовъ топтать лошадьми и у курсистокъ косы рвать, — онъ съ задумчивой грустью глядя на своего внука, будетъ бормотать: и сынъ твой не дождется хоть турецкой конституціи, нѣтъ ужъ куда намъ, да и не надо быть требовательными, вотъ подождемъ,

правительство зарвалось, а теперь будто... „Канунъ революціи!“ — въ этой средѣ это просто энергичное ругательство момента: революція бы васъ всѣхъ, аспидовъ, побрала!...

Въ этомъ „обществѣ“ актъ Карповича могъ вызвать большой восторгъ, обаяніе этого акта могло продолжаться несравненно дольше, чѣмъ отъ подвига Балмашева, эксцитативное дѣйствіе несомнѣнно должно было сказаться въ повышеніи энергіи, когда за кровно дорогое дѣло, за разрушенное счастье семьи, за разбитую судьбу сыновей выступаетъ юноша-мститель, отдавая свою молодую жизнь на погибель... Но и тутъ, конечно, не приходится слишкомъ преувеличивать эксцитативное значеніе террористическаго удара... Оно, несомнѣнно, есть, но замереть оно должно скоро, по мѣрѣ вступленія жизни въ тѣ берега, на которыхъ обыватель еще готовъ удовлетвориться собираніемъ ракушекъ (послабленія, ожиданія реформъ, возвращенія смиренныхъ элементовъ въ отчій домъ)...

На этомъ мы покончимъ съ эксцитативнымъ значеніемъ террора для „общества“ — очень невелико оно и достигаетъ своей предѣльной цѣли лишь въ случаяхъ, когда обыватель крайне взволнованъ чрезвычайно близкими ему интересами.

* * *

„Среди мѣщанства и городской бѣдноты“ — говоритъ А. Свѣтловъ — убійство объяснялось какими то адюльтерными похожденіями министра, который и былъ убитъ своими соперниками.“ Это, несомнѣнно, живое отраженіе дѣйствительности. Мѣщанину, конечно, больше Сипягина понятенъ полиціймейстеръ, не позволяющій выкатывать бочки на порогъ лавки, и квартальный, берущій за это мзду. При такомъ положеніи вещей мудрено, конечно, говорить объ эксцитативномъ значеніи террора въ этой средѣ. Гораздо цѣлесообразнѣе подкинуть въ овощную лавку обстоятельный листокъ о дѣятельности царскаго правительства, чѣмъ совершить террористическій актъ съ цѣлью убѣжденія и овощного торговца. Но листокъ въ этомъ случаѣ можетъ быть соединенъ съ террористическимъ актомъ и такимъ образомъ станетъ краснорѣчивѣе? Намъ лично приходилось дѣлать разныя наблюденія послѣ выстрѣла Карповича и мы хотимъ разсказать сейчасъ одинъ эпизодъ.

Компанія состояла изъ оберъ-кондуктора, торговца желѣзомъ на базарѣ, ночного сторожа, буфетнаго лакея на желѣзной дорогѣ, служителя при университетской лабораторіи, странствующаго скрипача, семей нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ лицъ и еще двухъ-трехъ субъектовъ неопредѣленной профессіи. Всѣ были знакомы со „студенческими дѣлами“, живо интересовались и ими, и только что происшедшимъ выстрѣломъ Карповича. Я позволю себѣ въ общихъ чертахъ воспроизвести разговоръ.

...— Ну ужъ, и студенты твои—съ саркастической улыбкой говорилъ ночной сторожъ, глядя въ упоръ на университетскаго служителя. — Нѣтъ той ночи, чтобъ безъ скандала прошла... Одинъ фонари бьетъ, другой скамейки выворачиваетъ, третій такъ и сягаетъ, такъ и сягаетъ на тебя... Одно слово... вольница!

— А ты и такъ понимай — наставительно возражаетъ стражъ лабораторіи: что и отчего... Ночью тебя брали понятымъ на обыски?

— Брали.

— То-то и оно. Тамъ ужъ, братъ, народишко не до водки ласый... Видалъ, небось, какъ книжки шарятъ? Ну вотъ, то-то... За нихъ и арестуютъ, потому что....

— Потому, Сергѣй Карпычъ, — перебилъ его сухопарый лакей — что въ этихъ книжкахъ сказано, какъ Брюса отрыть изъ подъ Сухаревки?

— И охота тебѣ болтать зря! — сурово отрѣзалъ торговецъ желѣзомъ, совсѣмъ сконфузивъ лакея. — Брюсъ... Брюсъ — одно дѣло, чернокнижіе называется... А то есть бѣлая магія... Это я хорошо знаю, пять цѣлковыхъ за книжку отдалъ... Хочешь заниматься чернокнижіемъ — пиши контрахтъ на душу... А бѣлая магія — совсѣмъ другое... По ней ищутъ, по магіи то, счастья человѣческаго... Прежде искали, какъ жизнь сдѣлать навѣчно, какъ камни въ золото обращать... За это страсть какъ казнило правительство — потому не моги, глупость все... Бросили въ конецъ концовъ... Теперь по бѣлой магіи студенты стали задумываться... Соціализмой ихъ магія называется....

— Тоже сказалъ! Соціализмъ. — Соціализмъ это царя убить и все добро богатыхъ между бѣдными подѣлить — вотъ соціализмъ... А то магія — авторитетно и не безъ презрѣнія отозвался оберъ-кондукторъ, побрякивая брелоками.

— Позвольте вамъ сказать, Василій Семенычъ, — продолжалъ стоять на своемъ торговецъ, — что это такъ... Пять рублей за книжку далъ, всю отъ начала до „аминь и богу слава“ прочиталъ, знаю... За магію то вся перестрѣлка и идетъ...

— Да магія то къ чему? — поинтересовался кто то изъ дамъ.

— А магія вотъ къ чему: теперь, вотъ къ примѣру, на уральское желѣзо цѣна куда какъ спала... А почему? Хвать-похвать — Уралъ то не при чемъ... Такъ и говорятъ оттуда: вина моя не состоитъ... Опросъ въ Екатеринославъ и Кривой Рогъ — тамъ отвѣчаютъ: дѣйствительно, мы причины, мы Уралу кербетъ сдѣлали, а только что за нами Америка да заграница — и пошли, и пошли...

— Ну?

— Ну, и смотришь: дѣло тутъ свое на мѣстѣ, а все для него оказываетъ изъ Америки, изъ-за океана... До чего ни тронись...

[н]адо это понять, а можно только по магіи... Соціализмъ назы[в]ается...

— Ну, и понимай себѣ на здоровье — буркнулъ кондукторъ — [ч]то тебя за это въ кутузку потащитъ?

— А вотъ и потащитъ. Потому, что это дѣло, ежели разжевать, [т]акъ выйдетъ война съ Америкой или съ какой другой держа[в]ой... Чтобъ, значитъ, цѣнъ не понижали на товаръ... А кто [д]о войны охочъ? Вонъ царь манифестъ о мирѣ выпустилъ...

— Но позвольте — очень мягко заговорилъ странствующій [с]крипачъ — зачѣмъ же война? Если желѣзо дешево — слава [Б]огу, оно какъ нужно то мужику... Ему только выгода отъ этого.

— Кому выгода, а кому и нѣтъ! Хозяину выгоды нѣтъ, въ [т]омъ и сила.

— Ну, нѣтъ ему выгоды... Такъ есть ли, нѣтъ ли — вѣдь, все [р]авно цѣна то падаетъ... И хоть узнавай, хоть не узнавай по[ч]ему, а она все ниже да ниже...

— Это такъ. А только что когда понятіе пройдетъ въ народѣ, [т]акъ люди скажутъ: ты такъ и установи намъ дешевыя цѣны, [ч]то намъ, къ примѣру, хорошо... А царю надо держать руку хозя[е]въ, онъ ведетъ разговоры съ американцами и другими, понимаешь, [ч]тобъ тѣ полегчили... Тутъ самое опасное дѣло, если по магіи от[к]рыть, что только войной можно полегчить... Вотъ пока магію и спря[т]ать надо... Такъ я говорю? — видимо, очень довольный собой [о]братился торговецъ къ университетскому служителю.

Мужъ, причастный наукѣ, давно уже ехидно усмѣхался, под[ж]авъ губы, и теперь, отряхнувъ улыбку, началъ говорить мен[т]орскимъ тономъ.

— Соціализмъ это вѣрно... Только тутъ не магія, а по-ли[т]и-че-ска-я э-ко-но-мія... Вотъ что! И про желѣзо, и про [х]лѣбъ, и про всю жизнь думаетъ студентъ — это такъ... Голо[д]аютъ кругомъ, бѣднота, грязь... Какъ пособить? Въ политиче[с]кой экономіи и написано...

— Не слыхалъ о такой — почти крикнулъ оберъ-кондукторъ, [а] торговецъ пробормоталъ „вотъ-вотъ магія"...

— Не слыхалъ, а есть. И студентъ хочетъ достукаться. Загра[н]ицей это всякому позволяется... А у насъ какъ найдутъ поли[т]ическую экономію — такъ тебѣ и шабашъ... Студентовъ учатъ [п]о другимъ книжкамъ, а они этой добиваются...

— Что жъ за сласть въ ней такая? — полюбопытствовала ста[р]ая дама, оставляя на минуту спицы съ чулкомъ.

— Не сласть, а правда. Охъ, и горькой можетъ быть правда! [В]онъ Платонычъ говоритъ, что фонари бьютъ студенты... Бьетъ [д]а не всякій... И этотъ бы не билъ, кабы его такъ не муштро[ва]ли... Я ужъ восемнадцать годовъ при университетѣ — и [са]мъ ужъ почти что студентъ... Я ихъ знаю, хорошій народъ... [д]ружный... И, какъ тебѣ сказать, самый мужицкій... Соберутся

въ аудиторію — сейчасъ говорятъ, какъ въ Россіи живется лю-
дямъ... Листки тоже ходятъ между ними... Опять все о го-
лодѣ, о притѣсненіяхъ на фабрикахъ... Вотъ за это самое и въ
полицію тащатъ...

— Да за что же?

— Не въ свое дѣло, говорятъ, не суй носа. О себѣ думай,
кто сытъ, кто голоденъ — не твоя печаль. Не этого ищи въ книж-
кахъ, а какъ мосты строить, дѣтей латынскому обучать, иль тамъ п
медицинской части... Вотъ это тебѣ, а политической экономіи —
не смѣй... А онъ все ее хочетъ понять до тонкости... И пошл
дѣло — видишь ужъ въ солдаты за это стали сдавать...

— Ну, да за такую то штуку ему въ самый разъ пуля угоди-
ла! замѣтилъ кто то изъ женщинъ.

Настало маленькое молчаніе.

— А почему жъ это властямъ мѣшаетъ, чтобы студентъ вс
зналъ? прервалъ молчаніе лакей.

— Ну, это, братъ, я тебѣ и безъ магіи скажу — спѣшно и го-
рячо заговорилъ торговецъ, какъ будто отъ чего то оправляяс
Такъ я тебѣ сказалъ: война! И этакъ я тебѣ скажу: война
Больше ничего... Всѣ деревни начисто отъ голоду выми-
раютъ, ну, знать, мы себѣ и на хлѣбъ съ квасомъ не на-
торгуемъ... Куды тамъ! Пусти теперь объ этомъ громкое сло-
во — всякому невтерпежь... Бунтомъ пойдетъ... Къ царю: вын
да подай! почему голодъ? почему заработковъ нѣтъ? почем
торговля не идетъ? Пособляй... А ему гдѣ пособить, когда на-
родъ кругомъ голъ... Пожалѣетъ - пожалѣетъ и скажетъ: н
братушки, надо чтобъ на убавку народа пошло... Турціи война

— Тьфу ты пропасть! Да что у тебя царь людоѣдъ, что ли
сурово насупя брови, вопросилъ оберъ-кондукторъ.

Торговецъ совершенно опѣшилъ. Воцарилось очень неловко
молчаніе. На выручку приспѣлъ лабораторный стражъ.

— Ишь куда метнули... Царь царемъ, а начальство само п
себѣ... Война не война, другое что будутъ выдумывать да толь-
ко тогда нужно всѣхъ министровъ по шапкѣ, всѣхъ ихъ къ отвѣ-
ту.... Каждый изъ нихъ наживается въ свой карманъ, всѣ рас-
пустили государство, довели его до нищенства.... Имъ такъ да-
же выгоднѣй — ежели для себя, а не для государства, то даж
съ голыхъ больше соберешь, чѣмъ съ сытыхъ.... Тутъ бери вс
а тамъ заартачатся... Голому не жаль, къ примѣру, тряпки, ло-
мотьевъ, а богатому шубы то жаль... Все въ министрахъ дѣло.

И дальше пошли одинъ за другимъ анекдоты о министрах
губернаторахъ и... архіереяхъ, самые диковинные, дикіе и мн-
гіе изъ нихъ словно изъ какихъ то „Тайнъ Зимняго дворца“;
у всякаго былъ запасъ этихъ анекдотовъ, принявшихъ, наконец
такой слишкомъ ужъ рискованный характеръ, что дамы перв
время рдѣли румянцемъ, а потомъ сочли нужнымъ удалитьтя.

Отъ 6 час. вечера до 2 час. ночи я былъ въ этой компаніи, но разговоры или носили тотъ характеръ, который обрисованъ мною, или вращались на анекдотахъ о персонахъ важныхъ, но не было ни единаго слова о томъ, какъ же выйдти изъ той бѣды, въ которой погибаетъ Россія... Ее нѣсколько разъ констатировали, о голодѣ, отсутствіи заработковъ и т. д. много разъ говорили, страстно, горячо толковали о томъ, что такое школа, одобряли студентовъ, восхваляли убійство Боголѣпова, но ровно никакъ не вносили это въ свою дѣйственную жизнь... Не найдись тутъ университетскаго сторожа, который „самъ почти студентъ“, все свелось бы къ самымъ фантастическимъ толкованіямъ и такимъ путемъ произошелъ бы отводъ факта отъ реальной жизни... Разговоръ я передалъ не съ самаго начала, но близко къ началу. Характерно то, что отвлеченное мышленіе здѣсь сразу же является преобладающимъ; обыкновенно въ описываемой средѣ, если какой нибудь фактъ переволнуетъ ее до глубины души, сейчасъ же начинается разрисовка жизни всѣми пережитыми и слышанными случаями, и ужъ послѣ этого выступаютъ на сцену обобщенія, фантастическія соображенія; здѣсь же было наоборотъ. Поскольку намъ извѣстна эта среда, намъ кажется, что это признакъ очень характерный. Тутъ дѣло въ пробудившемся — скорѣе, послѣ выстрѣла Карповича, обострившемся — интересѣ къ явленію, по связи между этимъ явленіемъ и собою нѣтъ, нѣтъ и возбужденія къ борьбѣ за собственное существованіе. Интересъ побуждаетъ къ разсужденіямъ — и только къ нимъ.

А въ этихъ разсужденіяхъ привходящія въ нихъ недовольство жизнью, оцѣнка разныхъ ея сторонъ и сейчасъ — послѣ выстрѣла Карповича—являются точь-въ-точь такими же самыми, какими онѣ были и вчера, и позавчера. Въ связи съ чѣмъ угодно могутъ подняться какъ разъ эти же рѣчи, да и поднимаются, но въ нихъ нѣтъ живого, дѣйственнаго бродила. Резонирующія слова и рѣчи могутъ грянуть судомъ надъ жизнью, вылиться дѣлами борьбы лишь тогда, когда въ нихъ врѣжется такой фактъ или даже такая серія фактовъ, которые открываютъ совсѣмъ новое теченіе общей жизни. А это теченіе должно быть таково, чтобы мѣщанская среда о немъ могла сказать:

— Вотъ-вотъ какъ дѣйствуютъ *наши!* Хо-хо какъ оии валятъ! Вотъ это дымъ коромысломъ!

Именно необходимо это сознаніе «*наши*» — улица, толпа, народъ. Когда стрѣляетъ въ министра студентъ за студенческое ли дѣло или за общественное — это можетъ у мѣщанина вызвать и одобреніе, и сочувствіе, и пожалуй даже онъ энергичнѣе будетъ задумываться и говорить о „своемъ“, но тутъ для него нѣтъ „нашего“, и резонирующія разсужденія не облекаются въ плоть и кровь... не могла отнестись ... же народныя волненія въ дерев-

няхъ и городахъ сейчасъ же много ли, мало ли придвигаютв его мысль къ боевой позиціи, потому что тутъ „наши".

— ...А они, братецъ ты мой, стоятъ на своемъ — ни съ мѣста... Имъ полицеймейстеръ: работайте! Не желаемъ — говорятъ... Расцѣнки увеличать, штрафы долой, въ больницѣ фершалъ, чтобъ въ зубы не билъ — тогда станемъ на работу! Губернаторъ къ нимъ — и губернатора не слухаютъ!

— И губернатора?

— А ты думалъ? Даже шапокъ не снимаютъ, а кто такъ даже и свиститъ ему...

— Ссс!

— Потому въ своемъ правѣ! Положимъ я себѣ такъ, что пришелъ въ больницу, ты тамъ мнѣ хининъ либо что выдай, а въ морду... антанде-съ! Правъ я или нѣтъ?

— Въ полномъ правѣ... Потому, къ примѣру, съ этой самой мордой и родился, съ ней и помру — стало быть, молъ... Могу самъ имѣть о ней распоряженіе...

— То то и оно! Такъ значитъ и губернатору отказалъ: у васъ, ваше превосходительство, на вашихъ илечахъ удѣлано свое заведеніе, вы имъ и распоряжайтесь, а у меня, стало быть, про себя урожденная морда и нѣтъ моего согласу для фершала, а между прочимъ и для васъ... Съ тѣмъ и отъѣдетъ!

— Такъ тебѣ и отъѣхалъ — прытокъ больно! Самъ то учесалъ, какъ оглашенный, чай съ мармеладомъ пить, а сейчасъ послѣ него наскочили казаки да такъ то ли гудѣли нагайками...

— Наслышаны мы объ этомъ... Это имъ самое насупротивестественное дѣло... Рабочій человѣкъ не моги распорядиться ни копейкой, ни мордой... Сейчасъ какъ что начинаютъ считать хребты да зубы... Потому арифметика... Да только и наши ихъ стервецовъ камнями — все жжж! Нажикали имъ вс ласть...

— Въ препорцію? Ха-ха!

— Очённо даже предовольно! Понимай, что есть у человѣка своя морда!

— Такъ то оно такъ. Да вонъ казаки всѣхъ разогнали!

— Небось, не разогнали — видимость одна! Народъ, братъ, оробѣлъ да не дюже... Тоже не модель за свое же добро да съ плеткой цѣловаться! Эту, братъ, напримѣръ, моду надо и пооставить... Сунутся разъ, сунутся два, а тамъ и съ того свѣта отецъ родненькій приснится: не хочешь ли, молъ, сыночекъ, въ одно пекло со мной? За этакія дѣла имъ спуску не будетъ...

— Важно говоришь! Съ плеточкой, господинъ казакъ, пожалуйте лошадей хлестать, а людямъ, напримѣръ, это не сурпризъ...

— Извините, пожалуйста, хода вамъ не дадимъ... Пора и честь знать... Ихъ всѣхъ надо маненечко поучить, тамъ фершаловъ, мастеровъ, а всего больше — жидовъ... Этихъ, братъ, жарь въ первую голову... Самая перва

— Жидовъ давно пора... Такое засилье взяли, такая имъ воля дана... Съ полиціей въ ладахъ, всю ее на откупъ прибрали, и черезъ нхъ смрадъ, прости Господи, и солнца не видать... Куда тамъ!

— Вотъ ужъ погоди... Хамово племя!

Изъ этой картинки, набросанной нами почти что съ натуры, видно, что рабочія волненія оказываютъ эксцитативное вліяніе на среду мелкаго мѣщанства. Взбудораженная мысль начинаетъ, какъ и въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, работать дико и несуразно. Наше дѣло принять тутъ свои мѣры: широкой политической пропагандой и агитаціей о дѣяніяхъ царскаго правительства направить возбужденіе на вѣрную дорогу революціонной борьбы...

Нечего и говорить, что для этой среды мы не имѣемъ въ виду эксцитативнаго значенія террора.

* *
*

Вопросъ объ эксцитативномъ значеніи террора въ рабочемъ классѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ во взятыхъ нами до сихъ поръ средахъ.

А. Свѣтловъ указываетъ на индифферентизмъ ремесленной среды къ убійству Сипягина и говоритъ: „мнѣ пришлось столкнуться съ тремя ремесленниками-столярами, и они рѣшили почему то (?), что Сипягинъ былъ убитъ не ‚изъ-за любовныхъ похожденій‘, а изъ-за студентовъ“... „Оно, должно быть, его студенты убили — говорилъ мнѣ знакомый столяръ — потому, стало быть, некому больше“. Когда я сталъ возражать, что Сипягина убили за то, что онъ мучилъ народъ, и что убившій его—святой человѣкъ, столяръ, казалось, мало понялъ меня и перешелъ къ другимъ вопросамъ и сталъ разспрашивать у меня про харьковскіе и полтавскіе безпорядки, слухъ о которыхъ началъ проникать тогда въ мѣстную народную среду. Оказывалось, такимъ образомъ, что слухъ этотъ касался болѣе понятныхъ для моего собесѣдника вопросовъ“...

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ той же предвзятой мыслью, которая въ нѣсколько иномъ видѣ была отмѣчена нами выше, когда рѣчь шла объ „обществѣ“... Автору хочется, чтобы проявленія „массовой борьбы“ не только воздѣйствовали бы больше, но даже больше бы интересовали людей... Непремѣнно, во что бы то ни стало! Не смѣемъ мы не вѣрить, что автору именно такъ отвѣчали ремесленники, но мы не знаемъ сдѣланной имъ постановки вопросовъ, не знаемъ, въ чьихъ рукахъ была нить разговора, а будь это въ нашемъ распоряженіи, думается намъ, можно было бы подмѣтить что нибудь иное, не то, о чемъ говоритъ Свѣтловъ. Ремесленная среда, беря ее не въ цѣломъ, а въ сознательной и полусознательной части, уже что нибудь читающей, чѣмъ нибудь интересующейся, — не могла отнестись индиффиректно къ выстрѣламъ

Карповича или Балмашева. Очень трудно и даже невозможно сопоставлять, что ее больше интересуетъ „единоличные“ ли „акты“ или „проявленія массовой борьбы“, что для нея „болѣе понятно“... Ремесленникъ, въ которомъ загорѣлись уже человѣческія стремленія, интересуется всѣми событіями и движеніями русской жизни и интересуется вовсе не пропорціонально заключенному въ нихъ „массовому элементу“... Зачастую мы видимъ совершенно обратное: и среда, въ которой произошло событіе, отстоитъ очень далеко отъ ремесленниковъ, и самое событіе не носитъ никакого „массового“ характера, — а интересъ къ нему проявленъ громадный и самый жгучій... Поскольку мѣщанская (не ремесленная) среда, наткнувшись на событіе, непонятное для себя, освѣтитъ его анекдотами, переплететъ съ самыми фантастическими мыслями и потомъ забудетъ — постольку среда ремесленная, попадая на явленіе, неясное для нея, глубоко заинтересовывается имъ, ищетъ объясненій, мучительно силится понять это въ связи съ своей личной жизнью... Если бы мы позволили себѣ сравнить (повторяемъ, что тутъ сравненія невозможны) интересъ къ убійству Сипягина и интересъ къ полтавскимъ бунтамъ и бойнямъ — мы, пожалуй бы, затруднились сказать, что эти послѣдніе эпизоды могли возбудить большій интересъ... Весьма вѣроятно, что въ очень немаломъ числѣ случаевъ было наоборотъ...

Это не мѣщанская среда, въ которой не происходило естественнаго роста политической мысли (и теперь онъ лишь едва-едва происходитъ). Среди ремесленниковъ и рабочихъ даже тамъ, гдѣ еще незамѣтно усиленнаго созрѣванія этой мысли, всюду есть къ ней предрасположенія, тенденціи. Министръ здѣсь не является чѣмъ то вродѣ купеческаго „а вотъ есть страны, гдѣ и пальмы растутъ“ — тутъ интересуютъ не поверхностно вопросы политическіе, вопросы управленія государствомъ, и безобразія держиморды тутъ ужъ не являются болѣе близкими и понятными, чѣмъ соотвѣтствующія дѣйствія министровъ... Мѣщанинъ, когда онъ обзавелся мягкой мебелью и сверху до низу уставленной „горкой“, считаетъ необходимымъ для себя съ „хорошимъ“ „умнымъ“ человѣкомъ вести разговоры о „политикѣ“. Но эта политика почти вся воплощена въ войнѣ: „какъ выходитъ по газетамъ, будетъ война или нѣтъ?“ Онъ часто даже не думаетъ, какая война, съ кѣмъ, за что и для чего... Мысль тутъ совершенно не работаетъ, это просто требуется мѣщанскимъ этикетомъ говорить о политикѣ-войнѣ... „Политика“ ремесленника или рабочаго — это дѣйствительная политика, въ ней есть насущная потребность, въ ней всегда присутствуетъ глубокая, хотя бы и невѣрная мысль... При такихъ условіяхъ, повторяемъ, террористическіе акты всюду, куда проникаетъ о нихъ вѣсть, вызываютъ горячее обсужденіе.

Но дѣйствуютъ ли они въ то же время эксцитативно на подъемъ самодѣятельности рабочаго класса? Прежде всего, мы считаемъ нужнымъ въ огромной его части отстранить совершенно такой вопросъ. Мы не спрашиваемъ *вообще* дѣйствуетъ ли книжка эксцитативно? дѣйствуютъ ли стачки возбуждающе? и т. д. По отношенію къ данной мѣстности, въ извѣстный моментъ, послѣ какихъ нибудь обстоятельствъ или передъ какими нибудь событіями, можетъ быть, является совершенно умѣстнымъ такой вопросъ, но вообще его не существуетъ. Мы имѣемъ дѣло со средою, постоянно развивающей жизнь, движеніе, борьбу, и эта среда, полная *своей* активностью, нуждается не въ возбужденіяхъ, а въ матеріалѣ для переработки его своей мыслью. И этимъ матеріаломъ и въ то же время, если хотите, возбужденіемъ является все — положительно всѣ факты политической борьбы. Если это такъ, то нѣтъ никакой нужды выдѣлять особо значеніе террористическихъ фактовъ для рабочей среды, нѣтъ никакой возможности приписывать имъ спеціально эксцитативное значеніе. Мало того, надо сказать еще вотъ что: тамъ, гдѣ къ совершеннымъ террористическимъ фактамъ проявляется въ рабочей средѣ не только интересъ, но гдѣ они возымѣли и эксцитативное спеціальное воздѣйствіе — тамъ это воздѣйствіе имѣетъ отрицательные результаты. Рабочіе начинаютъ ставить передъ собой вопросы объ убійствѣ шпіоновъ, кровавой расправѣ съ мастерами и т. д. Развивается крайне нежелательное и вредное — за исключеніемъ особыхъ, отдѣльныхъ случаевъ — тяготѣніе къ фабричному террору. Только въ подражаніи формамъ борьбы, въ исканіи имъ параллелей въ своемъ быту и можетъ выразиться спеціальное эксцитативное дѣйствіе террора въ рабочемъ классѣ.

Все только что сказанное нами относится, если можно такъ выразиться, къ общему террору, къ террористической системѣ; но есть случаи и факты, когда на вопросъ приходится посмотрѣть иначе. Это именно тогда, когда дѣйствительно террористическій ударъ имѣетъ эксцитативное дѣйствіе, когда нужно такое дѣйствіе послѣ какого нибудь страшнаго, подавляющаго акта правительственнаго произвола... Вотъ что мы читаемъ послѣ казни Гирша Леккерта въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ“ Бунда (№ 74): „каждый изъ насъ еще живо помнитъ, то сложное чувство, которое мы испытали при извѣстіи о неслыханно-дикой расправѣ съ виленскими демонстрантами; въ этомъ чувствѣ было все: злоба, ненависть, гнѣвъ, ярость, *но надъ всѣмъ этимъ доминировало что то тяжелое, гнетущее*, точно всѣ ужасы русской дѣйствительности внезапно сконцентрировались въ одномъ фокусѣ, *обдававшемъ насъ своими темными смрадными лучами.* Потомъ долгіе, томительные дни ожиданія, что вотъ-вотъ случится то, что должно случиться, ибо бываютъ злодѣйства, которыя *фатально влекутъ за собою немедленную расплату*, — наконецъ, выстрѣлъ поразившій виленскаго сатрапа,

выстрѣлъ, произведенный рукой еврейскаго рабочаго, и мы *облегчённо вздохнули...*" (Всѣ курсивы наши).

Эти прекрасныя строки, такъ вѣрно охватывающія картину момента, такъ хорошо отражающія и формулирующія его неотложныя потребности, — написаны подъ диктовку самой жизни. Въ подобныхъ случаяхъ „немедленная расплата" и необходима, и имѣетъ громадное экситативное значеніе. Въ эти моменты нуженъ, необходимъ герой со всѣмъ величіемъ его дѣйствій, со всей жаждой и силой его самопожертвованія — ничто иное не способно разрядить въ новый энтузіазмъ борьбы то „тяжелое, гнетущее" чувство, которое „доминируетъ" надъ всѣмъ, послѣ того какъ позоръ правительственнаго злодѣянія обдалъ всю среду „своими темными, смрадными лучами"... Если бы въ этотъ моментъ Комитетъ организовалъ, скажемъ, нападеніе сотни рабочихъ на фонъ-Валя, проявилъ бы этимъ „массовое дѣйствіе" — фактъ этотъ былъ бы грандіознѣе, внушительнѣе, отраднѣе во всѣхъ отношеніяхъ, но, думается намъ, несмотря на всѣ свои преимущества, эффектъ его былъ бы меньше леккертовскаго выстрѣла... Какъ это ни парадоксально на первый взглядъ, но это такъ — психологическія требованія очень часто идутъ въ разрѣзъ съ раціональными обоснованіями... Въ массовомъ подвигѣ, конечно, не меньше героизма, чѣмъ въ подвигѣ единоличномъ, но въ такія минуты нужно имя, человѣкъ, единоличный, а не коллективный герой... Фактъ массового нападенія такъ не пойдетъ изъ устъ въ уста, какъ имя героя, съ этимъ фактомъ не свяжутъ того, что съ единоличнымъ геройскимъ подвигомъ... При массовомъ, самомъ удачномъ подвигѣ изъ „темныхъ и смрадныхъ лучей" все же еще будетъ оставаться нѣчто — и жуткое чувство передъ будущимъ, и сознаніе позора отъ происшедшаго... Единоличный же геройскій подвигъ, даже не удавшійся, безъ слѣда уничтожаетъ „темные, смрадные лучи" — элементъ физической силы тутъ совершенно отсутствуетъ, тутъ великая нравственная мощь, беззавѣтный героизмъ вселяютъ вѣру въ неизбѣжное торжество будущаго, всюду вносятъ мужество борьбы... Толпа не можетъ себя въ этихъ случаяхъ такъ слить съ сотней выдвинутыхъ ею же храбрецовъ, какъ съ порожденнымъ тоже ею живымъ идеаломъ мученика-героя... „Сотня" и „тысяча" — это нѣчто магическое въ глазахъ интеллигента и часто очень мало убѣдительное въ глазахъ рабочаго. Интеллигенту нужна демонстрація въ десяткахъ, сотняхъ и тысячахъ — только на этомъ онъ постигаетъ бурю жизни, ея океанскіе приливы, громадную народную силу... Иначе онъ и не увидитъ жизни, не сознаетъ ея мощи, не проникнется горячей вѣрой въ широкія перспективы... Міръ рабочаго — это міръ ежедневно растущей силы, міръ органической революціи... Онъ видитъ жизнь не въ отблескѣ демонстрацій, а такъ, какъ она дѣйствительно совершается — не уголокъ карти-

ны, а всю картину, всѣ тѣ свѣтлыя, серебристыя нити, которыя лишь въ малой части попадаютъ на демонстраціи, на суды, въ кружки... Онъ и кругомъ обвѣянъ силой, и самъ представляетъ изъ себя силу — чувствуетъ ее, ощущаетъ всѣмъ существомъ... Собранія, демонстраціи — это для него праздничныя, часто святыя воспоминанія, но центръ его убѣжденія въ идеяхъ борьбы, въ протестѣ силой лежитъ не въ нихъ — это у него гораздо раньше созрѣло и питается всей жизнью съ ея выросшими понятіями о чести... Въ тяжкія минуты демонстрація „сотни“, „тысячи“ можетъ подѣйствовать самымъ бодрящимъ образомъ на интеллигента, и она же можетъ остаться совсѣмъ безгласной для рабочаго — въ минуты сомнѣній, колебаній, душевной муки ему нужно или все море расколыхавшихся Пантелеймоновъ, или высокій образъ героя, отрѣшенный отъ физической силы, но полный нравственной мощи... Онъ сейчасъ же подхватитъ этотъ героизмъ, силой сроднитъ его съ жизнью...

Мы когда нибудь постараемся вернуться къ очень интересной темѣ о томъ, что такое герой-человѣкъ для народа и герой-масса для интеллигенціи, а пока прервемъ вопросъ на сказанномъ и обратимся къ экситативному значенію террора въ средѣ соціалистической интеллигенціи.

Здѣсь мы можемъ быть очень краткими. Изъ всего того, что мы говорили раньше, читатель уже видитъ, что мы не можемъ подчеркнуть экситативнаго значенія террора для интеллигенціи такъ, какъ въ то время, когда мы писали „Возрожденіе“. Мы просимъ вспомнить цитированныя нами мѣста изъ брошюры съ одной стороны о томъ, что ростъ политическаго рабочаго движенія еще не настолько даетъ о себѣ знать, чтобы поднять дѣйственное настроеніе интеллигенціи, а съ другой стороны—о томъ, что экситативная роль террора кончается тамъ, гдѣ начинается усиленная агитація въ массахъ. Рабочее движеніе успѣло за это время проявить себя грандіознѣйшими фактами — и если эти факты не въ состояніи подѣйствовать экситативно на интеллигенцію, то о соотвѣтственномъ воздѣйствіи террора — нѣтъ смысла и говорить... Если бы пришлось его противопоставить эффектамъ рабочаго движенія и на его сторонѣ оказались бы преимущества для интеллигенціи, — тутъ мы имѣли бы несомнѣнное свидѣтельство ея разрыва съ рабочимъ движеніемъ, ея тяготѣнія къ партизанской борьбѣ... Разъ ея усиленная агитація въ массахъ не начинается послѣ свершившихся крупнѣйшихъ демонстрацій рабочаго движенія, — къ ней нельзя дать толчка никакимъ террористическимъ ударомъ... Начатый съ этой цѣлью терроръ, скоро же, на полпути увидѣвъ всю невѣрность своихъ разсчетовъ, отброситъ ихъ прочь, но, не будучи въ силахъ остановиться, пойдетъ дальше „устрашать“, „созидать“, „агитировать“ и дойдетъ вплотную до безплоднаго цареубійства „аван-

гардомъ“ безъ арміи — дойдетъ до него, чтобы потомъ остановиться и не знать, что дѣлать, ибо и дѣйствительно авангарду— если онъ не сгибнетъ — будетъ дѣлать нечего, кромѣ того какъ опять „плести заговоръ“... Если выстрѣлъ Карповича въ свое время имѣлъ несомнѣнное эксцитативное дѣйствіе; если въ цѣпи событій найдется еще такое положеніе вещей, когда наилучшимъ выходомъ изъ него будетъ новый выстрѣлъ новаго Карповича — то, вообще говоря, всѣ обстоятельства теперь таковы, что приходится думать не объ эксцитаціи террористическими ударами, разъ замѣчается ослабленіе энергіи, притупленность восприятій, вялость чувствъ интеллигенціи. Тутъ ужъ надо искать другихъ средствъ, находить иные исходы. Въ задачу нашего очерка не входитъ изслѣдованіе этого большого и сложнаго вопроса, мы можемъ сказать только одно: разрѣшеніе его лежитъ въ организаціонной работѣ болѣе куупнаго масштаба, чѣмъ ведущаяся сейчасъ, и въ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности, захватывающей тѣ широкіе слои середняковъ рабочаго класса, которые теперь стоятъ почти внѣ нашего воздѣйствія. Только живая и многосторонняя работа въ этихъ рядахъ, платящая за себя щедрой революціонной данью, способна вселить въ интеллигенцію великое мужество борьбы, уничтожить вѣчно старую и вѣчно новую и всегда одинаково грустную исторію съ „размагниченнымъ“ интеллигентомъ... Пора ужъ бы ей занять свое мѣсто въ преданіяхъ и унылыхъ пѣсняхъ прошлаго, а не мыкаться въ живой жизни, такъ богатой здоровьемъ, силами, грозовымъ раскатомъ... Больше не номинальной, а фактической связи съ рабочимъ классомъ, меньше варки въ своемъ собственномъ соку — и „размагниченность“ исчезнетъ!

* *
*

Перейдемъ къ изложенію и аргументаціи нашихъ взглядовъ на терроръ. Въ сущности слѣдуетъ выразиться точнѣе: нашихъ взглядовъ на политическія убійства. Нужны ли они въ современной борьбѣ пролетаріата съ царскимъ правительствомъ? На нашъ взглядъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ: утвердительный. И что онъ долженъ быть именно такимъ, это очень недурно доказывается и мнѣніями противниковъ „террора“. Во всей соціальдемократической литературѣ мы нашли одну единственную книжку (Н. Рязановъ, „Матер. для выработ. парт. прогр., вып. II), въ которой „терроръ“ отрицается безусловно и принципіально. Что же касается всѣхъ остальныхъ противниковъ, то они относятъ его на будущія времена, обусловливая степенью организованности и революціонной силы пролетаріата. Мы глубоко сомнѣваемся, чтобы эти будущія времена настали когда нибудь для людей, составляющихъ ядро „Искры“ („Искры“-газеты), ибо ихъ условныя полупризнанья не переходятъ въ полное отрицанье только

потому, что и для „Искры" есть предѣлы „смѣлости" и необходимыя сферы „дипломатіи"... Но тѣмъ характернѣе мнѣнія искровцевъ, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы остановимся, какъ на рѣзкихъ выступахъ, съ которыхъ лучше всего обозрѣть рельефъ вопроса.

Недавно на одномъ рефератномъ собраніи въ Женевѣ Плехановъ говорилъ, что „въ каждомъ изъ насъ, соціальдемократовъ, сидитъ и долженъ сидѣть террористъ à la Робеспьеръ", и, комментируя эту мысль, онъ прибавилъ: „я самъ террористъ въ душѣ, но предпочитаю, чтобы Николай II умеръ не отъ пули, а на Казанской площади на эшафотѣ". Какое обиліе у насъ Робеспьеровъ! Къ счастью человѣчества, во время великой французской революціи ихъ было немного — и Робеспьеровъ большихъ и Робеспьериковъ малыхъ. Будущій грозный диктаторъ не помышлялъ о гильотинѣ, когда адвокатствовалъ въ Аррасѣ; выступивъ на политическое поприще, онъ, какъ и другіе якобинцы, произносилъ рѣчи объ отмѣнѣ смертной казни; Маратъ увидѣлъ и понялъ въ немъ Робеспьера 1793 года лишь во время его рѣчи о казни Людовика XVI, когда пришлось сопоставлять жизнь короля и будущность республики... Только тяжкія историческія условія, внутренніе и внѣшніе враги Франціи поставили Робеспьера у ножа гильотины, которымъ онъ и самъ дѣйствовалъ, и подъ которымъ онъ и самъ сложилъ свою голову... Если бы онъ до ужасной, черной годины выступилъ такъ, какъ онъ выступилъ во время нея, исторія смѣшала бы его имя съ именами кровожадныхъ мясниковъ того времени, помянула бы ему не его большія заслуги предъ отчизной, а 2750 жизней, скошенныхъ его гильотиной, и подписалась бы подъ приговоромъ сентъ-антуанскаго предмѣстья: „мы мремъ отъ голода, а вы хотите насытить насъ казнями"... Робеспьеромъ можно стать, но имъ нельзя хотѣть быть — „въ каждомъ изъ насъ, соціальдемократовъ, сидитъ и долженъ сидѣть террористъ à la Робеспьеръ"! За такой добрый комплиментъ нельзя достаточно отблагодарить! Это удивительно хорошо — à la Робеспьеръ! Именно „à la" — à la не тотъ Робеспьеръ, который былъ выдвинутъ въ своемъ грозномъ и тяжкомъ величіи на полѣ брани, но à la тотъ Робеспьеръ, который по всѣмъ стѣнамъ и угламъ разставлялъ и развѣшивалъ свои бюсты и портреты и любовался на нихъ... Тутъ не больше, чѣмъ любованье — декадентское „хочу быть безнравственнымъ", передѣланное на „хочу быть Робеспьеромъ"...

„Каждый изъ соціальдемократовъ" (!) — Робеспьеръ и „террористъ въ душѣ", ибо ему предписывается предпочитать смерть Николая II не отъ пули, а на Казанской площади... По правдѣ сказать, мы не только ни о какомъ „предпочтеніи" не думаемъ, но даже и вообще о смерти Николая II — въ 1848 году Людовику-Филиппу, когда пролетаріатъ одержалъ побѣду, удалось

уѣхать изъ Парижа въ наемномъ фіакрѣ съ той самой площади, на которой былъ казненъ его отецъ, и изъ толпы народа-побѣдителя въ него не полетѣло ни одного камня, народъ былъ такъ благодушенъ, что одна изъ принцессъ нашла даже происшедшее „занятнымъ“, разнообразіемъ въ придворной жизни... Уѣдетъ ли Николай II въ каретѣ съ Казанской площади или Семеновскаго плаца, увезутъ ли его въ телѣгѣ съ грязнымъ бѣльемъ, какъ увезли когда то одного изъ главарей реакціи во время революціи, или убѣжитъ онъ въ женскомъ платьѣ, какъ убѣжалъ другой магистръ мракобѣсія — это насъ очень мало интересуетъ: исторія сама опредѣлитъ на царскую долю эшафотъ Людовика XVI или юбку Гизо — это дѣло будущаго, и не намъ брызгать со страницъ „Искры“ или на рефератныхъ собраніяхъ опереточно-кровавыми струями...

„Я самъ въ душѣ террористъ, но предпочитаю, чтобы Николай II умеръ не отъ пули, а на Казанской площади“... Если царю придется умирать на Казанской площади, то, можетъ быть, это и произойдетъ въ цѣляхъ терроризированія какихъ нибудь противниковъ совершенной революціи, но какое это имѣетъ отношеніе къ теперешнему вопросу о террорѣ? Что общаго между терромъ 93 года и тѣми террористическими пріемами, которые признаются или отрицаются для нынѣшней борьбы съ царизмомъ? Что за филологическая игра въ гомонимію и поліонимію? Или если подыскать другое сравненіе, то мы не найдемъ лучшаго, какъ вотъ это: Рошфоръ въ былыя времена своего радикальства съ ѣдкимъ сарказмомъ говорилъ, что и онъ приверженецъ Бонапартовъ, но онъ оставлялъ при этомъ за собой право выбрать себѣ для поклоненія того изъ наполеонидовъ, который ему нравится больше другихъ — именно Наполеона II. Какое блестящее царствованіе, друзья! — съ веселымъ восторгомъ восклицалъ Рошфоръ — ни безполезныхъ войнъ, ни тягостныхъ налоговъ, ни деспотизма, ни тираніи.

Но, какъ извѣстно, Наполеонъ II не царствовалъ никогда, и остроумный памфлетистъ лишь велъ политическую игру съ тѣнью несчастнаго герцога Рейхштадтскаго. Я террористъ, но террористъ Казанской площади — это та же рейхштадтская игра съ той только разницей, что у Рошфора она попадала какъ разъ въ цѣль, а здѣсь, когда на очередь дня выступаетъ серьезнѣйшій вопросъ о террористическихъ пріемахъ борьбы, отдѣлываться пустопорожними и некрасивыми ссылками на терроръ на Казанской площади — это по меньшей мѣрѣ недостойно политическаго дѣятеля.

Если вы припомните исковское обѣщаніе повѣсить Зубатова на уличномъ фонарѣ послѣ революціи, ея же подсчеты, сколько потребуется исправничей и урядницкой крови для терроризаціи чиновничьяго персонала, и затѣмъ вдумаетесь въ приведенныя нами слова Плеханова на женевскомъ рефератѣ — вамъ надо бу-

детъ сдѣлать одинъ изъ двухъ выводовъ: *или* соціальдемократы-искровцы дѣйствительно беременны робеспьеризмомъ и жаждой послѣреволюціонной мести и собираются крестить свое дитя на Казанской площади, *или*, съ одной стороны боясь прослыть „малореволюціонными“, пугающимися „кровавой расправы“, а съ другой уступая теченіямъ времени, они своеобразно подмѣняютъ и пародируютъ вопросъ о террорѣ до-революціонномъ вопросомъ о террорѣ послѣ-революціонномъ...

Что мы имѣемъ дѣло не съ трагедіей робеспьеризма, а съ фарсомъ — это, пожалуй, не надо и доказывать — въ жизни нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы слова робеспьеризованныхъ доктринеровъ подхватывались какими либо голосами. Ясно, что „казнь Николая II“, „фонарь Зубатова“ и т. д. выростаютъ на гребнѣ террористической волны почти фатально, почти неудержно, какъ контръ-ударъ терроризму, какъ аргументъ противъ растущаго настроенія, сознательно или безсознательно стремящійся запутать его, отвлечь въ якобы аналогичную сторону...

Игра въ робеспьеризмъ, перенесеніе торрора за революціонный рубежъ или отдаленіе его до дней послѣдняго счета съ самодержавной монархіей показываетъ, насколько слабы силы противниковъ террора, насколько мертвенны и казуистичны ихъ построенія. Вопросъ о террорѣ не допускаетъ никакихъ промежуточныхъ, между двумя стульями усаживающихся отвѣтовъ. Если сказать, что политическія убійства нужны и цѣлесообразны при большой накопившейся силѣ народа, то такая постановка вопроса не выдержитъ никакой критики: когда лиллипутики вяжутъ Гулливера ниточками, ему совершенно не зачѣмъ давить ихъ — ихъ надо только отряхнуть, и это не составляетъ никакого труда...

Зачѣмъ и говорить о террорѣ тогда, когда хорошо организованному рабочему классу остается стукнуть только молотомъ по трону и коронѣ, и они разлетятся въ щепки! Рѣчь идетъ именно о настоящемъ, когда нѣтъ крайне желательной организаціи и концентрированности силы пролетаріата, а есть и проявляетъ себя во всей наготѣ и подноготной то самое звѣрское правительство, которое такъ великолѣпно, что ему даже послѣ революціи, послѣ побѣды грозятъ висѣлицами и фонарями... Если эти угрозы не дешевое адвокатское краснорѣчіе, если въ нихъ есть хоть капля гнѣвнаго и мстительнаго чувства, то какимъ образомъ чувство это, волнуясь и рокоча за рубежомъ революціи, въ народный праздникъ, теперь въ дни скотскаго падежа людей, въ дни погибели народной, срама, рѣзни и побоища будетъ выливаться въ прокламаціи, брошюры, „пригвожденія къ позорному столбу самодержавія“? Убить Зубатова, когда онъ безвреденъ, когда его можно просто выгнать вонъ съ прогонными и харчевыми! А тогда, когда этотъ Зубатовъ сѣетъ развратъ, наноситъ неисчислимый вредъ, нарисовать ему для послѣобѣденнаго наслажденія олеогра-

фію съ будущимъ фонаремъ! Бѣшеныхъ собакъ убиваютъ и убиваютъ тогда, когда онѣ грызутъ людей, а не послѣ того, какъ онѣ, наткнувшись на колъ, сами пропарываютъ себѣ животъ...

А мы именно имѣемъ дѣло сейчасъ съ режимомъ бѣшенства. Представители такого режима въ своихъ кровавыхъ и гнусныхъ актахъ не могутъ оставаться безнаказанными, ихъ нельзя держать живыми на русской землѣ — они дошли до такого неистовства, что не только Рабочей Партіи долгъ убирать ихъ вонъ, но скоро и всякій прохожій сочтетъ это своею обязанностью. Дикая и дерзкая реакція должна платить за себя своими Валями, и Богдановичами. Отвѣчать политическими убійствами въ случаяхъ порокъ и кровавыхъ побоищъ мы должны даже внѣ всякой мысли о новыхъ политическихъ прибыляхъ для движенія. Какимъ бы холоднымъ разсчетомъ ни руководилась Партія, но за свое безчестье, за поруганіе надъ народомъ она должна платить такъ же, какъ платитъ отдѣльный человѣкъ, возмущенный и оскорбленный до глубины души.

На Партію никогда не ложится позоръ? Но почему же онъ ложится на отдѣльныхъ личностей, какъ это призналъ антитеррористическій Бундъ въ своихъ изданіяхъ о террорѣ? Если личность обезчещена, то въ лицѣ ея обезчещена и Партія, ибо революціонеръ, отдающій свою жизнь на служеніе великому дѣлу борьбы, и Партія, принимающая его въ свои ряды, — одно и то же, между ними неразрывная связь. Розгами выпороты не виленскіе рабочіе, а высѣчена вся революція, разстрѣлъ златоустовцевъ, былъ разстрѣломъ русскаго народа, Соберите Партію изъ Фальстафовъ, разсуждающихъ на полѣ битвы при Шьюсбури о чести, не знающей хирургіи, ибо честь не можетъ приставить руку или ногу, о чести-словѣ, чести-воздухѣ, чести-„просто надгробной надписи“ —и тогда можно отъ *такой* Партіи не ждать террора. Она будетъ отвѣчать на все бумажками съ сказаніями о короляхъ, утопленныхъ въ мальвазіи, о короляхъ, проколотыхъ пиками и кинжалами, отравленныхъ ядомъ, задушенныхъ въ печной трубѣ, о короляхъ, казненныхъ на эшафотѣ... Эта Партія будетъ строгать тесины для будущихъ плахи и гроба... Если мы не будемъ отвѣчать политическими убійствами на разгулъ правительственной реакціи, если мы будемъ подавлять въ себѣ чувство немедленной расплаты, самое естественное при азіатскихъ условіяхъ жизни, это въ концѣ концовъ приведетъ къ пониженію нравственнаго уровня революціонеровъ, къ притупленному, доктринерскому отношенію къ дѣйствительности. Мы изъ Партіи дѣла, изъ Партіи борцовъ превратимся въ группу регистраторовъ, въ рыцарей чернильнаго образа и въ литературныхъ Робеспьеровъ... Всѣ живыя силы отойдутъ въ сторону отъ соціальдемократіи, ибо имъ нуженъ не психопатологическій бредъ о Робеспьерахъ, не больныя грезы о фонаряхъ, а месть насильникамъ, расправа съ ними. Мы живы толь-

ко этимъ духомъ мести, наша сила прежде всего въ немъ, и то настоящее, которое не чувствуетъ себя старчески-подавленнымъ, оно не пишетъ никогда завѣщанія будущимъ поколѣніямъ.

Взгляните на жизнь. Одинъ террористическій актъ прорывается за другимъ — неудержимо, страстно, то со всей логикой затравленнаго существованія, то какъ побѣдный ударъ всколыхнувшейся чести. Пока еще большинство противъ террора, но все же количественно террористическіе удары начинаютъ уже напоминать 70-ые годы. Какое участіе въ этомъ принимаютъ соціальдемократы? Если взять „руководящій" органъ „Искру", то надо сказать: самое недостойное, самое позорное. Рѣшивъ во что бы то ни стало стереть главу Змія террористическихъ тенденцій, „Искра" пустила въ ходъ пріемы, за которые не ухватится иная бульварная газета. Приписавши С. В. Балмашева въ чистилище соціальдемократическаго рая (правильно или неправильно — не это важно), она съ цинизмомъ, никогда еще не имѣвшимъ мѣста на страницахъ нашей прессы, возгласила, что трупъ его украденъ шантажистами, аферистами, авантюристами, и они козыряютъ мертвымъ тѣломъ... Вмѣсто идейной борьбы съ террористической тенденціей, все равно какой угодно характеръ принимающей у соціалистовъ-революціонеровъ, раздалось: они жулики! Они воруютъ на соціальдемократическихъ кладбищахъ мертвыя тѣла! Держи ихъ! ату ихъ! Мы ровно ничего не преувеличиваемъ — мы передаемъ простымъ языкомъ русской рѣчи то самое, что на народномъ жаргонѣ выражалось бы самыми ужасными терминами, самыми ужасными, ибо не всякому дано знать хоть бы и для вящаго успѣха въ ругательствахъ мольеровскихъ Тартюфовъ и грибоѣдовскихъ Удушьевыхъ... Колоссальна галлерея зловонныхъ типовъ у великихъ мастеровъ искусства и, пожалуй, всей ей суждено пройти у могилы Балмашева!

Плохо обстоятъ дѣла у людей, когда они не чувствуютъ уже силы за идейнымъ оружіемъ и въ борьбѣ съ такимъ же честнымъ и уважаемымъ противникомъ, какъ соціальдемократія, не гнушаются прибѣгать къ самымъ грязнымъ и позорнымъ средствамъ! Когда хочется, какъ бы то ни было, во что бы то ни стало, не брезгуя ничѣмъ, свалить противника, — тогда, если дѣло идетъ о политическихъ партіяхъ, прежде всего вносится деморализація въ свою Партію, быстрой и вѣрной рукой направляется она въ болото, изъ котораго трудно ее будетъ вытягивать новымъ членамъ, вновь прибывающимъ, не отравленнымъ силамъ...

Или возьмемъ убійство Богдановича. Въ № 41 „Искры" явилась статья подъ заглавіемъ „Массовое движеніе и соціально-революціонная «стратегія»". Повидимому, для „Искры" не оказалось сейчасъ ровно никакой зацѣпки, чтобы совершившихъ политическое убійство Богдановича объявить обманно-присвоенными себѣ Боевой Организаціей Партіи Соціалистовъ-Революціоне-

ровъ. Поэтому она производитъ дискредитированіе акта другими — мало достойными и очень неумными пріемами, отъ которыхъ такъ и вѣетъ сердитымъ безсиліемъ и старушечьей злостью. Въ началѣ статьи мы находимъ такія строки:

„Безъ сомнѣнія у многихъ революціонно настроенныхъ людей забилось учащеннѣе сердце при извѣстіи о томъ, что у русской революціи однимъ врагомъ стало меньше. Смутное чувство невольно заговорило о какомъ то удовлетвореніи, какъ когда то то же чувство заставляло привѣтствовать карающую Немезиду въ сорванномъ бурей флагштокѣ, убившемъ — при спускѣ броненосца — начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія, полков. Пирамидова.“

Сколько плоскости въ этихъ словахъ! Это клевета на человѣческое чувство, на чувство революціонера. Честный, порядочный буржуа — и тотъ испыталъ бы иныя чувства, ибо Богдановичъ, не сраженный флагштокомъ, умеръ тоже и не по волѣ рока отъ кроваваго поноса, а революціонеры, рискуя своей жизнью, заплатили ему смертью за златоустовскую бойню. И я, революціонеръ, сочувствую или не сочувствую Боевой Организаціи, буду себя чувствовать такъ, какъ при смерти Богдановича отъ кроваваго поноса! Нѣтъ, ужъ лучше признать, что въ каждомъ изъ насъ, соціальдемократовъ, сидитъ и долженъ сидѣть террористъ à la Робеспьеръ, чѣмъ расписаться въ принадлежности себѣ такихъ пошлыхъ чувствъ!

Но дальше лучше. Тонъ великолѣпно-презрительнаго отношенія къ политическому убійству Богдановича выдержанъ во всей статьѣ. Мы не будемъ приводить ряда цитатъ, но отъ одной не можемъ удержаться:

„...неужели уфимскій ‚террористическій актъ‘ ‚доказалъ‘ или могъ доказать сколько нибудь сознательнымъ рабочимъ какую либо ‚силу‘ революціон. движенія въ Россіи? Среди мутныхъ водъ самодержавно-бюрократическаго моря въ террористическія сѣти заплыла наконецъ второстепенная рыбешка. Спрашивается, даетъ ли это право говорить рабочей массѣ — объ удачѣ ловцовъ, о ‚доказанной‘ ‚силѣ‘ ‚революціон. движенія‘ въ то самое время, когда главныя зубастыя щуки — и это не случайно, да и всѣхъ не переловишь — свободно гуляютъ на просторѣ? Черезъ годъ послѣ министра Сипягина — одинъ изъ безчисленныхъ клевретовъ самодержавія, губернаторъ Богдановичъ! На этомъ невозможно построить даже и той сенсаціи, которую — худо ли, хорошо ли — могла, втеченіе нѣкотораго времени, поддерживать въ *«обществѣ»* покойная Нар. Воля: вѣдь, удары ея шли crescendo, по восходящей линіи, закончившись первымъ марта.“

Если это перевести на болѣе простой языкъ, то выйдетъ такъ: и убили то кого! можно сказать одно тьфу! Самый паршивенькій генералишка — плотичка какая то! Вонъ щуки то, щуки то есть зубастыя — цари, вотъ это такъ рыбина! На кось, слови ее — небось, не словили!

Возмущаться тутъ слишкомъ и слишкомъ есть чѣмъ. Устроена страшная, душу помрачающая бойня, организація революціонеровъ отвѣчаетъ на нее смертью царскаго палача, а „Искра“ пишетъ: да, вѣдь, онъ въ чинахъ то малыхъ, всего на всего генералъ-майоришка и потомъ... фи, губернаторомъ въ какой то захолустной Уфѣ, никогда бы не попалъ на мѣсто покойнаго Сипягина! Да, тутъ есть чѣмъ возмутиться, но упражненія искровскаго литератора до такой степени неумны, что даже они и не возмущаютъ, а только раздражаютъ, какъ паясничество у гроба, и всего-на-всего хочется имъ порекомендовать запастись политическимъ смысломъ хоть бы у „Петерб. Вѣд.“: даже и г. Столыпинъ серьознѣе посмотрѣлъ на дѣло...

Въ этой же статьѣ соціалисты-революціонеры названы „газетными террористами“: въ статьѣ объ убійствѣ Богдановича!

Блѣдная и немощная полемика первыхъ №№ „Искры“ противъ террористическихъ тенденцій выродилась, съ одной стороны, въ дискредитированіе противниковъ самыми нечистоплотными средствами, съ другей — въ нѣчто крайне неумное, злобно-старушечье, на каждомъ шагу выдающее свою полную слабость... Повторяемъ, это вноситъ только деморализацію въ наши собственные ряды, но, само собой разумѣется, не останавливаетъ роста террористическихъ тенденцій и фактовъ.

Да въ нашу задачу и не входитъ борьба съ этими тенденціями не только, конечно, нечистоплотными средствами, но и вообще какими угодно. Мы, соціальдемократы, должны бороться не съ террористическими настроеніями, безусловно неизбѣжными при азіатскомъ режимѣ, а съ тѣмъ анти-соціальдемократическимъ поворотомъ, который могутъ принять эти настроенія. Лишь подчиненныя нашему воздѣйствію, лишь руководимыя принципами соціальдемократіи, они могутъ успѣшно функціонировать, разсѣивая всякіе страхи о превращеніи современныхъ политическихъ убійствъ въ всепоглощающій терроръ 70 годовъ,

Говорятъ, что терроръ имѣетъ свою фатальную логику, полнымъ выраженіемъ которой былъ народовольческій циклъ. У оружія нѣтъ никакой логики, кромѣ той, которая придана ему рукой оружейнаго мастера. Система застращиванія фатумомъ Народной Воли обнаруживаетъ у противниковъ террора крайнюю спутанность мыслей: если для насъ фатальна участь Народной Воли, то, значитъ, по существу съ 70 годовъ очень малое измѣнилось... А такъ какъ Народная Воля была самымъ нормальнымъ и при томъ состояніи силъ единственно-крупнымъ явленіемъ, то, признавая

фатальность ея логики, разъ начнется терроръ, мы должны бы были не пугать этой фатальностью, а сказать: грустно это или нѣтъ, но мы снова должны пережить народовольчество... Почему? Потому, что основанія, естественно вздымающія терроръ жизни, остались и теперь во многомъ тѣ же, что во время Народной Воли, и ни газетнымъ листомъ, ни самой удачной 25 тысячной демонстраціей нельзя задержать ножа противъ Новицкаго, револьвера противъ фонъ-Валя... Рабочіе могутъ разобрать арсеналъ, метать гранаты — пишетъ „Искра“ по поводу златоустовскаго дѣла, а тутъ вотъ убиваютъ изъ револьвера Богдановича... Да, будутъ разбирать, будутъ метать, но, милыя искровскія дѣти, какъ вы не можете понять, что тамъ, гдѣ говорятъ о разборѣ арсеналовъ, о метаніи гранатъ, наканунѣ этого, тамъ всегда въ революціонной атмосферѣ слышенъ лязгъ кинжаловъ, виденъ блескъ револьверныхъ выстрѣловъ? Революція идетъ въ грохотѣ камней, которыми осыпаютъ войска, въ пламени деревенскихъ пожаровъ, съ тысячами, защищающими одного, съ однимъ, выступающимъ за тысячи... Ея терроръ разнообразенъ, какъ разнообразіе угнетенія, какъ разнообразіе борящихся силъ, и лишь доктринеръ въ состояніи дудѣть дифирамбъ гранатамъ „тысячъ“ и на всѣхъ вселенскихъ соборахъ проклинать револьверъ „одного“...

Можно сколько угодно донкихотствовать противъ террора, но онъ начался и пойдетъ, ибо ни критика, ни пророчества, ни угрозы не уничтожатъ азіатства правительственныхъ сферъ, и высоко развитое чувство человѣческаго достоинства вызываетъ и будетъ вызывать немедленную расплату наиболѣе подходящими и возможными средствами въ данный моментъ. И по мнѣнію „Искры“, это начало подпадетъ подъ дѣйствіе „законовъ“ Народной Воли? Но кто установилъ эти законы и кто пріурочилъ ихъ къ настоящему времени, о которомъ такъ много говорятъ, что оно разнится отъ народовольческаго? Если по прежнему дѣятелями является только группа интеллигенціи, то будетъ ли она держаться искровскихъ идей или другихъ воззрѣній, все равно — путь ей начертанъ суровой правдой дѣйствительности тотъ же, что и поколѣнію, создавшему Народную Волю. Какъ во времена Липецкаго съѣзда большинство молодежи было самымъ рѣзкимъ образомъ настроено противъ террора, а потомъ быстро все измѣнилось, — такъ произойдетъ и теперь, и „собранная“ Искрой „партія“ перейдетъ на неонародовольческій путь борьбы... Но если мы имѣемъ не только группу интеллигенціи, а разросшееся рабочее движеніе, въ которомъ эта группа составляетъ лишь нѣкую часть, — то какъ возможно, чтобы передъ нами открывались народовольческія перспективы? Полно. Заботливый родитель можетъ снести въ ломбардъ ружье, чтобы охранять его тамъ отъ 17-лѣтняго сына, но заботливой родительницѣ „Искрѣ“ не удастся продѣлать этой операціи для защиты молодого поколѣнія отъ терро-

ристическихъ тенденцій... Эти тенденціи мы должны взять, какъ фактъ, и если мы — не выморочная соціальдемократія, если мы не то же самое народовольчество, лишь приписавшееся безъ всякаго надѣла къ соціальдемократическому обществу, ибо теоретизируемъ по Эрфуртской программѣ, — въ такомъ случаѣ насъ ничто не можетъ увлечь на старый, пройденный путь...

Вмѣсто того, чтобы бороться съ террористическими тенденціями, надо обезвредить ихъ отъ тяги къ концепціямъ прошлой эпохи. Не оружіе террора страшно для насъ, а страшно то, что соціальдемократія борется противъ неизбѣжнаго и слишкомъ мало дѣлаетъ, чтобы вдвинуть вопросы движенія въ дѣйствительно рабочія рамки и тѣмъ парализовать вредъ террористическихъ тенденцій. Каждый № „Искры“ полонъ декламаціи и хвастовства — соціалисты-революціонеры съ успѣхомъ могутъ возвратить „Искрѣ“ ея собственными словами все, что она пишетъ о нихъ. Въ № 41 она, кажется, превзошла самое себя; вотъ что сказано относительно еврейскихъ погромовъ:

> „... Уже теперь сказались результаты этой (рекомендуемой „Искрой“) тактики. Престижъ соціальдемократіи и русскаго пролетаріата сильно поднятъ въ глазахъ обывателей, открылась новая широкая сфера для политической агитаціи, и русское правительство вынуждено нѣсколько сократить пылъ своихъ агентовъ. Опасность погромовъ, конечно, еще не прошла, но уже теперь можно сказать съ увѣренностью, что въ выигрышѣ оказалась соціальдемократія...“

Престижъ соціальдемократіи на данной почвѣ поднялся ровно за такое время, какое надо, чтобы обмакнуть перо въ чернильницу и написать приведенную нами *фразу !* Мы не можемъ жить декламаціонными фразами, мы должны дѣйствительно руководить пролетаріатомъ, но всегда для насъ все „неподготовлено“, „оказалось неожиданнымъ“, „насъ застало врасплохъ“ и т. д. До сихъ поръ мы отрѣзаны отъ массъ и не стремимся въ нихъ ни литературой, ни организаціей, до сихъ поръ мы толчемся въ своей собственной ступѣ и вращаемся въ кругу десятковъ организованныхъ рабочихъ... Массы для насъ — terra incognita, все тотъ же прежній „таинственный незнакомецъ“, на котораго ссылался Базаровъ словами романа г-жи Ратклифъ, таинственный незнакомецъ, который доводитъ стоящихъ на отшибѣ отъ него до энтузіазма своими криками на демонстраціяхъ „да здравствуетъ полицейская (политическая) свобода!“ или ввергаетъ въ ужасъ своими антиеврейскими погромами... Таинственный незнакомецъ силой своего нутра, инстинкта, почти совсѣмъ безъ нашей подмоги выбирается на путь демонстрацій, таинственный незнакомецъ въ страшной народной тоскѣ, въ жгучей ненависти къ безпріютной, и физически, и духовно голодной жизни срываетъ на-

кипь озвѣрѣлыхъ чувствъ на евреяхъ почти безъ всякой препоны съ нашей стороны... Народная революція идетъ собственной дорогой по свѣту и мраку, отмѣчая себя то величіемъ, то подлостью, сотни вчерашнихъ демонстрантовъ становятся сегодня громилами, а сегодняшніе громилы будутъ завтра героями — но гдѣ же мы въ этомъ свѣтломъ праздникѣ и въ этомъ каиновомъ торжествѣ жизни, гдѣ мы съ нашей литературой, организаціей, не призрачнымъ, а фактическимъ руководствомъ? Вотъ въ Кіевѣ при вѣсти о возможности погрома разсыпались студенты, должно быть, достаточно революціонной молодежи по кабакамъ, по трущобамъ, по чертовымъ куличкамъ изучать настроеніе толпы, чтобы потомъ принять своевременно мѣры. Дубина, нависшая надъ головой, слава богу, весьма ясно подсказала, что въ эту минуту надо не перечесть то, что сказано о босякахъ у Макс. Горькаго или о лумпенпролетаріатѣ у Каутскаго, а итти и смотрѣть живыхъ людей въ ихъ берлогахъ... Почему жъ это къ таинственному незнакомцу нѣтъ никакого пути? почему о немъ только въ „Искрѣ“ читаютъ о миссіи пролетаріата? почему такимъ же образомъ никто не пошелъ на рабочія кулички, чтобы таинственный незнакомецъ не былъ въ секретѣ, чтобы у него была книга, чтобы имъ дѣйствительно руководила соціальдемократія? Вмѣсто того, чтобы созданіемъ литературы для массъ, развитіемъ организаціи среди середняковъ рабочаго класса дѣйствительно созидать партію пролетаріата, — „Искра“ занимается декламаціей, оповѣщеніемъ въ полемикѣ съ соціалистами-революціонерами, что мы партія пролетаріата, какъ будто признаніе принципа классовой борьбы, экономическаго матеріализма и гегелевской діалектики уже есть партія пролетаріата! У насъ больше словъ, чѣмъ дѣла, коллегія феціаловъ, объявляющихъ войну соціалистамъ-революціонерамъ, больше, чѣмъ армія пропагандистовъ, у насъ умѣютъ только по канцелярской формулѣ писать о солидарности съ „Искрой“, это напишутъ изъ Малмыжа пропащаго и изъ Китежа подземнаго, но до сихъ поръ, какъ величайшую рѣдкость, приходится встрѣтить порядочную прокламацію; толчеи женевскихъ барышенъ, всероссійскихъ читателей „Искры“, свары, ругательствъ по Мольеру, сплетенъ хуже, чѣмъ въ Алатырѣ, эмигрантовъ заграницей, людей безъ дѣла въ Россіи — всего-всего довольно, но гдѣ та могучая сила, которая связываетъ революціей интеллигенцію и рабочій классъ? Каждая наша книжка можетъ творить чудеса, наша работа можетъ остановить какіе угодно погромы, наша энергія въ короткое время въ состояніи была бы великую накипь народнаго возмущенія превратить въ революцію. Но рабочій классъ попрежнему остается таинственнымъ незнакомцемъ, и именемъ его лишь всуе клянутся, декламируютъ вокругъ пустого мѣста и мѣстничаютъ съ соціалистами-революціонерами, имѣя за себя лишь раздутыя фанфаронады, а не дѣйствительные шансы...

Да, не дѣйствительные шансы. Ибо, во первыхъ, нами ничего не дѣлается для массы середняковъ рабочаго класса, а когда ихъ жизнь стоитъ внѣ нашего воздѣйствія мы — не партія пролетаріата. А во вторыхъ, за послѣднее время много и интеллигентныхъ силъ, и рабочихъ начинаетъ переходить на сторону социал.-революціонеровъ. Социальдемократическаго воспитанія мы имъ не даемъ, ибо нельзя же таковымъ считать ассортиментъ искровской ругательной и доктринерской полемики, а социалисты-революціонеры... даютъ популярную литературу и, — надо это прямо признать вмѣсто искровскаго намѣреннаго дискредитированія, — все шире и шире развиваютъ свою дѣятельность, это серьезный противникъ социальдемократіи и, несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ онъ явится еще болѣе серьезнымъ: сейчасъ многія функціи партійнаго дѣла находятся въ рукахъ „стариковъ“, сохраняющихъ отжившіе остатки прежняго развитія, или въ рукахъ „молодыхъ“, получившихъ воспитаніе въ періодъ безвременья, но прибываетъ и формуется новая волна и она скажетъ гораздо цѣльнѣе, послѣдовательнѣе и талантливѣе свое слово...

Это намъ надо имѣть въ виду и относиться къ вопросамъ не съ беззастѣнчивымъ легкомысліемъ „Искры“. У социальдемократіи всѣ теоретическія данныя и пока вся практическая возможность упрочить свое положеніе, какъ руководительницы пролетаріата, какъ его партіи. Но надо же для этого и дѣйствовать! Если мы хотимъ стоять во главѣ рабочаго класса — для этого нужно не охаиваніе соц.-революціонеровъ, а литература для массъ и широкая организація рабочихъ середняковъ. Если мы хотимъ использовать всѣ формы русскаго освободительнаго движенія — для этого нужна не тысячекратная декламація на эту тему въ „Искрѣ“, а дѣятельность среди крестьянства, для котораго у насъ нѣтъ ни одной даже захудалой брошюрки: честь созданія крестьянской литературы принадлежитъ соц.-революціонерамъ, и весь успѣхъ въ этой средѣ на ихъ сторонѣ. Если мы хотимъ, чтобы террористическія настроенія не слѣдовали законамъ старой логики, — для этого нужна не пошлая и недобросовѣстная полемика съ соц.-революціонерами, а надо взять дѣло въ руки социальдемократіи, надо здоровымъ чутьемъ понимать, что люди не чувствуютъ себя такъ при убійствѣ Богдановича, какъ при паденіи флагштока на голову Пирамидова, и что генералъ-маіоръ или не знаю какой совѣтникъ Богдановичъ не малое тьфу, не нашему богу бя, а Джекъ-потрошитель царскаго самодержавія, гнусный катъ, съ которымъ должна была послѣдовать немедленная расплата...

* *
*

Въ двухъ словахъ то, что мы думаемъ о террорѣ.

Это средство борьбы неизбѣжно выдвигается азіатской жизнью и высокой степенью воспріимчивости, высокой степенью чувства

собственнаго достоинства русскихъ революціонеровъ. Террористическія тенденціи, чѣмъ глубже себѣ прорываютъ жизненное русло, тѣмъ сильнѣе стремятся вылиться въ организаціонныя формы. Отчасти ими это уже и сдѣлано — боевая, крѣпнущая группа партіи соц.-революціонеровъ. Біографіи Балмашева и Качура ясно намъ показываютъ, что эти герои были бы въ рядахъ соціальдемократической партіи, если бы мы проявляли большую жизненную чуткость и не доктринерствовали о гранатахъ тамъ, гдѣ комплексъ данныхъ обстоятельствъ въ руки борцовъ можетъ вложить сегодня только револьверъ для немедленной расплаты. Да не только Балмашевъ и Качуръ — много силъ отъ насъ уже отошло и отойдетъ гораздо больше. Наша вина, если террористическія тенденціи примутъ уродливыя формы, свяжутся съ самыми неподходящими идеями. Мы вовсе не того мнѣнія, что боевая организація — нѣчто игрушечное, но если бы это было и такъ, не надо забывать, что первый исполнительный комитетъ южанъ тоже не представлялъ изъ себя желябовскаго комитета... Если сейчасъ дискредитированіе въ духѣ иже во святыхъ отца нашего Аквавивы: „calomniez, calomniez toujours, il en restera quelque chose“ и можетъ принести свои „плоды“, то черезъ годъ — и дискредитированіемъ ничего не сдѣлаешь противъ роста террористическихъ настроеній, которыя будутъ оформливаться въ организаціонныхъ рамкахъ партіи соц.-революціонеровъ. Мы не должны медлить съ животрепещущимъ вопросомъ современности — какъ можно скорѣе мы должны взять терроръ въ свои руки и распространеніемъ здравыхъ взглядовъ на него, расширеніемъ заскорбшей нашей дѣятельности въ массахъ, работой надъ серьезнымъ соціальдемократическимъ воспитаніемъ молодежи мы парализуемъ всѣ вредныя стороны террора, а изъ его полезныхъ сторонъ живая жизнь возьметъ все, что ей надо — месть врагу, расплату съ насильникомъ въ тѣхъ формахъ, какія подсказываются силой момента. Да, въ вопросѣ о террорѣ можетъ лежать погибель соціальдемократіи на многіе годы, но не тогда, когда она возьметъ его въ свои руки, а если *не* возьметъ!

Л. Надеждинъ.

ПО АДРЕССАМЪ И БЕЗЪ АДРЕССОВЪ.

[ПИСЬМО РЕВОЛЮЦІОНЕРА]

Отпечатанныя 64-69 страницы „Возрожденія“ мы сочли нужнымъ уничтожить. Онѣ были посвящены рѣзкой полемикѣ съ нѣкоторыми изъ аграрныхъ взглядовъ и пріемовъ Партіи Соц.-Рев. Въ силу неблагопріятныхъ условій наша брошюра печаталась цѣлый годъ. За этотъ годъ сужденія наши не измѣнились, но болѣе близкое знакомство съ читателемъ и вообще съ вліяніемъ нелегальной прессы заставляетъ насъ иначе взглянуть на методъ разработки вопросовъ.

Приглядѣвшись къ читателю изъ интеллигентной учащейся молодежи, т. е. къ тому кругу, который является главной аудиторіей полемической литературы, — мы убѣдились, что этотъ читатель стоитъ на очень невысокой ступени развитія. Онъ не знаетъ сплошь и рядомъ крайне элементарныхъ вещей, онъ часто не имѣетъ даже и смутнаго понятія о томъ самомъ, что такъ возмущаетъ сердитую книжку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодежь читала и Маркса, читала и популяризаціи его, и труды и статьи по экономическимъ вопросамъ — хорошія и макулатурныя. Злые языки говорятъ, что Марксъ не дочитывался, еще на первой главѣ люди успѣвали пережениться и довершали образованіе Зиберомъ; языки не злые могутъ сказать, что проглатыванье разжиженныхъ и бездарныхъ статей по экономикѣ и соціологіи въ толстыхъ журналахъ давало очень мало... Но какъ бы то ни было, люди все же пускались въ путь съ большимъ багажомъ, чѣмъ сейчасъ. Теперь онъ скуденъ до крайности — сколько молодежи имѣетъ только то, что удалось зачерпнуть изъ сердитыхъ статеекъ и брошюрокъ нелегальной прессы!

Мы не можемъ въ данной замѣткѣ разбирать вопросъ во всей его цѣлостности и съ той стороны, съ которой виновата сама моледежь. Мы въ состояніи остановиться только на нашей винѣ — на винѣ революціонеровъ-дѣятелей. Размахъ жизни, славу богу, переросъ рамки легальной прессы; при всемъ рвеніи и искусствѣ никакое эзоповское иносказаніе не можетъ дать въ подцензурной литературѣ соціально-политическія основанія нашей дѣятельности; теперь абсолютно нельзя составлять себѣ міровоззрѣніе по разрѣшеннымъ журналамъ и книгамъ. И такимъ образомъ, зада-

ча нелегальной прессы выступаетъ во всей своей многообъемлющей широтѣ, крайне сложная, серьозная и большая. Тутъ уже задача не въ томъ, чтобы дополнить дары легальной литературы, не въ томъ, чтобы рѣшительными выводами освѣтить ея и безъ того въ точку попадающіе взгляды; она гораздо глубже и разностороннѣе: теперь, вѣдь, поднялась цѣлая нелегальная жизнь, широкая, всероссійская, народная, не намѣчаются тенденціи явленій, а сами явленія развертываются во всей своей грандіозности; на страницы нашей журналистики это можетъ попасть лишь въ видѣ внутреннихъ обозрѣній, составленныхъ изъ правительственныхъ сообщеній и распоряженій, въ видѣ самыхъ туманныхъ намековъ о спокойной Шипкѣ, въ видѣ разсужденій реакціонной прессы... Съ гордостью мы можемъ сказать: дожила, наконецъ, Россія до *своей* жизни! Приспособленіе къ казенщинѣ всюду прорѣзывается и раструхляется молодыми, но сильными ростками революціи. И эта жизнь съ ея тьмою вопросовъ должна имѣть свою схватывающую ее и объясняющую литературу.

Гдѣ же эта литература? на чемъ можетъ учиться молодежь? Революціонный литераторъ, какъ дятелъ, долбитъ однѣ и тѣ же голыя, шаблонныя фразы. Онѣ наперечетъ: ихъ можно разъ на всегда выучить наизусть и потомъ уже не читать дальнѣйшихъ №№ газетъ. Съ какимъ молодымъ жаромъ, съ какой революціонной страстью писались статьи въ первыхъ №№ „Искры"! Сколько въ нихъ было интереснаго, свѣжаго, живого! А теперь большинство статей словно вылиняли — тусклы, сѣры и если блестящи, то малосодержательны, если содержательны, то граничатъ съ мертвенностью и посредственностью... Въ первыхъ №№ „Искры" статьи на животрепещущія темы производили на насъ глубокое и сильное впечатлѣніе... Теперь мы, только пересиливая себя, можно сказать, по обязанностямъ службы дочитывали до конца статью о царскомъ манифестѣ или удивительно безцвѣтную, недостойную даже блаженной памяти „Рабочаго Дѣла" статью объ еврейскомъ погромѣ... Гдѣ ужъ огненнаго, просто сильнаго, не вялаго слова даже нѣтъ, чтобы бросить его въ вихрь русскихъ событій! Лишь при полемическихъ статьяхъ зажигаются искорки, чувствуется оживленіе, работа таланта, но и тутъ, чѣмъ дальше, подборъ аргументовъ становится болѣе вымученнымъ, ясно видно, что человѣкъ не въ состояніи свести концовъ съ концами, и какъ, не въ примѣръ прежнему, выходитъ у него совсѣмъ неумно, остроуміе становится все болѣе плоскимъ, натянутымъ и мало бьющимъ въ цѣль (напр. см. статью Плеханова о книжкѣ Рязанова)...

Изъ не-полемическихъ статей „Искры" читатель почти что ничему не научается. Мы много разъ просили пересказать намъ содержаніе статей даннаго № — безъ всякой предвзятой мысли, а просто потому, что не читали еще — и всегда оно пересказывалось намъ въ очень короткихъ и невыразительныхъ словахъ. Про-

чтя сами статью, мы убѣждались, что и мы бы ея иначе не пересказали, ибо она по мѣрѣ того, какъ читается, по мѣрѣ того и забывается. А, между тѣмъ, нѣкоторыя изъ первыхъ статей „Искры“ такъ врѣзывались въ нашу память, что мы помнимъ ихъ и сейчасъ — помнимъ не только выраженія изъ нихъ, но и ходъ мыслей, матеріалъ аргументовъ! На такихъ статьяхъ не получишь воспитанья! Даже легальная пресса дала болѣе основательныя и яркія статьи объ отмѣнѣ круговой поруки, чѣмъ та, какая была помѣщена въ „Искрѣ“.

А „Заря“? Молодежь говоритъ съ большимъ почтеніемъ, иногда даже почти съ благоговѣніемъ объ этомъ органѣ, но громадное большинство и не отважится даже выяснять его содержаніе себѣ и другимъ. Сплошь и рядомъ говорятъ, что написано очень учено, очень обстоятельно, но о массѣ статей отзываются „въ этомъ мы еще не разобрались“. Разработка темъ идетъ такимъ образомъ, что она не только уже предполагаетъ у читателя высоко-развитый интересъ къ данному вопросу (напр., о матеріализмѣ и идеализмѣ), но и значительную подготовку. Многіе, какъ намъ приходилось наблюдать, будучи не въ состояніи одолѣть по существу своему очень интересныхъ, но крайне тяжелыхъ и непопулярныхъ статей Плеханова о критикахъ марксизма — перелистывали ихъ, вылавливая оттуда удачныя выраженія, остроумныя словца и каламбуры. Намъ пришлось узнать не такъ ужъ мало случаевъ, когда въ книжкѣ „Зари“ оказывались прочтенными лишь „Внутреннее обозрѣніе“, сибирскій разсказъ и по саксонскому фарфору вычурно-изящно написанная статья Старовѣра о „современной весталкѣ“...

Мы не думаемъ сказать, что „Заря“ — безполезный журналъ. Для ограниченнаго круга даже и очень полезный. Но аудиторія нынче широка и велика, и этой аудиторіи приходится только благожелательно вздыхать около темныхъ для нея книжекъ „Зари“ и благоговѣть передъ ихъ недосягаемой для нея мудростью... Здѣсь вѣрно разсчитано, что такой то діалектическій ударъ очень хорошо вопьется въ Давида, и Каутскій, прочитавъ это мѣсто, одобрительно скажетъ: so! Каутскій и Давидъ это хорошо поймутъ, пойметъ и г. Черновъ, что о немъ пишутъ и что о немъ говорятъ, а аудиторія изъ молодежи, откладывая книжку въ сторону, часто говоритъ: пойди ихъ и разбери, всѣ ссылаются на однихъ и тѣхъ же, всѣ приводятъ цифры, и все это темно, ничего не видно... Видно только, что г. Чернова обозвали тургеневскимъ Ворошиловымъ, и одни это одобряютъ, другіе на это злобствуютъ...

Одобряютъ и злобствуютъ — такъ обстоитъ дѣло со всѣми полемическими статьями „Искры“, которыя въ концѣ концовъ являются единственными истолкователями жизни, основоположниками теоретическихъ воззрѣній, философіей, соціологіей, экономикой,

всѣмъ, для всего, на все и про все. По нимъ получается образо ваніе, ими и аргументируютъ, и клянутся, и проклинаютъ. Возьмемъ эти статьи и вообще эту литературу — пока совершенн безотносительно къ тому, что мы не можемъ назвать иначе, как гнойниками полемики. Возьмемъ полемику въ ея чистомъ или мало зараженномъ видѣ.

Вотъ въ одномъ изъ № „Искры" сообщается, что Партія Соц. Рев. ведетъ къ торжеству мелко-буржуазныхъ тенденцій, сам полна этими тенденціями. Если человѣкъ, обладающій знаніями прочитываетъ это, то, разъ онъ соціальдемократъ, онъ говоритъ „да, это правда", и слова „да, это правда" страшно далеки от всего личнаго, оскорбительнаго, отъ всякой прогорклой желчи... Передъ нимъ проносится столько историческихъ картинъ и с многообразіемъ генія мелкой буржуазіи, и съ силой ея героизма что и эти картины, и сложность и пестрота историческаго хода властно повелѣвающая, когда не самой волей, то эффектами воли людей, — все это меньше всего ему даетъ думать въ оскорбитель номъ смыслѣ о соц.-рев... Его выводъ: „нашъ путь иной, и толь ко то міровоззрѣніе, которое признаемъ мы, является вѣрным отраженіемъ истинныхъ нуждъ и тенденцій развитія пролетаріа та, во имя этого міровоззрѣнія мы должны бороться съ другими направленіями"... Но тутъ не можетъ быть и капли обиды дл той фракціи, которая именуетъ себя соціалистической, но по при знанію соціальдемократовъ полна мелко-буржуазнаго духа... У Вильг. Вундта есть очень удачныя слова: гетерогонія цѣлей — цѣли ставятся однѣ, житейская дѣйствительность съ ея многооб разнымъ переплетомъ цѣлей, причинъ и слѣдствій формуетъ по своему конечные результаты... То же и здѣсь, и никто не обидит ся за то, что Прудона съ его пламеннымъ соціаль-революціониз момъ назовутъ мелко-буржуазнымъ, мѣщанскимъ соціалистомъ.

Совершенно естественно, что и соціалисту-революціонеру, об ладающему знаніями и самымъ формальнымъ пониманіемъ исто рическихъ терминовъ, обижаться не приходится. Онъ можетъ до казывать полную невѣрность утвержденій противника, призрач ность его историческихъ обобщеній, непониманіе задачъ современ ности, доктринерское размежевываніе классовъ и т. д. Но обид то при чемъ, оскорбленіе гдѣ? Возьмите несогласія рѣшительно между всѣми партіями и дѣятелями на всемъ протяженіи исто ріи — и всегда въ нихъ звучало: нѣтъ, эти методы борьбы по служатъ на пользу патриціямъ, а не плебеямъ! Нѣтъ, тутъ вы играютъ при такой тактикѣ пэры, а не джентри! Эта теорія для дворянъ, а не для tiers-état! не для народа! не для санкюло товъ! не для пролетаріата! Убѣжденные люди всегда увѣрены — и это къ счастью человѣчества, ибо при полуубѣжденіяхъ нельзя дѣйствовать —, что только въ этой теоріи спасеніе даннаго клас са и человѣчества, а остальное — не тотъ путь для него. Дока-

жите, что именно ваша теорія вѣрна, что она ведетъ къ торжеству соціализма. Можетъ быть, будущая исторія докажетъ намъ, что не вѣрно ни то, ни другое, что вся марксовская система есть лишь очень частное обобщеніе, но, можетъ быть, то же будущее докажетъ, и что всѣ наши эвклидовско-ньютоновскія, канто-лапласовскія обобщенія тоже частность. Но пока этого нѣтъ, пока — какъ Достоевскій любилъ выражаться со злобой, а мы выразимся просто объективно — у насъ „эвклидовскій умъ" и въ области общественныхъ знаній теорія Маркса, а для даннаго времени можетъ быть вѣрной безусловно только одна теорія — цѣльная или мозаика все равно. Мы признаемъ теорію Маркса, и съ точки зрѣнія нашихъ взглядовъ другая теорія, въ данномъ случаѣ соц.-революціонеровъ, ведетъ къ торжеству мелко-буржуазныхъ началъ, а не соціализма... Соц.-рев. пусть доказываютъ, что наша теорія предрасполагаетъ, или тоже ведетъ, къ квіетизму, къ игнорированію массы общественныхъ силъ, къ приниженію личности (объ этомъ слишкомъ много писалось да и сейчасъ пишется). Можетъ ли на это обидѣться соц.-демократъ? Если обижаться на обвиненіе въ мелко-буржуазности, то да. Легкое ли дѣло, напр., квіэтизмъ? Какое то анахоретство, безсиліе, мертвый покой — въ результатѣ застой и погибель, которые еще хуже, чѣмъ какое угодно мелко-буржуазное торжество. Но, однако, ни одинъ мыслящій соц.-демократъ не обидится, а только скажетъ: будущее, созидаемое нашими руками, дастъ вамъ отвѣтъ на квіэтизмъ! Оно покажетъ вамъ суету и поверхностность вашихъ обобщеній! Таковъ же естественно долженъ быть и отвѣтъ мыслящаго соц.-революціонера, когда его обвиняютъ въ мелко-буржуазности, но отвѣтъ не стономъ „вотъ какъ насъ изобидѣли"....

По нашему, такъ должно бы обстоять дѣло, если аудиторія обладаетъ знаніями и разбирается въ существѣ вещей. Но слова „мелко-буржуазныя тенденціи", „игра въ руку мелкой буржуазіи" попадаютъ въ среду, не имѣющую данныхъ разобраться въ нихъ — и что получается? Изъ „соц.-демократовъ" одни сразу же схватываются за финальную картину мелко-буржуазной борьбы, ея драматическихъ столкновеній съ пролетаріатомъ, и въ воображеніи проносятся „измѣнники", „враги рабочаго класса", „фальсификаторы культуры для пролетаріата" — ясно, какія чувства могутъ быть связаны съ такими картинами... Другіе изъ „соц.-демократовъ" не представляютъ себѣ вопроса въ такихъ рѣзкихъ очертаніяхъ, но передъ ними просто всплываетъ нѣчто очень отрицательное, „негожее", выражаясь богатымъ новолжскимъ словомъ... „Тенденціи", „направленія", „результаты", все это точно какая ажурная работа, комкается грубымъ пониманіемъ и остается „мелкій буржуа", а чѣмъ дальше расходятся круги этого слова, тѣмъ естественнѣе на далекомъ разстояніи отъ центра звучитъ просто „буржуй"... Вульгаризація то въ болѣе мягкихъ, то въ самыхъ

грубѣйшихъ оттѣнкахъ скоро пріобрѣтаетъ права гражданства Молодежь, числящаяся по соц.-демократическому штату, именн такъ клеймитъ „соц.-революціонеровъ“, а молодежь этихъ по слѣднихъ именно такъ воспринимаетъ слово, исходитъ ли оно от теоретиковъ марксизма въ другомъ значеніи или просто имъ „ла ются“ — все равно. Вмѣсто научныхъ аргументовъ, которыхъ и у той, и у другой стороны совсѣмъ въ обрѣзъ, — выступаютъ ар гументы болѣе удобопонятные, характеризующіе уровень развиті спорящихъ.

— Ну ужъ, извините, пожалуйста, соц.-революціонеры что что, а не дураки — они знаютъ, куда зовутъ за собой — не бой тесь, не ошибутся лагеремъ...

— Соц.-революціонеры — мелкіе буржуа! Люди умирали, на каторгу шли, по тюрьмамъ сидятъ — мелкіе буржуа! И наказываютъ ихъ сильнѣе, чѣмъ соц.-демократовъ...

— Они... мелкіе буржуа! Во всей квартирѣ два стула... Голодалъ, холодалъ — мелкій буржуа!

— Это за то, что за крестьянъ стоятъ! Крестьянство нище совсѣмъ, въ кабалѣ у кулаковъ — мелкіе буржуа!

И т. д., и т. д.

А „соц.-демократы“, пробалансировавши пятокъ-десятокъ минутъ съ формулирующими или уязвляющими фразами „Искры“ не выдерживаютъ равновѣсія и грузно падаютъ въ область „критики“ пріемовъ и тактики соц.-революціонеровъ, а прямо сказать, въ область политической сплетни. Дальше сраженіе идетъ уже въ этой сферѣ, и оба противника не уступаютъ другъ другу въ развертываніи свитка скандальной хроники...

Мы взяли для примѣра „мелко-буржуазность“, но можно бы набрать для иллюстраціи и рядъ другихъ примѣровъ — характеристику Плехановымъ Желябова, какъ представителя европейскаго радикализма, въ чемъ можетъ быть ошибка, но не набрасываніе черной тѣни, даже независимо отъ того, были ли у Плеханова какія нибудь „постороннія“ цѣли, или не было ихъ, ибо все равно въ понятіи радикализма не можетъ быть ничего оскорбительнаго. Или терминъ „беллетристы“, заключающій въ себѣ вполнѣ допустимую насмѣшку — злую, ядовитую, не столь пріятную, какъ если бы люди „выругались“ Вильямами Моррисами, но все же не выходящую изъ предѣловъ революціонной нравственности и литературныхъ приличій...

Но примѣровъ довольно. Изъ нихъ ясно, что при невысокомъ цензѣ пониманія, т. е., хотимъ сказать, при отсутствіи нужнаго образованія, вульгаризація превращаетъ въ дѣйствительныя оскорбленія и то, въ чемъ нѣтъ оскорбленія, и получаются самыя грустныя и тяжелыя картины. Теперь, если прибавить сюда доподлинные пріемы грязной и нечестной полемики! Тутъ ужъ не

ама неразвитая мысль дѣлаетъ порочащіе выводы, тутъ ихъ под-осятъ ей готовыми и во всей наготѣ циничнаго слова.

Раньше еще и при невысокомъ состояніи развитія можно бы-о искать отпора въ простой разсудительности. Ну, мнѣ сказали мелкій буржуа" — я обижусь, но потомъ внесу это въ обиходъ шутокъ, и этимъ, можетъ быть, и ограничится дѣло. „Такъ ужъ амъ пристало, мелкимъ буржуямъ", „на то и залетаемъ такъ ысоко, что беллетристы" и т. д. Но когда мнѣ говорятъ, что артія примазывается къ ростовскимъ событіямъ, мошеннически жетъ, фальсифицируетъ, трупами козыряетъ и т. д. — тутъ ужъ олучается нѣчто такое, за чѣмъ въ частной жизни слѣдуетъ ризнаніе противника подлымъ человѣкомъ, отборная ругань и, оли на то пойдетъ, кулачная расправа...

Два года назадъ у насъ мысли не было, что придется напи-ать такія слова, но теперь не только приходится ихъ написать, о еще констатировать при нихъ факты. Заграницей, гдѣ полеми-а имѣетъ свою Мекку, уже начинаетъ доходить дѣло и до руко-ашнаго боя... Противно писать объ этой грязи, но писать надо - жандармскимъ отдѣленіямъ и охранкамъ это уже, конечно, авно извѣстно, и мы имъ не выдадимъ полишинельскаго секре-а, разыгрывающагося на сотняхъ людей, а къ россіянамъ, къ ивымъ, энергичнымъ работникамъ апеллировать надо, ибо иначе колько силы пропадетъ во срамѣ, какъ заслякостится наше ре-олюціонное дѣло...

Вѣдь, нельзя, немыслимо дальше жить такъ, какъ мы живемъ. олько кругомъ и слышится, что соц.-демократы прохвосты или оц.-революціонеры прохвосты. Да иного и не можетъ слышать-, ибо обвиненія такого рода, что, если имъ повѣрить, то обви-немыхъ иначе и нельзя окрестить, а обвиняемые въ свою оче-едь по природѣ комплиментовъ должны именно такъ квалифи-ировать обвинителей.

Какія данныя у меня, юноши, проникнувшагося соц.-демо-ратическими убѣжденіями или расписавшагося подъ ними,—не ѣрить „Искрѣ"? Во главѣ ея стоятъ люди, на теоретическую си-у которыхъ я опираюсь, въ знанія которыхъ я вѣрю, относи-ельно нравственности которыхъ мнѣ не приходится сомнѣваться. если такіе люди не останавливаются передъ обвиненіями другой артіи въ нечистоплотныхъ поступкахъ, если они ее клеймятъ, акъ дѣльцовъ низшаго разбора, — я въ первый моментъ пора-енъ, огорошенъ и съ той или иной дозой рѣшительности говорю:

— Но позвольте, какъ же: революціонеры, вѣдь! Конечно, ихъ орія... Конечно, ихъ тактика... Это все нужно критиковать, авантюристами ихъ обзывать, подлипалами къ чужому дви-енію...

И это меня возмущаетъ, коробитъ, заставляетъ плохо себя чув-вовать — это первыя, непосредственныя ощущенія. Но въ то же

время всѣ мои мысли, если можно такъ выразиться, взяты в перевѣсъ — взяты именно моимъ уваженіемъ къ обвинителям не можетъ быть, чтобы они отважились на такіе шаги, не имѣ данныхъ въ рукахъ, — должно быть, что нибудь есть!

Время идетъ. Со всѣхъ сторонъ слышится: „оставьте, брось такую полемику!“ Всюду говорятъ: „нѣтъ, а ужъ въ этомъ „Ис кра“ не права, это она увлеклась, хватила черезъ край!“ А „Ис кра“ не только не бросаетъ „полемики“, но все больше усилива етъ всѣ ея отрицательныя стороны, еще грубѣе и циничнѣе ра правляется съ противниками. Оскорбительныя, загрязняющ обвиненія входятъ въ постоянный обиходъ „Искры“ — у молоде жи теперь ужъ они не могутъ вызывать тягостнаго изумлені постоянство и упорство ихъ должны перевести нерѣшительност мысли на какую нибудь болѣе опредѣленную позицію, чѣмъ т которая была создана непосредственнымъ чувствомъ уваженія к революціонеру вообще и столь же непосредственнымъ чувством уваженія къ авторитетамъ своей партіи. Дѣлается новый шагъ- первый по наклонной плоскости:

— Меня коробитъ всегда, когда я читаю выходки „Искры“. Но ихъ не остановишь, съ ними приходится примириться, ка съ проклятымъ (или мягче: несимпатичнымъ) недостаткомъ х рошей газеты...

И начинается „примиреніе“... Какъ съ безобразной физіон міей великихъ ораторовъ Мирабо и Дантона, съ „жестокостью таланта Достоевскаго, какъ съ экстравагантностями великихъ лю дей — такъ, или почти такъ. „Это ужъ такъ отъ природы“, „э ужъ такой ихъ органическій порокъ“, „такая ужъ слабость“ — буду брать „Искру“ съ ея заслугами, а „это“ отъ меня пусть бу детъ въ сторонѣ...

Въ самомъ скоромъ времени „это“ начинаетъ казаться уж вовсе не такимъ страшнымъ, или, вѣрнѣе, оно дѣлается, выра жаясь великолѣпной мыслью послѣдняго разсказа Короленко, „н страшнымъ“. Притупивъ всѣ ощущенія, оно запасается всѣм свойствами затянуть человѣка въ болото. „Искра“ продолжает свою компанію, требуя активнаго отношенія къ ней не „слаб нервныхъ“ сторонниковъ, соц.-революціонеры въ пылу возмущ нія изрекаютъ весьма не кроткія слова, хоть бы и кроткимъ т номъ, многими своими дѣйствіями оправдываютъ сарказмы (са казмы, но не грязь) „Искры“ — и примиренность съ недостатка ми „руководящаго органа“ начинаетъ накреняться на сторон того, что „пожалуй, ихъ такъ и надо“, а дальше „пожалуй“ и чезаетъ, и отношеніе къ противникамъ, какъ къ авантюристам и какъ къ организаціи самаго сквернаго свойства, — становит нормальнымъ.

Чтобы такое явленіе вошло въ норму, надо, чтобы притупи лось чутье и опошлились понятія о политической и общественн

равственности. Этотъ процессъ и происходитъ. Въ немъ совершенно поглощается и исчезаетъ даже простой здравый смыслъ. Если бы онъ не тонулъ въ половодьи полемики авантюристами и тартюфами, онъ бы сказалъ вотъ что. Если бы современная русская соц.-демократія была партіей истинно-соціалистической, истинно-пролетарской, а партія соц.-рев. — партіей радикальной, буржуазной, то могутъ ли первой партіей быть сдѣланы всѣ тѣ выводы относительно второй, которые дѣлаетъ европейская соц.-демократія по отношенію къ европейскимъ же радикаламъ? Безусловно нѣтъ, ибо совершенно различенъ составъ западной и русской соц.-демократіи, точно такъ же, какъ и составъ радикаловъ. На Западѣ мы имѣемъ партію изъ работниковъ и дѣйствительно рабочей интеллигенціи — т. е. мы не хотимъ сказать интеллигенціи, непремѣнно родившейся среди ткачей и столяровъ, но совершенно естественно, нормально могущей связать всю свою будущность, всю свою жизнь только съ ткачами и столярами. Эта партія крайне рѣзко разнится отъ всякой радикальной, хотя бы и для успѣха своихъ дѣйствій и покрылась чешуей жоресовскаго соціализма". Но у насъ въ Россіи — у насъ прежде всего нѣтъ соц.-дем. партіи и не потому, что еще не устроенъ 2-ой съѣздъ и не сорганизованъ центральный комитетъ, а потому, что мы не имѣемъ еще того „рабочаго" состава партіи, какой имѣетъ Западъ, и будемъ его имѣть лишь послѣ революціи, когда рѣзко измѣнится все соотношеніе силъ. Соц.-революціонеры—радикалы, буржуазная партія, хорошо, въ этомъ есть своя правда, поскольку на заключается въ тенденціяхъ идей, въ базахъ міровоззрѣнія, но можетъ ли эта правда служить въ нашихъ рукахъ такимъ же мѣриломъ, какъ въ рукахъ западно-европейской соц.-демократіи? Нѣтъ, мѣрило идеи соотвѣтствуетъ истинѣ вещей лишь при отвѣчающей этой идеѣ матеріальной почвѣ — возьмите соціалистовъ-утопистовъ, возьмите монтаньяровъ 93 года, — проведеніе идей черезъ несоотвѣтствующую среду и при неимѣніи среды соотвѣтствующей не оставило намъ закрапленныхъ шаговъ исторіи, а лишь трогательный образъ Фурье, поджидающаго у окошка нужнаго ему капиталиста, и кровавое сіяніе столь же „Неподкупнаго", столь несчастнаго Робеспьера! Вы понимаете, о чемъ я говорю — я говорю о томъ, что у русской соц.-демократіи есть твердые идейные устои, но этимъ устоямъ еще надо переплыть черезъ океанъ революціи на дѣйствительную матеріальную почву рабочей партіи. А пока наша матеріальная почва, къ несчастью и сожалѣнію, еще не можетъ быть нанесена на географическую карту зонами, слишкомъ отличными отъ зонъ соц.-революціонеровъ. Та же самая молодежь, которая входитъ въ наши ряды, входитъ и въ ряды соц.-революціонеровъ; такимъ же самымъ образомъ, какъ малая часть ея причисляетъ себя къ соц.-демократамъ, будучи очень плохо знакома съ соц.-демократизмомъ, такимъ же обра-

зомъ она причисляетъ себя и къ соц.-революціонерамъ, и там
и здѣсь уширая на соціализмъ; тѣ же самые рабочіе входятъ
въ одну, и въ другую партію. Пока дѣло больше всего въ пр
стомъ количествѣ, а количество по русскимъ условіямъ очень зı
блемая вещь, и, увы, даже на высокой ступени оно не всегда п
реходитъ въ качество... Еще не такъ давно съ полнымъ соо
вѣтствіемъ правдѣ надъ соц.-революціонерами подтрунивали, ч
они всѣ усядутся на диванѣ, а теперь ихъ и на десяти баржа
не свезешь въ Сибирь; еще недавно къ нимъ примыкало нѣскол
ко рабочихъ на перечетъ, а теперь, намъ этого скрывать не пр
ходится отъ себя, у нихъ начинаютъ расти рабочіе кадры... По
не идея соц.-демократизма въ ея цѣлостности съ строгостью опр
дѣленной мысли и отвагой борьбы господствуетъ въ рядахъ ру
скихъ повстанцевъ, а идея борьбы вообще, могущая соединять
со всякаго характера соціалистической или даже радикальн
мыслью. Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что истинно р
бочей партіей можетъ быть только соц.-демократическая парті
и окрѣпшій пролетаріатъ будетъ имѣть соц.-демократію, но пр
теперешнемъ распредѣленіи силъ и положеніи вещей—мы видим
только задатки соц.-демократіи, вѣримъ, надѣемся, будемъ р
ботать, чтобы какъ можно больше этихъ задатковъ перенесло
готовыми въ будущую настоящую партію пролетаріата, но зада
ки есть все же задатки, и русская жизнь имъ не даетъ ни пр
ва, ни основанія говорить по отношенію къ „радикаламъ" (ра
мы отождествляемъ ихъ съ соц.-революціонерами) языкомъ соц.-д
мократіи Запада, ибо эти задатки сами закутаны и перекутаны
радикализмъ... Присяжный авторъ изъ „Искры" можетъ обв
нять присяжнаго автора изъ „Рев. Россіи" въ грѣхахъ и ухищр
ніяхъ радикализма, но далеко ли отъ столбцовъ „Революціон. Ро
сіи" откатится его обвиненіе? Обвиненіе Бебелемъ Евгенія Ри
тера докатывалось до всей его партіи и безъ всякихъ натугъ
натяжекъ переходило на весь классъ. А у насъ развѣ это о
виненіе захватитъ ту самую молодежь, которая, хоть и работае
въ рядахъ соц.-революціонеровъ, но по существу своему, конечн
та же, что и соц.-демократическая молодежь? Развѣ „Тартюфы р
вол. морали" не останется личнымъ намекомъ на такого то авт
ра или такихъ то авторовъ вотъ этакихъ то статей „Рев. Рос."
Если „Тартюфы" — это не личный намекъ, то, значитъ, им
клеймится масса дѣйствующей молодежи въ рядахъ соц.-револю
ціонеровъ, и тартюфство растетъ, ибо партія растетъ все на сче
той же молодежи и рабочихъ, привлекаемыхъ не мелко-буржуа
ными началами, а тѣми или иными методами борьбы, развитіем
пропаганды въ крестьянствѣ, употребленіемъ террористическихъ
средствъ и т. д. Тартюфство лежитъ въ природѣ европейскаго р
дикализма, тартюфство не можетъ лежать въ природѣ партіи соц
рев., какова бы ни была idea madre ихъ міровоззрѣнія: на

быть слѣпымъ доктринеромъ, чтобы не видѣть состава нашихъ „партій“, кладущихъ, какъ основаніе или какъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ основанія, дѣятельность въ рабочемъ классѣ и рабочаго класса...

Такой именно слѣпотой и отличается „руководящій органъ“ „Искра“, совершающій на бумагѣ всѣ европейскія дѣленія, приправляя ихъ исконно-русскими ругательствами... Но европейскія дѣленія, не признавая „Искру“ деміургомъ, такъ и остаются на бумагѣ, еще не входя въ историческій ходъ, а русскія ругательства — насчетъ ихъ дѣйствительно надо сказать, творчество „Искры“ не остается безрезультатнымъ... Даже и слишкомъ... У молодежи пропадаетъ простое здравое разумѣніе, и она руссифицированнымъ европеизмомъ клеймитъ то самое, что одного поля ягода съ ней...

Отъ этого руссифицированнаго европеизма просто дышать нельзя. Онъ совсѣмъ на задній планъ успѣлъ устранить ужъ всякіе общіе принципы и положенія, ибо всѣ страсти бури въ стаканѣ воды такъ разгорѣлись и разбушевались, что всякая темная выходка „Искры“ уже даже не вызываетъ и разсужденій, а просто оглушительные крики „Да здравствуетъ Искра!“, „Да здравствуетъ революціонная соц.-демократія!“. Есть отъ чего здравствовать, есть на чемъ взлетать на небеса.

О, если бы это было только смѣшно. Тогда оставалось бы только сказать: да вы, господа, лучше бы организовали выпускъ бюллетеней, когда чихнулъ Плехановъ или Ленинъ, и каждый разъ кричали бы при сихъ случаяхъ „Да здравствуетъ революціонная соц.-демократія!“. Это бы и не менѣе раціонально, и во всякомъ случаѣ по своей невинности болѣе полезно для васъ... Но къ сожалѣнію, тутъ слишкомъ мало смѣшного — въ „да здравствуетъ“ по поводу „Тартюфовъ“ — и слишкомъ много тяжелаго. Какой видъ приняла заграничная колоніальная жизнь? Люди вѣчно въ встрепанномъ состояніи, дошли до послѣднихъ степеней нервозности, взвинченности, вѣчно въ скандалахъ или наканунѣ скандаловъ — пусть какъ угодно притупится чутье и пониманіе вещей, но не легко, вѣдь, обзывать тартюфами людей своей собственной среды, въ общемъ (при теоретической слабости) своего же собственнаго міровоззрѣнія! Если это не всегда сознается, то инстинктивно всегда чувствуется.

Теперь, конечно, нельзя даже и говорить, какая изъ сторонъ лучше — обѣ лучше. Обѣ лучше и съ верховъ, и до низовъ. И въ „Рев. Россіи“ найдется достаточно словечекъ о томъ, „что дѣлаешь — дѣлай скорѣе“ (слово Христа Іудѣ), и о „заплечныхъ дѣлъ мастерахъ“, и о крови Балмашева, падающей на соц.-демократовъ, ведущихъ „братоубійственную войну“; и въ частныхъ разговорахъ соц.-революціонеровъ, даже во время ихъ протестовъ противъ искровскихъ пріемовъ, да всегда и вездѣ раскрашиваютъ

соц.-демократовъ такъ, словно краски берутся съ палитры „Искры"... Но теперь ужъ нѣтъ никакого смысла разсматривать, гдѣ больше пылаетъ загорѣвшійся сыръ-боръ — онъ весь въ огнѣ.

Тяжело жить въ такой атмосферѣ. Нѣчто ужасное представляетъ изъ себя заграничная жизнь съ ея собачьими отношеніями другъ къ другу, въ которыя мы всѣ уже до едина втесались, и самыя мелочныя свары царятъ и между членами организацій, и между молодежью, и все это начинаетъ ужъ принимать такой характеръ, что можно писать новую повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Иванычъ съ Иваномъ Никифорычемъ, и какъ вслѣдствіе этого бьютъ даже и мальчишекъ, перелѣзающихъ черезъ тынъ... Теперь рѣшительно всякая грязь понятна, отовсюду можно ждать рѣшительно всякаго неблагороднаго поступка. Люди есть люди, и когда поднимается ихъ подноготная, то они и сами волочатся по грязи, и волочатъ по ней другихъ, забывая и принципы, и великую нравственность нашего движенія.

А все это переливается въ Россію. Въ Россію, лишенную книжки, въ Россію, въ которой такъ плачутъ о недостаткѣ людей! И эти книжки могла бы дать заграница, и этихъ людей она тоже могла бы дать — никогда еще не были такъ поразительно-велики наши заграничныя колоніи, но никогда и не были онѣ такъ безплодны. Все время, силы, нервная энергія, уходятъ на трагическую комедію. Сколько народа могло бы тутъ учиться заграницей и ѣхать дѣятелями въ Россію! Въ этой атмосферѣ нельзя учиться, въ ней гибнетъ только человѣкъ въ неврастеніи. Да, да гибнетъ — никакая энергія не подымается, вся она тутъ въ напряженіи нервовъ на рефератной склокѣ — и некогда человѣку и подумать о живой работѣ. То онъ истерически рыдаетъ или дрожитъ на рефератахъ, то послѣ отдыхаетъ въ апатіи. Годъ-другой пройдетъ, все надоѣдаетъ человѣку, разучивается онъ говорить русскимъ революціоннымъ языкомъ, образа революціоннаго движенія не можетъ вызвать передъ собой — словно какое то тяжелое похмѣлье послѣ революціоннаго кошмара... Пропала тяга къ борьбѣ, пропалъ человѣкъ для Россіи. Да и можетъ ли онъ страстно, всею душою любить ту революцію, гулъ которой для него чѣмъ дальше, тѣмъ все больше заглушается „своими", заграничными инцидентами! Эти инциденты втягиваютъ въ себя, создаютъ какую то иллюзію революціонной жизни, иллюзію дѣла, работы, чего то существенно-важнаго и нужнаго — въ результатѣ, съ соотвѣтствующими измѣненіями, та же картина, что въ „Любви декоратора" Скитальца — своимъ собственнымъ рефлекторомъ создается и красота, и безобразіе нимфъ! И человѣку, когда надоѣдаетъ эта склока, когда теряется ея острота, приходится остаться ни съ чѣмъ — живого революціоннаго образа онъ не въ состояніи вызвать предъ собою, чувства издергались, и онъ отходитъ отъ революціи, и не приступивъ къ ней...

Господа, что же съ вами будетъ дальше, что отъ васъ останется Россіи? Не велика вамъ будетъ благодарность отъ Россіи, не велика будетъ ваша заслуга передъ ней. Этой грязи вы не вынесете, ибо въ душѣ русской молодежи слишкомъ много чистаго, свѣтлаго, хорошаго, потоки эти вамъ скоро станутъ противны, но они же, повторяю, многихъ изъ васъ и откинутъ прочь отъ революціи, какъ уже и откидывали... Съ чѣмъ вы останетесь, съ какой вѣрой въ людей, съ какимъ энергичнымъ взглядомъ на торжество будущаго? Вѣдь, вы жизни совершенно не знаете, вздымающія ее могучія народныя силы знакомы вамъ лишь по газетнымъ строчкамъ, вся ваша вѣра горитъ въ революціонномъ міркѣ, весь рой вашихъ надеждъ въ этой сферѣ, уже захваченной революціоннымъ сознаніемъ. Въ тотъ день, когда вы скажете: „какъ грязно здѣсь! и неужели свѣтлый идеалъ будущаго можетъ подняться изъ такихъ лужъ?“ — вамъ некуда будетъ глянуть, негдѣ будетъ искать точекъ опоры. „И тутъ среди міра лучшихъ людей то же самое зло, что и всюду, и эти люди во гнѣвѣ и злости — точная копія съ самыхъ отрицательныхъ сторонъ современнаго строя“...

Простите меня за личное признаніе, но все это я пишу подъ наплывомъ личныхъ чувствъ, которыя мнѣ мѣшаютъ работать, думать о другомъ, отдаваться дѣлу. Я не изъ „слабонервныхъ“, тяжкихъ сценъ на своемъ вѣку перевидалъ слишкомъ достаточно, съ жизнью ознакомился на ея просторѣ, а отъ революціи мнѣ уйти некуда, мнѣ нечѣмъ жить безъ нея. И все же, мнѣ приходится признаться, что за два года заграничной жизни, отнюдь даже не встрѣвая въ ея каждый шагъ, я дошелъ до того, что бываютъ моменты, когда хочется бросить все, бѣжать куда бы то ни было, въ Австралію, въ калашный рядъ, въ берлогу, но только дальше отъ дрязгъ, сплетенъ, спрутомъ хватающихся за революціонное дѣло... Годы тяжкой работы не могутъ такъ истомить, какъ мѣсяцы заграничной жизни. Въ ссылкѣ гнилой воздухъ — но это что! Тамъ якуты, вотяки, всенощная у Никитья. А тутъ кругомъ масса живыхъ людей, тутъ цѣлая органически слитая съ Россіей зарубежная жизнь — и сколько можетъ быть работниковъ для родины, какая уйма тутъ работы! И все идетъ прахомъ, все гибнетъ гнилью... Думаешь уйти въ дѣло, обстроиться такъ, чтобы

> А в моей хатині сине море грае,
> Байрак гомонить . . .

Но немыслимо, невозможно, и зря пропадаютъ всѣ потуги работать. Все это до такой степени заслоняетъ русскаго читателя, что часто, когда пишешь, уже не видишь его предъ собою, надо искусственно вызвать его образъ, сами живые типы не приходятъ толпой. А живые вопросы начинаютъ блекнуть, истощаться отъ бѣлокровія — вотъ почему наши статьи становятся немощными, безталанными, безъ огня, безъ силы... Гдѣ имъ властной мощью

человѣческаго слова всколыхнуть читателя, когда не читатель этотъ стоитъ предъ тобой, а вьется подъ перомъ мысль противника? И въ Россіи получаютъ наши изданія и часто читаютъ ихъ такъ, словно они писаны на чужомъ, мало знакомомъ языкѣ. Темы тѣ самыя, которыя волнуютъ россіянъ, но они и подошли бы къ нимъ съ другого конца, и разработали бы ихъ на другой фактической подкладкѣ. Они понимаютъ только въ чемъ дѣло, но многое, и на самомъ дѣлѣ понятное не дальше, чѣмъ въ редакціонной комнатѣ, — для нихъ чуждо, не несетъ отвѣта на проклятые вопросы, не удовлетворяетъ и въ малой мѣрѣ той страстной жажды, съ которой ожидаются транспорты изъ заграницы. Интеллигентный читатель и для себя то вычитаетъ мало въ нашей литературѣ, а для рабочихъ—если ему нечего приложить своего — онъ не найдетъ ровно ничего снести — ни книжки понятной, ни хорошо развитой идеи, которую онъ смогъ бы и дальше комментировать. Вѣчные крики о необходимости давать рабочимъ теоретическое воспитаніе, знакомить ихъ съ принципами соц.-демократіи — и ничего, почти ничего, чтобы это осуществить на практикѣ! Пойдите къ рабочимъ съ „Тартюфами" — великолѣпное будетъ принципіально-теоретическое воспитаніе ихъ? Если особенно вразумительно разскажете имъ о мольеровскомъ героѣ, то, подумавши какъ слѣдуетъ, вамъ не одинъ десятокъ скажетъ:

— То то мы и думали, что отъ интеллигенціи можно мало ожидать прока для рабочаго движенія! Кто васъ разберетъ—можетъ быть, и вы Тартюфы...

Если надо выдумать средства, чѣмъ разжигать враждебныя чувства рабочихъ къ интеллигенціи, то лучше и не придумать, какъ рекомендовать одной „партіи" полосовать другую! Если надо изобрѣсти лучшее средство, чтобы поменьше доходило къ рабочимъ литературы, то надо рекомендовать жандармамъ пересылать литературу одной фракціи въ комитетъ другой: ужъ было не мало примѣровъ, когда чужую литературу жгли...

Да, пріемы заграничной свары отражаются самымъ гнуснымъ образомъ въ Россіи, Но мы не будемъ говорить сейчасъ объ этомъ. Достаточно указать, что, пойдя по стопамъ заграницы, Тульскій Комитетъ призналъ полемику „Искры" вполнѣ корректной... Еще немного и валъ за валомъ заграничные нравы совсѣмъ перельются на поле дѣйствительной работы и борьбы...

Что же, однако, дѣлать, что дѣлать? По нашему глубокому убѣжденію, выходъ изъ современныхъ ужасовъ можетъ дать только Россія. Она должна требовать иного направленія заграничной дѣятельности — не такъ робко заявлять о необходимости рабочей литературы, какъ это сдѣлалъ Саратовскій Комитетъ, а энергично, властно, на собраніяхъ, протестами. Россія должна взять въ свои руки контроль надъ заграничными органами, она должна постоянно указывать всѣ ихъ недостатки, голосомъ практической

кизни отмѣчать, что требуется сейчасъ, какъ реагируютъ читаели на прочитанное. И это должно быть не лѣнивое слово, а нергичное дѣло. Россія постоянно ждетъ указующаго, направляющаго слова изъ заграницы. Это громадная ошибка. Заграничный исатель слишкомъ отрѣзанъ отъ русской живой жизни — особено, когда ему пришлось лѣтъ 25 прожить заграницей. За рубекомъ можно только служить Россіи, но не руководить ею. Если ы это было какъ слѣдуетъ сознано русскими товарищами, мы идѣли бы, во первыхъ, гораздо большую ихъ иниціативу внутри оссіи, и во вторыхъ, они взяли бы *на себя* руководство *зараницей,* а не ждали бы *для себя* руководства *изъ заграницы.* олько въ этомъ случаѣ создастся литература нужная Россіи, будутъ воспитываться хорошіе работники изъ молодежи. станетъ естись серьозная, принципіальная полемика съ нашими идейныи противниками и въ очень многихъ дѣлахъ товарищами. Исезнутъ дрязги, политическія сплетни — самыя худшія въ мірѣ плетни — не будутъ заражать собою воздухъ, не будетъ собачьхъ отношеній между товарищами, революціонное дѣло не будетъ бливаться помоями и втаптываться въ грязь — жить можно будетъ и работать для русской революціи. Многихъ силъ она треуетъ, тяжкій трудъ ей нуженъ, но за то насъ ждутъ и великія обѣды!

Л. Надеждинъ.

P. S. Не имѣя возможности передѣлать „Возрожденіе“ больше, ѣмъ это мы дѣлаемъ сейчасъ, мы отпечатанные листы „Кануна еволюціи“ (№№ 2-3) уничтожаемъ и идеи, вложенныя въ нихъ, роведемъ въ другой формѣ. *Считая полемику необходимымъ факоромъ революціонной жизни,* ибо только она въ состояніи выясить серьозныя принципіальныя разногласія между соц.-демокраами и соц.-революціонерами, — мы постараемся вести ее такъ, тобы читатель выносилъ изъ нея твердыя убѣжденія, а не красое и ядовитое словцо, которое по нынѣшнимъ обстоятельствамъ олько чадитъ и вредитъ всякому дѣлу... „Смѣхъ — великій реолюціонеръ“ — но тогда, когда сама жизнь отвѣчаетъ на него еволюціей, а не цюрихско-тульскими скандалами...

ИЗДАНІЯ

РЕВОЛЮЦІОННО-СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

СВОБОДА

1) Свобода, журналъ для рабочихъ № 1-й.

2) Свобода, журналъ для рабочихъ № 2-й.

3) Отклики, газета-журналъ № 1-й.

4) Приложеніе къ № 1 Откликовъ.

5) Евреи ли наши враги? (отд. отт. изъ № 2 Свободы).

6) Рабочіе и интеллигенція, (отд. отт. изъ Приложенія къ Откликамъ № 1-й).

7) Изъ современной жизни, (Тихорѣцкій погромъ и Отъ розги къ желтому билету).

8) Возрожденіе революціонизма въ Россіи, брош.

9) Канунъ революціи, № 1-й.

10) Положеніе вынуждаетъ? брош.

11) Царское самовластіе въ Россіи, (изъ № 1 Свободы).

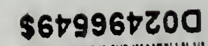
12) О либерализмѣ вообще и о дебютахъ гг. Струве въ частности, (отд. отт. изъ 2 изд. Возрожденія.

13) Русское простофильство и европейское менторство, (тоже).

14) Уголовные и политическіе преступники, (изъ № 1-го Свободы).

Цѣна 2 франка.

Duke University Libraries
D02496549$


D02496549$

Duke Library Service Center